4.50 — 598

2 50 / 598

37

ВНЕШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

60

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

— ПОД РЕДАКЦИЕЙ —
ПРОФ. Г. Г. ТУМИМА

Культурно-Просветительное
Кооперативное Товарищество
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ"
ЛЕНИНГРАД 1924

А. Лео

1-ii a

250 — 598

374(052)

ВНЕШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. Г. Г. ТУМИМА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
49051/8°

79

КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ"
ПЕТРОГРАД — 1924

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
25566.64

Петрооблит № 11250. Зак. № 795. Тираж 3.000.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

Прежде и теперь.

(„Внешкольное образование“ и „Политпросветработа“).

Какое содержание следует вложить в эти два понятия в их исторической оценке? Достаточно ли ограничиться сравнительно-критическим обзором существовавших и существующих мероприятий в пределах известных нам систем, или же необходимо иметь в виду всю действительную совокупность факторов общественно-политического воздействия на массы?

Безусловно правилен последний путь. Однако многообразие материала, его неразработанность, неустойчивость и постоянная смена воздействующих факторов делают этот путь и трудным и даже скользким. Но он все же единственный. И наоборот: обследование вопроса в рамках только какой-либо официально-признанной системы может повести к суживанию проблемы, к ее затемнению.

I.

До революции не было и не могло быть единой теоретически-обоснованной и общепризнанной системы внешкольного образования: этому мешали распыленность, неорганизованность и противоречивость самодержавно-буржуазного строя, вносившие в дело просвещения хаос и анархию. Центральная полицейско-бюрократическая власть, земство, городское управление, кооперация, частная и общественная филантропия—все они стремились к влиянию на массы, у всех была своя система воздействия на них. В свою очередь, внутри каждой из общественных организаций шла та же непрерывная борьба за влияние соответственно той или иной социальной группировке. Так называемые передовые земства пытались создать единую всероссийскую земскую систему внешкольного образования; об этом очень много говорилось на общеземских съездах и совещаниях, но мы знаем, что все эти попытки не имели реального осуществления. Нельзя же было, в самом деле, курское земство заставить следовать по стопам вятского или уфимского земства!..

В последние годы перед революцией с развитием и ростом кооперации мы являемся свидетелями борьбы между нею и земством за то же влияние на массы. Свое право на моно-

полию во внешкольном образовании земство доказывало тем, что оно было всесословной организацией местного самоуправления; кооперация противопоставляла положение, что она и только она выражает действительные нужды и культурно-просветительные запросы крестьянских масс.

Но во всей этой борьбе за влияние было одно общее, это то, что и земство, и кооперация, и городское управление, и филантроп—все они действовали и могли действовать только в законных, легальных рамках. Центральная власть, по-своему понимавшая задачи „просвещения" народа, зорко следила за деятельностью общественных организаций и частных лиц и сурово прерывала всякую попытку свернуть влево. Создавалась своеобразная система либерального культуртрегерства, работы по линии наименьшего сопротивления.

В пассивном противодействии самодержавно-бюрократическому режиму возникла идея „аполитичности" внешкольных мероприятий. И эта идея настолько укоренилась в умах и теоретиков и практиков внешкольного дела, что отголоски „аполитичности" переходят за грань октябрьской революции и докатываются даже до I Всероссийского Съезда по внешкольному образованию. Разумеется, фактически—эта аполитичность была самообманом, ибо даже самое пассивное противодействие либеральных земцев являлось уже своего рода политикой; но центр тяжести коренился не в этой „политике", а в доподлинной политике самодержавия. Идеологией господствующих классов были проникнуты книги, учебники, учебные программы, народные пьесы, школьные инструкции, всевозможные законоположения и правила о народных чтениях, библиотеках, воскресных школах и т. д. и т. д. Государство формально как будто не принимает никакого участия в организации внешкольного образования, на самом же деле своей политикой оно пронизывает всю культуру страны. Чтобы оказать действительное противодействие ему, нужны были иные меры, иные средства. Но они уже выходили из пределов легальности, рождаясь в подполье.

Теория отражает в себе жизнь. И если дореволюционная практика не могла создать единой государственной системы внешкольного образования, то трудно было ожидать теории, охватывающей всю сумму общественно - политического воспитания. В лучшем случае теория, если она только рассчитывала на практическое применение, могла выражать потребности и интересы той или иной социальной группировки или общественной организации, и притом в пределах легальных возможностей. Так оно и было на самом деле.

Как общественно-организующая сила, земство в области внешкольного образования занимало первое место. За ним

числился пятидесятилетний стаж, были навыки, был опыт; политически бессильное и бесцветное, ограниченное в средствах, разнородное в своем социальном составе, оно, тем не менее, на общем фоне самодержавного строя проделало за 50 лет довольно крупную работу в деле народного образования и оно же первое сделало попытку выработать сети разнообразных внешкольных мероприятий. Поэтому-то теоретики внешкольного образования обращали свои взоры прежде всего на земства и здесь, в пределах земской легальной деятельности, стремились найти применение своим идеям.

В нашу задачу не входит подробный разбор тех или иных взглядов на внешкольное образование, которые мы встречаем у теоретиков - практиков дореволюционного периода. Для иллюстрации сказанного достаточно остановиться на положениях всем известного внешкольника Е. Н. Медынского.

В своем „Внешкольном образовании“ [1]) Е. Н. Медынский определяет его, как „гармоническое развитие человеческой личности в умственном, нравственном, эстетическом и физическом отношениях“. Практическое же выявление этого понятия ему рисуется в таком виде: библиотеки, лекции, народный университет, народные чтения, воскресные школы, курсы для взрослых и музеи являются формами, содействующими умственному развитию личности; театр, концерты, певческие праздники, картинные галлереи имеют в виду художественное развитие; спорт является средством развития физического.

Но ведь это и есть тот идеал, к которому наиболее передовые земства стремились в своей культурно-просветительной деятельности!... Другой вопрос—поскольку перечисленными мероприятиями действительно достигалось „всестороннее гармоническое развитие личности“. Впрочем, всякое общее определение еще ни к чему не обязывает, и в него можно вложить любое конкретное содержание.

Любопытно, что и Е. Н. Медынский позднее, при изменившихся обстоятельствах, делает очень важные дополнения и разъяснения к этому общему понятию.

В № 1 „Коммунистического Просвещения“ (вышедшего в 1921 г. в г. Екатеринбурге) он отмечает, что „гармоническое развитие“ в указанных отношениях служит выражением лишь общих, вечных задач внешкольного образования. „В каждой же отдельной стране, в каждый исторический период на фоне этих общих задач и как дальнейшее развитие их возникают уже частные, свойственные данному времени и стране особенные задачи“. Такими задачами для нашего времени, по мнению Е. Н. Медынского, являются:

---

[1]) „Внешкольное образование, его значение, организация и техника“.

1) ликвидация безграмотности; 2) развитие творческих сил отдельных личностей из среды трудового населения; 3) распространение социалистической культуры; 4) развитие трудящихся масс в художественном отношении; 5) содействие развитию производительных сил.

Еще позднее, в только-что вышедшей „Энциклопедии внешкольного образования“ (Москва, Госизд. 1923, т. I), Е. Н. Медынский существенно дополняет и общее определение: „внешкольное образование—это всестороннее гармоническое развитие личности или человеческого коллектива в умственном, нравственно-социальном, эстетическом и физическом отношениях“ (разрядкой отмечаем новые дополнения).

Эти дополнения и разъяснения лишний раз доказывают, что „сознание определяется бытием“, и что теория опирается на практику, на жизнь. Мы не разделяем мнения Е. Н. Медынского, что „распространение социалистической культуры“ есть частная задача на фоне вечных задач; социалистическая культура и предполагает, с нашей точки зрения, всестороннее гармоническое развитие личности. Но это между прочим. Здесь же мы хотели, главным образом, указать, насколько теория всегда применяется к жизни, являясь выражением идей господствующего класса, той или иной общественной группировки. В задачу земства не входило „распространение социалистической культуры“; однако было бы ошибочно утверждать, что в царский период внешкольное образование не знало этой задачи: революционная нелегальная (а в 1905 г. и легальная) печать, митинги, маевки, подпольные собрания, массовки—определенно преследовали именно эту цель.

Это обстоятельство особенно необходимо иметь в виду при исторической оценке политико-общественного просвещения масс в дореволюционный период.

В многочисленных работах по вопросам внешкольного образования мы обычно встречаемся с оценкой его с точки зрения земской или кооперативной, или как выявления частной инициативы. Где-то в стороне остается громадное влияние государства, церкви, революционных вспышек и действий. Можно ли поэтому в такой плоскости производить сравнительно-исторический учет общественно-политических факторов воздействия на массы в эпоху самодержавия с политпросвет-работой в советском государстве, берущем на себя задачу охватить полностью всю совокупность воздействующих факторов?

Ответ может быть один—нельзя. Необходимо и для дореволюционного периода взять всю совокупность факторов. Но в таком случае термин „внешкольное образование“

оказывается и неудачным и неправильным. Эта неудачность названия чувствовалась и в отношении земской схемы (см. Медынского, Звягинцева, Сероплко и др.), и потому его старались исправить, дополнить („внешкольное воспитание", „внешкольное просвещение"). Образование предполагает организованное учреждение, мероприятие, организованное воздействие, учобу. Между тем при самодержавном строе нередко имело громадное значение и влияние—воздействие, непосредственно не организованное, хотя по существу тесно связанное со всем государственным строем. Таково влияние церковной проповеди, черносотенной или буржуазной печати. Все это необходимо учесть. И мы полагаем, что было бы правильнее всю совокупность воздействующих факторов назвать „общественно-политическим просвещением". В сущности это и есть „политпросветработа", хотя и с совершенно иным содержанием. Термин „общественно-политическое просвещение" гораздо шире и включает в себя образование, воспитание, внешкольную работу вне школы и внутри самой школы, поскольку это касается таких мероприятий, как библиотека, читальня, музей, экскурсия. Ведь и относительно школы воображали, что она может быть „аполитичной", тогда как она, подобно библиотеке, всегда была лишь орудием в руках господствующего класса.

Итак, на земское (или кооперативное) внешкольное образование дореволюционного периода мы можем смотреть лишь как на одно из слагаемых всей суммы „общественно-политического" воздействия на массы. Какие же прочие слагаемые?

В „Практике внешкольного образования в России" (М., Госизд. 1922, 2-е изд.) В. А. Зеленко, разрешая проблему с марксистской точки зрения, дает следующую схему внешкольной практики до 1917 года: 1) филантропическое внешкольное образование; 2) земско-городское; 3) полицейско-бюрократическое; 4) кооперативное; 5) промышленно-капиталистическое и 6) революционно-пролетарское. Насколько нам известно, это первая наиболее удачная схема, охватывающая действительно всю сумму воздействующих факторов.

Филантропия или частная инициатива несомненно имела крупное значение в деле внешкольного образования до 1917 года. Московский и Петербургский Комитеты грамотности, Общества грамотности в Харькове, Киеве, Н.-Новгороде, аналогичные им организации в ряде других городов вели культурно-просветительную работу на протяжении десятков лет. Обществами грамотности открывались библиотеки-читальни, воскресные школы, устраивались учительские курсы и т. п. Харьковское Общество грамотности, возникшее в 1869 г., к 1906 г. имело 427 библиотек-читален; Москов-

ский и Петербургский Комитеты грамотности, помимо общей внешкольной работы, довольно широко развили издательскую деятельность; так, Петербургским Комитетом за 1861—1895 гг. было разослано 1.272.951 книг и издано (с 1880 года) 1.947.600 книг.

1905 и 1906 гг. дали еще больший толчок развитию просветительных обществ. В 1906 г. возникают С.-Петербургское и Московское Общества народных университетов, такие же Общества появляются в ряде других городов—Астрахани, Баку, Варшаве, Воронеже, Казани, Киеве, Пскове, Ростове, Самаре, Саратове, Смоленске, Твери, Тифлисе, Уфе и др. В 1908 г. в Петербурге созывается I Всеросс. Съезд Обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы [1]).

На ряду с культурно-просветительными обществами проявляют такую же деятельность и отдельные частные лица; назовем наиболее известных из них: Ф. Ф. Павленкова, издавшего сотни книг научно-популярной литературы и положившего начало насаждению народных библиотек в России: на его средства было учреждено до 2 тысяч этих небольших библиотечек; С. В. Панину, основавшую в Петербурге Лиговский народный дом, развившийся в довольно крупный просветительный центр рабочих кварталов; Х. Д. Алчевскую, создавшую в Харькове воскресную школу.

Деятельность перечисленных Обществ и лиц носила явно выраженный благотворительный характер. Широкие слои населения, в интересах которых эти Общества возникают, не принимают участия в этих Обществах; членами их состояли обычно филантропически настроенные интеллигенты, желающие отдать часть своего свободного времени, сил и средств на просвещение низших слоев населения... В Обществах этого типа, таким образом, проводится грань между дающими и получающими... Организаторами же и руководителями просветительной работы в подобном Обществе являются не специалисты-внешкольники, а дилетанты [2]).

Эту характеристику мы находим у Е. Н. Медынского. Еще полнее освещает действительную социальную природу филантропических учреждений В. И. Чарнолуский („Основные вопросы организации внешкольного образования в России"), констатирующий, что „в кружках благотворителей развивалось преувеличенное представление о своих заслугах, о пра-

---

[1]) Как эти, так и последующие цифровые данные взяты преимущественно из трудов Е. Н. Медынского: „Внешкольное образование", „Энциклопедия внешкольного образования" и др., а также из книги В. А. Зеленко „Практика внешкольного образования в России".

[2]) Е. Н. Медынский. „Энцикл. внешк. образ.", I, стр.

вах на общественный авторитет, на разрешение общественных вопросов". При всем таком „представлении о своих заслугах" приходилось, в силу объективных условий, постоянно итти на компромиссы, уклоняться в эклектизм, выявлять принципиальную неустойчивость, ограничиваться паллиативными мероприятиями [1]).

Были отдельные случаи противодействия этому благонамеренному культуртрегерству в стенах самого филантропического учреждения, когда немногие руководители в школьной или библиотечной работе толкали к иным мыслям и иным идеям, подчас увлекая своих слушателей или читателей к революционно-подпольной деятельности; но это были исключения, подтверждающие лишь общее правило. „Недреманное око" достаточно зорко следило за культурнической работой интеллигенции и, конечно, не могло допустить, чтобы стены легально-благонамеренного учреждения приспособлялись для нелегальных целей.

Какую роль в деле развития внешкольного образования следует приписать земству? Обычно эту роль преувеличивают и иногда готовы считать ее исключительной. Такая оценка имеет некоторые видимые основания. Как бы ни были урезаны права земства, оно все же являлось органом местного управления; будучи сословным и состоя, особенно в помещичьих губерниях, из элементов чуждых и даже враждебных народным массам, оно, тем не менее, не могло не считаться с их запросами и потребностями, не итти навстречу этим запросам хотя бы и путем паллиативных мер. С другой стороны, работа некоторых земств, особенно тех из них, в которые входили представители крестьянства и служилого люда, была проникнута тем умеренным либерализмом, которому отнюдь не чуждо понимание необходимости просвещения масс, сознание того, что грамотный человек больше произведет материальных ценностей и больше их даст. Этот умеренный либерализм иногда переходил даже в „оппозицию его величества", именно тогда, когда в массах не только чувствовалась, но и внешним образом выявлялась ненависть к самодержавному строю. Далее, нельзя не отметить влияния на ход и развитие земского народного образования в целом и внешкольного образования в частности того привходящего „третьего" элемента, который в 70-х годах (речь здесь, конечно, может итти лишь об отдельных лицах) надеялся чрез земские школы для взрослых и библиотеки вести революционную пропаганду в народе, в 80-е и последующие

---

[1]) См. В. А. Зеленко. „Практ. внешк. обр.", стр. 26 и след.

годы был фактическим толкачом более или менее систематического проведения в жизнь умеренно-либеральной культурно-просветительной внешкольной работы. Правительство всегда подозрительно относилось к третьему элементу, но изъять его целиком из употребления и оно не решалось; это был служебный аппарат, без него, без этих земских „спецов“ трудно было представить существование самого земства. Наконец, как бы ни были урезаны права земства, как бы ни была несовершенна структура его, оно все же было постоянной организацией, могло постепенно из года в год,—пусть малыми дозами,—строить и развивать просветительные мероприятия.

Необходимо, однако, отметить и оборотную сторону медали, в значительной степени умаляющую роль русских земств в целом в области внешкольного просвещения. Мы уже указывали на пестроту сословного состава наших земств. Отсюда вытекала количественная и качественная пестрота земских внешкольных учреждений. В некоторых земствах десятки лет существовали библиотеки-читальни, школы для взрослых, музеи, устраивались чтения, выставки и т. п.; в других—маленькими оазисами выглядывали захудалые учреждения какого-либо одного вида. Одни земства обращали сугубое внимание на развитие библиотек-читален, другие—на народные чтения или воскресные школы. Отдельные, наиболее передовые земства дошли до сознания единой внешкольной сети учреждений с объединяющим их центром—„Народным Домом“; большинству других земств была совершенно чужда эта идея.

Различные взгляды на роль, значение и компетенцию губернских и уездных земств в деле внешкольного образования также не могли способствовать созданию единой земской просветительной системы. Одни губернские земства претендовали на исключительное право руководства внешкольной работой в губернском масштабе; другие являлись сторонниками предоставления уездным земствам большей самодеятельности и инициативы; третьи шли дальше, высказываясь за активную роль в работе самого населения. Эти разнообразные течения с особенной яркостью выявились в последние годы самодержавия, когда на земских съездах и совещаниях внешкольному образованию уделялось много времени и внимания; в частности, мнения очень резко расходились в вопросе о принципах, структуре и организации Народных Домов.

Земства имели более или менее постоянные кредиты на дело народного образования, и это был—плюс. Но эти кредиты были настолько незначительны в общем, также небогатом земском бюджете, что плюс в конечном счете превра-

щался в минус. При мизерных средствах земствам представлялся выбор: или обратить их на какую-либо одну отрасль народного просвещения, или малыми частями поделить между тремя основными отраслями — дошкольным воспитанием, школьным и внешкольным образованием. Земства стали на первый путь. Все внимание было обращено на начальную школу, дошкольное воспитание было изъято из земского обихода, на долю внешкольного выпадали крупицы. И такое отношение к внешкольному образованию наблюдается не только в первые десятилетия существования земств, но и в XX веке, вплоть до 1911 г., после которого, в связи с разными объективными причинами, ассигновки на внешкольное образование заметно возрастают. Следующие цифры показывают отношение земских ассигнований на школу и внешкольные учреждения. В 1901 г. на народное образование ассигнуется 16.544.000 р., из них на внешкольное—725.000 р. (4,4%); в 1906 г. из общей суммы в 25.314.000 р.—на внешкольное образование отпускается 1.431.900 р. (5,6%); соответствующие цифры для 1910 г.—42.882.400 р. и 1.596.100 р. (3,7%); для 1911 г.—52.278.000 р. и 1.867.600 р. (3,6%) [1].

Понятно, что при этих условиях нечего было и думать об углублении работы, об удовлетворении не только всех, но даже и насущнейших потребностей населения, о создании образцовых внешкольных учреждений, о привлечении к работе подготовленных, квалифицированных работников. Ярмо „внешкольника“ обычно нес на себе народный учитель или бесплатно („идейная“ работа!), или получая за этот приватный труд 10—30 рублей в год. Но если учитель, обремененный своими непосредственными обязанностями, мог еще с грехом пополам выполнять функции внешкольника, то уж никак нельзя представить, чтобы внешкольная работа под руководством полуграмотных людей могла принести какую-либо пользу населению и заинтересовать его; а таких „руководителей“ в библиотеках и читальнях было столько, что хоть отбавляй.

Наконец,—и это самое существенное обстоятельство,—земство работало в условиях самодержавного строя. Самодержавие вынуждено было учредить земство, но, идя на уступки, оно прекрасно понимало, в каких пределах можно допускать „самоуправление“. Тем более была для него ясна важность того или иного идеологического воздействия на массы. Поэтому-то постоянной и неусыпной заботой его была нормировка просвещенческой работы как земств, так и других организаций. Мы уже говорили, что земства, желая смягчить

[1]) Е. Н. Медынский. „Внешк. образование“, 2-е и д. 1916 г, стр. 77.

назойливую опеку царского правительства, старались придать этой работе культурно-просветительный, аполитичный характер; но мы также говорили, что это была иллюзия. Лучшим доказательством того служит история народных библиотек и народных чтений, история цензуры, издательства и распространения книги. Правила 15 мая 1890 г. о народных библиотеках-читальнях были сплошным издевательством и над трудящимися массами и над теми, которые воображали, что они несут в эти массы истинный светоч знания. Губернатор и архиерей, исправник и поп—вот кто являлись по этим правилам действительными вершителями судеб российского просвещения и народной культуры! Ученый же Комитет при Министерстве Народного Просвещения определял количественные нормы духовной пищи для масс. Учет его кропотливой работы, произведенный еще до революции, показывал, что из всей массы выходивших тогда книг только 10% ему удавалось просмотреть, обсудить, одобрить или осудить. Одобренные публиковались в особом „Списке книг для народных библиотек-читален", и по ним, только по ним, могли комплектоваться эти библиотеки. Правда, Ученому Комитету Министерства Народного Просвещения должны были еще помогать Училищный Совет при Св. Синоде, а позднее и ученые комитеты других ведомств, но от этого суть дела не менялась. Каково должно быть качество одобренных книг, об этом ясно говорит § 11 упомянутых „правил": „Наблюдающие за читальнями и заведующие оными при выборе книг и изданий для читален принимают в соображение как средства читален, так образовательные и воспитательные потребности низших сословий местного городского населения, образ жизни и занятий их, избегая при этом одностороннего подбора книг по известным отраслям знаний, в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания".

Трудно при таких обстоятельствах вывернуться и быть „аполитичным"!

Все же некоторые земства пытались это делать путем издания своих собственных „нормальных" каталогов. Но основным руководством были те же „правила" и единственным источником те же „сборники".

Любопытно, что „Правила 15 мая 1890 г.", названные „временными", были законом в течение 15 лет, пока не смыла их революционная волна 1905 г.

„Правилами" 1905 г. в народные библиотеки уже разрешается приобретать книги и периодические издания, допускаемые в общем порядке в публичные библиотеки и читальни. Однако в 1912 г. новыми правилами министра Кассо аннули-

руются правила 1905 г. и народно-библиотечное дело снова обращается в свое „первобытное состояние“; правила 1915 г. (при министре гр. Игнатьеве) немного улучшили положение пришкольных библиотек.

При таких условиях земско-библиотечное дело с качественной стороны не могло быть поставлено сколько-нибудь сносно. С количественной же стороны оно явилось наиболее распространенной формой земского внешкольного образования.

К 1903 г. земских библиотек насчитывалось до 10.000. В 1910 г., по данным Общеземского Съезда по народному образованию, в 33 губерниях число народных библиотек доходило уже до 12.466 [1]).

Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на цифровых данных, характеризующих деятельность земства в области библиотечного дела и других отраслях внешкольного образования. Цифровой материал читатель может найти в цитируемых мною книгах Е. Н. Медынского и В. А. Зеленко [2]). Наша задача—отметить условия, которые не могли благоприятно отозваться на деятельности земств. Скажем только, что и 12.000 библиотек могли только частично удовлетворить нужду в книге. На основании данных, собранных Е. Н. Медынским, относительно 4.250 библиотек, видно, что в среднем на одну библиотеку в годы 1912—1915 приходилось 6.122 жителя, причем эта средняя очень колеблется (от 58.676 в Ставропольской губ. до 1.972 в Нижегородской).

Показательны и другие данные об этих библиотеках. Так, в среднем на одну библиотеку приходилось 198,2 кв. версты (колебания: 2272 в. в Ставропольской губ., 1604 в. в Олонецкой губ., 50 в.—в Московской губ. и 34 в.—в Бердянском уезде, Таврической губ.). Высший % пользующихся библиотеками на каждые 100 жителей падает на Бердянский уезд (5,2 человека), опускаясь до 0,6% в Киевской губ. И еще: средняя стоимость книг одной библиотеки 236 р. 36 к. и средняя стоимость одной книги—7,1 коп. Это определенно указывает на преобладание в библиотеках дешевой, брошюрочной литературы, той самой, какой были переполнены „Списки одобренных книг“. Вот почему взрослое население мало интересовалось библиотеками; они обслуживали преимущественно детей и подростков (74% всех читателей). А так как в среднем на одну библиотеку приходилось 132 читателя, то можно уже судить, как невелико было посещение библиотек взрослым населением.

Не в лучшем положении обстояло дело с народными чтениями. Устройство их также регламентировалось многочислен-

---

[1]) Е. Н. Медынский. „Энцикл. внешк. образ.“, т. II, 1923 г.
[2]) См. также Б. Веселовский. „История земства за 40 лет“.

ными правилами, законоположениями, разъяснениями, рекомендательными списками. Лектор не имел права выходить за границы одобренной литературы, и „чтецом“ он являлся в буквальном смысле, ибо говорить от себя, делать какие-либо комментарии строго воспрещалось. Народные чтения имели столь же широкое, если не большее распространение в земской практике, но и они привлекали преимущественно молодняк—детей и подростков. Слушать какое-либо „житие“ или поучительный рассказ, нередко изложенные весьма нехудожественно,—не представляло никакого интереса для взрослого человека после тяжелого трудового дня. Ребятишек же главным образом привлекал волшебный фонарь, световыми картинами которого довольно часто сопровождались народные чтения. С 1905—6 гг. повеяло некоторой свободой, и чтения постепенно заменяются живым словом, лекциями—эпизодическими и систематическими. Любопытно отметить, что начало „народным чтениям“ положил петербургский обер-полицеймейстер генерал Трепов, представив в 1871 г. доклад царю, в котором доносил, что лишь путем поднятия в населении нравственности и умственного уровня и путем смягчения грубых нравов возможно достичь уменьшения разгула и пьянства. Корни этих отеческих попечений генерала, в которого стреляла Вера Засулич, лежали, однако, глубже и имели совсем иное содержание. То были годы возникновения и развития в Петербурге и других крупных центрах тайных обществ и революционных организаций, начавших среди рабочих энергичную пропаганду и агитацию против существующего строя. Этой пропаганде правительство и решило противопоставить народные чтения.

Очень скромное место в земской практике внешкольного образования занимает обучение взрослого населения. В 1910 г. в 24 губерниях существовало лишь 297 сельских школ для взрослых, содержимых земством. Воскресные школы, возникшие еще до учреждения последнего, с первых же годов подверглись различным репрессиям со стороны правительства: были устранены из числа преподаваемых предметов география, история, природоведение; на Учебный Комитет при Министерстве Народного Просвещения был возложен выбор учебников для школ, а в 1861 г. они отдаются под надзор Министерства Внутренних Дел, Народного Просвещения и духовного ведомства. Разумеется, подобные репрессии сказывались и на земской работе по обучению взрослых. С другой стороны, организация обучения взрослых требовала крупных издержек, с которыми земский бюджет не мог справиться. Также остались в проектах наиболее передовых земств и попытки повсеместного распространения дополнительных школ, курсов и народных университетов.

Наивысшего подъема земская внешкольная практика достигла лишь в последние годы пред революцией. Библиотечный Съезд и Общеземский Съезд по народному образованию, состоявшиеся в 1911 г., внесли большое оживление в земскую внешкольную работу, углубили вопросы просвещения взрослых, указав вместе с тем на необходимость планомерного и систематического развития внешкольных учреждений и мероприятий. Именно с этого времени начинают вырабатываться сети их, составляться сметы. Появляются и развиваются новые виды и формы внешкольного образования: кинематограф, музей, физический спорт и т. п.; в земской и общей периодической прессе и в отдельных печатных трудах горячо обсуждаются и освещаются разнообразнейшие вопросы этой обширной области народного просвещения. Развитие кооперации и участие ее в культурно-просветительной работе ставят на очередь вопрос о взаимоотношениях этих двух крупных общественных организаций, побуждают земства к пересмотру и перестройке всего прежнего внешкольного багажа...

В то же время в России нарастают важные события. Революционная волна поднимается все выше и выше. В 1914 г. вспыхивает мировая империалистическая война. Появляются новые запросы, потребности, интересы. Растет и ясно определяется классовая рознь, грозят катастрофой классовые противоречия... Слышатся новые слова и новые песни. „Культуртрегерству“ приходит конец. Роль земства в области внешкольного образования заканчивается. Советская власть устанавливает новые принципы и задачи политпросветработы.

Делали ли что-нибудь городские управления в области внешкольного образования? Ответ на этот вопрос должен быть далеко не в пользу их. Даже такие крупные центры, как Петербург и Москва, очень мало сделали в данной области. В провинциальных же городах „отцы города“ обычно выезжали на счет земства: оно являлось главным пайщиком в библиотечном строительстве, в организации школ и народных чтений для взрослых. Купцам-гласным было не до просвещения рабочих и беднейших слоев городского населения, и потому-то на страницах истории внешкольного образования русскому городскому управлению должно быть предоставлено самое маленькое, незначительное место.

И совсем иное место следует дать кооперации, которая за несколько лет смогла стать в своей культурно-просветительной деятельности мощным конкурентом земству. Собственно широкая просветительная деятельность кооперации начинается лишь с 1913 г., когда Всеросс. Кооперативный

Съезд в Киеве признал необходимым для развития кооперативного сознания предварительную внешкольную подготовку, содействие умственному, нравственному и эстетическому развитию народа. Нужно отдать справедливость кооперации: она внесла большое оживление во внешкольное строительство и заставила земство значительно подтянуться в этом деле; еще большая заслуга ее заключается в том, что, преследуя экономические, потребительские и производственные задачи, она стремилась и в культурно-просветительной деятельности исходить из практических и жизненных потребностей населения. Просвещенческий „производственный план" был безусловной новинкой для того времени, а некоторым казался даже ересью. Помимо общих внешкольных мероприятий, кооперативными союзами учреждаются и организуются курсы, лекции, выставки, музеи по специальным вопросам кооперации и экономической жизни. По тому же принципу строится и кооперативный Народный Дом. Это не только центр чисто-просветительной работы, это—центр всей хозяйственной жизни кооперации; здесь, помимо библиотеки-читальни и зала для спектаклей и лекций, мы видим потребительскую лавку, контору и сельскохозяйственный склад.

Кооперация развивает также обширную издательскую деятельность, выпустив в 1916 г. 97 тыс. экземпляров плакатов, 1.259 тыс. листков, 582 тыс. брошюр, 820 тыс. календарей и записных книжек. Это только работа Центросоюза. Интенсивную издательскую деятельность проявили и провинциальные союзы (напр., Нижегородский). В связи с этим идет организация кооперативных книжных складов, складов кинематографов, волшебных фонарей и диапозитивов; театральных библиотек; устройство мастерских по изготовлению декораций, париков и т. п.

Широко начатая культурно-просветительная работа требовала и соответствующего кадра специалистов. Большинство внешкольников работало при земствах. Следовало создать собственный кадр, тем более, что у кооперации были свои задачи. Поэтому-то и в центре и на местах устраиваются курсы для подготовки опытных кооператоров и культурников-инструкторов. Последним предоставлялся участок или район, где они и должны были руководить всей просветительной работой.

Кооперация, сказали мы, явилась серьезным конкурентом земству. Смысл и значение идеи земского самоуправления туго прививались населению. В глазах крестьянской массы земец-либерал, председатель или член земской управы были барином, начальством, требующим податей, выполнения разных земских повинностей. Эта рознь особенно чувствовалась

в помещичьих земствах. Ближе к населению стояли земства с преобладающим в них крестьянским элементом. Но высокий земский избирательный ценз не делал и их близкими и дорогими крестьянским массам. Кооператив же работал в гуще народной. Пусть в нем сидели те же хозяйственные мужички, но он не мог игнорировать повседневных и насущных нужд массы: она была хозяйственной и экономической базой его существования. И с другой стороны—только энергичная пропаганда и агитация в той или другой форме могла способствовать развитию и преуспеянию кооператива. Эта близость к массам и уверенность, что только она, кооперация, подлинно понимает и может выражать запросы и нужды крестьянства, приводили ее к мысли, что не земство, а именно она должна стать культурной руководительницей населения. В отдельных случаях споры о влиянии на массы носили довольно обостренный характер, и трудно сказать, во что они впоследствии вылились бы; революция положила им конец. Мысль о своей исключительной миссии в области народного просвещения не покидала кооперацию и в первые годы революции. Но, ставя себе идеалом мелко-буржуазное благополучие, кооперация не смогла подняться до сознания и понимания задач новой России. И положение ее радикально изменилось. Из руководительницы она превращается в исполнительницу велений тех рабоче-крестьянских масс, монополии на руководство которыми она так добивалась. Вначале она не теряет еще надежд на реванш и победу и пытается крепко держаться за осколки былого своего влияния; в противовес новым веяниям, она продолжает носиться с идеями чистой, аполитичной культурно-просветительной работы, не замечая и не желая понять, что создание нового мира на социалистических основах требует не только грамотности и знания, но и ясного классового самосознания, закаленных и твердых бойцов с остатками старого политического строя и с прежним политическим мировоззрением. Эту задачу взяла, могла взять только рабоче-крестьянская власть, и политпросветработа стала отныне путеводной нитью воспитания и образования трудящихся масс.

И земство и кооперация оставили после себя достаточно богатый статистический и отчетный материал, чтобы на основании его можно было произвести учет их работы и прийти к соответствующим выводам. Иначе обстоит дело с вопросом о политическом воздействии на массы со стороны самодержавной власти, правящих классов и революционных организаций.

Революция получила от самодержавия печальное наследие—почти поголовную безграмотность населения. Исходя из

этого факта, многие историки народного просвещения делали совершенно неправильный вывод, будто бы царское правительство равнодушно относилось и к просвещению и к воспитанию масс. О том и другом оно заботилось и даже очень заботилось, но, разумеется, по-своему. В грамотных людях, быть-может, оно не так еще нуждалось, но в людях преданных и верноподданных было заинтересовано сильно. Направляя все усилия на то, чтобы воспрепятствовать ходу и развитию общества, оно, конечно, должно было позаботиться об идейном укреплении тех устоев, на которых оно стояло—„самодержавия, православия и народности". И в его распоряжении было гораздо больше сил и средств, чем их имели земства и кооперация. Самым могущественным орудием в его руках безусловно была церковь, которая методически—не путем обучения грамоте, а поучением и религиозно-патриотическими беседами—внедряла в головы трудящихся упомянутые идеи, покорность богу, царю и властям, и так внедряла, что нам до сих пор еще приходится расхлебывать результаты этой „просвещенческой" работы. Не довольствуясь устной агитацией, церковь, при материальной поддержке правительства, наводняла страну специфической литературой—листовками, брошюрами и газетами, в коих, на ряду с религиозными поучениями—как „дань богу", велась усиленная пропаганда тех же идей, сопровождаемая проповедью шовинизма и человеконенавистничества. Если подсчитать те суммы, которые правительство тратило на эту работу церкви, если подсчитать те картины, плакаты, поучительные прокламации, какими украшались стены деревенских изб, то станет ясным, что правительство являлось земству отнюдь не меньшим, если не большим конкурентом, чем кооперация. Вместе с тем оно великолепно понимало, что на одной религии нельзя далеко уехать, хотя она и была великой силой для обуздания темных масс. Поэтому оно старалось использовать и другие средства, другие орудия своего могущества. Фактически—и школа и вся печать находились в его руках. Временными правилами, распоряжениями, законоположениями и разъяснениями оно отравляло своим ядом газету, книгу, брошюру, учебник, чтобы в отравленном виде направить их в школы, в народные аудитории, народный театр, в земские и кооперативные библиотеки-читальни. Наконец, оно было не прочь обзавестись и своими собственными „культурно-просветительными учреждениями" в виде попечительств о народной трезвости и народных домов при них. Мы уже упомянули о „просветительной" инициативе генерала Трепова в 1871 г.; в комиссии, специально созданной по его почину, вопрос о народных чтениях был так всесторонне разработан, что, право, было

бы несправедливо отрицать за старым правительством организаторские способности.

Правда, самодержавный колосс оказался очень непрочным, но пред революционным натиском столь же непрочными оказались и прочие силы и власти, вплоть до оппозиции его величества...

Нарождающаяся буржуазия, в постоянном стремлении к прибавочной стоимости, к расширению своих предприятий, нуждалась в квалифицированных рабочих. Торгово-промышленный и финансовый капитал, завоевывая мало-по-малу нашу страну, налагал европейскую печать и на лик отечественной буржуазии. Нарождалась естественная коллизия между нею и устоями самодержавного строя. Буржуазия начала уже поиному понимать задачи просвещения масс, в производительном труде которых она так нуждалась. Идеологически обрабатывая массы чрез периодическую печать, она вместе с тем не забывала и текущих практических своих интересов. Появление в России в годы расцвета промышленности (конец XIX и начало XX века) торгово-промышленных и технических школ, технических вечерних курсов для рабочих и народных университетов в значительной степени обязано карману крупной торгово-промышленной буржуазии.

До сих пор мы говорили об опеке над массами со стороны правящих и привилегированных классов и организаций. Эта опека и идеологическая обработка трудового населения, разумеется, не могла быть безрезультатной. В стране с еще натуральным и недоразвитым товарным хозяйством классовое сознание масс развито слабо, оно не активно и легко поддается влиянию извне. Жизнь течет тихо и монотонно, личные материальные потребности не велики, сильна власть традиций и дедовских обычаев. Нужны исключительные обстоятельства, которые заставили бы море всколыхнуться. Самодержавный строй и крепостное право, казалось, ежедневно и ежечасно давали тысячи поводов для возмущения, но в продолжение столетий народный гнев выливался наружу лишь временами, когда беззакония и гнет власти достигали высших пределов. Потребовался длительный ряд лет, пока отдельные вспышки не превратились наконец в могучее, организованное движение, давшее трудящимся полную победу.

В этой длительной борьбе рабочему классу, как авангарду, особенно тяжко и наглядно приходилось на своей спине испытывать гнет господствующих классов. И в этой же борьбе выкристаллизовывалось его классовое сознание, вырабатывалась способность к организованности, к единству упорных действий до конца, без всяких компромиссов. Для рабо-

чего раньше, чем для крестьянина, стало ясным, что успех дела в значительной степени зависит от культурности бойцов, от точного и ясного понимания ими своих классовых интересов, своей пролетарской революционной идеологии. Отсюда, уже на заре революционного движения, среди рабочих мы наблюдаем неудержимое стремление к знанию, истинному знанию, не сдобренному приказами и распоряжениями правительства. Уже с 80—90 гг. рабочий живет и учится на нелегальной листовке, брошюре и газете. После знаменитой Обуховской „обороны“ 1901 г., когда десятки участников в ней были преданы суду, один из них, рабочий Гаврилов, изобличаемый в разбрасывании прокламаций, ответил судьям: „Смешно говорить о подбрасывании прокламаций... На нашем правительственном заводе прокламация—самая обыкновенная вещь. Прокламация везде, прокламация на стенах, на станках, в жерлах пушек... Прокламации поступают ежедневно, летят десятками каждое утро свежие. Это—наша газета“ [1]).

В промежутки между маевками, демонстрациями и массовыми митингами, которые всегда приносили яркую агитационную речь, рабочий упорно и систематически учится в подпольных кружках. Эта потребность в умственном развитии, между прочим, ярко выразилась в речах рабочих на тайном собрании 1 мая 1891 г. в Петербурге: „Чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других“... „Успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии“... „Только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности каждый должен стараться учить и себя и других“ [2])...

Издания Истпарта и воспоминания старых революционеров дают нам богатейший материал о том интересе, какой рабочие неизменно проявляли к революционной книге и газете.

„Прокламация—наша газета“. После 1905 г. доподлинно „нашей“ рабочей газетой стала и та революционная пресса, какую удавалось, невзирая на репрессии, выпускать партии. „Правда“ (в 1912 г.) в статье „Итоги полугодовой работы“ подсчитала степень участия рабочих в создании своей газеты. За январь—июнь 1912 г. в сборе на издание ее участвовало 504 рабочих группы. Помимо пожертвований, рабочие деятельно участвовали в газете в качестве корреспондентов и поставщиков злободневного материала.

---

[1]) К. Шелавин. „К 1 мая в России“. Петроград, 1923 г.
[2]) Н. Батурин. „Очерк истории с.-демократии в России“. М. 1922.

1905—1906 гг. дали рабочему возможность открытия собственных клубов, кружков и обществ самообразования. Нечего и говорить, что правительство не особенно охотно терпело их. Тем не менее, на 1 января 1907 г. в одном Петербурге насчитывалось 9 рабочих обществ самообразования. Еще робко и не всегда, быть-может, правильно, но в них уже намечались ростки будущей пролетарской культуры; они много способствовали массовому единению рабочих на почве удовлетворения политпросветительных, культурных потребностей, и в этом—их крупное историческое значение.

Ограничиваясь немногими словами о революционном просвещении рабочих масс, скажем, что не только в старой внешкольной литературе этот вопрос совершенно не освещен, но мало места уделяется ему и в наше время. А следовало бы уже этот пробел заполнить.

II.

Какие задачи стояли перед рабоче-крестьянской властью в области внешкольного образования? Могла ли допустить она анархию, распыленность, бессистемность старого времени?

Основная задача советской власти заключается в том, чтобы подготовить почву и на ней вырастить людей для постройки и организации нового бесклассового, коммунистического общества. Но не только подготовить, а и очистить ее от той требухи, которая наслаивалась веками. В наследство от самодержавия мы получили почти всеобщую неграмотность трудящегося населения, а между тем оно-то отныне и должно было вершить судьбы социалистической республики. Следовательно, помимо коммунистического воспитания и перевоспитания масс, пред советской властью с самого же начала стала задача — ликвидировать неграмотность. Изолированно ли должна была выполняться эта задача или в связи и на основе общей цели—переустройства общества на коммунистических началах? Ответ мог быть только один. Ликвидация элементарной неграмотности являлась лишь средством для ликвидации неграмотности политической и коммунистической. Все эти три вида неграмотности следовало ликвидировать одновременно, изыскав для этого новые пути, новые средства и методы. Для осуществления столь грандиозной задачи требовалась единая, сильная воля, единая система. Создание такой единой системы и было первой заботой советской власти. Единой же сильной волей могла быть только сама власть, диктатура пролетариата, поэтому естественно—вся система становилась единой государственной системой.

Враги советской власти, когда дело коснется „диктатуры пролетариата“, особенно любят говорить и кричать о „засилии“. Эти нарекания, естественно, обрушились и на советскую государственную систему народного образования. „Возврат к централизму, бюрократизму, уничтожение частной инициативы и самодеятельности!“ И странно было слышать эти крики из уст тех, которые еще так недавно безропотно, по-рабски переносили „засилие“ царского правительства, обманывая себя и других „малыми делами“.

Следует ли защищаться от этих криков? Советская власть всегда точно и ясно ставит вопросы и так же дает ответы на них. Диктатура пролетариата необходима не ради прекрасных глаз. В каких условиях зародилась и строилась рабоче-крестьянская власть? Глубокая хозяйственная разруха, вызванная прежде всего войной; постоянные попытки свержения власти советов со стороны внешних и внутренних врагов; своеобразный общественно-экономический уклад управляемого пролетариатом государства с его полупатриархальным крестьянским хозяйством, мелким товарным производством, частно-хозяйственным капитализмом и социализмом в то же время—вот те условия, при которых пришлось и приходится строить социалистическую республику. Отбиться от врага, ввести в определенное русло очень сложные и запутанные производственные отношения, защитить пролетариат и беднейшее крестьянство от буржуазии и кулаков, освободить темные массы от вековых предрассудков и традиций, заинтересовать их и побудить к новому строительству—все это может выполнить только твердая воля пролетариата, его диктатура. Буржуазия со своим капиталом еще очень и очень сильна, и кто не знает, как мечтает она о возврате к былым дням и о свержении „ненавистного ига“. А буржуазная идеология? Идеология меньшинства, порабощающая большинство? Не предоставить ли и ей полную свободу попрежнему обрабатывать сознание масс? Как бы ей этого ни хотелось, рабоче-крестьянская власть может лишь ответить: нет; с точки зрения диктатуры пролетариата это было бы нецелесообразно и вредно. Но с той же точки зрения целесообразно и необходимо предоставление самой широкой возможности проявления инициативы и самодеятельности со стороны трудящихся масс.

Ведь на этих принципах—инициативе и самодеятельности трудящихся—и строится советская власть. Поэтому-то ими проникнута вся система внешкольного образования.

Задачи и принципы организации дела внешкольного образования были впервые наиболее детально разработаны I Всероссийским Съездом по внешкольному образованию, состояв-

шимся в мае 1919 г., и в „Положении Съезда“, утвержденном Наркомпросом, статья 6-я гласит: „В основу деятельности советских органов и учреждений по внешкольному образованию полагаются.... всемерная поддержка и содействие свободно проявляемой творческой самодеятельности широких масс населения“.

Откликнулись ли на этот призыв рабочие и трудовое крестьянство? Ответом на это служат тысячи клубов, народных домов, студий, театров и пр. мероприятий, где рабочие и крестьяне выявили и продолжают выявлять свою творческую инициативу, вносить в дело так много нового, здорового и оригинального, о чем до революции можно было только мечтать.

Исходя из основного положения, что Р. С. Ф. С. Р. есть республика трудящихся, I Съезд определяет и дальнейшие принципы внешкольного образования: общедоступность учреждений, их всеобщность, светскость и контроль пролетариата и трудового крестьянства над постановкой дела.

Сама система, как государственная, строится по принципу сетей. Все учреждения делятся на три ступени: первая—на начале всеобщности, для удовлетворения всего населения послешкольного возраста минимумом внешкольного образования; вторая—на началах общедоступности, для удовлетворения более повышенных запросов населения; третья—для удовлетворения уже осознанных и углубленных запросов населения.

Учреждения первой ступени—школа для взрослых, библиотека-читальня и аудитория-чайная—организуются в каждом нормальном школьном районе; учреждения второй ступени (первые три, а также театр и музей) организуются в городах и сельских местностях по одной на район с числом населения примерно в 10 тыс. человек или с радиусом примерно в 8—12 верст; учреждения третьей ступени (помимо входящих в первую и вторую ступень—пролетарские и народные университеты, студии, художественные галлереи, научный кинотеатр и т. п.) образуются в уездном и губернском городе и являются объединяющими центрами по отношению к ячейкам 1 и 2 ступени.

Вместе с тем объединяющим все учреждения центром должен быть Народный Дом. В особой резолюции о „Народных Домах“ Съезд так определяет их задачи и цели: „Они должны быть „домами народа“, имеющими своей основной задачей вовлечение широких трудящихся масс в дело культурного строительства жизни на коммунистических началах. Отвечая потребностям масс в социальном общении и идя созданием общественно-семейных очагов на смену индивидуального до-

машнего хозяйства, Народные Дома способствуют переустройству общего уклада на коммунистических началах. Народные Дома должны строить всю свою внутреннюю работу на самодеятельности пролетариата и трудящегося крестьянства, используя культурное движение среди населения и объединяя собой отдельные культурные ячейки".

Итак, каждая внешкольная ячейка и Народный Дом, как символ единения всей внешкольной работы—должны стать очагами социалистической культуры. „Очаг социалистической культуры"—вот основной и главнейший принцип всех внешкольных учреждений.

И как бы ни были в дальнейшем видоизменяемы характер и организационные формы, этот принцип остается базой всей внешкольной работы.

Но этот принцип и обязывал ко многому. I Всеросс. Съезд по внешкольному образованию всесторонне и правильно подошел к разрешению острых и наболевших вопросов. Но на нем же выяснилось, что традиции прошлого крепко еще живут в головах старых работников, что не изжиты еще старые представления о внешкольном образовании, как области, стоящей где-то далеко от политики, ставящей себе задачи исключительно культурно-просветительные.

Подобные взгляды на „аполитичность" внешкольных учреждений вносили большую путаницу в работы на местах, затемняли истинные задачи момента, делали учреждения маложизненными и не отвечающими потребностям и запросам населения. Здесь, как и во всех областях советского строительства, следовало твердо и безоговорочно определить задачи, цели и практику внешкольной работы.

Библиотека или школа для взрослых, как „очаги" социалистической культуры, не могли ставить своей целью самообразование только для себя или обучение для личных потребностей; они были обязаны охватить всю жизнь полностью, служить ей и быть истолкователями всего многообразия ее явлений и событий. Развитие классового самосознания; понимание сущности, структуры и достижения советской власти; уяснение смысла событий, совершающихся на Западе, и много, много других подобных вопросов—неизбежно соприкасаются с „политикой", неизбежно вовлекают в нее слушателя, читателя, курсанта.

И если для буржуазии, для самодержавного правительства было выгодно скрывать от масс свою классовую политику и прикрываться декларацией прав человека-гражданина,—для советской власти такая двуличность была бы совсем не к лицу. Декларация прав трудящихся, легшая в основу советской конституции, отметала в сторону эксплоатирующие

классы и вместе с тем настойчиво требовала от трудящихся точного уяснения и понимания природы этих классов. „Самое главное,—говорил В. И. Ленин на I Всер. Совещании политпросветов,—это вопрос отношения просвещения к нашей политике, так как просветительную работу нельзя ставить вне политики“.

Таким образом замена названия „внешкольного образования“—„политпросветработой“ вытекала из сущности советской проблемы народного просвещения. Соответственно этому должны были изменить название и свою структуру отделы внешкольного образования. Центральный орган при Наркомпросе преобразовывается в Главполитпросвет, на местах учреждаются губернские и уездные политпросветы.

С учреждением Главполитпросвета начинается новая страница внешкольного просвещения. Задачи его определяются 1 и 2 статьями декрета: 1) для объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы республики и сосредоточения ее на обслуживаниях политического и экономического строительства страны; 2) в соответствии с этой задачей Главполитпросвет в первую очередь организационно объединяет политико-просветительную работу Наркомпроса, Пура, В. Ц. И. К., Главполитпути, В. Ц. С. П. С. и Ц. К. С. М.

А так как, согласно 3 статьи декрета, и все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, должны вести ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета, то тем самым декретировалось единство на всем просвещенческом фронте, отсутствие которого до сего времени безусловно отрицательно сказывалось на ходе всей работы.

Установление единого организационного плана работы являлось одной положительной стороной декрета. Но главное значение Главполитпросвета мы должны усматривать именно в той новой политике, какую он повел, с момента своего возникновения, в области внешкольного образования.

Состоявшиеся в 1920 и 1921 гг. всероссийские съезды политпросветов уже показали, как за эти годы далеко вперед шагнули работники на местах в понимании текущих задач. На первый план выдвигается не чисто-культурно-просветительная деятельность, а производственная пропаганда и агитация, как практическое осуществление основной задачи Главполитпросвета — „обслуживания политического и экономического строительства страны“.

Сущность этого, столь характерного для советского строительства лозунга—„производственная пропаганда и агитация“—наиболее выпукло выявлена в „тезисах“ Главполитпросвета,

в обращении секретаря В. Ц. С. П. С. ко всем профсоюзным организациям и завкомам и в Положении о производственной агитации и пропаганде, выработанном В. Ц. С. П. С.

Предлагая читателю непосредственно обратиться к этим чрезвычайно важным документам, раскрывающим сущность, задачи, план и организацию всей намеченной политпросветработы, ограничимся здесь одним тезисом Главполитпросвета о содержании этой работы:

„Под производственной пропагандой нельзя понимать только пропаганду трудовой дисциплины и необходимости большого напряжения труда, как думают некоторые. Производственная пропаганда гораздо шире... Она имеет целью поднять в массах сознательность к труду, превратить их в активных преобразователей хозяйственной жизни. Цель производственной пропаганды заключается в том, чтобы воспитать в массах понимание того, что такое народное хозяйство в социалистической стране, понимание органической связи между отдельными частями этого народного хозяйства, ясное представление о роли данной отрасли производства в общем хозяйстве страны, о роли данного предприятия в данной отрасли производства, данной мастерской в предприятии. Далее, необходимо воспитывать ясное понимание способов повышения производительности труда, трудовой дисциплины, организации трудовых масс (простого и сложного сотрудничества), повышения квалификации, рационализации труда (тэйлоризации), повышения технического уровня предприятия и т. д. Эта пропаганда должна вестись не только устным и печатным словом, но и всякими другими способами— при помощи искусств, показательным путем, путем примера и т. д.“.

Брошенные Главполитпросветом и В. Ц. С. П. С. лозунги были подхвачены местами, и 1920—21 гг. дают нам богатый материал произведенной ими работы в этом направлении.

Намеченная система нашла себе наилучшее отражение в деятельности клубов. Клуб, как и народный дом, становится центром всей политпросветработы. Достаточно взглянуть в нормальный устав районного или местного клуба, чтобы увидеть, что задачи и цели его являются дальнейшим развитием и практическим приложением только-что изложенных тезисов Главполитпросвета.

Какими же средствами и мерами должна осуществляться эта производственная агитация и пропаганда?

В самом этом понятии намечаются пути политического воздействия на массы и их самодеятельности. Устав клуба намечает конкретные формы этих двух основных видов воздействия. Он должен, во-первых, вести массовую работу,

организуя: а) чтения, дискуссии, беседы по самым разнообразным вопросам политики, быта, хозяйства, производства и науки; б) спектакли, концерты, вечера; в) митинги; г) лекции; д) живую газету; е) суды—политические, литературные, производственные и т. д.; ж) разного рода экскурсии и з) выставки.

Вторая работа, столь же важная, работа углубленная (кружковая и студийная), должна вылиться в организации кружков производственной пропаганды и изобретений, общественно-исторических наук, по изучению программы Р. К. П., по улучшению быта и условий труда рабочих, кружков естественнонаучных и т. п.

Это схема работы клуба, как очага социалистической культуры, объединяющего и направляющего деятельность других социалистических очагов. Каждый из них выполняет ту или другую часть этой схемы. Но, взятые в отдельности или работая вне стен клуба, эти очаги могут взять на себя выполнение если не всей схемы целиком, то большей ее части. Это, в частности, касается рабоче-крестьянской библиотеки.

В Советской России она должна была сразу же изменить свой лик, если не хотела оставаться попрежнему в стороне от интересов и запросов населения. И прежде всего, в погоне за влиянием, она необходимо должна была обратить внимание именно на массовую работу и среди тех, коим еще не доступна была книга—безграмотных и малограмотных. Таким образом библиотечная методика строится не столько на организации и удовлетворении кружковой работы по самообразованию, сколько на привлечении масс путем агитационных средств: чрез чтение, беседы, живую, устную газету, инсценировки, литературные вечера и т. п. Отсюда естественное широкое распространение изб-читален—этих своеобразных деревенских клубов, успевших за немногие годы выполнить крупную политпросветительную роль.

Еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, неразрывно связанное со всей структурой рабоче-крестьянской власти, следует отметить здесь. Это—выявление инициативы и самодеятельности самого населения во всей политпросветработе. „Коллективное действо“ является основной, характерной чертой ее; „действо“ в спектаклях, инсценировках, судах, живых газетах, в декламации... Это начало и прообраз будущего великого коллектива, биение единого пульса единой трудящейся семьи.

Как осуществлялись намеченные планы в эти тяжелые годы, когда социалистическую республику пытались свалить с ног внешние и внутренние враги, хозяйственная разруха, вызванная войной, и голод 1921 г.? Разумеется, эти условия были

весьма неблагоприятны для проведения в жизнь программы в целом. Учитывать следует и то, что новая работа требовала массы работников и притом значительно высшей квалификации, чем таковые имелись налицо. Приходилось действовать на два фронта: по мере возможности удовлетворять запросы и требования населения и одновременно подготовлять работников. Количество перегоняло качество. Но совершенно прав Е. Н. Медынский, когда говорит: „Громадная задача—изменить всю постановку просветительной работы сразу в трех направлениях: в отношении количественного роста, содержания работы и методов работы—менее всего могла быть выполнена за такой короткий срок в наиболее сложной своей части—методической. Это дело ближайшего будущего.

„В этом количественном устремлении сказалась жажда—потребность страны иметь громадное количество просветительных учреждений всех типов и усилие государства насытить ими страну... Не только увеличилось в несколько раз число просветительных учреждений, но они стали гораздо разнообразнее, проникли в самые глухие губернии“ [1]).

И тут же приводятся цифры.

На 1-е октября 1921 г. по данным текущей статистики Наркомпроса числилось: а) по 41 губ. Европейской России, б) 6 автономным областям и в) 7 губерниям Сибири:

1. Изб-читален	а) 33012	б) 1917	в) 3789
2. Пунктов ликвидации безграмотности и школ грамоты для взрослых	38186	1977	997
3. Постоянных библиотек	13250	799	2076
4. Передвижных библиотек	5970	186	—
5. Музык. и драмат. кружков.	6459	131	18(?)
6. Общеобраз. школ и курсов для взрослых	4509	1272	?
7. Клубов для взрослых и подростков	3319	101	296
8. Народных домов	3132	297	543
9. Театров	1892	84	83
10. Оркестров и хоров	1131	32	?
11. Кино	716	13	60
12. Музеев	474	15	?

Само собой понятно, что при „жажде-потребности“ многое строилось наспех, без экономии в средствах и в силах, не по плану, без определенной перспективы. Но мы, работавшие тогда на местах, могли ли устоять пред стихийным порывом рабочих и крестьянства? И можно ли было создавать планы

[1]) Е. Н. Медынский. „Внешкольное образование в Р. С. Ф. С. Р.“ Изд. „Кр. Новь“. М. 1923 г., стр. 7—8.

на длительное время, когда каждый день приносил новые события, к которым необходимо было приспособлять всю работу и прежде всего работу агитационную?

Новая экономическая политика и голод 1921 г. также, разумеется, внесли некоторое расстройство в начавшую налаживаться политпросветработу.

„Пред государством встала необходимость сократить свои расходы до вынужденного минимума, необходимость вести все дела по определенному плану, на основе если не хозяйственного, то строго-делового рассчета; это вызвало острый кризис в деле народного образования вообще и политпросветработы в частности: политпросвет-учреждения смахивались, как карточные домики.

„Исполкомы, под давлением центра, сокращая расходы, шли часто по линии наименьшего сопротивления: давали директиву о сокращении всех бездоходных политпросвет-учреждений... Другие исполкомы предъявляли к политпросветам требования сделать библиотеки, клубы (иногда даже школы) чуть ли не доходными предприятиями, приравнивая, таким образом, учреждения политпросветительные к торгово-промышленным“ [1]).

С другой стороны, под влиянием тех же обстоятельств начал развиваться сепаратизм в политпросветработе среди учреждений и органов, в той или иной степени прикасающихся к ней. При длительной затяжке этого фактора внешкольной культуре был бы нанесен непоправимый вред, а потому Главполитпросветом и Р. К. П. были приняты все меры к тому, чтобы в корне ликвидировать это зло.

Но тяжелый период теперь уже прошел. И как бы новая экономическая политика ни отозвалась отрицательно на количественном росте политпросветительных учреждений и мероприятий, она несла за собой и положительные стороны. Быстрый темп жизни первого периода Октябрьской революции—периода военной диктатуры, когда агитация, быстрота и натиск в работе имели исключительно важное значение—теперь сменяется новым периодом, периодом качественного улучшения работы, ее углублением. Гибнут карликовые учреждения, кончается кустарничество, происходит естественный отбор всего лучшего, что следовало оставить и сохранить. И стоит ли жалеть о том, что вместо десятка разрозненных, расточающих силы в ненужной конкуренции между собою, однотипных учреждений, напр., клубов и библиотек, рассеянных раньше по всем уголкам какого-либо провинциального

[1]) „Политико-просвет. работа в условиях „НЭП'а“ (итоги и перспективы). Изд. Главполитпр. М. 1922, стр. 5—6.

города, теперь появляются мощные организации, становясь очагами подлинной социалистической культуры.

Наше время тем и прекрасно, что мы не удовлетворяемся раз навсегда установленными формами. Каждый день нам несет все новое и новое, и каждый день мы слышим о все больших и больших достижениях в неизмеримой области политического и коммунистического воспитания масс. И если X Съезд Советов и XII Съезд партии твердо сказали свое слово об укреплении фронта просвещения, это слово в ближайшее же время будет претворено в жизнь.

А. Е. Плотников.

Основные методы и техника внешкольного образования.

Период кустарничества в области внешкольного образования закончился задолго до революции. Инициатива и творчество отдельных лиц и интимных кружков сменились методической и плановой работой больших общественных коллективов, а потом и государственных органов.

На смену розовой юности, при малых делах своих проникнутой возвышенными настроениями, явилась более трезвая, рассудочная зрелость с ее житейскими рассчетами и выкладками. Культурно-просветительная деятельность из идиллической атмосферы, пропитанной сентиментально-филантропическим духом, перешла в обстановку делового общественно-государственного строительства. На место абстрактности, случайности и распыленности явилась тенденция теоретически и практически обосновать культурно-просветительное дело, объединить его разрозненные начинания, подвести под них принципиальную основу, превратив случайное многообразие в цельную систему, соответствующую условиям и требованиям общества и государства в данный исторический момент.

Процесс этой эволюции культурно-просветительного дела, растянувшийся на протяжении десятков лет, не завершился полностью и в наши дни. О системе внешкольного образования, покоющейся на прочных основаниях, обнимающей устойчивые формы и практикующей определенные методы, можно говорить лишь условно, хотя в наличности имеется большой накопленный опыт и более или менее правильно нащупаны основные линии развития внешкольной просветительной системы и основные элементы внешкольной методики.

Больше того, отдельные виды просветительной работы уже вышли из стадии искания общих методов и располагают детально разработанной техникой, соответствующей задачам и природе данной отрасли внешкольного образования. В отношении просветительной системы, взятой в целом, мы все еще дальше скромных попыток проложить основные вехи для построения общей внешкольной методики не ушли.

Такое положение вызвано различными обстоятельствами. В условиях старого, дореволюционного порядка культурно-просветительное движение слишком далеко расходилось с основными тенденциями тогдашней государственности, вследствие чего нормальное развитие внешкольного просветительного дела неизменно встречало на своем пути бесконечные барьеры и заграждения. Не могла способствовать процессу установления единообразной системы и выработке ее основных методов и совершенная за последние годы революция в области внешкольного образования, хотя в данном случае мы и имеем дело с отчетливо формулированными принципами и с большой многообразной практикой, сведенной в одну цельную систему.

Изыскивая пути для построения методологической системы, мы не можем класть в основу такой системы специфические приемы, соответствующие условиям исключительной исторической обстановки, хотя бы они оказывались не только актуально ценными, но таили бы в себе зародыши нарождающейся, жизнеспособной формации. Давая такую квалификацию современной практике внешкольного образования, мы отнюдь не склонны противопоставлять ей систему, чуждую интересам реальной жизни. На всем протяжении истории развития просветительного движения мы неизменно встречаемся с процессом формирования вокруг этого движения целого ряда общественных группировок с ясно выраженными антагонистическими тенденциями. В зависимости от общего направления общественной мысли менялась просветительная практика—и в отношении культивирования тех или иных форм внешкольного образования, и в смысле применения соответствующих методов просветительной работы. Своеобразный оттенок этой работе придавала каждая данная общественная организация, которая подходила к строительству внешкольного просветительного дела.

В этом отношении вполне законным является принятое во внешкольной литературе деление всей истории развития культурно-просветительного движения в России на ряд более или менее ясно выраженных периодов. Это своего рода эпохи в истории внешкольного образования. И цели просветительства, и методы, и конкретные формы его существенно меняются в зависимости от перехода от одной стадии этого движения к последующей.

Эпоха сентиментального „культурничества“, соответствующая ранней стадии развития нашей общественности, сменяется длительным периодом формирования общественных просветительных организаций, складывающихся по признаку определенных общественных идеологий. Частная и общественная

филантропия в просветительном деле, еще чуждая широких общественных и государственных задач, постепенно сменяется более широкой общественной точкой зрения. Под просветительное дело подводится хозяйственно-экономический базис, а земство объявляет внешкольное образование существенной отраслью своего хозяйства. Одновременно с этим начинается процесс объединения и систематизации разрозненных просветительных начинаний. Просветительное движение в значительной степени окрашивается в цвет развивающейся идеологии либерально-прогрессивного общества.

Развитие кооперативного движения выдвигает нового серьезного претендента на культурное строительство. Опирающиеся на крестьянские массы демократические кооперативные организации не могут мириться с либерально-буржуазными тенденциями наших муниципалитетов. Они предъявляют свои права на культурное просветительство, оспаривая свой приоритет пред земством. Общественное начало в просветительном деле получает свое дальнейшее развитие в соответствии с идеологией формирующихся новых общественных групп. Значительно расширяется также и экономический базис культурно-просветительного движения при широкой демократизации всей просветительной системы кооперативных объединений.

В связи с развитием рабочего движения и с выступлением на арену общественной борьбы профессиональных и политических организаций пролетариата, культурно-просветительное дело подпадает в значительной своей части под воздействие новой общественной идеологии. Социальная проблема рабочего класса становится основным фоном, на котором развивается пролетарская система просвещения. Внешкольное образование отныне призвано не только содействовать повышению культурного уровня народных масс, но ему ставятся задачи способствовать также развитию классового самосознания пролетариата и организации масс вокруг определенных социально-политических лозунгов. Эта последняя задача становится сугубо актуальной в условиях настоящей революции, когда история поставила русский пролетариат в положение господствующего класса, призванного на развалинах старой государственности, в обстановке исключительной хозяйственной разрухи и суровой гражданской войны, осуществлять строительство новых форм социального бытия.

В указанный период внешкольное образование превращается в просвещение политическое по преимуществу. Освобождение рабочей массы из-под идейного влияния других общественных групп и создание своей, пролетарской культуры, становятся боевыми лозунгами современных внешкольных просветителей. Общественная инициатива в деле внешколь-

КРАСН

ного образования вытесняется государственной монополией. Пропаганда и агитация становятся наиболее типичными методами просветительной работы. Внешкольные учреждения берутся под учет и контроль государственных просветительных органов, возглавляемых идеологами современного социально-политического строительства. Начала централистического единообразия проникают во всю „национализированную“ систему внешкольного образования.

Такова общая картина эволюции культурно-просветительного движения в России. Возможно, что, в связи с общей эволюцией государственной политики, в ближайшем будущем коренным образом изменится и тактика в отношении просветительной работы, хотя бы и в смысле допущения элемента общественной инициативы в деле внешкольного строительства и ослабления нивеллирующего начала государственного централизма. Тогда мы вступим в новую фазу развития внешкольного образования, а пока мы должны, для выяснения методов культурно-просветительной работы, исходить из анализа прошлой и текущей практики.

Задолго до того, как мы вступили на путь широкого народного просвещения, когда вопросы воспитания и образования вращались почти исключительно вокруг раннего детского возраста, Ж.-Ж. Руссо, развертывая свою педагогическую систему, затронул также и вопрос о педагогическом подходе к взрослому человеку. „Помните,—говорит автор „Эмиля“,—что для того, чтобы руководить взрослыми, нужно во всем поступать обратно тому, как вы поступали, чтобы руководить ребенком“.

Взятый в обнаженном виде, этот завет Руссо отнюдь не может лечь в основу построения внешкольной просветительной методики. И действительно, не только вся практика внешкольного образования в прошлом, но в значительной степени и современный подход к делу просвещения взрослого человека органически связаны с общепедагогическими принципами и методами, вырабатывавшимися в процессе искания путей для правильного воспитания и обучения ребенка. Часто внешкольная практика, не учитывая качественного различия между объектом внешкольного воздействия и питомцем детской школы, слишком слепо копировала весьма мало подходящие для нее образцы, заимствованные ею из школьной детской педагогии. И лишь постепенно вырабатывалось и оформлялось правильное отношение к вопросу об оценке физиономии внешкольного клиента и о методах его обслуживания в культурно-просветительном отношении. Этот вопрос ни в коем случае нельзя считать завершенным. Недостаточно выяснена психология многоликой народной аудитории, с которой при-

ходится иметь дело в одних случаях—лектору, в других—просветителю-художнику или пропагандисту-общественнику. Мало исследована еще и крайне пестрая галлерея типов, с которыми приходится иметь дело библиотекарю при рекомендации книги читателю, учителю школы для взрослых, руководителю кружком самообразования и т. д.

Для исследовательской работы в вышеуказанном направлении остается еще широкое поле. Но это поле уже основательно вспахано; местами зеленеют уже многообещающие всходы, а на некоторых участках колосится даже поспевшая жатва. И первый цветок, украсивший ниву внешкольного просвещения, первое достижение на пути развития внешкольной методики—есть прочное усвоение той основной мысли, которая составляет исключительную педагогическую ценность, а для того времени, когда она была провозглашена—настоящее педагогическое откровение, в цитированном нами положении Руссо.

К взрослому человеку нельзя подходить с одной и той же меркой, с которой мы подходим к ребенку. Ему нужны и букварь другой, и другой язык преподавания, и другая обстановка для учебных занятий. Взрослому нужна, кроме школьного обучения, а часто и взамен его—беседа о жизни, и не вообще о жизни, как о космическом процессе, но и о той реальной обстановке, в которой он сам живет и действует. „Развитие детей,—говорит Дьюи,—означает выработку в них полезных привычек, а развитие взрослых означает изменение ими окружающих условий, стимулирующее, в свою очередь, дальнейшее развитие их способностей“.

Вот это-то специфическое направление педагогического процесса в отношении к взрослому человеку, требует применения особых методов, своеобразного подхода к внешкольному клиенту.

Каковы же те принципы, которые легли в основу внешкольной просветительной методики?

Основным методом внешкольного образования считается принцип самодеятельности, который всячески пропагандируется и теоретиками и практиками—даже теми, кто... на практике проводит диаметрально противоположные принципы. Провозглашенный в свое время педагогической теорией и закрепленный лучшими представителями педагогической практики, этот принцип нашел в лице методистов-внешкольников своих наиболее ревностных адептов. Если путем просвещения имеется в виду не только поднять общий культурный уровень взрослого населения, но также вызвать в нем активное сочувствие тем или иным общественным и государственным начинаниям, то вполне естественным является

стремление культивировать в широких народных массах дух инициативы и организационно-творческой активности. И самый процесс культурного строительства должен протекать в соответствии с этим принципом—путем вовлечения массы и отдельных клиентов в интересы этого строительства. Не только для народа, но и через народ—вот как может быть формулирован принцип самодеятельности в виде основного лозунга просветительной практики.

Но для того, чтобы проявить инициативу и творческую активность, очевидно, требуется наличность самостоятельной ориентировки в сложном многообразии окружающей жизни; внешкольный элемент должен, на основе усвоенных им знаний, выработать в себе способность критически подходить к каждому отдельному явлению и к историческому процессу в его целом. Иначе говоря—в итоге планомерного и систематического воздействия внешкольного образования должен завершиться процесс формирования активной и инициативной личности с устойчивым миросозерцанием.

На ряду с указанной задачей перед внешкольным образованием выдвигается и другая цель—путем поднятия культурного уровня народной массы, превращение этой последней в планомерно и организованно действующий коллектив, находящий свое созвучное отражение в индивидуальном сознании отдельных „автономных“ единиц, образующих это коллективное целое. Соответственно этой цели внешкольное образование должно всячески культивировать метод коллективности и взаимопомощи в просветительной работе. Выработка коллективного сознания и развитие кооперативного духа должны стать не только целью внешкольной просветительной деятельности, но и основным фоном, на котором эта деятельность должна протекать.

В интересах обеспечения наиболее полного осуществления вышеуказанных основных принципов внешкольного образования, вся культурно-просветительная система должна строиться на строгом согласовании деятельности всех внешкольных учреждений друг с другом и с общей основной целью просвещения народных масс. В каждом внешкольном мероприятии должна проявляться тенденция выйти за пределы разрешения узкой задачи, поставленной данному начинанию, как таковому, и приобщиться к той универсальной деятельности, каковая составляет характерную особенность многогранной системы внешкольного образования.

Переход от одной формы работы к другой и применение тех или иных методов, в зависимости от конкретной обстановки работы и качества объекта внешкольного воздействия, должны составлять обычную форму внешкольной практики.

Это один из основных устоев внешкольной методики. Для наиболее успешного вовлечения населения в круг культурных интересов и в целях наиболее целесообразного усвоения внешкольным клиентом учебно-воспитательного материала— внешкольная методика выдвигает метод локализации этого материала, в смысле заимствования его из знакомой или психологически близкой для клиентов обстановки. Не только вопросы материального быта, но и душевные переживания масс приходится всячески учитывать при разработке программы работ и ее проведении в жизнь. Вообще, учет всей совокупности условий работы, понимая под этим и местные бытовые условия, и психологию клиентуры, и наличные силы и средства для проведения тех или иных мероприятий, и, наконец, условия исторического момента,—такой учет реальной обстановки работы является основной предпосылкой для всякого целесообразного культурно-просветительного строительства.

Переходя от общих основ внешкольной просветительной методики к выяснению конкретных форм их воплощения на практике, мы должны коснуться основных элементов культурно-просветительной техники, которая и является совокупностью конкретных форм применения основных принципов на живой работе.

Под техникой отнюдь не следует понимать чисто-механические приемы, усвоенные вне полного осознания идеи каждой данной деятельности и ее основных методов. Это не простое подражание чужим приемам труда, а сложный синтезирующий процесс, в котором, на ряду с усвоением чужого опыта, происходит и внутренний процесс критической переработки этого опыта и выведения из него соответствующих умозаключений в сторону дальнейшего развития этого опыта и нащупывания новых методов.

При таком понимании сущности внешкольной техники, она становится основной частью культурно-просветительной методики, посроенной на лабораторном начале и представляющей широкое поле для проявления активного творчества. Она предполагает не только знание предмета, понимание основных линий его развития, но одновременно с этим она вызывает необходимость в детальном проникновении в сущность каждого данного начинания, не отрываясь от основной идеи всего целого и, вместе с тем, улавливая и идею в каждой данной детали. В этом отношении мы действительно можем говорить о процессе развития, означающем действенное претворение форм и в то же время стимулирующем дальнейшее развитие способностей человека.

Каковы же главные элементы, из которых складывается просветительная техника?

1. Изучение объекта внешкольного просветительства и конкретной обстановки, в которой ведется внешкольная работа.

2. Методы и техника организационного строительства.

3. Методы и техника внутренней работы во внешкольных очагах.

4. Методы и техника организации общественных сил для культурно-просветительного строительства.

5. Методы и техника учета культурно-просветительной работы.

Самый процесс проведения той или иной практической работы по технике внешкольного образования предполагает следующие основные этапы:

1. Отчетливое выяснение идеи данного культурно-просветительного мероприятия.

2. Разработка программы и организационного плана в соответствии с условиями момента и учетом конкретной аудитории.

3. Техническое выполнение плана в соответствии с наличными средствами и живыми силами.

4. Критическая оценка проведенной работы.

Приводим несколько иллюстраций из практики по технике культурно-просветительной работы.

I.

Обследование внешкольного очага (народного клуба).

Указанная задача была выполнена по следующему плану:

1. Беседа о формах и методах обследования.

2. Беседа о задачах и типах народных клубов.

3. Совместная разработка анкеты для обследования народных клубов применительно к условиям личного посещения учреждения.

4. Экскурсия в намеченный клуб:

а) Организация экскурсии.

б) Беседа (предварительная) перед осмотром с руководителями учреждения о задачах данного клуба, формах его деятельности, о составе клиентов, о персонале и т. п.

в) Осмотр помещения.

г) Посещение происходивших в этот вечер занятий.

д) Беседа с руководителями отдельных видов работ и с клиентами клуба.

е) Осмотр библиотеки клуба.

ж) Знакомство с отчетностью и с делопроизводством.

з) Вторичная беседа (перед уходом) с руководителями клуба (дополнительные разъяснения).

5. Приготовление письменных отчетов и докладов о произведенной экскурсии.

6. Проведение дискуссионного собрания по вопросу об оценке указанного клуба.

7. Оценка проделанной работы, как в отношении произведенной экскурсии, так и в отношении проведения дискуссии (техники ведения собрания, составления докладов и вынесения резолюции по интересующему вопросу).

II.

Организация „Дня Просвещения".

План этой работы был следующий:

1. Беседа о значении народного просвещения в связи с вопросом о культурно-просветительном строительстве в Советской России.

2. Дискуссия по вопросу о целесообразности принудительного обучения грамоте взрослых.

3. Беседа по вопросу о формах и методах культурно-просветительной агитации и пропаганды.

4. Разработка докладов и агитационных речей на темы: „О пользе грамоты", „Идите в школы грамоты", „Почему все крестьяне должны быть грамотными?" и т. п.

5. Изготовление плакатов и лозунгов о значении ликвидации неграмотности.

6. Разработка программы празднества и организационного плана.

7. Выборы ответственной организационной комиссии по проведению организационного плана и распределение функций между всеми участниками.

8. Подготовительные работы по проведению программы празднества.

9. Проведение „Дня Просвещения".

10. Заключительная беседа с оценкой произведенной работы.

Программа празднества заключала в себе следующие элементы:

1. Митинг на открытом воздухе с агитационными речами в пользу предпринимаемой кампании по ликвидации неграмотности.

2. Литературно-вокальный вечер в закрытом помещении.

3. Раздача листовки „Памятка всем гражданам крестьянам Советской России".

Программа литературно-вокального вечера была такова:

1. Два кратких доклада о значении просвещения и о декрете по проведению кампании по ликвидации неграмотности.

2. Чтение литературных отрывков и декламации.

3. Хоровое пение.

4. Инсценировка - импровизация „Ученье — свет, а неученье—тьма“ из 5-ти картин:

I. Собрание крестьян по вопросу о принудительном обучении грамоте взрослого населения.

II. „Письмо от сына с фронта“. Беспомощное состояние неграмотной матери при получении весточки от сына.

III. „Пред объявлением“. Группа неграмотных крестьян беспомощно толкается пред вывешенным объявлением об отмене декрета о принудительной разверстке хлебного налога.

IV. „В школе грамоты“. Занятия по обучению грамоте.

V. „Мы прозрели“. Часть программы выпускного вечера в школе грамоты, состоящая из нескольких кратких речей „обучившихся грамоте“, декламации и хорового пения.

III.

Организация и техника ведения собраний.

1. Беседа о технических приемах организации и руководства общественными собраниями.

2. Разработка программы и организационного плана собрания членов профессионального союза.

3. Приготовление образцов объявлений, плакатов, повесток к предстоящему собранию.

4. Разработка примерного отчета правления и ревизионной комиссии.

5. Разработка 2-х докладов и примерных резолюций к ним.

6. Приготовление помещения и необходимых принадлежностей для президиума.

7. Разработка порядка дня и регламента.

8. Намечение кандидатов в президиум и докладчиков.

9. Организация наблюдения за распорядком на собрании в помощь президиуму.

10. Проведение инсценированного собрания.

11. Беседа о проведенной работе—оценка подготовительной работы, докладов, поведения президиума, ораторов, собравшейся массы, техники голосования, резолюций, техники протоколов собрания и т. д.

IV.

Организация культурно-просветительного кружка.

1. Беседа о типах общественных кружков.
2. Выяснение желательного для данной группы клубистов типа кружкового объединения.
3. Разработка проекта устава кружка и рабочей программы деятельности его на ближайшее время.
4. Выборы президиума кружка и составление расписания его занятий.
5. Оборудование помещения и разработка проекта сметы и способов самоснабжения.
6. Проведение первого организационного общего собрания членов кружка и принятие устава.

V.

Организация издания газеты.

1. Беседы о типах периодической печати.
2. Ознакомление с техникой газетного дела.
3. Посещение редакции, конторы и типографии местной газеты.
4. Посещение библиотеки для обозрения имеющихся типов периодической печати вообще и газет—в частности.
5. Посещение бюро газетных вырезок.
6. Составление коллекций вырезок из различных газет на определенные темы.
7. Критический разбор газетного материала с точки зрения содержания, литературной формы и соответствия стиля поставленной изданием задаче.
8. Выполнение отдельных работ по подготовке литературного материала для различных типов газет.
9. Разработка программы газеты.
10. Приготовление материала для первого номера.
11. Составление сметы по изданию газеты.
12. Разработка проекта организации конторы.
13. Ознакомление с приемами редактирования.
14. Ознакомление с техникой корректорской работы.
15. Выпуск номера газеты.
16. Критическая оценка номера по содержанию и технике издания его.

Размеры статьи не позволяют расширять число приводимых нами иллюстраций практических работ по технике куль-

турно-просветительного дела. Да и того, что мы привели в разъяснение вопроса о содержании и приемах внешкольной просветительной техники, думается, будет достаточно для ориентировки в предмете.

В заключение позволяем себе привести довольно большую выдержку из труда Ст. Холла, которая, по нашему мнению, является прекрасным и убедительным дополнением к тому, что развивалось в нашей статье: „Чем более развиты учащиеся, чем более специализируется преподавание, тем менее фигурируют в обучении педагогия и генетическая воспитательная философия. В высшей математике, в астрономии, в филологии и т. п. метод преподавания есть логика самой науки, способ же приспособления к разным возрастам учащихся, к их индивидуальности играет очень маловажную роль. Но чем ниже мы спускаемся по гамме возраста и чем больше становится разница между знанием, умственным развитием учителя, с одной стороны, и знанием учащихся—с другой, способы преподавания, приспособления к возрасту приобретают все больший и больший вес, становятся даже вопросами первой важности“.

В отношении внешкольного клиента, невзирая на его возраст, все сказанное Холлом должно быть применено в максимальной степени. Во внешкольном образовании вопросы правильного методического подхода и лабораторно-технической проработки учебно-воспитательного материала должны занимать господствующее место. Этого требует образовательный уровень и развитие народных масс. Это соответствует и общественно-организационному характеру внешкольного просветительства.

Г. Левин.

Три метода внешкольной работы.

Всякая работа для успешности ее выполнения требует применения определенных методов. Будет ли это работа физическая, будет ли это интеллектуальное напряжение, безразлично: поставленная цель всего легче и скорее достигается тогда, когда при работе употребляются определенные приемы. Приемы эти создаются в самом процессе работы, но, коль скоро они известны, игнорировать их невозможно. Было бы противно основному принципу всякой работы—принципу экономии сил и времени—применять какие-либо иные приемы, чуждаясь признанных лучшими на практике. Культурно-просветительная работа, подобно всякой другой, должна строиться на прочной методической базе. Коллективный опыт всех культурников должен быть широко использован новыми работниками на этом поприще. Между тем зачастую встречается, что многие культурники, приступая к работе, с методами ее совершенно не знакомы, в силу чего вынуждены работать наобум и нередко повторять ошибки своих предшественников, которых они легко могли бы избежать при знакомстве с опытом прошлого. На это обстоятельство указывал Е. Н. Медынский еще в 1915 году [1]). Положение, обрисованное им, мало изменилось и в настоящее время. Правда, в распространении внешкольного образования, в особенности в послереволюционную эпоху, мы замечаем несомненный прогресс: сеть внешкольных учреждений расширена, они проникли даже в такие уголки, где раньше их и представить было нельзя [2]). Но и теперь, в большинстве случаев, культурно-просветительную работу ведут самоучки, которые в начале своей деятельности сплошь и рядом не знают, как и приступить к делу, с которого конца его начинать. „За внешкольную просветительную работу охотно берутся люди вовсе к тому не подготовленные и—что хуже всего—в простоте души уверенные, что никакой подготовки, никаких особых знаний для этого дела не требуется“ [3]).

---

[1]) Е. Н. Медынский. „Методы внешкольной просветительной работы“. М. 1915. стр. 5.

[2]) Его же. „Внешкольное образование в Р. С. Ф. С. Р. (статистический обзор)“. М. 1923, стр. 8.

[3]) И. А. Шустер. „Об общих методах внешкольной просветительной работы“. Велиж, 1919, стр. 31.

Между тем знакомство с приемами работы в высшей степени необходимо для всякого культурника. Цель настоящей статьи— дать представление об основных методах политико-просветительной работы, обрисовать их в немногих штрихах, не вдаваясь в детали, и указать место и сферу приложения каждого из них в отдельности и его значение в общей совокупности приемов культурной работы. Это представление, думается нам, поможет каждому новому работнику легче ориентироваться в области практики внешкольного образования и относиться к своему делу более сознательно и проникновенно. Организационно - технический момент культурной работы оставлен нами в стороне. Все наше внимание будет сосредоточено на том, чтобы указать принципы работы, ее основные методы. Таких методов существует три: 1) агитация; 2) пропаганда и 3) обучение или образование. К рассмотрению этих методов, указанию характерных их особенностей, а равно условий, границ и времени их приложения мы сейчас и обращаемся.

Агитация, по этимологическому производству слова от латинского agitare, чрез посредство французского agiter, означает такое действие, которое приводит человека в возбуждение, волнует, взбудораживает. В физическом мире, как известно, господствует закон инерции, точнее—инертности, косности, в силу которого тела имеют тенденцию пребывать в одном и том же состоянии, если не последовало приложения посторонней силы, внешнего толчка. В сфере общественных отношений и умственной жизни тот же закон проявляется в форме консерватизма, боязни всякой новизны, в форме желания жить и думать по старинке, как жили и думали наши отцы и прадеды. Чтобы этот консерватизм не превратился в полнейший душевный застой, традиционную русскую обломовщину, необходимо применение внешнего стимула, внешнего толчка, который произвел бы сдвиг в области духовных переживаний и направил бы духовную жизнь по новому руслу. Таким стимулом возбуждения и является агитация. С применения этого метода должна начинаться деятельность всякого культурно-просветительного учреждения, и к нему оно должно прибегать и в последующее время. От того, применяется ли этот метод, во многом зависит и успех работы. Библиотека, не привлекающая к себе читателя, будет мертвым книжным собранием; клуб, который не зазывает к себе населения, останется без посетителей; школа взрослых, пренебрегающая агитацией, рискует остаться без учащихся и во всяком случае не будет популярной в глазах населения.

Агитация основывается на прочной психологической и социологической базе. Психология выясняет, что в человеческой

психике большое значение принадлежит чувству: чувство обычно лежит в основе как познавательных, так и волевых процессов и дает тем и другим свою окраску. Кроме того, чувство имеет еще одну особенность, придающую ему важное значение в сфере социальных отношений. Эта особенность состоит в способности эмоциональных переживаний отдельного индивидуума возбуждать соответствующие эмоции у других людей. Большое значение при этом имеет сила и глубина чувства. Сильное чувство обычно захватывает собою всю человеческую психику и определяет направление ее деятельности. То же самое явление наблюдается и в социальной сфере. Достигшее глубокой напряженности чувство отдельного индивида, вследствие именно его глубины и силы, бывает способно увлечь целую толпу, заставить ее пережить одно общее переживание. Но для этого требуется особая сила, мощность и глубина эмоции. И вполне понятно—почему. „Чем больше,—говорит немецкий психолог Эббингхаус,—чем больше интенсивность воздействующих на душу причин, тем больше шансов, что воздействия их дойдут до сознания. Сильный удар, раздавшийся вблизи выстрел, яркую молнию в темную ночь, какой-нибудь сильный, всюду проникающий запах—никто не оставит без внимания. Как бы ни была занята душа, раздражение, достаточно интенсивное, вызовет ощущение, которое не ускользнет от ее внимания“ [1]).

Указываемое психологами обстоятельство и учитывается агитацией. Она вообще ставит своей целью воздействовать на душевный мир человека в целом, имея в виду чрез то побудить его к деятельности в определенном направлении. „Агитировать,—говорит Анджелика Балабанова,—это значит: с одной стороны—расшевеливать, пробуждать, а с другой—побуждать, вызывать известное настроение, давать толчок к известному действию“ [2]). Но в первую очередь агитация имеет в виду повлиять на чувство человека, заставить его пережить несколько новых эмоций и таким путем подвинуть к действию и разбудить дремлющее сознание. „Агитатор во всех случаях действует прежде всего на чувство массы, шевелит ее воображение, увлекает ее картинами и взятыми из жизни образами“ [3]). По своему существу агитация есть такой метод действия, который ставит своей целью, путем горячего обращения к массе, пламенного призыва и энергичного

---

[1]) Г. Эббингхаус. „Основы психологии“. Пер. Г. А. Котляра под ред. В. С. Серебреникова и Э. Л. Радлова. Т. I, вып. 2. СПБ. 1912, стр. 154.

[2]) А. Балабанова. „Несколько слов об агитации“. Письмо-лекция. М. 1920, стр. 7.

[3]) Е. Херсонская. „Руководство молодым агитаторам и пропагандистам“. М. 1920.

воздействия на ее чувство и волю, привлечь массу к просвещению, пробудить ее от духовной спячки и приобщить к высшим ценностям человеческой культуры и знания. В. А. Невский, в своей статье „Освободительное движение и методы культурно-просветительной работы", дает такое определение агитации: „агитация—это живое человеческое слово с сильной эмоциональной окраской, бросаемое в волнующуюся толпу,—слово жгучее, напряженное, волевое, призывное" [1]). „Агитаторы—это будители масс,—говорит Балабанова.—В их руках прекрасный факел правды, которым они хотят побороть вековую тьму, зажечь в бесчисленном количестве сердец и умов лучи истины, самосознания, искру несгорающего пламени" [2]).

Целью агитации, как метода привлечения, определяются и ее отличительные особенности — эффектность, ударность, резкость, внезапность—по форме, близость к массе и злободневность—по содержанию. Собственно говоря, как метод работы, агитация—метод поверхностный, но тем не менее в высшей степени ценный и необходимый. Наше внимание всегда привлекает все новое, яркое, неожиданное, смелое, из ряда вон выдающееся. Агитация учитывает данную особенность нашей психической организации в свою пользу: она как раз и бьет на эффект, на яркость впечатления, на силу и красочность переживаний. По отношению к массе дело агитатора затронуть ее за живое, загипнотизировать ее на некоторое время, заставив сосредоточить всю силу внимания на одном предмете и пережить несколько таких минут, которые никогда не будут забыты впоследствии. Известно, что первое впечатление врезывается в память на всю жизнь, и по сравнению с ним другие, последующие впечатления того же порядка кажутся тусклыми; и первая прочитанная в детском возрасте книга бывает ярче и красочнее всех последующих и зачастую определяет собою всю жизненную деятельность данного человека, как это мы видим на примере известного Шлимана, производившего раскопки на месте прежней Трои. Вот для этого и нужна при агитации эта новизна, резкость и внезапность, так как суть дела состоит здесь именно в том, чтобы сосредоточить все внимание на одном определенном предмете или явлении, удалив прочие из сферы ясного сознания. „В области чувственных переживаний этот метод выражается прежде всего в угашении всех душевных процессов, кроме одного, который настойчиво выделяется и подчер-

---

[1]) В. А. Невский. „Второй сборник статей по внешкольному образованию". 2-е изд. Казань, 1921, стр. 7.

[2]) А. Балабанова. „Несколько слов об агитации", стр. 44.

кивается, вырастая до невероятных размеров и болезненно возбуждая жажду непосредственно действовать в одном определенном направлении, действовать совершенно слепо по отношению ко всему остальному, ко всем следствиям собственных же поступков. Воля каждого из слушателей умирает на время и подменяется единой волей оратора-гипнотизера, сознательного или бессознательного. Она становится единой коллективной волей, волей толпы, страшной в своей мощи, всесокрушающей в своем проявлении. В такие моменты толпа охвачена как бы безумием маниака. Она может совершать героические поступки и величайшие преступления в зависимости от характера данного ей толчка... Секрет действия этого метода в указанной области заключается в том, что оратор чутьем угадывает тот нерв, который является особенно чувствительным у его слушателей, и систематическим раздражением его доводит их до состояния некоторой невменяемости и иногда радостного, иногда озлобленного временного подчинения его воле, вследствие чего каждая высказанная им идея становится обязательной для них и представляется им их личной идеей, давно ими пережитой и им, оратором, только разбуженной" [1].

По содержанию агитация должна быть близкой к среде слушателей и в достаточной мере злободневной. Хорошо известно, что мы охотнее всего слушаем то, что нас интересует, что ближе и непосредственно к нам относится,—и, наоборот, зачастую пропускаем мимо ушей много важного потому лишь, что оно лично нас не касается и не затрагивает. Агитатор должен всегда это иметь в виду и должен стараться наперед узнать культурный облик и уровень той среды, где ему приходится агитировать, узнать ее взгляды, вкусы, интересы и волнующие в данный момент вопросы. Только при том условии агитация может привести к хорошим результатам, если все это в достаточной мере учтено и агитатор знает, на что ему нужно обратить внимание. „Агитатор,—пишет Балабанова,—должен с первых же слов затронуть слушателей за живое, так, чтобы у них было представление, что говорящий не только их понимает, входит в их положение, но что оно ему знакомо по собственному опыту, словно он сам в таком же положении находился" [2]. А это возможно лишь тогда, когда агитатор хорошо освоится с данной средой, поймет и узнает ее, войдет в круг ее интересов. „Так как основным условием успешности речи является

---

[1]) Н. Юрский. „Методика организационной работы". „Книга", Птг. 1923, стр. 32—33.

[2]) А. Балабанова. „Несколько слов об агитации". М. 1920, стр. 21.

интерес к ней со стороны слушателей, совершенно понятно, что всякая речь или отвечает уже имеющемуся в наличности запросу, интересующему аудиторию, или возбуждает такой интерес в процессе самого произнесения. Без этого произнесение речи совершенно бесцельно. Но, чтобы ответить запросам, существующим в среде слушателей, надо знать их, а чтобы возбудить интерес к новому для них вопросу, необходимо, чтобы этот вопрос так или иначе касался их жизни. Отсюда ясно, что основным условием каждого ораторского выступления является тщательное изучение быта и особенностей той среды, к которой думает обратиться оратор" [1]).

Из всего сказанного вытекает, что агитация—дело сложное и трудное. И это действительно так. Данный метод работы требует от применяющего его лица большой подготовки и самого серьезного отношения к делу. От агитатора требуется: 1) искренность и убежденность; 2) твердое и отчетливое знание предмета и 3) знакомство с аудиторией. Требование искренности вытекает из самого существа дела. Задача агитатора состоит в том, чтобы привлечь к себе аудиторию, овладеть ее доверием, убедить ее, найти доступ в сердца слушателей,—а давно известно, что, прежде чем убеждать других, нужно самому быть убежденным в справедливости своих слов. Это как раз и есть лучшее средство убеждать других. „Агитатор,—говорит В. А. Невский,—должен быть глубоко убежден в том, что он говорит, к чему он призывает. Если у него самого есть хоть какие-нибудь сомнения в том, в чем он убеждает слушателей, лучше вовсе не говорить об этом. Никакая содержательность речи и красота ее не заменяет убежденности, которая действует помимо разума и влияет на непритязательных слушателей гораздо сильнее самых красноречивых речей. Корявая речь фанатика идеи может сделать в деревне гораздо больше, чем целый курс великолепных речей лектора, имеющего эклектическое, запутанное миросозерцание" [2]). Второе условие успешности агитации—серьезная общая и частичная подготовка к ней. Агитатор должен иметь широкий общий кругозор. Без этого немыслимо влияние на массу. Чтобы воздействовать на нее, нужно быть выше ее уровня. А главное—к каждому своему выступлению агитатор, в особенности начинающий, должен серьезно готовиться. Он не должен рассчитывать на то, что его осенит свыше в момент произнесения речи, снизойдет какое-то вдохновение или последует внезапное озарение.

---

[1]) Н. Юрский. „Методика организационной работы". Птг. 1923, стр. 58.
[2]) В. А. Невский. „Деревенский Агит-пункт (изба-читальня)". 2-е изд. Н.-Новгород, 1920, стр. 11.

Напротив, все должно быть готово заранее. Херсонская, в своем руководстве начинающим агитаторам, дает такой совет: „Необходимо довести всякую речь, какой бы горячей, волнующей она ни была, до полной отчетливости прежде всего самому себе. Все мысли должны быть как на ладони, а главная, основная мысль, та, которую во что бы то ни стало должна унести с собою домой аудитория, должна, как маяк, освещать все остальное“ [1]). Наконец, последнее требование, предъявляемое к агитатору, это уже упомянутое выше понимание положения и настроения слушателей, Агитатор, как играющий на сцене артист, должен уметь сразу взять верный тон, должен уметь, подходя к аудитории, чутьем угадать волнующие ее чувства и настроение. Балабанова сравнивает в данном отношении агитатора с пианистом. Как последний, подходя к роялю, сначала узнает, нет ли надорванной струны или фальшивого звука и есть ли в помещении соответствующий резонанс, так и агитатор должен уметь сразу же определить состав аудитории, уловить ее настроение и узнать, какое действие производят его слова на слушателей. „Если агитатору удалось найти соответствующий тон, если с первых же минут его выступления каждый слушатель чувствует, что с ним говорит свой человек,—его влияние на слушателей обеспечено: тогда он может быть уверен, что преодолел самое большое препятствие,—поборол недоверие, возбудил интерес“ [2]).

Метод агитации имеет свои специфические недостатки. Главный из них состоит в том, что метод агитации, как уже упоминалось, есть метод поверхностный, неглубокий. Кроме того он ограничен в смысле времени и контингента лиц, которых он имеет в виду. „Метод внушения,—говорит Юрский,—прямо бьет в цель. Его достижения однако не имеют широкой культурной ценности, они узки и ограничены непосредственным заданием. Наконец, самое это задание выполняется при пользовании им очень условно—в смысле лишь временного и непрочного подчинения слушателей воле и мысли оратора, но зато, пока это подчинение налицо, в действиях увлеченных и подчиненных им людей всецело проявляется его воля и этим достигается сосредоточенное единство действия, которое может быть нужным и полезным по моменту, по условиям социальной действительности. Такова роль полководца, предводителя—в момент атаки вражеских позиций. Гипноз слова, которым владеет он, может подчинить ему

[1]) Е. Херсонская. „Руководство молодым агитаторам и пропагандистам“. М. 1920.

[2]) А. Балабанова. „Несколько слов об агитации“, стр. 21—22.

слепо солдат и бросить их вперед“ [1]). Несмотря на его поверхностный характер и временно-ограниченную ценность, метод агитации безусловно необходим при работе каждого культурно-просветительного учреждения. Где этот метод не применяется, там жизнь замирает. Обойтись без агитации культурный работник не может и не имеет права. Прежде чем оказывать определенное планомерное влияние на массы, необходимо привлечь эту массу к данному культурно-просветительному учреждению. Если гора не идет к Магомету, то Магомет должен пойти к горе. Здесь-то и нужна агитация. И она не только нужна, но и доступна для каждого отдельного работника. Конечно, не все обладают ораторским искусством, не все обладают красноречием, но это обязательно и не требуется. Формы агитации различны и многообразны, ввиду чего каждый может агитировать по-своему, употребляя в дело те дары, которыми наградила его природа. Все сказанное ранее по преимуществу относится к устной или словесной агитации, завоевавшей себе право гражданства и более часто встречающейся. Но не меньшее значение имеют, а во многих случаях стоят даже выше ее другие формы агитации: агитация письменно-литературная, художественно-изобразительная, театральная, музыкальная, вокальная. Письменная агитация может выражаться в составлении разного рода обращений, воззваний, деклараций, прокламаций и т. п. сочинений, написанных ярким, обычно эмоционально-насыщенным стилем, излагающих дело в резких, отчетливых штрихах, таких, в которых все предназначено для будирования масс. Изобразительная агитация выражается в изготовлении плакатов, картин, картограмм, диаграмм, диапозитивов, в устройстве разного рода художественных выставок—все это с отмеченными выше особенностями, свойственными агитации. В частности, выставки, если они предназначаются для людей малокультурных, должны по преимуществу носить характер агитационный. Вообще, метод агитации безусловно необходим и применим во всех внешкольных учреждениях, какого бы типа они ни были, принимая в каждом из них своеобразный оттенок. Библиотека может агитировать хотя бы уже тем, что она помещается не в убогой лачужке где-то на задворках, а в благоустроенном помещении, куда созданный там уют так и манит заглянуть, читальня агитирует развешенными по стенам плакатами и картинами, кинематограф—своими фильмами, музей, если он представляет не мертвое собрание экспонатов, кладбище ископаемых каменного века, а живое и действующее учреждение.

---

[1]) Н. Юрский. „Методика организационной работы“, стр. 28—29.

В заключение своей речи об агитации мне хотелось бы коснуться истории этого метода. Ввиду невозможности сделать это со всей требуемой существом исторического рассмотрения предмета полнотой и обстоятельностью, я ограничусь тем, что укажу несколько моментов исторической жизни, в которые мы можем наблюдать применение метода агитации. Заранее предупреждаю, что это будут отдельные эпизоды, несоразмерно взятые с разных концов исторической перспективы, а потому и не представляющие истории развития данного метода в целом. Понимая агитацию в весьма широком смысле, как средство привлечения, мы отнюдь не вправе исключать из нашего рассмотрения природу. Бесконечно далекие от всякой телеологии, мы, однако, можем с полным правом сказать, что сама природа пользуется в широкой мере методом агитации. В мире растительном определенные растения снабжены яркими цветами и известным запахом, привлекающим нужных насекомых. „Большинство явнобрачных растений,—читаем мы в одном пользующемся заслуженной известностью учебнике ботаники,—опыляется помощью насекомых (entomophilia), которым предлагается в пищу, с одной стороны, сахаристый сок, выделяемый в виде нектара на различных частях цветка, с другой—сама пыльца... Для того, чтобы насекомые уже издали могли заметить нектарообразующие органы в цветке, развиваются различные запахи и яркие покраски. Такие „зрительные аппараты“ образуются чаще всего ярко-покрашенными лепестками или чашелистиками (Nigella, Aconitum), или вообще околоцветником (лилия, тюльпан), но у других (Astrantia major, Richardia aethiopica и др.) и верховые листья, и осевые части, не принадлежащие цветку, могут служить так называемыми околоцветковыми (circumflorales) или внецветковыми (extraflorales) зрительными аппаратами“ [1]). Указанное обстоятельство, т.-е. наличие агитационных средств в виде этих зрительных аппаратов в растительном мире, для нас крайне интересно в том еще отношении, что оно выявляет жизненное значение агитации. Ведь указанные специально-агитационные органы потому и появились, что они были полезны в борьбе за существование данного вида растений, и самые эти растения потому и существуют и размножаются, что не забывают агитировать о своем существовании насекомым. В животном мире формы агитации уже поражают взор наблюдателя своим бесконечным разнообразием: здесь уже не только агитация зрительного характера, но пускаются в ход и вокальные

[1]) Эд. Страссбургер и др. „Учебник ботаники для высших учебных заведений“. Пер М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. М. 1922, стр. 328.

средства. „Роль, играемая некоторыми животными, требует, чтобы они определенным образом действовали на органы чувств других животных, что и достигается посредством голосовых, светящихся и пахучих органов, а также посредством цвета и рисунка окраски тела“ [1]). К этой категории относятся явления так называемой брачной окраски, т.-е. временного украшения, которое носят известный срок определенные особи животного царства, и явления фосфоресценции. Значение этой последней проф. Шимкевич выясняет так: „Свечение у наземных форм имеет целью привлечение полов. Между светляками нередко самки безкрылые, малоподвижные, как наш Иванов-червячок, и следовательно малозаметные для самцов, если бы они не были одарены способностью к свечению“ [2]). Таким образом животный мир применяет агитацию очень широко и разносторонне.

Если мы находим применение метода агитации в животном мире, то нет ничего удивительного в том, что мы встречаем это применение в человеческом обществе с самых первых времен его существования, с самого начального момента его возникновения. Первобытный дикарь, татуирующий свое тело замысловатыми рисунками, зачастую исполненными в красках, прокалывающий свои уши и щеки, подпиливающий зубы, все это проделывающий для того, чтобы обратить на себя должное вчимание, ярче обозначить свою личность, несомненно агитирует, хотя, быть-может, и полусознательно. По этому поводу Липперт замечает: „Здесь обнаруживается раннее стремление человека проявить себя, как личность, выделить себя каким-либо индивидуальным признаком, не полученным от природы. Это стремление настолько же отличает человека от наиболее близких к нему животных, как и употребление орудий. Даже самый грубый дикарь не довольствуется простым существованием, наподобие животных. Он хочет, чтобы его замечали, хочет выдвинуться среди подобных себе“ [3]). Тем же методом, уже вполне сознавая его силу и значение, пользовались торговцы-европейцы, раскладывавшие пред дикарями Африки или Америки горы блестящих безделушек, приковывавших к себе наивно-любопытные взоры туземцев, ради приобретения их не жалевших драгоценной слоновой кости и не считавшихся редкостью слитков золота. Примеров такого рода можно привести очень много.

---

[1]) В. Гааке. „Животный мир, его быт и среда“. Пер. под ред. Н. А. Холодковского. Т. I. СПБ. 1921, стр. 21.

[2]) В. Шимкевич. „Биологические основы зоологии“. Изд 4-е. СПБ. 1922, стр. 462.

[3]) Ю. Липперт. „История культуры в отдельных очерках“. Пер. под ред. Д. А. Коробчевского. СПБ. 1902, стр. 118.

Вот несколько из них. „Командор Байрон легко сбывал патагонцам кусочки шелковой ленты, которую он мог повязать каждому из них вокруг головы, но кусок ткани, который действительно мог быть им полезен, австралийцы отнесли в лес и там бросили“ [1]). Или другой пример. „Европейцы пытались сделать ценный подарок дикарям островов Товарищества: они хотели им подарить пригодных в пищу животных, коз и рогатый скот,—но безуспешно; между тем за несколько красных перьев можно было бы купить целый остров“ [2]).

В современной жизни в торгово-промышленном мире можно также видеть применение того же метода в явлении так называемой рекламы. Обычно многочисленные торговые фирмы, как у нас в России, так и в особенности на Западе, стремятся всеми силами рекламировать свои изделия, проявляя при этом много изобретательности и виртуозности и затрачивая огромные суммы денег. Первые и последние страницы периодических изданий русских и заграничных пестрят объявлениями торгово-промышленных фирм и предприятий, усиленно рекомендующих свои изделия. Иногда на этих страницах появляются даже целые стихотворения, рассказы, шутки и т. п., преследующие ту же самую цель. В крупных центрах для этого же пользуются кинематографическим аппаратом или прибегают к световым эффектам. На фоне темного вечернего неба вдруг загорается, прорезая мрак, яркая светлая надпись и потом потухает, чтобы через несколько минут вновь появиться. Обычно это—или название фабриката, или фамилия изобретательного фабриканта. Впрочем, для того, чтобы видеть значение рекламы в торговом деле, нет надобности быть в столице. Каждый из нас имел возможность наблюдать это явление и в провинциальных городках на прежних ярмарках. Какой-нибудь бойкий ярославец в своей лавчонке-балагане усиленно расхваливает свой товар, уснащая свою речь чисто-российскими шутками и прибаутками,—и публика к нему валом валит. А рядом стоит магазин с зеркальными окнами, где товар лучше и цены без запроса, где целая армия франтоватых приказчиков, но он пуст, в него не идут, предпочитая хотя и дороже заплатить, но купить у балагура-ярославца.

В отмеченных случаях мы видим применение метода агитации, но применение извращенное, имеющее своей целью увеличение барышей торговца или фабриканта-предпринимателя. Подлинную свою силу метод агитации проявляет лишь

---

[1]) Ю. Липперт. „История культуры“, стр. 118.
[2]) Там же, стр. 119.

в недрах рабочего движения, тогда, когда он служит орудием просвещения трудовых масс. Здесь его употребление и законно и необходимо. История революционного движения всех стран и народов представляет нам много тому примеров. И русские революционеры также широко и с успехом пользовались этим методом работы. Они прибегали главным образом к агитации словом, изливая одушевлявшие их чувства то в форме горячей призывной речи, брошенной массам, то в виде письменного документа, призывающего к восстанию, так называемых прокламаций. Характерные черты этой последней и ее действие на массу В. А. Невский описывает в следующих словах: „Яркий, сильный, образный, популярный язык; крупные, резкие, отчетливые мазки; частые и повторяющиеся метафоры; свобода суждения; цельность и ясность мысли, иногда даже купленная ценой ее глубины; злободневность темы; гиперболизм оценок, часто с сатирическим оттенком; апелляция к совести и общественным чувствам; преобладание критического, разрушающего элемента над созидающим, постулятивным; призыв к действию:—вот основные черты этого крамольного документа, в котором массы находят выражение своих общественных чувств и чаяний уже несколько десятков веков... Ярко, как свет, жгуче, как огонь, призывно, как слово пророка, влияние прокламации на массы. И иногда не столько содержание, сколько самый стиль—эмоционально-насыщенный, характерно-народный, смело-призывный—гипнотизирует собой толпу“ [1]). Агитация словом всегда применяется при зарождении нового общественного движения, при подготовке новой революционной вспышки большей или меньшей интенсивности. К ней прибегали все вожди народа и агитации они обязаны своим влиянием на массы. Памятниками ее являются чрезвычайно сильные, не стесняющиеся в выражениях, послания расколоучителя Аввакума, „воровские“ письма атамана Стеньки Разина, „прелестные письма“ казака Пугачева, подметные манифесты Булавина. К этому методу впоследствии прибегали революционеры шестидесятых и семидесятых годов—народники, прибегали, восполняя им другой метод, принятый ими в качестве основного, метод пропаганды. Смело шли они в гущу народную, обращаясь к массам с дерзновенной речью восторженных энтузиастов. И если их агитация не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд, то во всяком случае она всколыхнула мертвое болото русской общественности, разбудила дремавшие силы и подготовила почву для дальней-

[1]) А. В. Невский. „Освободительное движение и методы внешкольно-образ. работы“. Сборн. II, стр. 8—9.

шего развития и укрепления революционного движения в России. Нужно отметить, что и здесь мы имеем только одну форму агитации, а именно—агитацию словесную. Во всем разнообразии своих форм агитация стала служить делу образования только в настоящее время: теперь дело не ограничивается применением только словесной агитации, но в широкой мере используются все виды агитации: художественная, музыкальная, певческая, световая. Все те формы привлечения, которые выступали пред нами разрозненно, теперь применяются в комбинированном виде и служат более высокой цели—делу народного образования.

Более углубленным методом культурно-просветительной работы является пропаганда. Сущность этого метода легче всего выявить, сравнивая его с методом агитации. Агитация в деле образования сводится к тому, чтобы возбудить в человеке интерес к знанию, пропаганда же пытается этот интерес удовлетворить и сообщить человеку нужные знания. Агитация носит нервный, порывистый, напряженный характер, пропаганда же — спокойный, объективный, уравновешенный. Агитация зачастую бьет на эффект, стремится поразить воображение зрителей или слушателей, оставив в них тем более сильное впечатление,—пропаганда же пренебрегает минутным успехом, а стремится овладеть своим слушателем путем долгой, вдумчивой, серьезной работы, стремится внедрить им знания прочно и навсегда. Агитация, путем устного или письменного слова, или путем применения художественных средств, воздействует на чувство, фантазию и волю масс, т.-е. имеет эмоционально-волевую окраску,—пропаганда, пользуясь столь же разнообразными средствами, стремится оказать воздействие в первую очередь на ум, а затем и на волю человека, т.-е. носит интеллектуально-волевой характер. Агитация предполагает, в качестве аудитории, неорганизованную массу, беспорядочную толпу, сковываемую воедино талантом агитатора,—пропаганда, наоборот, имеет узкую в смысле социалистическом сферу приложения: ее организационной формой служит кружок, ячейка, тесная группа лиц, сплоченных единством общих интересов. Пропаганде можно дать такое определение: это метод длительной, упорной и кропотливой образовательной работы кружка лиц, тесно спаянного общим стремлением к знанию. В. А. Невский описывает характерные признаки этого метода в следующих словах: „Пропаганда—это апостольская проповедь, тайная вербовка, новых солдат; это резец, которым обтачивают драгоценный камень; неторопли-

вое, тихое, серьезное посвящение в тайны партийного учения“ [1]).

Пропаганда является необходимым дополнением метода агитации. Агитатор бросает зерно в почву, пропагандист взрыхляет почву и создает условия, благоприятствующие росту растения. Работа агитатора у всех на виду, она бросается в глаза, работа пропагандиста скромна и неизвестна. Тем не менее ее значение громадно: пропагандист закрепляет за собой завоеванные агитатором позиции. Отсюда—пользование методом пропаганды для всякого культурно-просветительного учреждения так же необходимо, как и пользование методом агитации, так как они взаимно дополняют один другого. Всякая библиотека должна пропагандировать, т.-е. твердо и неуклонно проводить в сознание читателей определенный круг воззрений, подводить их к пониманию и усвоению этих воззрений. Пропагандировать должен каждый клуб, проводя работу в различного рода кружках. Пропагандирует театр, если он в целом ряде постановок стремится выразить определенную идею и довести публику до ее понимания. Пропагандирует кинематограф, когда он систематически дает картины определенного содержания.

Отличительные особенности метода пропаганды—глубина и серьезность по содержанию, а затем твердость, неуклонность, постоянство в распространении воззрений. Эта последняя особенность метода пропаганды основывается на наблюдении того психологического факта, что часто повторяемое явление, именно в силу своей повторяемости, более прочно укрепляется в душе, так сказать, впитывается ею и, постепенно ассимилируясь, делается постоянным ее достоянием. „Повторение,—читаем мы в психологии,—содействует тому, чтобы какое-нибудь психическое содержание дошло до сознания. Душевные образования, которые когда-либо были уже в душе в той же или даже только подобной форме, легче и вместе с тем быстрее доходят до сознания в случае повторения их причины, чем без этого“. [2]). Вся сила пропаганды основывается именно на этом психологическом законе. Организационной же формой, в которой метод проявляет наибольшую силу, является кружок, сравнительно небольшая группа лиц, объединенных общностью интересов.

Важность задачи требует от пропагандиста не менее тщательной подготовки, чем от агитатора. Помимо того, что пропагандист должен быть, подобно агитатору, твердо убежден

---

[1]) В. Невский. „Второй сборник статей по внешкольному образованию“. Каз. 1921, стр. 7.

[2]) Г. Эббингхаус. „Основы психологии“. Том I, вып. 2. СПБ. 1912, стр. 155.

в истинности возвещаемых им воззрений, помимо наличия отчетливого и ясного мировоззрения, пропагандист должен хорошо знать ту среду, где ему приходится пропагандировать. И это не только знание теоретическое, которое требуется и от агитатора; пропагандист должен жить с теми, в среде которых он пропагандирует, одною общею жизнью, разделять их радости и печали, совместно с ними трудиться. И только тогда его слово будет действенно, только тогда он будет оказывать влияние на окружающих.

Поле деятельности пропагандиста и формы пропаганды бесчисленны. Пропагандист может действовать повсюду в самой различной социальной сфере, и его деятельность может принимать разнообразнейшие очертания, смотря по условиям жизненной обстановки. „Пропагандисту, — пишет Херсонская в своем руководстве, — предстоит большая работа. Он должен воздействовать на массу всеми возможными способами и средствами... И лекции, и беседы, и дискуссии... В кружках, в школах, в широких аудиториях... Пропагандист—и ученый, и практик, и учитель, и общественный деятель“ [1]). Из многочисленных форм пропаганды достаточно отметить две наиболее часто наблюдаемые. Это—пропаганда хорошею книгою и пропагандистская работа в кружках. Первая совершается библиотекою. „Книга, — пишет Н. А. Рубакин, — делает свое дело, разумеется, не тогда, когда стоит на полке. Вся суть в том, чтобы она там не стояла. Уменье пускать книги в читающую публику,—и пускать их планомерно, упорно, по всем направлениям, во все слои читающей публики,—это своего рода практическое искусство, прикладная наука библиотековедения“ [2]). Какое влияние способна оказать хорошая книга на читателя—общеизвестно, и распространяться на эту тему нет нужды. „Если бы библиотекари, — говорит Л. Б. Хавкина, — знали или хотя бы представляли себе, какая сила исходит от книг, над которыми в библиотеке склоняется столько голов или которые столько рук уносят для чтения домой, то либо преисполнились бы гордости, либо испугались бы своей ответственности“ [3]). Кружковая пропаганда обычно ведется в клубах. Среди членов клуба, соединенных общностью интересов, создается определенный кружок лиц, желающих работать в каком-либо направлении под руководством более опытного лица. Кружок—наиболее плодотворное поле деятельности для пропагандиста и в особенности важен потому, что

[1]) Е. Херсонская. „Руководство молодым агитаторам и пропагандистам“. Госиздат. Москва, 1920.

[2]) Н. Рубакин. „Основные задачи библиотечного дела“. Приложение к кн. „Письма к читателям о самообразовании“. СПБ. 1918, стр. 352.

[3]) Л. Хавкина. „Книга и библиотека“. „Наука“. Москва, 1918, стр. 57.

дает простор для проявления „самодеятельности, инициативы и товарищеской солидарности“ [1]).

В исторической жизни различных наций метод пропаганды проявлял свою силу многократно. Всякое новое крупное общественное движение обычно возникало после предварительной работы в данном направлении небольшой ячейки. Всякая новая идеологическая система обычно вербовала себе на первых порах крайне ограниченный круг адептов. Для иллюстрации мы остановимся только на примере русского революционного движения. Застрельщики этого движения, т. н. народники, придавали большое значение методу пропаганды. Так, напр., Лаврову „революционная деятельность рисовалась в виде исключительно пропаганды. Критически мыслящие личности, плодящие, путем поучения и примера, другие критически мыслящие личности, во все большем и большем числе, во все более широких кругах народной массы, — вот как понимал Лавров деятельность революционера. Под влиянием его книг и возникают понемногу, в Петербурге и провинции, кружки пропаганды: кружок Чайковского, кружок Долгушина и другие“ [2]). В семидесятых годах движение протекало именно по этому руслу: метод пропаганды применялся в самых широких размерах. „Число кружков, — пишет про ту же эпоху другой историк,—все росло, коллективная жизнь становилась все интенсивней, все чаще устраивались сходки, на которых чисто-теоретические дебаты сменяются уже более конкретными спорами и обсуждением практических вопросов. Накопившаяся энергия рвется наружу и ищет приложения своего в жизни. И вот—на ряду с работой над самими собой и пропагандой среди интеллигенции—начинается пропаганда среди рабочих... Среди рабочих пропаганда пользовалась огромным успехом. Движение охватывало их,—вспоминает Кропоткин,—подобно пожару. Часто приходилось охлаждать рвение наших новых друзей, иначе они приводили бы к нам сотни людей зараз... По рассказам Синегуба, народ валом валил к пропагандистам... Среди городских рабочих происходило первое знакомство интеллигентов с народом и формировались кадры пропагандистов из среды самого народа“ [3]).

Затем началось массовое движение в народ с целью пропаганды новых идей.

---

[1]) А. Вожгальский. „Сельский клуб. Его организация и методы работы“. Изд. Мириманова. Москва, 1923, стр. 21.

[2]) М. Н. Покровский. „Русская история в самом сжатом очерке“. Госизд. Москва, 1920, стр. 198.

[3]) Л. Барриэ. „Освободительное движение в царствование Александра II“. Исторические очерки. „Образование“. Москва, 1909, стр. 111.

„Молодежь двинулась в путь кружками, небольшими группами в два-три человека и в одиночку... Любопытное зрелище представляли эти юноши с интеллигентными лицами и горящими глазами, в новеньких полушубках, картузах и ботфортах, напоминая своим внешним видом бутафорских крестьян, чернорабочих и мастеровых. Огромное большинство этой молодежи понятия не имело о тех народных массах, об идейном завоевании которых оно так гордо мечтало... Пропаганда велась двояким способом. Наиболее распространенной была летучая пропаганда... Пропагандист переходил из села в село, из одного уезда в другой, пользуясь всякой удобной встречей, чтобы, начав с какого-нибудь мелкого случая проявления эксплоатации или гнета, развить перед слушателем всю свою анархистскую программу. Оседлые пропагандисты вели свое дело очень осторожно, заводя знакомство по выбору и подготовляя таким образом кружки более сознательных крестьян и рабочих. Этим способом пропагандировали обыкновенно люди с определенной профессией — учителя, фельдшера и другие... Они заводили прочные поселения, которые часто служили удобным пристанищем для летучек и снабжали их сведениями об интересных для них пунктах и отдельных лицах“ [1]).

Мы знаем, что все это хождение в народ не привело к тем именно результатам, которых от него тотчас же ждали. Оно было „скорее паломничеством верующих... к святым местам народной жизни, чем серьезно задуманным делом сознательной и организованной революционной партии“ [2]). Тем не менее из этого движения можно извлечь много поучительного в смысле методов работы.

Третий метод культурно-просветительной работы — это обучение или образование. Он имеет приложение в культурно-просветительных учреждениях школьного типа, как-то: всевозможных курсах, студиях, школах, народных университетах и т. п. Этот метод работы тесно связан с предшествующими: агитация начинает, пропаганда продолжает, а образование заканчивает, является, так сказать, венцом культурно-просветительной работы. Употребляя слова „обучение“ или „образование“, мы должны оговориться, что они крайне неудобны в терминологическом смысле, и пользоваться ими приходится только за отсутствием более подходящих. В обыденной житейской практике первое из них приобрело смысл

---

[1]) Там же, стр. 124—125.

[2]) А. Тун. „История революционного движения в России“. Пгр. 1918. стр. 124.

слишком узкий, по сравнению с тем понятием, к которому оно прилагается в данном случае, а второе, наоборот, имеет смысл слишком широкий и недостаточно определенный: оно похоже на старую монету, на которой от долгого употребления совершенно изгладился первоначальный штамп. Слово „обучение“ дает нам понятие о каком-то процессе внешней выучки, овладении известным ремеслом при техническом руководстве извне. Под словом „образование“ вообще можно разуметь что угодно: и образование характера, и воспитание воли, и развитие интеллекта. В данном случае мы употребляем слова „обучение“ и „образование“ для обозначения того методического приема, при посредстве которого объект нашей культурной работы приобретает систематическое знание в определенной области. Это приобщение к науке—длительный процесс. Здесь два действующих лица: данная личность, прогрессирующая в своем интеллектуальном росте и постепенно расширяющая свой умственный горизонт, и другое лицо, руководящее этим развитием, этим развертыванием духовных способностей. „Образование человека мы должны себе представлять, как процесс образовательный в узком смысле этого слова; это нечто вроде психического питания, при котором из материалов внешней среды, путем их поглощения, „переваривания“ и усвоения, образуются в организме новые пластические единицы, увеличивающие рост и силы этого организма“ [1]). Метод содействия росту творческой личности,—то, что мы условно называем образованием,—имеет такое же важное значение в области культурно-просветительной работы, какое он имеет в работе школьной. И внешкольник должен признать, что систематическая подготовка в определенной сфере научной мысли, строгая дисциплина ума, словом—хорошая школа необходима для окончательного закрепления тех знаний, навыков и умений, которые приобретены путем применения агитации и пропаганды. Ценность этого метода, его важное значение и необходимость применения должны быть ясны для каждого внешкольника.

В чем же состоит отличие этого метода просветительной работы от двух проанализированных выше, и почему без него обойтись нельзя? Мы видели, что агитация ставит своей целью привлечь слушателя, пропаганда—возбудить в нем более глубокий интерес к знанию. Образование должно эту жажду знания удовлетворить в более полной и совершенной степени. Знания, полученные от агитатора и пропагандиста,

---

[1]) А. К. Гермониус. „Локализация учебного материала, как основной принцип обучения, и применение ее в деле внешкольного образования“. Спб. „Земск. Вестн.“, 1913, VI, стр. 31.

носят характер случайный, отрывочный, фрагментарный. Между тем пробудившийся интерес требует знания полного, законченного, всеобъемлющего. Личность стремится выработать общее мировоззрение. Здесь-то на помощь ей и является образование. Цель обучения—не простое сообщение системы научных истин, а систематическая их проработка, их углубленное восприятие, строго-планомерная ассимиляция системы знания формирующеюся личностью. Само собой понятно, что это дело требует длительного, сосредоточенного внимания, полной концентрации интеллектуальных и волевых способностей человека.

Признавая важность и необходимость систематического образования, т.-е. допуская обучение в качестве одного из методов своей многогранной работы, внешкольник отнюдь не обязан применять его в тех вариациях, которые имеют место в школе обычной, предназначенной для обучения детей. Внешкольные учреждения образовательного типа по контингенту слушателей существенным образом разнятся от обычной детской школы. Поэтому и метод обучения в тех и других должен применяться в различных формах. Кроме того, метод обучения должен применяться внешкольником не только в учреждениях чисто-образовательного типа, но и вообще во всех внешкольных учреждениях, только в одних этот метод работы должен доминировать, в других—не иметь такого исключительного значения. Прежде всего каждый внешкольник должен опасаться, чтобы ему не сделаться рутинером, не стать на путь шаблона и трафарета, чтобы не замерла его собственная творческая работа. Предостерегать от этой опасности приходится потому, что она скорее всего грозит именно при применении данного метода. Всем нам хорошо известен из повседневной жизни тип учителя-профессионала, сделавшего обучение своим ремеслом, чеховского „человека в футляре“ или сологубовского Передонова. В руках внешкольника этот метод еще недостаточно обычен, так сказать, ему непослушен, почему и пользоваться им следует с особенной осторожностью и внимательностью. „Здесь все еще,—замечает Невский,—широкое поле для изысканий, арена для творческой инициативы; и идеал—это выработка совершенно самостоятельных программ и методов, на основе предварительных педагогических опытов-изысканий—этот идеал еще очень далек от нас“ [1]).

Применение образовательного метода покоится на прочных психологических предпосылках. Главнейшее место в ряду

[1]) В. А. Невский. „Новые пути в занятиях со взрослыми (отрывки из одного реферата)“. Сборник статей по внешкольному образованию. „Задруга“. Петроград, 1917, стр. 57.

их имеет психологический закон апперцепции. Этот закон состоит в том, что человеческой психикой с большей легкостью воспринимается и прочнее усваивается такой материал, который более близок к тому запасу представлений, переживаний и т. д., который уже ранее в ней имеется. „Выделению в сознании одних душевных образований за счет других,—говорит немецкий психолог Эббингхаус,—существенное содействие оказывает существование соответствующих этим душевным образованиям, т.-е. сходных с ними представлений“ [1]). Ясно, что только то может быть прочно и навсегда закрепленным в сознании человека, только то может лечь в основу его жизнеповедения, что находится в строгом соответствии с данными прежнего жизненного опыта. Новое воспринимается лишь тогда, когда оно имеет точки соприкосновения с прежним: лишь тогда оно ассимилируется, усвояется человеческой психикой, делается неотъемлемой частью его существа. Навязываемое знание к душе не пристанет,—говорил великий мудрец древности Платон. Современный философ М. О. Гершенсон по этому поводу вполне справедливо отмечает: „Идея и знание плодотворны для меня лишь тогда, когда они естественно родились во мне из моего личного опыта, или когда я ощутил неодолимую потребность в них; усвоенные же извне и без естественной потребности, они подобны гуттаперчевым воротничкам, зонтам, калошам и часам, которые надевает на себя, выменяв у европейца, голый негр в дебрях Африки“ [2]). Образование обязательно должно иметь в виду наличие потребности в нем, наличие того материала, на котором может быть основано все здание.

Указывая в качестве психологической предпосылки применения образовательного метода во внешкольной работе наличие известного количества апперцепирующего материала, мы снова видим различие в применении этого метода в школьных и внешкольных учреждениях. Аудитория в том и другом случае различна, Внешкольнику приходится иметь дело со взрослыми людьми, и этим определяются приемы его работы. Взрослая аудитория имеет свои особенности, частью неблагоприятные и частью исключительно благоприятные для применения образовательного метода. Неблагоприятная сторона, хорошо известная всякому, кому приходилось вести занятия со взрослыми, состоит в том, что взрослый человек уже обременен всевозможными обязанностями, требующими от него большой затраты времени и, главное, энергии. Зачастую наш курсант приходит в школу уже не со свежей головой, а уста-

[1]) Г. Эббингхаус. „Основы психологии“. Т. I, в. 2. Спб. 1912, стр. 157.
[2]) Вяч. Иванов и М. О. Гершенсон. „Переписка из двух углов“. „Алконост“. Пгр. 1921, стр. 18.

лым, утомленным, расслабленным предшествующей работой. Но зато у наших слушателей есть и громадное преимущество, которого нет у детей. Это — богатый материал житейского опыта, который составляет достояние каждого нашего ученика. „Человек взрослый,—говорит Эббингхаус,—обладает довольно обширным и богато разветвленным запасом представлений. Поэтому, когда какое-нибудь психическое образование живо захватывает его сознание, оно по ассоциации вызывает к жизни множество представлений, которые в свою очередь содействуют вступлению в сознание других частей или других сторон первого образования“ [1]). Апперцепирующего материала у взрослого несравненно больше, чем у ребенка или юноши. В силу этого знание дается взрослому легче, чем ребенку, если только суметь связать новое со старым, уже имеющимся запасом сведений. Правда, в некоторых случаях этот материал сомнительного качества, но он всегда дает возможность сделать его точкой приложения всех сообщаемых знаний. Это уже дело искусства культурника—сделать из недоброкачественного, полного предрассудков и ошибочных мнений, материала жизненного опыта данного субъекта возможно лучшее применение, парализовав его вредную сторону. Пользование методом обучения во внешкольных учреждениях и должно в сущности сводиться к тому, чтобы учесть в свою пользу это благоприятное обстоятельство. Весь свой образовательный материал культурник должен связывать с тем запасом жизненного опыта, который имеется у каждого его слушателя.

Но это еще не все. Применение образовательного метода не ограничивается содействием росту человеческого интеллекта, расширением его умственного горизонта; оно должно оказывать такое же влияние и на волю человека, на его активность, являться стимулом к практической деятельности. А это возможно лишь в том случае, если сами знания носят определенный жизненный характер, если они даются в такой форме, что могут быть использованы в практической сфере. Гермониус говорит: „Образование само по себе есть сила потенциальная; для того, чтобы оно превратилось в силу кинетическую, двигательную, необходимо его связать с окружающей природой и действительной жизнью населения: таков должен быть основной устой организации внешкольного образования по внутреннему его существу“ [2]).

Всякое знание вообще является подлинным живым знанием, силой, действующей в мире, только тогда, когда оно

[1]) Г. Эббингхаус. „Основы психологии“, т. I, ч. 2, стр. 176—177.

[2]) А. К. Гермониус. „Опыт проекта планомерной организации внешкольного образования в Спб. губ.“ Спб. „Зем. Вестник“, 1913, XII, стр. 100.

связано с жизнью, отвечает ее запросам. Правильно отмечает в одном из своих беллетристических произведений Ромэн Роллан: „Истина—не мертвая догма, выделяющаяся из извилин мозга, как сталактит из щелей грота. Истина—это жизнь". И научная истина, или целая система знаний, только тогда является действующей силой, активной величиной, когда имеются точки соприкосновения ее с практической жизнью.

Мы можем убедиться в этом на многочисленных примерах. „Всякое научное открытие и изобретение должно отвечать запросам времени. Тогда только совершивший его становится великим человеком. В противном же случае его подвиг останется незамеченным, а имя—безвестным. Никто не знает имени того норманна, который уже в тысячном году открыл Северную Америку,—тогда новые материки не нужны были европейскому рынку. Но славой величайшего из героев венчало человечество Колумба, открывшего Америку в пятнадцатом веке, когда развитие производительных сил властно требовало новых рынков, новых источников металла. Русское народное хозяйство в эпоху Иоанна Грозного не нуждалось в летательных аппаратах,—потому, в ответ на изобретение каким-то „смердом Никиткою" машинки с деревянными крыльями, последовал царев приказ: „человек—не птица, крыльев не имать; аще же приставит себе аки крылья—противу естества творит: то не божье дело, а от нечистой силы; за сие дружество с нечистой силой отрубить выдумщику голову, а выдумку, аки дьявольскою помощью снаряженную, после божественной литургии огнем сжечь". Когда же в двадцатом веке граф Цеппелин построил такую машинку с крыльями, то Германия, увидевшая в авиации могучий рычаг для увеличения своей экономической мощи, объявила Цеппелина одним из величайших гениев мира [1]). Приведенных двух примеров, думается, достаточно для иллюстрации того положения, что только знание, отвечающее потребностям жизни, есть подлинное научное знание, только оно является актуальной движущей силой. Знание же теоретическое, отрешенное от жизни, есть знание мертвое, бесплодная истина, ненужный хлам, излишняя роскошь, бесполезный балласт, совершенно понапрасну обременяющий собою человеческий мозг. Настоящая ценность знания определяется тем, насколько оно отвечает потребностям своего времени. Нельзя не согласиться со словами Невского: „истина—не капризная воля богов, не незыблемые законы природы, а рабочее оружие человечества; это—созданный нами же инструмент, годный только до тех пор, пока

[1]) С. Я. Вольфсон. „Диалектический материализм". Курс лекций, читанный в Белорусском университете. Минск, 1922, стр. 226—227.

нет лучшего; это—наиболее экономная концентрация нашего опыта, наиболее острое в данное время оружие в борьбе человека с природой" [1]).

Само собой понятно, какой вывод из сказанного должны мы сделать в приложении к образовательному методу культурной работы. „Практический характер и временно условная ценность всякого научного закона обязывает нас как можно дальше держаться от всякого догматизма и отвлеченности. Все для жизни, для очередных ее задач—вот основное требование современной педагогической мысли" [2]). Выполнение этого требования и составляет сущность, „душу живу" образовательного метода просветительной работы. Известно это требование уже давно, и возражений принципиального характера оно себе не встречает,—вопрос идет лишь о лучшем его осуществлении. „Что является более доступным и привлекательным для главной массы населения,—спрашивает известная своей деятельностью в области внешкольного образования В. С. Костромина:—отвлеченные знания, или такие, которые непосредственно связаны с местом его жительства, с его ежедневными занятиями, с его непосредственными нуждами? Ответ ясен, потому что, без этого интереса к занятиям, каким путем привлечь к ним взрослого человека, усталого от тяжелой, продолжительной работы?" [3]) Немного далее она продолжает: „Бескорыстное стремление к знанию—явление, очень часто встречающееся в школе для взрослых, но его нельзя требовать от всех, и школа, пойдя навстречу запросам жизненного характера, не погрешит против науки, потому что возбудит к ней более прочный и сознательный интерес, привлечет такой элемент, который иначе не пошел бы в школу" [4]). Все внешкольные учреждения чисто-образовательного типа должны всемерно стремиться к тому, чтобы связать знания с жизнью, сделать знание частью жизни. Прежняя школа грешила тем, что была оторвана от жизни, была школой учобы, сухого, схоластического знания. Этот недостаток теперь уже изжит. Внешкольные образовательные учреждения должны возникать из жизни и для жизни, и все приемы работы в них должны иметь равнение по данному положению. Образцом для наших образовательных учреждений должна служить американская система образования, принятая в стране практичных янки. Сущность ее состоит в следующем. Американ-

[1]) В. А. Невский. „Новые пути в занятиях со взрослыми". Сборник статей по внешк. образованию. Петроград, 1917, стр. 60—61.

[2]) Там же, стр. 61.

[3]) В. Костромина. „Школы и курсы взрослых". Практическая школьная энциклопедия. Москва, 1912, стр. 638.

[4]) Там же, стр. 643—644.

ский бой заканчивает общеобразовательную школу чрезвычайно рано, годов четырнадцати, самое большое—пятнадцати лет. После этого он должен окунуться в жизнь, занять какую-либо небольшую должность, напр., стать клэрком в бюро или конторе. Это своего рода искус. В продолжение нескольких лет юноша должен обнаружить, к чему он имеет склонность и чего от него требует жизнь. Он может в этот период переменить несколько занятий: это не считается предосудительным. Но он должен найти свое дело, определить свое место в жизни, и затем, вновь поступив в школу, теперь уже специального характера, выйти из нее вполне образованным человеком. Дело образования в Америке тесно сплетается с жизнью. Зато сколько страна имеет видных общественных деятелей, ученых, адвокатов, инженеров и т. п., на какой высокой ступени развития стоит там промышленность и техника.

Подобной согласованности с жизнью должны добиваться и наши школы, тогда и общий эффект образовательного дела будет сходным. Работу внешкольных учреждений образовательного типа известный деятель в области внешкольного образования Е. Н. Медынский определяет в следующих чертах: „Направить жаждущего знания по верному пути, удовлетворить его смутному стремлению к духовному развитию, пробудить в нем любознательность и дремавшую ранее мысль, дать схему последовательного приобретения знания, указать, с чем именно из громадной области знания он должен ознакомиться прежде всего и в какой последовательности, и тем самым приучить его в дальнейшем самостоятельно пользоваться средствами к самообразованию—таковы задачи школы для взрослых. Расширяйте кругозор пришедшего в школу, заставьте его углубленно оглянуться вокруг себя и систематизировать прежде всего те сведения из окружающего мира, обрывки которых он получил в общежитии; покажите ему при свете знания те явления жизни, мимо которых он, не задумываясь, проходил раньше; постепенно, переходя от местного, известного к общему, неизвестному, создайте у пришедшего в вашу школу яркое, красочное представление и понимание причинной зависимости явлений; научите его сравнивать, различать и обобщать явления окружающей жизни и тем самым укажите применение полученных знаний в практической жизни; сообщите лишь общие схемы научных знаний, которые он пополнит сам чтением книг во время пребывания в школе и дальнейшей самообразовательной работой,—и таким образом вы выполните указанные задачи“ [1]).

---

[1]) Е. Н. Медынский. „Методы внешкольной просветительной работы“. 2-ое изд. „Наука“. Москва, 1918, стр. 118.

Выше мы отмечали, что дело образования—процесс длительный. Здесь необходимо отметить, что в некоторых случаях приходится прибегать к организации учреждений краткосрочного характера—курсов, конференций, съездов, семинариев, посвященных разработке определенного вопроса и т. п. Зачастую краткость времени, уделяемая систематическому прохождению курса, ставится нам в упрек и отмечается, как главный недостаток нашей системы образования. Обычно говорят: „Ну что там ваши курсы!.. Разве можно что-либо основательно усвоить в какие-нибудь два-три месяца, пусть даже и год?“ Отчасти, может-быть, это и правда, но в целом и вообще данное утверждение несправедливо. Мы, внешкольники, имеем данные считать эту кратковременность в известных случаях скорее достоинством нашей системы образования, нежели ее недостатком. Нужно помнить: ars longa, vita humana brevis est. Сама жизнь вынуждает дорожить временем. Она движется с лихорадочной быстротой, нервно-ускоренным темпом. С неудержимой силой разламывает она стены прежде замкнутых учебных заведений. Все усложняющиеся потребности жизни требуют знания по различным областям. Чтобы итти с жизнью рука об руку, ни на шаг от нее не отставая, необходима организация именно краткосрочных школ, курсов и семинариев, ибо лучший учитель—это сама жизнь.

Перед нами прошли три основных метода культурно-просветительной работы. Внимательному читателю нетрудно было уловить подчеркнутую нами мысль, что все эти три метода составляют единый организм культурно-просветительной работы. Здесь мы имеем начало, средину и конец. Агитация привлекает, возбуждает интерес; пропаганда укрепляет и углубляет этот интерес, дает первую пищу пробудившемуся стремлению к знанию, а обучение или образование завершает этот процесс, дисциплинируя неопытный ум систематической проработкой известной области научного знания. Каждый метод, помимо общих психологических и социологических предпосылок, имеет самостоятельную психологическую базу: агитация строится в расчете на восприимчивость и легкую возбуждаемость чувств, пропаганда учитывает прочность неоднократно повторяющегося восприятия, образовательный метод обращает в свою пользу закон апперцепции и ассоциации. Формы приложения каждого из методов различны и с трудом даже поддаются учету. Но для каждого культурно-просветительного учреждения приложение всех этих трех методов безусловно необходимо, потому что только при этом условии оно может развить maximum таящейся в нем энергии и достигнуть наилучших результатов. *С. Шафт.*

Современное состояние клубного дела.

История русских рабочих клубов дореволюционного периода скорбна, но немногосложна. Все другие виды внешкольной работы от старейшей—библиотеки—до самой новой—Народного Дома—успели еще до революции хоть до некоторой степени отлиться в определенные формы, приобрести известный опыт, найти своих практических работников и теоретических истолкователей. Клубы же, гонимые правительством и игнорируемые внешкольниками, существовали только в крупнейших центрах страны, в наиболее развитых рабочих районах, и роль их, и политическая и культурная, была в общем незначительна.

Для характеристики отношения к клубам, как к форме внешкольной работы, достаточно напомнить, что автор по существу единственной на русском языке энциклопедии внешкольного образования, Е. Н. Медынский, даже в послереволюционных изданиях своих книг, только называет „клубы для рабочих“ в ряду „форм содействия внешкольному образованию“, не считая нужным посвятить им и пары строк. Лишь в недавно выпущенной книге „Энциклопедия внешкольного образования“ (Пгр. 1923 г.) Медынский посвящает несколько страниц народному клубу, рассматривая его, как завершение работы Народного Дома. Совсем не говорят о клубах и другие авторы, пытающиеся охватить все формы внешкольного образования (Вахтеров, Чарнолуский), даже Звягинцев в „Словаре внешкольного образования“, вышедшем уже в 1918 г., не нашел совсем нужным включить слово „клуб“. Вообще тщетно стали бы мы искать в литературе до 1917 года какого-либо обобщающего или методического материала по клубному делу.

Революция, круто повернув все направление внешкольной работы в России, сразу выдвинула клуб, как одну из центральных форм работы. Все исторические традиции французской революции, и старая связь подпольных социалистических организаций со столичными рабочими клубами и, главное, тот самодеятельный характер клубной работы, который стал особенно цениться вышедшим на простор рабочим классом,—все направляло особое внимание на эту форму внешкольной работы, дотоле бывшую на положении пасынка.

Клубы вошли в „моду“, организация их во что бы то ни стало начала считаться обязательной, явились и попытки подвести теоретический фундамент под клубную практику.

Но если присмотреться к современной литературе клубного дела, то и здесь мы имеем только первые камни клубной теории, скорее постановку вопросов, чем их разрешение. Трудно согласиться с мнением В. А. Невского [1]), что литература о клубах „довольно богата“. В действительности ее составляют или популярные брошюры, иногда хорошие, но только намечающие для неопытного работника основные виды работы клуба, или статьи, посвященные довольно абстрактному спору о том, что такое клуб. В лучшем случае дается ряд отдельных полезных практических указаний о работе в клубе. Но в общем методика клубного дела еще находится в совершенно зачаточном состоянии. „Если организационные вопросы клубного дела в какой-нибудь мере разрешены, то этого нельзя сказать о вопросах метода клубной работы“,— констатировал недавно орган, руководящий клубным делом республики [2]). Несомненно, и в области организационной и в области методической уже накопилось немало опыта, но он еще не подытожен, не сделаны еще выводы и обобщения.

Первый вопрос клубного дела—о задачах и характере клубной работы—разными авторами освещался по-разному. Клуб—„общественный домашний очаг“ (Н. Крупская [3]), М. Растопчина [4]), клуб—„основной очаг пролетарской культуры“, являющийся „социально-организованной формой отдыха и свободного культурного творчества, лабораторией коллективных переживаний и школой общественных навыков“ (В. Невский [5]); клуб—„перевоспитатель рабочих масс на почве общественно-классовых инстинктов“ (Р. Пельше [6])—так определялись задачи клуба идейными руководителями клубного дела. Клуб должен стать „универсальной студией практического выполнения рабочей культурной программы, ее живой лабораторией“, „дать возможность проявиться творческим порывам“ (Ф. Калинин [7]); основа клубной деятельности—„коллективная рево-

---

[1]) В. А. Невский. „Что читать по внешкольному образованию“. Кострома, 1900, стр. 36.

[2]) „Спутник клубного работника“, изд. Главполитпросвета. М. 1922, предисловие (за подписью—„Клубный отдел Главполитпросвета“), стр. 3.

[3]) „Чем должен быть рабочий клуб“ в журн. „Пролетарская культура“, 1918 г., № 4, стр. 23—25.

[4]) „Курсы для подготовки работников в рабочих и крестьянских клубах“, под ред. В. А. Невского. Костр., 1919, стр. 13.

[5]) Там же, стр. 10.

[6]) „Спутник клубного работника“, стр. 13.

[7]) „Рабочий клуб“ в журнале „Пролетарская культура“, 1918 г., № 2.

люционно-творческая работа“ (С. Кржижановский [1]); клуб „должен строиться на творческой самодеятельности своих членов и должен являться прообразом будущих общественных форм“ (С. Кривцов [2]),—постулировали деятели Пролеткульта, еще резче выдвигая творческий момент.

И те же мысли повторяются в резолюциях съездов и совещаний, обсуждавших постановку клубной работы: „Рабочей мастерской пролетариата по выработке своей культуры является пролетарский клуб. Это возможно только в том случае, если вся работа клуба будет строиться на творческой активности всех его членов“,—заявлял Всероссийский Съезд пролеткультов [3]). „Очагами социалистической культуры и пролетарского творчества, воспитывающими коммунистическое мировоззрение масс, новые общественные навыки и принципы общежития и создающими новые эстетические формы“, считал клубы—„самодеятельные творческие организации“—I-й Всероссийский Внешкольный Съезд [4]). „Клуб—мастерская пролетарской культуры, клуб—коммуна, основанная на самодеятельности, самоуправлении ее членов“, клуб—„прообраз будущих общественных отношений“—формулировала Петроградская клубная конференция [5]).

Так, в разных словах, с разными уклонами и деталями, но везде отчетливо выступала общественная самодеятельность, переходящая на высших ступенях своих в коллективно-творческое начало, как точка, в которой сходились все построения клубного идеала.

И, переводя те же принципы на более сухой язык, последняя редакция столько раз переделывавшегося, образцового устава клуба намечает, как цель и задачу клуба: „1. Сплочение масс рабочих в товарищескую семью на почве пробуждения и всестороннего углубления классового самосознания, культурно-творческой самодеятельности, а также предоставления разумного отдыха и развлечения. 2. Вовлечение широких масс трудящихся в сознательное действенно-политическое и хозяйственное строительство... 3. Коммунистическое перевоспитание масс трудящихся (и отдельного человека) на живых примерах из окружающей действительности и путем искоренения всяких предрассудков, мещанских и буржуазных на-

[1]) „Пролетарский клуб“ в журн. „Горн“, 1918 г., № 1.

[2]) „Протоколы первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 15—20 сент. 1918 г.“, под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., 1918, стр. 90.

[3]) Цитированные протоколы, стр. 39.

[4]) „Внешкольное образование“, изд. Союза коммун Север. обл., № 6—8, стр. 17.

[5]) „Петроградская общегородская конференция рабочих клубов 15—18 мая 1920 г.“, стенографич. отчет. Пгр., 1920, стр. 133.

выков, традиций и понятий“ [1])... Во всех приведенных формулах речь идет собственно не о клубе вообще, а специально о рабочем клубе; и не только совещания рабочих организаций или их печатные органы, но даже Всероссийский Внешкольный Съезд поставил на свое обсуждение и вынес резолюцию только по вопросу о рабочих клубах. Но и деревенской клубной ячейке—избе-читальне—предлагается, как задание,—„поднятие общего уровня умственного развития крестьян и сельскохозяйственных рабочих и содействие распространению политических знаний; сплочение масс трудового крестьянства и выработка общественной самодеятельности; целесообразное использование досуга трудовых масс для разумного отдыха и развлечения; борьба с мелко-буржуазными взглядами на жизнь путем перевоспитания трудового элемента в коммунистическом духе; вовлечение масс в общественно-хозяйственную и политическую работу“ (п. 2) [2]).

Таковы широкие и высокие задачи, которые ставятся сейчас нашим клубам, и для разрешения их выдвигаются два основных методических принципа: первый—связь всех форм работы в клубе, и второй—по формулировке М. Ростопчиной—„единственный возможный в клубе метод работы—полная свобода, отсутствие всякого стеснения“ [3]).

От господствующей клубной идеологии спустимся к вопросам текущей жизни клуба. Наибольшее внимание до сих пор привлекали вопросы организационные, все пять лет революции практики клубного дела бьются над нелегкой задачей отыскания наилучших организационных форм. Процесс созидания клубов, протекавший вначале совершенно стихийно, создал недостаток клубов в одних случаях и гипертрофию—в других. Из возникших клубов одни, имея прочную почву, были действительно кипучи и деятельны, другие же—плод минутного подъема настроения или энергии отдельного лица—почти сразу начинали влачить самое жалкое, искусственно поддерживаемое существование. Громадное количество клубов в рабочих центрах, несоразмерное с нашими культурными потребностями и силами, уже очень скоро стало внушать серьезные опасения. „Что особенно характерно для нашего времени,—писал И. Кубиков еще в 1918 г.,—так это чрезвычайное распыление культурно-просветительной работы: существуют районы, где функционирует до 8 рабочих клубов, как партийных, так и беспартийных. Причем это раз-

[1]) „Устав местного клуба“, в „Спутнике клубного работника“, стр. 78.

[2]) „Положение об избе-читальне“, в „Спутнике клубного работника“, стр. 86.

[3]) М. Ростопчина. „Культура наша“, в 1-м Сборнике Костромского Пролеткульта, 1919 г., стр. 8 (разрядка автора).

дробление приводит к существованию прямо-карликовых просветительных организаций" [1]). Являлось естественное стремление, по чисто-организационным мотивам, ввести клубное движение в некоторое русло, не давая ему растекаться пространственно, превращаясь в обширное, но стоячее болото; стремление создать меньшее количество, но более серьезно поставленных клубов. С централизацией всей просветительной работы в руках государства, усиливалась эта организационная тенденция, а кроме того присоединился и вскоре стал доминировать мотив политический—большое количество мелких учреждений превращалось в препятствие для проведения единой правительственной просветительной политики. Наконец, поскольку на государство легла тяжесть содержания всех клубов, финансовые соображения также толкали в сторону „уплотнения" клубных организаций.

В Петрограде централизация клубной работы производилась еще в 1919—20 г., и состоявшаяся весной 1920 г. конференция рабочих клубов принципиально обосновала централизаторскую тенденцию, целью которой было, с одной стороны, установление единого руководства клубами, а с другой—замена многих мелких клубов меньшим числом клубов крупных. Конференция прямо выдвинула, как основной организационный лозунг—„централизацию всех ныне существующих рабочих клубов и непосредственное руководство их единым органом—клубной секцией Компроса" [2]). На очередь все больше ставился вопрос о выработке единой клубной сети. Впрочем, вопрос о клубной сети стоял еще перед Всероссийским Внешкольным Съездом, но тогда, в пору весеннего расцвета надежд на широкую внешкольную работу, вся забота была только о том, чтобы страна была обеспечена необходимым числом просветительных организаций; речь шла не о сокращении числа клубов, а об организации по сетевому принципу необходимого количества клубов и Народных Домов, причем Съезд специально оговаривал, что организация всяких начинаний „сверх этого минимума предоставляется свободной творческой инициативе всяких культурно-просветительных организаций и учреждений и самодеятельности населения" [3]).

В совершенно иной плоскости стал ставиться вопрос о сети ближе к нашим дням, и на 2-м Съезде политпросветов, в октябре 1921 года, уже принимаются проникнутые сокра-

[1]) „Петроградские рабочие клубы в революционный период 1917—18 г." в журн. „Вестник Культуры и Свободы", 1918 г., № 3—4, стр. 57.

[2]) „Петроградская общегородск. конференция рабоч. клубов 15—18 мая 1920 г.", стр. 134.

[3]) „Внешкольное Образов.", № 6—8, стр. 23.

тительным духом тезисы заведующего пропагандистским отделом Главполитпросвета Яковлева, которые провозглашают необходимость „по отношению к школам взрослых, клубам и библиотекам особенно настойчиво проводить принципы твердой минимальной сети... максимальной загруженности каждого политпросветучреждения, максимального сокращения административного персонала"; конкретно—должен существовать „как правило" 1 райклуб на 30000 населения и 1 (народный дом) на волость.

Таким образом теперь речь идет о сохранении минимального числа клубов, об уничтожении прежде всего „клубов-вывесок", „клубов-паразитов", о введении в рамки единой клубной сети остающихся необходимых и только безусловно жизнедеятельных клубов. Принципы построения такой сети были разработаны „деловым совещанием клубных работников" и утверждены Главполитпросветом 28 сентября 1921 г. в виде „Положения о единой сети и типах клубов Р. С. Ф. С. Р.".

Положение знает вертикальное деление клубов на клубы городские, деревенские и красноармейские, и горизонтальное деление всех этих клубов на два типа: клубы местные и районные. Местный городской клуб может быть организован при каждом предприятии, рабочем общежитии и пр., объединяющем не менее 400 человек (§ 9), „районный клуб организуется в наиболее подходящем в территориальном отношении сосредоточении (?) рабочих масс из рассчета один райклуб на 20—30 тысяч населения" (§ 11). В деревнях местным клубом является изба-читальня. Таким образом совершенно определенно разрешается, по крайней мере для сегодняшнего дня, спор о том, должна ли изба-читальня считаться клубной ячейкой или библиотечной. Впрочем, заведующий пропагандистским отделом Главполитпросвета Яковлев спешит оговорить (в докладе, принятом на съезде ОНО 29 сент. 1921 г.), что не следует увлекаться „немедленным превращением избы-читальни в клуб, где основная работа строится на основах самодеятельности". Избы-читальни должны быть организованы при наиболее важных образцовых хозяйствах, совхозах, комхозах, в местах сосредоточения кустарей, в наиболее населенных пунктах, имеющих до 100 человек жителей и расположенных от других селений радиусом 2—3 версты (§ 17). „Районный клуб в деревне—Нардом—должен быть организован в районах, к которым тяготеют в бытовом, экономическом и административном отношениях окрестные селения радиусом 8—12 верст" (§ 23) [1]). О красноармейских клубах положение о клубной сети говорит довольно глухо, но орга-

[1]) „Спутник клубного работника", стр. 54—56.

низационная сторона красноармейских клубов разработана подробно в специальном „Положении о клубах Красной Армии и Флота Р. С. Ф. С. Р.“, утвержденном Реввоенсоветом в декабре 1921 г. [1]). Местные клубы организуются при отдельных войсковых частях, на линейных кораблях и крейсерах, в некоторых случаях и при отдельных батальонах, при военных учреждениях, лечебных заведениях и т. п. Районные клубы—при дивизиях, а также при политических управлениях армий, округов, фронтов и флотов.

В единую клубную сеть должны войти и клубы производственных союзов, и работающие по особым уставам клубы национальных меньшинств, научно-технические клубы, клубы Р. К. С. М. и т. д. Даже Пролеткульту, хотя и предоставлено организовать свои клубы „самостоятельно, но вхождение последних в общие клубные объединения—обязательно“.

Деление клубов на местные и районные неизбежно выдвигает вопрос об их взаимоотношениях и ставит районный клуб, особенно в деревне, как бы в положение руководящего, даже административного центра. Такое понимание было господствующим на местах, где Народные Дома фактически сливались с волполитпросветами; такое толкование было не чуждо и крупнейшим центрам просветительной работы. Так, докладчик о целях и задачах пропагандистского отдела на петроградской конференции политпросветов летом 1921 года говорил со всей определенностью, что клубы должны быть построены „на началах секториальных“, клуб будет „политпросветом своего сектора“ [2]). И хотя объяснительная записка к Положению о единой клубной сети считает нужным как будто энергично ополчиться против „вредных уклонов, осужденных уже практикой, которые мы видим в тенденции превратить нардомы в волполитпросветы“, но и положение о сети и уставы клубов дают достаточную опору для продолжения практики, разрешавшей старый спор внешкольников о роли Народного Дома в пользу передачи Народным Домам организационно-административных функций. Районный клуб, по положению, должен объединять „идейно и в известной степени организационно работу местных клубов“ (§ 7), а Положение о народном доме еще определеннее говорит, что Народный Дом является „районным центром, направляющим и руководящим совместно с волпросветорганизатором в идейном отношении работой изб-читален и политико-просветительных кружков своего района“ [3]).

---

[1]) Приказ от 12 декабря № 2799 (цитировано по приказу политич. управл. Петрогр. военн. окр. от 9 февр. 1922 г., № 62).

[2]) „Вестник Политпросвета“, 1921 г., № 1.

[3]) „Спутник клубного работника“, стр. 89.

Идея создания районных клубов, теоретически как будто правильная, в практике клубной жизни порождала, однако, немало явлений, болезненно отражавшихся на развитии клубной жизни. Не будем много останавливаться на тех уродливостях, к которым приходили слишком усердные централизаторы на местах, как в Пензе, где были попросту закрыты все фабрично-заводские клубы [1]); но и нормальная практика централизации часто разрушала живые организмы, с трудом насаждая новые, гораздо менее жизнеспособные, районные клубы. Крайнее увлечение районными клубами было общим. Мы уже видели выше петроградскую точку зрения, но и московская клубная конференция 12 декабря 1920 г. приняла тезисы, низводившие даже „наиболее жизненные, хорошо работающие фабрично-заводские клубы" на положение „филиальных клубов участкового клуба" [2]). А между тем особые черты, присущие клубу, именно необходимость создания интимности, глубокой внутренней спайки членов, делают часто гораздо более жизненным самый скромный маленький клуб, объединяющий рабочих, уже связанных работой в одном заводе, или рабочих одной профессии, объединяемых не только высокими и для многих далекими идеалами рабочего класса, но и житейской повседневностью. Поэтому нисколько не удивительно, что московский губполитпросвет вынужден констатировать, что „участковые клубы по целому ряду причин еще не завоевали доверия масс" [3]). Поэтому же под большое сомнение надо взять кампанию, поднятую против клубов профессиональных союзов, которая привела к категорической резолюции петроградской клубной конференции 1920 г.— „полный отказ в клубном строительстве от профессионального цехового принципа и создание районных клубов" [4]). И не даром еще на той же конференции раздались голоса рабочих, представителей районов, предостерегающие против огульной политики централизации. Профессиональные клубы были разрушены, сохранившись в очень небольшом числе, да и то в виде наиболее далеких от масс центральных клубов [5]).

Ликвидированы были во славу принципа единства централизации и довольно широко распространившиеся коопе-

[1]) Там же, стр. 99.

[2]) „Работникам клубов Москвы и Московской губ.", 2-е изд., под ред. Д. Элькиной. М., 1921, стр. 6.

[3]) „Информационный бюллетень Отд. Нар. Обр. Моск. Сов. Раб., Крест. и Крас. Деп." 1921 г., № 8—9, план работы пропаганд. подотд. на 1921—1922 год.

[4]) Цитированный выше стенографический отчет, стр. 134.

[5]) Напр., в Московской губернии оставлено было „по 1 клубу на губернское объединение профсоюзов".—„Информац. бюллет.", там же.

ративные клубы. По другим причинам, но та же участь постигла и партийные клубы. Возникшие в 1917 г. в большом числе клубы социалистических партий естественно исчезли с прекращением легального существования самых партий, клубы же коммунистические были одно время признаны ненужными. Говоря о работе в деревне, Н. К. Крупская писала: „Устраивается партийный клуб (да притом со столовой), вызывающий общее раздражение на коммунистов, где развлекаются члены партии, масса населения остается вне влияния коммунистов“ [1]). Во имя вовлечения массы рабочих и крестьян и упрочения коммунистического влияния победил принцип формальной беспартийности. Его отстаивали в 1920 г. как партийные коммунистические организации, напр., московский комитет Р. К. П. [2]), так и работники-внешкольники на 3-м Всероссийском Совещании заведующих губернскими внешкольными подотделами (23—27 февраля 1920 г.) и в других случаях. И только за последнее время, на ряду с беспартийными клубами, в которых принимают активное участие и коммунисты, начинают в центрах снова возникать так называемые „дискуссионные“ партийные клубы.

Все чаще начинают раздаваться голоса и о восстановлении клубов кооперативных и говорят уже об этом не только кооператоры старой марки, но и кооператоры-коммунисты [3]).

Но до последнего времени постепенно уничтожались различные виды порожденных жизнью клубных образований, и на их место стремились создать единый тип советского клуба, все время сокращая и перекраивая сеть этих клубов.

Некоторый сдвиг в этом направлении наблюдается: в последнее время большое участие в работе клубов начинают принимать профсоюзы после отказа государства финансировать клубы и прикрепления большинства их к предприятиям. А резолюция 5-го Всероссийского Съезда профсоюзов (16—25 сентября 1922 г.) центром союзной культурно-просветительной деятельности считает „заводский рабочий клуб, причем заводский клуб должен быть не только очагом пролетарского просвещения и пропаганды классовой борьбы, но и местом отдыха рабочего после трудового дня“.

Здесь, как центр работы, выдвигается, как видим, не районный, а заводский клуб, более близкий рабочей массе.

---

[1]) „О работе в деревне в области внешкольного образования“ в брошюре того же названия („Библиот. внешкольника“, в. VIII). М. 1920 года, стр. 8.

[2]) „Работникам клубов Москвы и Моск. губ.“, стр. 5.

[3]) См., напр., доклад Пучкова на партконференции Нарвско-Петергофского района, „Петрогр. Правда“, № 166 от 27 июля 1922 г.

„Тяга к заводским клубам“ отмечается и в сводной статье „Политпросветработа профсоюза в цифрах“ [1]). Тот же клич приближения клубов к его клиентам слышим мы и в ряде статей в последнее время.

Так, Копелиович в ст. „Глубже к массам и ближе к жизни“ [2]) считает, что клубы должны не насаждаться сверху, а выпираться снизу, действенной и живой инициативой вовлеченных в процесс строительства политпросвета рабочих масс. Иначе сеть будет надумана, нежизненна, и Н. К. Крупская [3]), отмечая „ошибку прошлой практики“, призывает устанавливать связь населения с избой-читальней, втягивать население в самый процесс работы, пробуждать его активность и инициативу.

Принцип централизации проводился не только в смысле стремления к уничтожению мелких клубов, но и в задании всей клубной работе единого направления. Во главе работы клубов каждой губернии поставлены клубные отделения пропагандистского подотдела губполитпросветов, в задачи которых входит „инструктирование, планомерная организация и выработка общего плана деятельности клубных отделений Уполитпросветов и пр. органов, руководящих клубной работой“..., кроме того „организация клубов в губернском городе и руководство их работой“ [4]). При правительственном органе—клубном подотделе—создается, в качестве совещательного органа, клубный совет, состоящий из заведующих или председателей правлений всех клубов города. Клубный совет имеет временную ближайшую задачу—„содействие правильной и безболезненной реорганизации клубов и проведение в жизнь единой клубной сети“, и постоянную — учет и усовершенствование всех сторон клубной работы [5]).

Клубные подотделы имеют как бы свои органы на местах, в лице заведующих клубами. Положение заведующего клубом двойственное. С одной стороны, заведующие не избираются самими членами клуба, а назначаются политпросветом, причем, по общему правилу, заведующий должен быть членом Р. К. П. В работе своей он прежде всего является „проводником политико-просветительных заданий политпросвета“, „специалистом-политпросветработником“. Но с другой стороны заведующий должен сделать все, чтобы не оказаться инородным телом в клубе. Для этого заведующий, по возможности, назначается из среды членов клуба, работу он

---

[1]) „Комм. Просв.“ М. 1923 г., № 7.
[2]) Копелиович. „Путь к коммунизму“. Х. 1922 г., № 8—9.
[3]) „Избы-читальни“. „Комм. Просв.“ М., № 4—5.
[4]) „Положение о клубных отделениях пропагандистского подотдела“ в „Спутнике клубного работника“, стр. 49.
[5]) „Положение о клубном совете“, там же, стр. 65.

должен вести совместно с правлением, с ячейкой Р. К. П., Р. К. С. М. и пр., и первейшая обязанность заведующего в работе—не отрываться от массы, превращаясь в администратора, а, наоборот, возможно ближе подойти к ней, прислушиваться к ее нуждам, запросам, настроениям. Заведующий клубом по идее должен не подавлять инициативы и самодеятельности членов клуба и правления его, а, напротив, содействовать их развитию, наблюдая, однако, за тем, чтобы „деятельность руководящего коллектива протекала в революционно-пролетарском духе“ [1]). Но в клубной практике слишком часто мы встречаем господство заведующего, плохо способствующее развитию клубной жизни в истинном смысле этого слова. Гораздо определеннее рисуется роль заведующего в клубах деревенского типа. Здесь заведующий народным домом даже по букве инструкции „как административное лицо, является организатором и руководителем всей деятельности нардома и всех организаций, возникших вокруг него в целом“; теми же словами определяет роль заведующего „Положение об избе-читальне“.

Итак, общее направление работы объединенных единой сетью клубов лежит теперь на государственных политико-просветительных органах. В первый период революции, в качестве объединяющих органов, по примеру дореволюционных клубов, образовывались в больших центрах „межклубные комиссии“ [2]). Позже пролеткульты претендовали на руководство „кузницами пролетарской культуры“. Так, напр., 3-я петроградская конференция пролеткультов в апреле 1919 года полагала, что все клубы должны быть включены в единую организацию, возглавляемую Пролеткультом [3]). Но все это отошло сейчас в область предания, и если у пролеткультов сохранилось стремление к автономии и на этой почве порой возникают трения с правительственными клубными органами, то, во всяком случае, пролеткульты не претендуют уж на руководство всем клубным делом.

Органами самоуправления клуба является общее собрание членов клуба и его исполнительный орган—правление. Но правление только в меньшинстве своем является избранником общего собрания клуба, посылающим в его состав (в местном клубе) 3 человек, остальные же члены правления назначаются заводским комитетом, культкомиссией, комячейкой, женотделом, Р.К.С.М. (по одному) (§ 22 устава); так же составляется правление районного клуба. При народ-

[1]) „Инструкция заведующему рабочим клубом“, там же, стр. 81—84.
[2]) „Внешкольное Образование“, № 1, стр. 13.
[3]) „Грядущее“, 1919 г., № 5—6, стр. 28—29.

ных домах и избах-читальнях, на ряду с заведующим, существует совет народного дома и совет избы-читальни, пределы полномочий которых довольно неопределенны. В состав этих советов входят представители Р.К.П., Р.К.С.М., производственных союзов, селькома, политпросветкомиссии военной части и пр., а также „представители местного населения" („Полож. о нар. доме", § 16, „Полож. об избе-чит.", § 22).

Управление красноармейскими клубами было до сих пор построено на совершенно авторитарных началах. В 1920 г. Съезд политпросветработников Красной Армии предлагал „предоставить усмотрению общего собрания красноармейцев вопрос о том, должно ли в данном клубе существовать правление или нет" [1]). В практике красноармейских клубов долгое время общим правилом является единоличное руководство заведующего клубом, и лишь много позднее на очередь ставится вопрос о проведении более соответствующей клубному духу структуры воинских клубов.

Управление клубом участниками его возможно только на основе правильно поставленного членства. Но вот тут-то дело и обстоит совсем неблагополучно. По уставу, членами местного клуба могут быть все рабочие и служащие данного предприятия не моложе 16 лет, а членами районного клуба — все граждане, являющиеся членами профсоюза, и красноармейцы. Положения о народном доме и избе-читальне института членства не знают совсем. Но и в рабочих клубах положение этого вопроса достаточно характеризуется хотя бы резолюцией Петроградской губернской клубной конференции, состоявшейся в конце мая 1922 г. Конференция, „находя вопрос в высшей степени назревшим и своевременным, предлагает всем работникам мест проводить у себя институт членства, агитируя и пропагандируя идеи членства на делегатских и общих собраниях, но, памятуя новизну вопроса и отношение к нему в некоторых группах рабочих, подходить к нему с тактом и осторожностью, индивидуализируя подход к вопросу в каждом отдельном случае".

О членских взносах не решались определенно говорить и уставы клубов; так, устав последней редакции лишь глухо упоминает, что, кроме субсидий политпросветов, клубы содержатся только на „отчисления, производимые членами клуба" и взносы организаций. Само собой понятно, что „отчисления" эти, как правило, оставались только в уставах. Наши клубы никогда не жили на свои средства. Их поддерживали создававшие их организации (профсоюзы, кооперативы, партии),

---

[1]) „Резолюции Всеросс. Съезда политпросветработников Красной Армии". Пгр., 1920.

а потом клубы полностью переходят на государственное содержание, которое ни в какой мере не обеспечивало удовлетворения нужд клубов. Сейчас, в дни, проходящие под знаком новой экономической политики, стал в новой постановке и вопрос финансирования клубов, тесно связанный с вопросом организационным. Местные клубы отнесены к числу тех культурно-просветительных учреждений, которые должны содержаться на счет хозяйственных органов из средств, отпускаемых предприятием, в размере 10% заработной платы, выплачиваемой данным предприятием. В связи с этим проведено прикрепление клубов к отдельных предприятиям и учреждениям. Вместе с тем на очередь стал вопрос о членских взносах и о платности пользования клубом. Детальная резолюция, вынесенная по этому вопросу клубной конференцией Петроградской губернии, рекомендует проводить в клубах следующие пункты платности: „членские взносы в не прикрепленных к предприятиям клубах“ (а „по общему желанию членов клуба“—и в прикрепленных клубах); платность участия в кружках, не носящих общеобразовательного или политического характера; платность обучения в школах для взрослых, не прикрепленных к предприятию; платность спектаклей и концертов (со скидкой для членов клуба); безусловная платность танцовальных вечеров; коллективная подписка на экскурсии. Для не-членов клуба платными должны стать и посещение лекций и пользование клубной библиотекой.

От планов, положений, инструкций по организации клубов перейдем к реальному состоянию клубного дела. Но попытка хотя бы внешне учесть положение клубного дела наталкивается на совершенное отсутствие сколько-нибудь полных данных хотя бы по отдельным местностям республики. Нельзя с достаточной достоверностью установить хотя бы число клубов. „По губернии нет точных цифр существующих клубов“, констатирует Московский Губполитпросвет [1]). Такая же справка дана была нам в Петроградском Губполитпросвете, что же в таком случае говорить о провинциальной статистике? „Деловое совещание“ констатировало, что клубная статистика поставлена, как следует, в одной только Иваново-Вознесенской губернии. Поэтому заранее оговариваемся, что те немногие цифры, которые мы считаем нужным привести по разным источникам, имеют весьма относительное значение.

---

[1]) „План работы пропаганд. подотд. Моск. Губполитпр. на 1921—22 г.“ в „Информ. бюллет. Отд. Нар. Обр. Моск. Сов. Раб., Кр. и Кр. Деп.“. 1921 г., № 8—9.

Первый клуб в Петрограде возник 13 апреля 1917 г., и к осени 1917 г. насчитывалось 70 клубов [1]).

После Октябрьской революции клубная работа сначала разлаживается, но к 1919 г. зарегистрировано снова 66 клубов в Петрограде и свыше 20 в пригородах и областях [2]). В октябре 1920 года насчитывается уже 130 клубов, к февралю 1921 года—200 клубов [3]), к осени 1921 года число клубов приближается к 300, и все это при непрекращающемся стремлении к сокращению числа клубов. И только летом 1922 г., после проведения очень энергичной сократительной кампании, число клубов падает до 60. К весне 1923 г. число клубов опять возрастает, превышая 120 [4]). В Москве на 1 июня 1921 г., тоже уже после очень значительного сокращения, остается включенных в сеть 150 клубов (в том числе 47 участковых) и около 180 воинских [5]). Характерно, что в начале 1919 года той же цифрой 180 определялось общее число воинских клубов по всей России [6]).

В провинции, начиная с 1917 года, клубы растут тем же темпом. Просматривая хотя бы хронику журналов Пролеткульта за 1918—19 гг., мы видим, как обозреватель, располагая, конечно, только случайными сведениями из присылаемых отчетов и той части провинциальной прессы, которая попадала в Петербург и в Москву, в каждом номере перечисляет десятки вновь возникших клубов. И здесь на ряду с названиями более крупных центров (Тверь, Саратов, Нижний-Новгород, Тула и пр.) мелькают и такие города и городки, как Балашов, Белев, Торжок, Весьегонск, Ефремово, Иваново-Вознесенской губ., Галич, Елец, Ливны, Липецк, ст. Калинковичи и т. д. и т. д. Возрастание числа клубов идет все время; так, по достаточно достоверным сведениям, имеющимся в материалах консультационно-справочного бюро Института внешкольного образования и др. данным, напр., в Вологодской губернии на 1 января 1919 года клубов не показано совсем, на 1 января 1920 г. их насчитывается 12, на 1 января 1921г.—22. Соответственные цифры для народных домов были: 22, 55 и 67. В Самарской губ. (включая город) после Октябрьской революции открыто до мая 1920 г. 58 клубов [7]). Насчитывается клубов в 1920 г. в Сапожков-

[1]) „Внешкольное Образование", изд. Союза коммун Сев. обл., № 1, стр. 13.

[2]) Там же, № 2—3, стр. 61.

[3]) „Петроградская Правда" от 19 февр. 1921 г., № 37.

[4]) По данным Петрогубполитпросвета.

[5]) „Информ. бюллет. Отд. Нар. Обр. Моск. С. Р., К. и К. Д.", 1921 года, № 10—11.

[6]) „Пролетарская Культура" 1918—19 гг., №№ 5, 6, 9—10, 11—12.

[7]) „Народное Просвещение", № 59—61.

ском уезде (Рязанск. губ.)—3, в Боровичском—22, Бологовском—11 и т. д. Народных домов: в Белозерском уезде в 1918 г.—1, в 1919 г.—5, в 1920 г.—7; в 1919 г. в Порховском уезде—9; в 1920 г. в Бологовском уезде—3, в Старорусском—3, в Каргопольском—5; по сведениям журнала „Народное Просвещение", в 1919 г. в Сердобском уезде—15, в Тамбовской губ.—36, в Черниговской губ.—25; в Ливенском уезде открыто с августа 1918 г. по февраль 1919 г.—14; в 1920 г. в Рославльском уезде—15, в Брянском—23, в Самарской губ.—59 [1]) и т. д. В таких городах, как Витебск, открывается до 1920 г. 12 клубов [2]), в Костроме в 1919 г. 13 клубов с 7000 членов [3]), в Рославле в 1920 г.—5 клубов [4]), в Ямбурге в один месяц открывается 3 клуба [5]). Даже в такой глуши, как Яренский уезд, если верить корреспонденту официального органа, в начале 1919 года было 10 клубов [6]).

В мае 1922 г. по разным уездам Петроградской губернии числилось: в Лужском уезде—37 клубов и 8 домов просвещения; в Петроградском уезде—16 клубов, 3 дома просвещения и 12 народных домов; в Детскосельском уезде—25 клубов, 2 дома просвещения, 6 народных домов и т. д. [7]). Интересная сводка была произведена на происходившем в сентябре 1921 г. „деловом совещании клубных работников". На совещании присутствовали представители 15 губерний (Омской, Иваново-Вознесенской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Вятской, Самарской, Костромской, Смоленской, Псковской, Ярославской, Архангельской, Нижегородской, Петроградской, Курской), Татреспублики и политического управления Западного фронта. По данным этого совещания существовало: „Клубов в 12 губерниях всего 1.506, т.-е. на каждую губернию в среднем по 120 (125? В. С.) клубов. Нардомов в 10 губерниях всего 856, т.-е. на каждую губернию в среднем по 85 Нардомов. Изб-читален в 11 губерниях всего 9.696, или по 872 (881? С.) избы-читальни на каждую губернию в среднем. Наименьшее число изб-читален—462—в Нижегородской губернии, наибольшее—в Орловской губ.—1.432" [8]). При большой

---

[1]) „Народное Просвещение", №№ 33, 39—41, 48—50, 59—61, 62—64, 71—73.

[2]) По материалам консульт.-справ. бюро Инстит. Внешк. Обр.

[3]) Статья Луначарского „Народное образование в Костроме" в „Народн. Просв.", № 39—41.

[4]) „Народное Просвещение", № 71—73.

[5]) „Пролетарская Культура", 1919 г., № 6, стр. 34.

[6]) Статья Г. Лебедева „По Северной коммуне" в журн. „Вестник Просвещения", 1919 г., №№ 1—9 (9—11).

[7]) По материалам Петрогубполитпросвета.

[8]) „Доклад о деловом совещании клубных работников" в „Спутнике клубного работника", стр. 99.

сомнительности всех этих цифр, особенно апокрифическими являются, повидимому, цифры, определяющие число изб-читален. Так, по данным от февраля 1921 года, полученным В. И. Лениным по специальному его запросу из Центропечати и библиотечной секции Московского Отд. Нар. Обр., число изб-читален по 38 губерниям и 305 уездам центральной Советской России определялось в 14.739, т.-е. 388 на губернию [1]). Как ни быстро насаждались избы-читальни, но никак нельзя допустить, чтобы за 6 месяцев число их выросло во всероссийском масштабе в $2^1/_4$ раза. А докладчик на Съезде отделов народного образования тов. Яковлев сообщил совершенно ошеломляющую цифру формально числящихся по всей России изб-читален—80.000. Такой разнобой официальных цифр полностью подтверждает общераспространенное мнение о том, как мало веры надо давать всяким данным нашей клубной статистики. И прав был тот же тов. Яковлев, когда на 2-ой конференции политпросветов (в октябре 1921 г.) он прямо заявил, что цифры по разным городам в клубной области „иногда прямо анекдотические“ [2]). Таким образом не надо обольщать себя иллюзией о громадной сети клубных ячеек, которыми как будто покрылась вся Россия. Последние данные статистики дают некоторое представление не только о количестве клубов, но и о движении их по годам.

По данным, приводимым Медынским [3]), в 27 губ. имелось:

	на 1/X 1920 г.	на 1/X 1921 г.
Клубов и нар. дом. . .	4019	5064 (из них 564 бездействующих).

Из 4.019 клубов, числившихся в 1920 г.—27,7% приходилось на долю городских, 72,3%—деревенских.

Число изб-читален на 1 октября 1921 г. по 41 губ. Европ. России, 6 автономным областям и 7 губ. Сибири равнялось 38.718.

В 1922 г. мы видим резкое понижение числа клубов в связи с переходом на самоснабжение. Из иллюстраций крупного масштаба можно привести движение числа клубов в ряде городов Украины с 1/I—1/V 1922 г. [4]).

---

[1]) Статья В. И. Ленина: „Вопросы просвещения в печати“, в „Народн. Просвещ.“, № 79.

[2]) „2-й Всеросс. Съезд Политпросветов“, бюллетень Съезда, № 4.

[3]) Медынский. „Внешкольное образование в РСФСР“. М. 1923 г.

[4]) Копелиович. „Глубже к массам и ближе к жизни“. „Путь к коммунизму“, X, 1922 г., № 8—9.

Название города.	Число клубов.		
	на 1/I 1922 г.	на 1/V 1922 г.	сокращ. в %.
Харьков.	100	7	93%
Киев	30	7	77%
Одесса	60	11	81,7%
Екатеринослав. . .	30	6	80%
В 4 гор. Украины .	220	31	80,6%

И все-таки, какие бы корни ни надо было извлекать из официальных и официозных статистических цифр, остается несомненным факт, что количественно мы имеем за истекшее революционное шестилетие громадное движение в клубном деле. Достаточно вспомнить, что до революции клубов у нас совсем не было, а народных домов, по очень основательному анкетному обследованию, произведенному работниками Лиговского Народного Дома в Петрограде, на 1 января 1914 г. насчитывалось в 499 уездах и 672 городах—всего 222 (+84 организующихся). Но, чтобы составить себе настоящее представление о положении клубного дела сейчас, надо присмотреться к внутренней жизни наших клубных организаций.

Если говорить об отдельных видах образовательной работы в клубе, то одной из наиболее распространенных форм работы является чтение лекций в клубе. По вычислениям, сделанным нами на основании данных Петроградского Губполитпросвета, относящихся к середине 1921 года, в 243 петербургских клубах, о которых имелись сведения, в среднем приходилось на каждый клуб 4,6 лекции в месяц при 51 слушателе в среднем. Непосредственное наблюдение над жизнью клубов заставляет думать, что эти цифры грешат большим оптимизмом. Характерно распределение лекций по роду затрагиваемых в них вопросов. 38,6% приходится на лекции по вопросам искусства и литературы, 31,7%—на различные научные лекции, только 29,7%—на лекции по политическим вопросам, организация которых всегда является предметом особого внимания руководящих клубных органов.

О лекционной работе в петроградских клубах в настоящее время имеются следующие данные: в Центр. районе в 21 клубе за 2-е полугодие 1922 года прочитано 247 лекций, на которых присутствовало 24.000 человек; из них 60 по вопросам естествознания и религии, 20—по истории литературы и 20—по

всем остальным отраслям науки [1]). Во всем Петрограде за $4^1/_2$ месяца (с 1 октября 1922 г. по 15 февраля 1923 г.) лекторским бюро Петрогубполитпросвета организовано свыше 1.650 лекций [2]). Распределялись они следующим образом: свыше 40% по вопросам естественнонаучным и антирелигиозной пропаганды, 15%—исторического характера (из них $^1/_3$ по истории революционного движения), 12%—по прикладным наукам, 12%—по общественно-правовым наукам и политической экономии и 11%—по истории литературы и искусству. В статье „Политпросветработа профсоюзов в цифрах“ [3]) имеется указание, что лекционная работа идет на убыль: на каждые 10 тысяч членов в начале 1921 г. приходилось 14 лекций, в конце—10, а в 1922 г.—5. Падает и посещаемость лекций: если в начале 1921 г. из 10 т. членов союза посетило лекции 655 человек, то в 1922 г. число это падает до 375.

В самых мрачных красках рисует состояние лекторского дела в Москве Д. Элькина, стоящая во главе местной клубной работы. „Можно насчитать много клубов, где по полгода не было лекций. А о губернии и говорить не приходится“ [4]). Если так обстоит дело в Москве, то насколько же трудно поставить лекционное дело в провинции, где нет лекторских сил. Но даже тогда, когда лекции происходят и собирают аудиторию (что бывает далеко не всегда), и проходят даже как будто удачно, только в виде редчайшего исключения они составляют органическую часть клубной работы и носят тот характер активного участия слушателей и связанности лекции со всеми другими формами работы, которые делают ценной лекцию в клубе. Обычно же заезжий лектор прочтет случайную лекцию перед незнакомой ему аудиторией, и тем дело ограничится. В лучшем случае после лекции состоится небольшая беседа, и вместо одиночных лекций читается небольшой цикл, который редко удается довести до конца с постоянной аудиторией. С наибольшим интересом выслушиваются и вызывают порой страстное обсуждение лекции на религиозные темы, да кое-какой интерес вызывают лекции на естественнонаучные темы, особенно по астрономии. Но, во всяком случае, в подавляющем большинстве случаев клуб является просто случайным помещением, где та или иная лекция проводится.

То же можно сказать про работу клубных библиотек. Количество книг в столичных клубах часто довольно значи-

---

[1]) Из данных Петрогубполитпросвета: доклад Евграфова на районной политпр. конференции 25 февр. 1923 г.

[2]) Подавляющая часть их читалась в организациях клубного типа.

[3]) „Коммун. Просвещение“. М. 1923, № 7.

[4]) Статья „Работа в клубах“ в „Информ. бюллет. Отд. Нар. Обр. Моск. С. Р., К. и К. Д.“, 1921 г., № 8—9.

тельно. В 200 петроградских клубах в начале 1920 г. общее число книг определялось в 300.000 томов [1]). Районные библиотеки, которые по возможности организуются при районных клубах, порой достигают многих тысяч томов. Даже в провинциальных клубах есть кое-какой книжный материал, и в избах-читальнях считается от 100 до 300 книг, хотя далеко не всегда материал соответствует потребностям читателя. Но библиотека, еще больше, чем лекция, в громадном большинстве случаев—только жилец клубного здания, а не элемент единой клубной работы, и постановление последней Петроградской конференции о том, что „центр тяжести библиотечной работы должен быть перенесен в читальный зал", как общее правило, еще остается только благочестивым пожеланием.

Наибольшей популярностью из различных видов массовой работы пользуются у наших клубов—и столичных и провинциальных—спектакли и литературно-музыкальные вечера. Если в сообщениях прессы о клубной работе слышатся порой бодрые, даже восторженные ноты,—то почти всегда это будет при описании того или иного удачного вечера или спектакля. Здесь клуб нередко удовлетворяет своих посетителей (именно посетителей, так как в таких случаях вопрос о членстве совершенно отпадает), дает радостные переживания, сплачивает и бодрит. И не следует со скептической усмешкой говорить о тех светлых искорках, которые загораются в душе рабочих, крестьян, красноармейцев на таких вечерах. Но зато меньше всего именно эта работа может дать основу для создания клуба. Клубная жизнь и спайка не может быть построена на отдельных, исключительных, ярких моментах; перевоспитание, борьба со старым бытом может быть плодом только постоянной и глубокой связи между клубом и его членом. А роль завязывания и закрепления этой связи вечера и спектакли играют слишком редко. Часто такой удачный вечер бывает днем открытия клуба, который дает как бы благоприятные ауспиции; но это удачное выступление клуба нередко бывает вместе с тем и кульминационной точкой в его успехах, а затем начинается иногда быстрое, иногда медленное умирание клуба, только изредка гальванизируемого такими же вечерами. С большим успехом проходят также дни празднования и поминания различных событий. Особенно в центрах, где за организацию таких „дней" обычно берутся либо центральные политико-просветительные учреждения, либо специальные комиссии. Организуя концерты, вечера, спектакли, в первую очередь устраивают их в клубах. Так,

[1]) „Петрогр. Правда", 1921 г. № 37 от 19 февр.

живо и с большим интересом проходили в петроградских клубах, напр., празднование годовщины революции, празднование 9 января и проч.

Но если вечера и концерты нередко дают здоровое и ценное художественное переживание, то, к сожалению, этого никак нельзя сказать про обычные клубные театральные представления. А между тем именно последние, как наиболее доступные при отсутствии сил, получили широчайшее распространение, и едва ли есть такой клуб или клубик, в котором не ставились бы спектакли. „Еще большая сторона жизни клубов—это художественно-музыкальная часть ее. Если говорить откровенно, то в клубах она занимает преимущественное положение",—говорит Д. Элькина в цитированной уже статье, и затем прибавляет:—„Художественно-педагогическая сторона в большинстве случаев слаба. Нет школы, есть любительщина". „Повсюду процветает единственно театральщина. Даже в нардомах Иваново-Вознесенской губернии (где работа оказалась наилучше поставленной. *С.*) 62% всей работы—театральная работа",—в том же тоне констатирует доклад о „деловом совещании". По петроградским данным (лето 1921 г.) на каждый клуб приходился в месяц 1,7 спектакля и 1 концерт с количеством около 400 зрителей и слушателей на каждом, причем по характеру пьес 30,5% падает на драму, 47,1%—на комедию и 22,4%—на „прочие" пьесы. За 2-е полугодие в 21 клубе Центрального района поставлено 360 спектаклей и концертов и 16 политинсценировок; присутствовало 90 тысяч зрителей. Цифры говорят об уменьшении числа спектаклей и падении их посещаемости даже в отношении к столь привлекательной для широких слоев форме клубной работы, как спектакли. Число спектаклей на 10 тыс. членов союза в начале 1921 г. равнялось 25, а в начале 1922 г.—14; из тех же 10 тысяч в 1921 г. спектакли посетило 2575, в 1922 г.—1978 человек.

Так обстоит дело с количественной стороной. Мнение о качестве большинства клубных спектаклей успело сложиться достаточно определенное. „Халтура", „любительщина"—вот те нелестные слова, которыми обыкновенно определяют театральную работу наших клубов. Не в каких-нибудь Чухломах, а и в Петрограде до самого последнего времени фигурировали „Дорогие поцелуи" и „Теща в дом—все вверх дном", и очень медленно идет оздоровление репертуара путем контроля сверху. Спектакль не является последним звеном в глубокой студийной работе, а или группой членов клуба еженедельно пекутся новые „постановки", или заезжая группа „изображает" что-нибудь на клубных подмостках. И опять необходимо оговориться: есть у нас кое-где и студии, и хо-

рошие студии, но все это экзотические цветы, с трудом выращиваемые в немногих из клубов крупных центров и очень мало обязанные клубной почве.

Излюбленной формой клубной работы являются также экскурсии, и здесь нам хочется остановиться только на одном виде экскурсий, с большим успехом проводившемся некоторыми клубами. Это экскурсии членов городских рабочих клубов в окрестные сельские местности, во время которых экскурсанты ставят спектакль, концерт, митинг. Ряд таких экскурсий проводился, напр., в Петербурге клубом Петровского острова, с участием нескольких сот человек в каждой экскусии [1]), клубом Московского района—на ст. Сиверскую, клубами Нарвско-Петергофского района—в Шлиссельбург и т. д.[2]).

Экскурсии такого типа—работа настоящего клубного характера: они создают спайку между членами клуба, дают хороший, здоровый отдых, требуют творческой подготовки и вместе с тем приучают не прятать плодов своей коллективной работы, а выносить их в массы, делиться своими достижениями, и наконец популяризируют в деревне идею клуба.

Вообще же экскурсии мало привились в клубной жизни. По тем же статистическим данным [3]), на 10 тысяч членов профсоюзов в начале 1921 г. приходится 1 экскурсия, а в начале 1922 г.—0,1; посетило в 1921 г.—49, а в 1922—26 человек.

На ряду с образовательной и художественной массовой работой, все наши клубы ставят себе задачи чисто-политического просвещения, даже особенно выделяя его значение и необходимость. „Клубам, нардомам и избам-читальням, главным образом, принимать самое энергичное и планомерное участие в проведении в жизнь... политико-просветительных задач в деревне“—особо подчеркивает резолюция „делового совещания“ о ближайших задачах политпросветработы в деревне [4]). И действительно, нет, вероятно, хоть сколько-нибудь работающего клуба, в котором не устраивались бы митинги. Участвуют клубы и в проведении всякого рода агитационных кампаний и „недель“. Неделя фронта, неделя красноармейца, неделя помощи матери и ребенку и т. д.,—все это находит свое отражение и в клубной работе. За последнее время усиленно пропагандируются полит-суды, полит-инсценировки и т. п., как формы сочетания работы политической и художественной. Особенно подчеркивается сейчас, как задание для

[1]) „Революционные Всходы“, 1920 г., № 3—4.
[2]) „Петроградская Правда“, 1920 г., № 123.
[3]) „Политпросветработа профсоюзов в цифрах“, „Комм. Просвещение“ 1923 г., № 7.
[4]) „Спутник клубного работника“, стр. 97.

клубов, производственная пропаганда („Деловое совещание", Петроградская клубная конференция), но осуществляется она только в самой слабой степени.

Другие, более сложные формы массовой работы мы встречаем только ввиде счастливого исключения в особо хорошо поставленных клубах. Так, в 1-м Костромском рабочем социалистическом клубе устраивались художественные выставки, велся дневник, выпускался журнал; клуб развил даже довольно широкую издательскую деятельность, выпустив за первые $1^1/_2$ года работы 10 книжек [1]).

Итак, в массовой работе современных клубов трудно найти то, что должно специфизировать работу всех клубных учреждений и начинаний, сделать ее особенно ценной. Но наибольший простор для развития клубных начал дает и не массовая работа, а работа кружков; не даром клуб называли даже „федеративной республикой" кружков [2]). И действительно, всякий клуб как будто спешит обзавестись кружками. В Петрограде (1921 г.), в среднем, на каждый клуб числилось 4,1 кружка. Но интересно прежде всего, как распределяются эти кружки по предмету занятий: на политические кружки приходится, из общего числа 1007 кружков, о которых имеются сведения, 107 кружков, т.-е. 10,6%, научных—90, или 8,9%, спортивных—62, или 6,2%, прикладных знаний—35, или 3,5%, и кружков разных родов искусств—713, т.-е. 70,8%! Приблизительно та же картина рисуется и в 1923 г. По докладу на одной из районных конференций, в Петрограде на 101 клуб приходится 373 кружка; из 354 кружков, о которых имеются сведения, 57 кружков, т.-е. 15%—политических, научных—42, т.-е. 12%, прикладных знаний —31, т.-е. 9%, профдвижения—11, т.-е. 3% и, наконец, литературно-художественных — 213, т.-е. 60%.

В сводке профсоюзной политпросветительной работы [3]) отмечается уменьшение числа студий с 2-х в начале 1921 г. до 1 в 1922 г. Посещаемость, однако, не падает, состав студий устойчив.

Совершенно та же картина преобладания художественных кружков обнаруживается во всех случаях, когда можно получить данные о характере клубных кружков. Например, из 22 кружков 6 клубов города Луги в мае 1922 г. было: научных—3, политических—3, прикладных—1 и литературно-художественных—15 (68,2%). Или, по отчету петроградских клубов

---

[1]) Статья М. Ростопчиной „Культура наша" в 1-м Сборнике Костромского пролеткульта, стр. 8, 16, 17, 30.

[2]) С. Кривцов. „Кружковая работа". „Пролетарская Культура", 1918, № 3, стр. 25.

[3]) См. стр. 45, 43, 37.

Р. К. С. М., за время с 1 октября 1921 г. по 1 мая 1922 г. в каждом клубе в среднем было 2,5 кружков, а по характеру кружков приходилось на долю научных—1,2%, общественно-политических—16,1%, разных (главным образом спортивных)—19,4% и художественных—63,4%.

Отчет о „деловом совещании" говорит: „После театра—кружки по искусствам. Общественно-политические кружки весьма немногочисленны. Кружки или ячейки прозпропаганды имеются только в 2-х губерниях из 16 губерний. А между тем имеются кружки по изучению иностранных языков (Кострома). В кружке одного иваново-вознесенского клуба занимались изучением энциклопедического словаря, т.-е. начиная с буквы „А" и т. д." [1]). Предмет занятий кружков бывает самый различный, например, при одном из петербургских клубов (Коммунистический клуб Нарвско-Петергофского района) существовало 8 кружков: литературный, драматический, хоровой, великорусский, рояля, естествоведения, медико-санитарный, рисования [2]). Любопытно, что такой характер носят и в других случаях кружки, даже партийных клубов, только обычно еще прибавляется марксистский кружок. Но кружки научные и особенно общественно-политические очень часто существуют только по имени, потому что хороший тон требует, чтобы такой кружок был. Руководители редко аккуратно ведут работу; если уже для отдельной лекции трудно найти руководителей, так тем более для постоянной кружковой работы. Но и участники кружков далеко не бывают аккуратны в работе. Не помогают, конечно, и такого рода параграфы, которые включались в уставы марксистских кружков (например, кружка партийного клуба 2-го Городского района), чтобы повысить интенсивность их работы: „пропуск занятий кружка без уважительных причин рассматривается, как уклонение от общественной работы". Часть членов, менее интересующаяся работой кружка, обычно манкирует занятия; более интересующаяся состоит из наиболее развитых и общественных рабочих, которые несут множество всяких общественных обязанностей, отрывающих их от занятий в кружках. Более действенны бывают кружки по искусствам, так как в их состав входят обычно рабочие, которые имеют определенно выраженную склонность к тому или иному виду искусства. Особо отметим хорошо распространившиеся одно время литературные кружки, которые занимались как изучением литературы, так и развитием литературных способностей их участников. Силами членов литературных кружков в 1920 г.

---

[1]) „Спутник клубного работника", стр. 99—100.
[2]) „Революционные Всходы", № 3—4.

выходил даже в Петрограде клубный журнал „Революционные Всходы“ (с сентября по декабрь вышло 4 двойных номера), в других случаях члены литературных кружков принимали участие в общей прессе.

Совсем своеобразно поставлен вопрос о кружках в клубах Красной Армии и Флота в приказе политического управления Петроградского военного округа (от 9 февраля 1922 г., № 62). Приказ этот вводит систему обязательных кружков. В каждом клубе должны существовать три постоянно функционирующих кружка: „1) политический, 2) естественно-антирелигиозный, 3) сельскохозяйственный. Всякого рода другие кружки могут существовать при клубе в качестве сверх нормы и работать по соответствующим инструкциям“. Эти три кружка и составляют обязательный „программный минимум“. „Нефункционирование одного из обязательных кружков в течение месяца лишает клуб права на существование“. Каждый кружок должен иметь не менее 15 членов и 8 занятий в месяц. Член кружка, не посетивший в течение месяца без уважительных причин трех занятий, считается выбывшим из кружка, а кружок, не имевший пяти занятий в месяц—закрывается. Наконец, занятия в кружках ведутся по программам, преподанным также приказами и инструкциями, причем „со стороны внутренне-идейной обязательно прохождение и окончание программы, рассчитанной на три месяца, с 1 февраля по 1 мая, и размеченной календарно по срокам“. Что касается политического кружка, то он имеет в составе своем часть членов „в порядке обязательности“; таковы военкомы, ответственные организаторы, члены бюро коллектива, политруки, командный состав, принадлежащий к Р. К. П., и 30% всех прочих коммунистов части [1]). Здесь, быть-может, печальнее всего, что такая неожиданная структура клубной работы порождается не только специфическими чертами военного быта, но и грустной действительностью клубной жизни. Клубы, не связанные обязательными рамками, но создаваемые государством и за его счет, слишком легко превращались или в „клуб-вывеску“, или в веселое место для постановки фарсов и организации танцулек. Таким образом введение определенных норм становилось неизбежным просто для того, чтобы сохранить за учреждениями их просветительный характер. Пойдет ли серьезная, углубленная кружковая работа в таких условиях—вопрос другой, и можно ли так поставленные учреждения называть „клубом“—вопрос еще более спорный.

---

[1]) „Положение об организации политического кружка Пуокра“ в приказе Полит. Упр. Петр. В. О. от 31 декабря 1921 г., № 180.

Итак, мы видим, что во всех областях работы клуба есть в лучшем случае отдельные светлые точки, отдельные удачные моменты работы, отдельные хорошо поставленные кружки, но того, что давало бы право говорить о настоящей клубной работе, до сих пор нет. Несмотря на все затраченные усилия, на особое внимание к клубам, настоящий клуб, тот, который рисуется идеологами клубного дела, еще не родился. Мало того, в громадном большинстве случаев клубы не удовлетворяют даже самым скромным требованиям, и немногие исключения надо отнести к числу тех случаев, которые только подтверждают общее правило. Так обстоит дело даже с рабочими клубами. Что касается деревенских клубов, так их попросту еще не существует, и, как мы видели, нет даже стремления теперь же развернуть в клуб деревенскую клубную ячейку—избу-читальню. Клубы красноармейские играют большую роль, как опорные пункты политико-просветительной работы в армии, но и организация их и постановка работы еще сильно расходятся с принципами клубного дела.

Так как подкрепить все эти утверждения цифровым материалом невозможно, за отсутствием его и ввиду неуловимости с помощью цифр самой души вопроса, мы сошлемся на мнение целого ряда ответственных руководителей клубной работы в республике, хорошо знакомых с положением дела.

Поистине жуткое впечатление производит правдивая картина, развертываемая в цитированной уже статье Д. Элькиной о положении московских клубов в 1921 г. Только в центре города клубы имеют приличное помещение, на окраинах клубы помещаются в бывших трактирах или помещениях при фабриках. „Еще хуже дело обстоит в уездах и волостях". Клубы стоят с ободранными и облезшими от холода стенами, без стекол, со щелями, протекающими крышами, почти без мебели, так как „мягкая мебель за 5 лет обратилась в лохмотья". Канализация и водопровод не действуют. „Почти все 100% клубов не отапливаются", „8 месяцев в году клубы заморожены, температура ниже нуля" и т. д., и в итоге—„материальные условия настолько тяжелы, что работу поставить нельзя". Плохо дело с книгами, нельзя развивать работу в области изобразительных искусств, потому что нет красок, масла, кистей; нет руководителей, так как положение клубных работников таково, что „только энтузиасты соглашаются уходить целиком в клубы" и т. д., и бодрые ноты звучат только тогда, когда автор статьи утверждает, что все-таки в клубах „есть много прекрасных молодых ростков", которые дают право с надеждой смотреть на будущее.

Это Москва. Что касается Петрограда, то, просматривая, например, протоколы организаторов районных клубных сек-

ций 1920 г., мы видим, что в них так и пестрят сообщения: работа „стоит на весьма низком уровне", „работа не организована", „работы нигде нет" и т. д., а весной 1922 г. Петроградская конференция, в резолюции о массовой работе в клубе, констатирует, что за период времени с 1919—1922 гг. „массовая работа в клубе почти заглохла" [1]), и нет никаких оснований предполагать, чтобы лучше обстояло дело с работой углубленной, если не считать немногих кружков-студий. Частые жалобы на плохое состояние клубной работы в петроградских клубах встречаем мы и в отчетах райуполномоченных, относящихся уже к началу 1923 г. Отчет о „Деловом совещании" работников 16 губерний сообщает, что „к сожалению, о работе этих (клубных *С.*) учреждений делегаты не могли сказать ничего достаточно определенного, но на одном сходились все: большая часть изб-читален, значительная часть клубов и нардомов фактически или не работают совсем, или прозябают" [2]). Еще сильнее заявлял на Съезде Отделов Народного Образования и 2-м Съезде Политпросветов осенью 1921 г. заведующий пропагандистским отделом Главполитпросвета тов. Яковлев: „Из числящегося по всей России количества в 80.000 изб-читален значительная часть существует только на бумаге", и в другом случае:—„Мы имеем клубную вывеску, а за вывеской—ничего. Это есть в Москве и в любом провинциальном городе" [3]).

Говоря о смете Петроградского Отдела Народного Образования, Н. К. Крупская писала: „Невольно приходит вопрос, что понимают под клубами питерские товарищи. Судя по статьям расхода, место, где можно попить чаю, послушать музыку, посмотреть пьесу, где все подадут и сделают. На просветительную часть затраты сравнительно не очень велики. И не одни петроградцы понимают под клубами просто место развлечения, времяпрепровождения. Такое понимание клуба очень распространено" [4]). Но дело тут не в том или ином „понимании". Петроградские и иные работники могли очень хорошо видеть, что клубная работа идет не в том направлении, как следовало бы, но жизнь тянула их на определенный путь, и поэтому слова Крупской характеризуют не ошибки отдельных работников, а беду всего нашего клубного дела, поправимую только в результате длительного и трудного процесса.

---

[1]) Цитировано по неопубликованным материалам.

[2]) „Спутник клубного работника", стр. 99.

[3]) „2-й Всероссийский Съезд политпросветов", бюллетень Съезда, № 4 (от 21 окт. 1921 г.).

[4]) „Что такое клуб?" в журн. „Народное Просвещение", 1919 г. № 37—38.

О том же печальном положении говорит автор статьи в официальном журнале Комиссариата Народного Просвещения: „Зачастую фирмой клуба прикрывается обыкновенное место для получения идущих со стороны развлечений—та же чайная, тот же ресторан. Члены клуба—просто слушатели, их самодеятельность аннулирована“ [1]). Еще пессимистичнее выразился клубный работник Пролеткульта, по впечатлениям которого клубы кооперативные—чайная с вечерами и танцами, в клубах советских и партийных—митинги, лекции, вечера с приглашенными, а не своими исполнителями, и в итоге работа революционных клубов „по своим достижениям не выше прежних рабочих культурно-просветительных обществ, а в некоторых областях даже и значительно ниже“ [2]). Наконец, о военных клубах, в которых, по словам отчета о деловом совещании работа „повсюду идет несравненно лучше“, докладчик на Съезде культработников политическо-просветительного управления Петербургского военного округа в марте 1920 г. заявил весьма категорически: „ближайшее ознакомление с существующими в красноармейских частях клубами показывает, что клубов, в истинном смысле этого слова, в наших воинских частях не существует“ [3]).

Таковы мнения, высказанные в разное время (с 1919 по 1922 год) разными лицами об общем характере и достижениях нашей клубной работы, и ни в печати, ни в других бывших в нашем распоряжении материалах не случилось нам встретить иную, более оптимистическую оценку, если говорить о работе клубов в целом.

В отдельных и, повидимому, нередких случаях встречаются и совсем болезненные уклоны в жизни клубов. Иногда корреспонденты сообщают, что клубы „создали враждебное отношение местного населения“. Или вот какие гримасы преподносит практика клубного дела: „В Орше, накануне рождества—картина одна другой страшнее: рабочий дом превратился не только в кабак, но в нечто худшее“. „В Ярославле вместо клуба получилась харчевня“, в Петровском клубе — „что-то вроде союзов свободной любви и лжи“,—писал обозреватель журнала „Пролетарская Культура“, а затем, как массовое явление: „танцы, танцы, так и пестрят отчеты“ [4]). Вопрос о танцах—один из постоянно больных вопросов наших клубов. Теоретики клубного дела различно относятся к допустимости танцев в клубе. В то время, как М. Ростопчина твердо стоит

[1]) З. Богомазов. „Новая литература о клубах“. „Народное Просвещение“, 1919 г., № 30.

[2]) П. Кнышев. „О работе в пролетарских клубах“. „Горн“, 1919 г., № 2—3.

[3]) Д. Н. Темкин. „Красноармейский клуб“. Пгр., 1920 г.

[4]) С. Кривцов. „О провинции“. „Пролет. Культура“, 1919, № 6.

на том, что танцы в клубе недопустимы [1]), оба докладчика Всероссийской конференции пролеткультов считали нужным отметить допустимость в клубе танцев. Надо, говорил С. Кривцов, не „чураться“ „грешной земли“, а „бороться с этими грехами ее же силами“ [2]). Видно, сильна эта тяга грешной земли, если она заставила склониться даже пролеткультовских работников, всегда в таких возвышенных тонах говорящих о пролетарском клубе. И действительно, борьба с танцами в клубе была бы борьбой с жизнью [3]). Но, с другой стороны, трудно говорить о наличности клуба, когда центром тяжести, если не единственным его проявлением жизни, являются танцы—а таких случаев, как это всем известно, слишком много. Переход клубов на „самоснабжение“ дал новый толчок увлечению танцами: это единственный вид „работы“, который дает действительный доход клубу, и в связи с этим клубы уже стали не довольствоваться скромными танцовальными вечерами домашнего характера, но появились широковещательные афиши о „грандиозных балах до утра“, о призах за танцы и пр. и пр., словом—и клубы причастились служению модному культу танцев. И явление это носило далеко не местный или случайный характер. Впрочем, это было известно всякому, кто просто проходил по городским улицам. Из развлечения танцы стали доходной статьей. Новая экономическая политика на первых порах породила и другие нездоровые явления, и очень скоро после начала ее эры в газетах замелькали такого рода сообщения: Центральный клуб строительных рабочих имени Ленина, желая „заработать“ деньги, ставит или позволяет у себя ставить другим „Нитуш“ и „Гейшу“, а Железнодорожный клуб имени Ухтомского устраивает дивертисмент довольно-таки шантанного пошиба [4]). Явление это вскоре приобрело такой широкий и угрожающий характер, что Центр. Ком. Р. К. П. счел нужным обратиться с особым циркулярным письмом, под заглавием: „Работа клубов в новых условиях“. Циркуляр констатирует, что в результате стремления местных политпросветов положить в основу работ „принцип безубыточности“ „явилась ничем не регулируемая платность и безудержная спекуляция клубных учреждений—с одной стороны, а с другой—целый ряд моментов отрица-

---

[1]) „Курсы для подготовки работников в рабочих и крестьянских клубах“, стр. 59.

[2]) Протоколы, стр. 91—92, и тезисы доклада в „Пролет. Культ.“, 1918, № 3.

[3]) Это признано в Петрограде руководителями политпросветработы: на одной из районных конференций весной 1923 г. представителями Губполитпросвета была высказана мысль, что нормальным для клуба является организация танцев 2 раза в месяц.

[4]) „Письма трудящихся“, „Моск. Правда“ от 12 ноября 1921 г.

тельного характера". Работа клубов стала приспособляться „к запросам и требованиям мелко-буржуазных масс", утратила просветительное значение. Циркуляр предлагает взяться за уничтожение „коммерческих тенденций" в работе всех клубных учреждений, повести борьбу „с недопустимыми формами доходности в клубах, с постановками развращающего характера пьес, роскошными буфетами и прочее" и принять для этого ряд организационных мер, как подбор более подходящих штатов клубов, связь клубов с партийными организациями и партийной работой, „отказ от дорого стоящих форм работ", изыскание средств из доходов предприятий и пр.

Трудно еще сказать, насколько скоро и легко удастся клубам изжить все болезни, связанные с новой экономической политикой. Несомненно, что новые условия должны будут внести большие изменения в ход и постановку клубной работы, но учитывать результаты этих изменений еще рано; пока можно только еще раз отметить сокращение числа клубов, идущее совсем иным темпом, чем раньше. Если в этом процессе погибнут клубы, державшиеся только правительственной субсидией, но не имевшие глубоких корней, и выживут клубы, по существу более сильные, то такое сокращение, будем надеяться, только расчистит поле для более углубленной работы.

Но, как бы пессимистически ни оценивать общую постановку клубного дела, было бы, конечно, совершенно ошибочно думать, что вся громадная работа, проделанная за пять лет революции, пропала даром. Прежде всего, хоть и в немногих случаях, но кое-где удалось-таки создать клубы, имеющие полное право носить это имя. Таков, прежде всего, 1-й рабочий социалистический клуб в Костроме. Нескольким талантливым внешкольникам, сгруппировавшимся вокруг клуба, удалось создать из него действительно живое, интегральное просветительное учреждение, пропитанное коллективным клубным духом. Об этом свидетельствуют как отчеты клуба [1]), так и отзыв о клубе, данный посетившим его А. В. Луначарским [2]). На значительной высоте была постановка работы и в других костромских клубах [3]). Некоторым клубам удалось сгруппировать вокруг себя всю местную просветительную работу, стать и внешне и внутренне ее центром. Таков, напр., был клуб при Охтенском заводе взрывчатых веществ, вокруг

[1]) „Петроградская Правда" 1922, № 160 от 20 июля.

[2]) А. В. Луначарский. „Образование в Костроме". „Народное Просвещение", 1919, № 39—41.

[3]) М. Ростопчина. „Как устроить и вести рабочий социалистический клуб". Кострома, 1900. Ее же. „Культура наша", в 1-м Сборнике Костромского пролеткульта и отдельно издано. Кострома, 1900.

которого объединились библиотека, музей, курсы, школа для подростков, партийная школа, спортивный кружок, артель огородников [1]).

Но, и помимо этих отдельных случаев полной успешности клубного дела, не надо преуменьшать значения достигнутого. Прежде всего, даже те отдельные счастливые моменты клубной жизни, хотя бы удачный вечер или концерт, которые дали радость его посетителям, рабочим и крестьянам, радость раньше многим незнакомую, те зерна знания, главное—те толчки развитию мысли, которые получены были по книге, взятой в библиотеке, из лекций, в клубе прочитанных, и т. д.—все это имеет бесспорную самоценность, и пусть это дано не клубам, как таковым, а только получено на клубной территории,—все-таки, значит, тяжелая работа клубных деятелей не пропадала даром. Но, кроме того, никогда и ни при каких условиях клубы не могли сразу возникнуть из ничего; постепенно должны были слагаться элементы клуба, из соединения которых потом только сможет образоваться клуб. Вот этот процесс образования элементов клубной жизни пока и происходит, трудно, порой болезненно, гораздо медленнее, чем хотелось бы и чем думалось в начале, но все-таки происходит.

В чем же причина всех препятствий и неудач в клубном деле? Два объяснения, прежде всего приходящие на ум при поверхностном взгляде, обычно выдвигаются в первую очередь: недостаток работников и недостаток материальных средств. Нет подготовленных работников на местах, нет инструкторов, лекторов, руководителей кружков и т. д.,—таков мотив, без конца повторяющийся в течение всех революционных годов и в сообщениях с мест, и в статьях и докладах центральных клубных работников, и в резолюциях клубных совещаний [2]). И тут же говорится обычно об отсутствии средств денежных, транспорта, помещения, о тяжелом положении клубных работников и пр. материальных условиях. На ряду с этими моментами нередко выдвигается, как причина слабости работы, распыленность ее, оторванность губернских органов не только от местных клубов и изб-читален, но и от уездных органов, и вследствие этого кустарничество, неумение воспользоваться достигнутыми успехами в области методов клубной работы, разнобой в работе отдельных клубных ячеек и пр. [3]).

---

[1]) „Революционные Всходы", 1920, № 1—2.

[2]) См., напр., цитированную ст. Элькиной, доклад завед. внешк. отд. Компроса Ангерта на петрогр. клубной конф. 1920 г. (цит. отчет, стр. 11), отчёт о „деловом совещании", заметки в журн. „Внешкольн. Образ.", № 2—3, стр. 61, № 4—5, стр. 65, и мн. др.

[3]) Доклад на москов. общегород. клубной конфер. в декабре 1920 г. („Работникам клубов Москвы и Моск. губ.", стр. 5); циркул. письмо псковского губполитпросвета от августа 1921 г., отчет о „деловом совещании" и пр.

Почему-то реже говорится о причинах, идущих не извне, не от материальных и организационных условий существования самого клуба, а от материального и психологического состояния тех рабочих и крестьянских масс, которые должны дать состав членов и посетителей клуба. Даже такой, казалось бы, очевидно влияющий момент, как тяжелое материальное положение рабочих, отмечается сравнительно редко. О нем с достаточной определенностью говорит только клубная конференция Петроградской губернии весной 1922 г., считающая причиной замирания клубной работы: „1) тяжелое материальное положение рабочих и переобремененность побочной работой, 2) недостаток стимулов, привлекающих в клуб". Своеобразно пытается объяснить неудачи в клубном строительстве С. Кривцов, в одном случае считая причиной слабости клубов то, что они не втягивают массу и рассчитывают на рабочих-передовиков, а в другом—отыскивая причину „в классовом составе клубистов", главную массу которых составляют выходцы из мелкой буржуазии, интеллигенция, всякого рода „начальства", в то время как рабочие только стоят „у окошка" клуба. Несостоятельность этого последнего объяснения очевидна, так как оно, во всяком случае, не приложимо к массе клубов фабрично-заводских, и, главное, остается неразрешенным основной вопрос—почему же рабочие дают мелкой буржуазии возможность захватывать клубы, почему не берут они клубов в свои руки и не создают своего духа, для чего не могло бы быть никаких препятствий при достаточном интересе и активности рабочих масс.

Нельзя, конечно, отрицать значения отсутствия работников и средств. Удачный опыт Костромского клуба как будто тоже переносит вопрос в плоскость подбора хороших руководителей. Не приходится же, в самом деле, предполагать, что у костромских текстильщиков оказался особенно развитой пролетарский дух, или что Кострома—единственный в России город в смысле благополучного материального положения рабочих. Очевидно, что все дело в том, что в Костроме случайно оказалась группа умелых работников. Понятно также, что когда речь идет об указании причин дефектов клубной работы с практической точки зрения, то в первую очередь речь идет о персональных и материальных затруднениях, с которыми как будто сравнительно легко бороться. Но столь же несомненно, что такое объяснение не является исчерпывающим. Если бы клубы были органическим явлением на нашей почве, если бы была настоящая, из глубины идущая потребность в них, если бы все дело было во внешних препятствиях, они бы давно были побеждены. Ведь, как ни тяжело материальное положение рабочих, но, если не говорить

об особо трагических моментах в жизни страны или об отдельных городах, есть все-таки достаточный слой рабочих, который находит средства для удовлетворения потребностей первой необходимости. Мало того, нельзя отрицать, что и кинематографы и возродившиеся чайные и др. учреждения все-таки находят себе клиентов, и далеко не только из мелко-буржуазной среды; модной темой стало говорить о „захлестывании" ростков пролетарской культуры мелко-буржуазной стихией, грязные волны которой идут из разных кафе и танцулек. На все это находятся какие то средства, а на клуб—нет, хотя нужно часто гораздо меньше. А что касается работников, то, конечно, квалифицированный работник может многое улучшить в постановке дела своим советом и руководством, но только тепличное, экзотическое растение не может произрастать без тщательного ухода и поливки. Если бы клубы росли на подходящей почве, они нашли бы своих делателей из среды самой массы, их рост часто задерживался бы, давая порой уродливые, искривленные формы, но был бы непрерывный рост, развитие, а не постоянное колебание, кажущиеся быстрые скачки вверх, а затем замирание и разложение. Необходимость в работниках, как непременное условие создания и развития клубов, само по себе есть лучшее доказательство того, что в быту и психике наших рабочих масс нет достаточных предпосылок для здорового и естественного развития клубного дела.

Французские клубы получали необычайно быстрое и пышное развитие в периоды революционных подъемов, потому что там клуб был основной формой политической жизни масс. Английские рабочие клубы развивались медленно, постепенно, ставя себе вначале самые скромные задачи, порой совсем приближаясь к благоустроенному трактиру, даже со спиртными напитками, но, при наличности гражданской свободы и глубоко развитого общественного чувства, клубы развернулись в широкую рабочую организацию, с достоинствами и недостатками, присущими всем формам английского рабочего движения.

У нас—клубы не могли играть активной революционно-политической роли; при наличности сложившихся политических партий, клуб, с самого начала, в области политики мог быть самое большее—подсобным орудием партийных организаций. Нет у нас и развитого чувства общественности, которое составляет корень всего клубного дела. Клубы дореволюционные объединяли в своих стенах кучки наиболее передовых и общественно-развитых рабочих, которые с началом революции ушли в те области работы, которые казались более действительными. Вместе с тем клубное строи-

тельство приобрело массовый характер, а в массе-то рабочих и не оказалось достаточно развитого общественного чувства. Масса сама своих клубов не строила, не устремлялась она и в те клубы, которые даровались сверху, к которым к тому же питали недоверие, как ко всему идущему от „начальства“, и, увы, клубная практика слишком часто давала пищу для этого недоверия.

Какой же вывод надо из этого сделать? Ждать, пока народится чувство общественности, а до тех пор отложить клубное строительство? Конечно, нет. Клубам одним, своими силами, не разрешить ту проблему „преодоления бытового мещанства“, которая перед ними стоит, но в сложном процессе пролетарской жизни, который ведет к выработке истинного общественно-пролетарского быта и духа, концы и начала, причины и следствия сплетаются в тесном клубке. И если верно, что клубы не могут расцвести без укрепления в рабочем классе общественного чувства, то и обратно, этот новый душевный склад не явится в готовом виде откуда-то со стороны, а создастся, как результат широкой и свободной общественной жизни пролетарских поколений, одним из элементов которой являются клубы.

В. Семенов.

О Народных Домах в России.

В последнее время интерес к Народным Домам как будто пропал: избы - читальни и клубы—вот те модные внешкольные ячейки, о которых много говорят, пишут, о распространении которых так заботятся. Невольно напрашивается вопрос, чем же объяснить этот упадок интереса к Народному Дому, не есть ли это форма внешкольного образования, отжившая свое время, не оправдавшая себя на практике и потому естественно, в процессе жизненного творчества, сменяющаяся новыми формами. А если это не так, то как в настоящий момент мы понимаем Народный Дом, в чем видим его значение, задачи, сущность его работы и условия жизнеспособности? Чтобы разобраться во всех этих вопросах, необходимо прежде всего оговориться, что Народный Дом, как и всякое учреждение по внешкольному образованию, нельзя рассматривать вне самой тесной связи с жизнью. Народный Дом в России и за границей конца XIX века, когда возник к нему интерес, и эпохи революции,—все это величины слишком разнородные, объединенные лишь одним общим признаком: все они являются учреждениями, объединяющими различные виды внешкольного образования. В развитом своем виде Народный Дом объединяет ряд учреждений, из которых каждое живет своей самодовлеющей жизнью [1]).

У нас много писали о Народных Домах, много говорили о них на съездах. Возникнув в конце XIX века, идея Народного Дома пережила целый ряд этапов, как до революции, так и в процессе ее. В 1898 г. в своей книге „Народные Дома, их задачи и общественное значение“ проф. Данилевский определяет Народный Дом, как объединение учреждений, имеющих целью развлекать и просвещать, причем основной задачей Народного Дома он считает устройство разумных развлечений. И в других книгах и статьях, затрагивающих вопрос о Народном Доме до революции 1905 г. [2]),

---

[1]) В настоящей статье главное внимание уделяется сельскому Н. Д., но, поскольку вопрос о Народном Доме в городе будет затронут, он будет выделен, ввиду его особенностей.

[2]) Гебель. „Внешкольное образование в Западной Европе и в России“. 1899 г. — „Образование рабочих в России“. Изд. ред. журн. „Техническое Образование“ 1902 г.

основными задачами его считаются увеселительно-воспитательная и образовательная. Революционный сдвиг 1905 года в число задач Народного Дома вносит новое задание—служить центром местной общественной жизни, т.-е. быть народным клубом [1]).

Так эволюционировала идея Народного Дома еще тогда, когда в жизни мы не видим их широкого распространения, если не считать казенных Народных Домов Попечительства о народной трезвости. Между тем логика жизни приводит цензовое земство к необходимости шире поставить дело внешкольного образования. Является потребность в объединении доселе разрозненных мероприятий в этой области. Впервые вопрос этот ставится на Общеземском Съезде 1911 года, работа которого является, однако, наилучшим показателем слабого интереса к вопросам внешкольного образования вообще и Народным Домам в частности: из 351 членов Съезда лишь 35 записалось во внешкольную секцию, а там вопрос о Народных Домах был затронут лишь в 2 докладах. В итоге работ Съезда была принята следующая резолюция: „Различные виды внешкольного образования должны быть сгруппированы по районам; в центре района (одна или несколько волостей) должен стоять, как основная местная ячейка по внешкольному образованию, Народный Дом, включающий библиотеку - читальню, сцену и зал для театра, кинематографа и чтений и помещение для прочих видов внешкольного образования. Заведующий внешкольным образованием состоит в то же время и заведующим районным Народным Домом". Здесь мы находим: 1) комбинирование нескольких видов внешкольного образования в здании Народного Дома, 2) использование его для организационной работы земства: Народный Дом здесь рассматривается, как районный центр по внешкольному образованию. Таково новое наслоение в развитии идеи Народного Дома, внесенное в него земской мыслью, ищущею организационных форм для развивающегося дела внешкольного образования.

Навстречу этой назревшей потребности земств в координировании и объединении работы идет встречная волна со стороны сельской кооперации, т. е. наиболее организованной части сельского населения России. Киевский Кооперативный Съезд 1913 г. одной из главных задач кооперации признал просвещение народа и, в частности, внешкольное образование. Была ясно осознана работниками кооперации тесная связь между развитием производительных сил страны и экономи-

[1]) Чарнолуский. „Основные вопросы организации внешкольного образования". 1909 г.

ческого благосостояния населения и его культурным уровнем. Народный Дом, мыслящийся кооператорами, является центром всей культурной жизни данного района, духовной, экономической и общественной. Так кооперация связала Народный Дом с повседневной жизнью населения, с его практическими нуждами.

С постепенными наслоениями, вносимыми различными общественными группами, выросло понимание Народного Дома, как учреждения, которое объединяет различные виды внешкольного образования, является центром местной общественной жизни, тесно связано с экономической жизнью населения и в то же время служит (по плану Общеземского Съезда) районным центром по внешкольному образованию. В результате желания использовать Народный Дом во всех этих направлениях и возникла вся трудность при разрешении вопроса об организации Народных Домов. Уже самое название его содержит в себе необходимое условие создания его силами самого народа; центром общественной и экономической жизни населения может быть лишь учреждение, им самим созданное и направляемое. Районным же центром, направляющим работу культурно-просветительных учреждений, расположенных по принципу сети, могло быть лишь учреждение, связанное с земским центром, выполняющее его задания, неизбежно становящееся „над населением“ и организующее просветительные мероприятия „для него“. Харьковский Съезд по организации разумных развлечений 1915 г. [1]), фактически имевший значение 1-го Всероссийского (хотя и непланомерно организованного) совещания по внешкольному образованию, подошел к разрешению этого вопроса выделением, на ряду с местными, районных и уездных домов, „задачей которых является обслуживание находящимися в их распоряжении образовательными силами и средствами местных Народных Домов и других просветительных организаций соответственно в районе или уезде“. Для того, чтобы обеспечить Народным Домам возможность быть проявлением широкой общественной самодеятельности, Харьковским Съездом принимается, что управление Народным Домом „должно быть построено на принципе коллегиальности, который может быть осуществлен в одной из следующих форм: а) особый совет из представителей местных общественных организаций и городских и земских самоуправлений и б) особое Общество Народного Дома“. Жизнью вызванная, кооперацией выявленная необходимость объединения просветительной работы

[1]) „Труды Харьковского Съезда по организации разумных развлечений“. Харьков. 1915 г.

Народных Домов с экономическими нуждами населения предусматривается соответствующим пунктом резолюции Харьковского Съезда: „для содействия удовлетворению культурных и экономических нужд населения Народным Домом могут быть организованы или при Народном Доме могут найти себе помещение, в соответствии с местными условиями, те или иные учреждения культурного или экономического характера, например, сельскохозяйственный склад, потребительская лавка, бюро кооперативных или профессиональных организаций и т. под.“.

Боязнь помешать проявлению самодеятельности населения навязыванием Народному Дому задач районного административного центра приводит к постановлению земского Ярославского Совещания конца 1915 года, по которому „ячейкой, направляющей внешкольную работу в районе, является земский районный центр по внешкольному образованию, который по возможности помещается при Народном Доме“.

Так, постепенно развиваясь, усложнялась и выкристаллизовывалась идея Народного Дома: из механического объединения учреждений, имеющих целью главным образом организацию разумных развлечений, Народный Дом начинает рассматриваться, как самодовлеющее учреждение, являющееся центром местной жизни, духовной, общественной и экономической. И проявившаяся сначала тенденция земств рассматривать Народный Дом, как орудие для земской организационной работы по внешкольному образованию, претворяется в выделение для этого специального аппарата земского районного центра, работа которого лишь приурочивается к Народному Дому. И управление Народным Домом начинает пониматься, как управление коллегиальное, выделяемое всеми заинтересованными в работе его организациями и лицами, тогда как вначале во главе Народного Дома предполагался назначаемый заведующий, являющийся и заведующим внешкольным образованием в районе. Составление сети Народных Домов в большинстве земств (по почину Пермского губ. земства) рассматривается не как осуществление всей сети самим земством, а как пробуждение и поддержка местной инициативы.

В таком состоянии, в результате учета опыта и работы коллективной мысли, находился вопрос о Народном Доме, его задачах и принципах его организации к моменту революции.

Фактическое распространение Народных Домов за этот период времени недостаточно учтено, тем не менее некоторые данные об этом имеются: по анкете, произведенной Лигов-

ским Народным Домом [1]), в 1913 г. функционирующих сельских Народных Домов было 88, а 61 находился в периоде организации (сведения были получены из 499 уездов, т.-е. из 65% всех уездов России). Все эти Народные Дома оказались расположенными в 49 уездах 27 губерний, т.-е. в 10% обследованных уездов. 24 губернии не имели ни одного Народного Дома, и лишь в 5 губерниях оказалось больше 5 Народных Домов, причем на первом месте стояла Пермская губ. (18 Н. Д.), в которой строительство Народных Домов шло в соответствии с запросами с мест, а не по выработанной в кабинете сети. Характерно, что из 88 сельских Народных Домов больше всего (28 Н. Д.) было организовано кооперативными организациями, меньше всего (4 Н. Д.)—земствами.

Как видим, жизнь далеко не поспевала за планами и мечтами о Народном Доме в каждом селе. В сборнике Лиговского Народного Дома нет указаний, как распределялись Народные Дома, находящиеся в периоде организации, но надо думать, что большинство их организовалось по инициативе населения: так, например, в Пермское земство за 1913 г. поступило 41 ходатайство о постройке Народных Домов, за 1914 г. таких ходатайств поступило еще 48. Аналогичные сведения имеются и по некоторым другим губерниям.

Годы войны задержали осуществление всех этих планов. Некоторое представление о строительстве Народных Домов за последние годы может дать сводка анкеты о культурно-просветительной деятельности кооперативных союзов и объединений, произведенная в начале 1918 г. культурно-просветительным отделом Совета В. К. С. [2]). Из 925 насчитывавшихся к этому времени кооперативных союзов, обнимающих 54.000 кооперативов, на вопрос о Народных Домах ответило только 42 союза, т.-е. 4,5%. И в районе их действия было 259 Народных Домов. Из них большая часть — 140 Н. Д. (54%) принадлежало кооперативам, 75 Н. Д. — Обществам Н. Д., 20 Н. Д.—земствам и 16 Н. Д.—частным лицам. Цифры эти позволяют сделать вывод, что рост Народных Домов, создаваемых преимущественно кооперацией или Обществами Народного Дома, продолжался.

Такова в основных чертах теория и практика разбираемого нами вопроса до того времени, как началось планомерное строительство революционной власти в области внешкольного образования. Широкое развитие дела внешкольного образования было поставлено одной из основных задач государ-

[1]) „Народный Дом". Изд. сотрудников Лиговского Нар. Дома гр. Паниной. Пгр. 1918 г.

[2]) И. Н. Иорданский. „Культурно-просветительная деятельность кооперативных союзов и объединений". М. 1919 г.

ственной власти. 1-й Съезд по внешкольному образованию, собравшийся в мае 1919 года, считает, что, „рабоче-крестьянская власть, как орган широких трудящихся масс, в целях осуществления и полноты внешкольного образования, должна признать своей обязанностью создание основной государственной системы внешкольно-образовательных учреждений". „Основная задача работы по внешкольному образованию состоит в создании очагов социалистической культуры", а „важнейшим очагом социалистической культуры является", по мнению Съезда же, „Народный Дом". Отсюда ясно, что интерес к Народным Домам не только не упал, но, наоборот, возрос в первые годы революции. Но как до революции идея Народного Дома прошла через ряд этапов, так и теперь мы можем попытаться наметить те видоизменения, которым подвергся вопрос о Народном Доме в период революционного строительства. Перед руководителями внешкольного дела встали старые вопросы о задачах Народного Дома, содержании его работы, его организации и управлении.

То направление, в котором разрешались эти вопросы в первые 2—3 года революции, вполне выявляется на 1-м Всероссийском Съезде по внешкольному образованию. В соответствующей резолюции Народные Дома определяются Съездом, как „основные ячейки внешкольного образования, центр местной общественной жизни, важнейший очаг социалистической культуры". Всю свою работу они должны строить на самодеятельности пролетариата и трудового крестьянства, используя культурное движение среди населения и объединяя между собой отдельные ячейки. В эти задачи, которые, как мы видели, ставились Народным Домам и перед революцией, привносится новый момент—„вовлечение широких народных масс в дело культурного строительства жизни на коммунистических началах". Это явилось декларацией социалистической власти, долженствующей найти выражение в новых методах работы. Оценивая так высоко значение Народного Дома и ставя перед ним такие задачи, Съезд находит, что „Народные Дома должны быть введены в государственную систему народного образования, должны быть направляемы в своей работе, обеспечены персоналом и средствами". Народный Дом или аналогичная ему ячейка признаны основной неделимой ячейкой внешкольного образования; выработан определенный minimum для Народных Домов 3 ступеней—сельского, районного и уездного значения. Сеть государственных учреждений по внешкольному образованию должна строиться по принципу постепенного развертывания и закончиться не позже, как через 10 лет после утверждения сети, т.-е. к 1 января 1930 года.

Как основная тенденция, должно быть отмечено стремление государственной власти основывать свою работу на самодеятельности трудящихся масс. Еще в своем первом обращении к гражданам России от 29 октября 1917 г. Луначарский пишет: „Самочинная работа классовых рабочих, солдатских, крестьянских организаций должна обладать полной автономией, как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным". В докладе Внешкольного Отдела Н. К. Пр. 1-му Всероссийскому Съезду о государственной системе учреждений по внешкольному образованию отмечается необходимость помощи возникающим центрам местной социальной жизни. „Весь вопрос здесь в том, чтобы государство чутко прислушивалось к потребностям и запросам жизни в этой области, чтобы его местные органы не вносили в это дело готовых шаблонов или какого-либо давления, всячески оберегая местные особенности, помогая оформлению запросов, охраняя свободу развития возникающих учреждений". „Значение сети Народных Домов сводится к учету потребности", сеть эта осуществляется „лишь по мере поступления ходатайств со стороны самого населения". Проявившееся в кооперации стремление связать просветительную работу Народного Дома с экономическими нуждами населения сказалось в работе 1-го Съезда включением в minimum для просветительной ячейки 2-й ступени — учебно-показательного поля и мастерских.

Таковы были планы государственной власти в деле строительства Народных Домов. На ряду с большим размахом, несравнимым с медленным и неверным темпом развития дела внешкольного образования до революции, наметившиеся в поисках правильного пути традиции сохраняются и в революционном строительстве. Создание сети Народных Домов при сохранении этого очага Домом Народа, центром его общественной жизни, — таковы тенденции государственной власти в первые годы революции.

Конкретная помощь государства в деле распространения Народных Домов выразилась почти исключительно в финансировании их. Планомерного руководства работой Народных Домов не было. Не было и точного учета проводимой на местах работы: так, в распоряжении Подотдела Народных Домов в 1919 году оказалось 40 бланков анкеты о Народных Домах из 21 губернии. Заполнялись они приезжавшими с мест делегатами, попадались в их числе и заведующие отделами народного образования и просто работники Народных Домов. Количественный рост Народных Домов, благодаря включению их в государственную систему учреждений по внешкольному образованию, был очень велик: по свидетельству Н. К. Круп-

ской [1]), ко 2-му Съезду политпросветов имелось до 10 тысяч Народных Домов и 80 тысяч изб-читален (понимаемых, как первичная клубная ячейка); более умеренные цифры даются Мещеряковым, одним из ответственных работников Главполитпросвета, и Медынским, известным деятелем по внешкольному образованию; тем не менее, и по их данным число клубов и Народных Домов (к сожалению, объединенных в одну рубрику) исчислялось тысячами, а изб-читален—десятками тысяч [2]). Естественно, что не все эти учреждения оказались жизнеспособными. При отсутствии подготовленных работников, при общей хозяйственной разрухе, когда нельзя было обеспечить Народные Дома самым необходимым для их существования, они часто являлись мертворожденными учреждениями, зачастую не имевшими никакого значения в жизни местного населения.

Малые достижения в этой области признаны и руководителями внешкольного дела: в своей брошюре „О работе в деревне" (изд. 1920 г.) Крупская констатирует почти полное отсутствие достижений в области культурно-просветительной работы в деревне. Интерес к Народным Домам падает; на смену им, как опорный пункт работы в деревне выдвигается изба-читальня, как более примитивная форма работы. Признается необходимой организация изб-читален в каждом селении РСФСР в ближайшем будущем. Дело это поручается Внешкольным Подотд. Отд. Нар. Образ. Инструкция организаторам изб-читален сохраняет прежние советы о возбуждении самодеятельности на ряду с целым рядом практических указаний, выполнение которых не способствует выявлению самодеятельности; избы-читальни в большинстве случаев в этот период организуются сверху: приезжает организатор, устраивает беседу на сходе, который выносит соответствующее решение, проводит выборы совета избы по готовому списку [3]), и изба-читальня открывается, в редких случаях становясь близким и нужным населению учреждением. Логическим завершением указанного направления является брошюра Невского „Агитпункт", где рекомендуется открывать избы-читальни в первую очередь в деревнях с отсталым населением, враждебно относящимся к этому начинанию [4]).

[1]) Крупская. „Перспективы политпросветработы". „Комм. Просв.", № 1.

[2]) К 1 окт. 1920 г. клубов и Народных Домов было 4.019, изб-читален 13.307: данные эти относятся лишь к 29 губерниям РСФСР; помещены: 1) в книге Медынского „Внешкольное образование в РСФСР". М. 1923 г. и 2) в статье Мещерякова „Как шло сокращение сети политико-просветительных учреждений", „Комм. Просв." 1922 г., № 6. (По Медынскому имевшиеся 4.019 Народных Домов и клубов были расположены следующим образом: 1.115—в городах и 2.904—в селах).

[3]) По инструкции организаторам изб-читален от 1920 г.

[4]) Начало этого спора о развертывании сети культурно-просветительных учреждений сверху или снизу относится еще к земскому периоду внешкольной работы (Пермское и Уфимское земства).

На ряду с избами-читальнями намечаются волостные культурно-просветительные центры—Народные Дома [1]), которые должны не только обслуживать население данного села, но и помогать культурной работе всей волости; над волостным центром стоит уездный, также тесно связанный со всеми учреждениями волости. Здесь то же задание волостным культурно-просветительным учреждениям служить районным центром—тенденция, наметившаяся еще в 1911 г., на 1-м Общеземском Съезде по народному образованию.

Итак, в 1920 г., как основная ячейка внешкольной работы в деревне, выдвигается изба-читальня. Большинство их открывается не по инициативе населения. Конкретных данных о содержании их работы имеется очень мало. Книгами избы-читальни были снабжены очень плохо: по статистическим данным, приводимым Медынским [2]), в 1920 г. на 1 избу-читальню (сведения имелись о 7.086 избах-читальнях) приходилось в среднем 50 книг; подписчиков на 1 избу-читальню было в среднем 16 человек, причем избы-читальни, лучше снабженные книгами, имели большее количество подписчиков. На 1 апреля 1922 г. мы имеем уже более утешительные данные о снабжении изб-читален книгами: на 1 избу-читальню приходится уже 158 книг. Содержание клубной работы изб-читален не поддается учету, в целом же работа этого времени носит по содержанию преимущественно политический, а по методам—агитационный характер.

Ярким выразителем этого сдвига во внешкольной работе является Всероссийское Совещание Политпросветов, организованных взамен внешкольных подотделов, с 1—8 ноября 1920 г. В резолюциях этого совещания [3]) указывается, что содержание политпросветработы должно заключаться в пропаганде основных идей программы Р. К. П. В виду того, что „в ходе политической и экономической жизни постоянно выдвигаются те или иные временные задачи, которые имеют боевое, ударное значение, Главполитпросвет должен принимать участие в разрешении этих задач путем проведения текущих ударных агитационно-пропагандистских кампаний“. Наконец, в целях проведения единого плана, „центр должен давать местам определенные задания, а места—проводить их в жизнь и давать точный отчет о выполнении их“. В этих выдержках—организационный план, содержание и метод политпросветительной работы в 1920 и отчасти 1921 году; это 2-й

[1]) Крупская. „О работе в деревне в области внешкольного образования“. М. 1920 г.

[2]) Медынский. „Внешкольное образование в РСФСР“. М. 1923 г.

[3]) „Бюллетень Всероссийского совещания политпросветов 1—8-го ноября 1920 г.“.

этап революционной власти в области внешкольной просветительной работы.

На том же совещании политпросветов, как основные задачи, выдвигаются производственная пропаганда и сообщение профессиональных знаний широким народным массам, для поднятия экономического строительства на должную высоту.

Но жизнь выдвинула на первый план, главным образом, политическую работу среди населения: „некогда было думать об органической связи с населением, его надо было поскорее политически сагитировать". Руководство работой возлагалось на отдельных лиц; советы изб-читален, Народных Домов, если не умирали, то влачили жалкое существование. Этот „агитационный" период в оценке руководителей политико-просветительной работы [1]) без остатка стер старое крохоборство, придал работе должный размах, дал ей широкие перспективы. И в дело создания новых методов работы этот период несомненно сделал свой взнос: массовая политпросветительная работа есть работа „агитационного" периода; ею выдвинут целый ряд новых форм, оказавшихся жизненными (агитсуды, политинсценировки, массовые театральные постановки и т. д.); наконец, постоянное, ежедневное внедрение „текущего момента" в жизнь низовых ячеек, может-быть, нарушало нормальную работу их, но создавало ту неразрывную связь с жизнью, которая является непременным условием действенной культурно-просветительной работы. Это—то несомненное, что осталось от „агитационного" периода.

Но командный метод работы, неизбежный в соответствующей исторической обстановке, привел к печальным результатам: при наступившем сдвиге в области экономической, при переходе на самоснабжение большинства культурно-просветительных учреждений, началось их массовое закрытие. Процесс этот очень определенно коснулся и Народных Домов и изб-читален. По данным Мещерякова [2]), сокращение это представляется в следующем виде:

Наименование учреждений.	На 1/X 1921 г.	На 1/X 1922 г.	Сократилось за год.	Примечание к перв. трем графам.
Изб-читален	28.132	3.530	87,5%	по 29 губ. РСФСР.
Клубов и Народных Домов	6.733	1.519	77,5%	„

[1]) Крупская. „Перспективы политпросветработы". „Комм. Просв.", № 1.
[2]) Мещеряков. „Как шло сокращение сети политико-просветительных учреждений". „Комм. Просв.", 1922 г., № 6.

По словам Крупской [1]), „местами сокращение кредитов повело к повальному закрытию учреждений". „В этом особенно резко сказалась недостаточная связь политпросветучреждений с населением. Не хватает рублей у государства,—перестает существовать и учреждение. Ясно, что корней в массу оно не пустило, а было насажено сверху". Причина найдена, вопрос поставлен прямо и остро. Начинаются поиски выхода. „Надо вернуться назад, к старым методам. Надо каждое такое учреждение связать как можно теснее с населением или определенным слоем населения. Надо воскресить советы народного образования, которые будут способствовать выявлению новой инициативы, организации ее". „Надо бы установить такое правило: там, где население берет на себя содержание избы-читальни, клуба, библиотеки и т. д.—половина расходов покрывается уездным или губернским центром". „Надо перейти к сети, вырастающей из самодеятельности населения. Она будет неизбежно неравномерна, но зато жизненна". „Нельзя втиснуть живую работу в прокрустово ложе территориальной сети" [2]). „Расширение и углубление работы в дальнейшем зависит от степени заинтересованности в ней местного населения; организация этой заинтересованности—наша ближайшая задача", читаем в статье другого работника Главполитпросвета [3]). Таковы намечаемые пути в области организационной. Соответственно меняется и содержание и методы политпросветработы: 2-й Всероссийский Съезд политпросветов (октябрь 1921 года) наметил переход от „агитации" к „пропаганде", к углубленной работе. XI Съезд коммунистической партии дает следующие директивы своим работникам: „Работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную, взамен предполагаемого ранее административно-принудительного и политическо-агитационного подхода" [4]). В связи с этим и 2-й Съезд политпросветов, как очередную задачу пропаганды в новых условиях, выдвигает насыщенность всей работы „производственным содержанием и связь с конкретными производственными интересами групп, обслуживаемых соответствующими пропагандистскими учреждениями и аппаратами" [5]).

---

[1]) Крупская. „Перспективы политпросветработы". „Комм. Просв.", № 1.

[2]) Цитирую из ст. Н. Крупской: „Перспективы политпросветработы". „Комм. Просв.", № 1.

[3]) Колесникова. „Новый этап в организации политпросветработы". „Комм. Просв.", № 1.

[4]) Постановления XI Съезда партии по вопросу о работе в деревне, § 7. „Путь Политработника", 1922 г., № 7—8.

[5]) Резолюции 2-го Всер. Съезда политпросветов. „Путь Политработника", 1921 г., № 14.

Эта связь экономики с просветительством, тенденция, наметившаяся еще в дореволюционной кооперативной практике, не прерывается на всем протяжении революционного строительства, включая, как мы видели, и „агитационный“ период.

Так, с переходом страны к новой экономической политике со времени 2-го Съезда политпросветов наметился, а на 3-м Съезде (в декабре 1922 г.) определенно выявился 3 й этап революционного строительства в области культурно-просветительной: в частности в деле развития Н. Д. планы будущего строятся в расчете на общественную инициативу; основной задачей работы считается поднятие культурного уровня, в частности поднятие агрономических и технических знаний населения. Как достижения революции, остаются в работе и новые формы ее и то переплетение чисто-культурной работы с содержанием и запросами сегодняшнего дня, которое толкает всех лучших работников на поиски новых путей, создание новых методов работы.

То же и в интересующем нас вопросе. Пути намечены, практических результатов пока еще не видно. Правда, в статье „Очередной (третий) Всероссийский Съезд политпросветов“ [1]) (26 ноября—6 декабря 1922 г.) Н. К. Крупская отмечает, что „самое худшее“, по мнению самого Съезда, уже позади, что „своего кульминационного пункта развал достиг летом, а теперь началось обратное течение: стремление углубить, укрепить, расширить работу, что избы-читальни и лик-пункты с осени начали вновь укрепляться“. Мещеряков же [2]) несколько позднее замечает, что, судя по всему имеющемуся материалу, даже при улучшении обстановки как раз сеть деревенских клубов, изб-читален, библиотек и т. под. восстанавливается едва заметно. Но, при всей медленности поступательного движения, сдвиг имеется, направление взято верное, имеющее за собой долгие годы проверки опытом, и дело распространения Народных Домов и изб-читален, как их примитивных ячеек, будет несомненно развиваться вместе с восстановлением экономической мощи страны.

Но каким предполагается внутреннее содержание работы избы-читальни и Народного Дома настоящего времени, их взаимоотношения, каким путем нужно итти, чтобы сделать эти синтезирующие культурные очаги действительно близкими и родными населению? Передвижка, громкая читальня, школа грамоты, примитивный хор, устройство праздников, чтений, докладов ответственных приезжих работников по больным

---

[1]) „Коммун. Просв.“, № 6, ноябрь-дек. 1922 г.

[2]) Мещеряков. „В порядок дня“. „Комм. Просв.“ 1923 г., № 1 (№ 7), янв.—февраль.

для крестьянства вопросам — вот что составит, примерно, содержание работы избы-читальни. Премирование лучших работников и учреждений, сдельная оплата труда специалистов, привлекаемых к пропаганде изб-читален и к работе в них, даст повышение заинтересованности в этой работе. Близость избы-читальни с партийной ячейкой, союзом молодежи, женотделом, земотделом, кооперацией и т. д. устанавливает тесную связь с деловой жизнью села и волости.

Общее руководство избами-читальнями исходит от Народного Дома, находящегося в более крупном селе, работа которого ведется в 3-х направлениях: 1) обслуживается местное население; 2) обслуживаются культурно-просветительные нужды пришлого населения; 3) часть работы идет на организацию просветительного дела в ближайшем районе. Для работы в Народном Доме имеется волостная библиотека с читальней, школа взрослых, курсы по политграмоте, постоянный хор и т. д. Желательны справочный стол, чайная, столовая, иногда ночлежка. Устраиваются спектакли, лекции, чтения, демонстрации, праздники, митинги.

Для налажения связи с избами-читальнями заведующий Народным Домом собирает заведующих избами-читальнями, руководитель школой взрослых при Н. Д.—руководителей школ грамоты при избах-читальнях. Такова схема работы в деревне, заимствованная из статьи Н. Крупской „Основные типы политпросветучреждений“ [1]). В ней мы не находим ответа на наиболее важный из поставленных вопросов, каким же путем пробудить инициативу населения, сделать Народный Дом или избу-читальню его кровным делом. Для ответа на этот вопрос обратимся к практике; посмотрим, какие сельские Народные Дома, за все время их существования, не явились пустой вывеской; связались с населением, развили более или менее широкую деятельность.

Начнем с практики дореволюционного времени. В журнальную литературу попали отчеты нескольких из таких Народных Домов или впечатления об их работе. Все эти жизнеспособные Народные Дома характеризуются тесной связью их просветительной работы с экономическими мероприятиями. Обратимся к фактам. Даймищенское Общество Народного Дома, Детскосельского уезда, начало которому положено организацией народным учителем детских праздников и крестьянского хора, осуществляет планомерные народные чтения, спектакли, кинематографические сеансы; с 1915 года живет мечтою о постройке своего Народного Дома, которую и во-

[1]) Н. Крупская. „Основные типы политпросветучреждений“. „Комм. Просв.“, № 4—5.

площает в жизнь в 1918 году на собственные средства. На ряду с деятельностью культурно-просветительной Общество Народного Дома занимается и хозяйственной: с 1 янв.—1 авг. 1918 года оборот превысил 70 тыс. рублей, начавшись с копеечных рассчетов. Намеченные Обществом планы—организация прокатного пункта сельскохозяйственных орудий, сооружение электрической станции, организация высшей крестьянской школы.

Осьминское Сельскохозяйственное Общество Гдовск. уезда работает больше 10 лет. Создана библиотека в 3 тысячи томов с 500 читателей, музей с инвентарем в 10 тысяч рублей (в довоенное время), который базировался на сельском хозяйстве. Вопросы о вредителях, об искусственном подборе—вот что являлось темой бесед-лекций в музее. Ставши школой, музей вызвал необходимость систематических лекций, и в 1911 году организовалась одногодичная сельскохозяйственная школа с 15 учениками-крестьянами в возрасте от 33—57 лет. При школе прокатный и зерноочистительный пункты, опытное поле, опорный луг, 2 бычьих и 1 конский случных пункта. Организован склад земледельческих орудий, семян и удобрений с $^1/_2$-миллионным оборотом. Народный Дом создал свою труппу из крестьян, ставящих Островского, Чехова, Мольера. Создались декорации, костюмы, реквизит, но не было зала. Каждое воскресенье устраивались научно-художественные вечера с пением, декламацией, небольшими лекциями. Имелись 4 волшебных фонаря, 2000 диапозитивов, кинематограф, за 60 сеансов привлекший 12 тысяч посетителей. И вот это-то Сельскохозяйственное Общество в 1918 году ходатайствует перед властью о субсидии в 60 тысяч рублей для постройки здания Народного Дома, которое лишь вместило бы ряд культурно-просветительных мероприятий, уже проведенных в жизнь. А вот картинка культурно-просветительной работы в дер. Лисково, Минской губ (от 1914 года), где местное Сельскохозяйственное Общество организовало земледельческий кружок, женский кружок, кооперативную маслобойню, ткацкую мастерскую, мастерскую игрушек, приют для детей, библиотеку-читальню, похоронную кассу, приют для стариков, театр и хор, общественную купальню, прачечную и булочную. Центральным учреждением деревни являлся Народный Дом, помещавшийся в просторном, светлом здании.

Приведенные примеры относятся к дореволюционному времени. А вот иллюстрации из работы Народных Домов последних лет: в Троице-Нерльской вол., Калязинского уезда, Тверской губ., организовавшееся в феврале 1918 года Общество Народного Дома развило большую культурно-просветительную работу, а вместе с тем приспособило мельничный

двигатель в 12 сил и осветило здание Народного Дома, всех советских учреждений и улицу деревни. Во всех этих примерах общее то, что деятельность культурно-просветительная не отрывается от жизни, старается связаться с повседневными нуждами населения; часто культурно-просветительная работа идет параллельно с хозяйственными операциями Общества Народного Дома, которые дают ему крепость, самостоятельность и прочность. Что широкое развитие культурно-просветительной работы не случайно проявляется в тех учреждениях, которые связались с экономической жизнью района, можно подтвердить рядом фактов из работы культурно-просветительных кружков и обществ, из которых часто развивался Народный Дом (данные эти относятся уже к революционному периоду). В Никольским уезде, Вологодской губ., по показаниям статьи Новикова: „Культурно-просветительные и сельскохозяйственные (смешанные) общества и инструкторская помощь", имеется 5 обществ подобного типа. Одно Вознесенье-Вохамское, распространяющее свою работу на 7 волостей, является уже союзом ряда культурно-просветительных обществ. Оно имеет библиотеку около 2000 томов, музей с отделами географическим, естественноисторическим, сельскохозяйственным и техническим. За 5 месяцев работы в 1919 году состоялось 42 лекции, 2 спектакля, 12 платных кинематографических сеансов. В области сельскохозяйственной устроено опытное поле, метеорологическая станция 2-го разряда. Работает прокатный пункт, полученный от земства. На очереди вопрос об открытии кооперативного паточного завода. Если Вознесенье-Вохамское Общество руководилось главным образом интеллигенцией (из 135 членов общества 3 врача, 3 агронома, 40 учителей), то Сеньеговское Общество, Грязовецкого уезда, Тверской губ., явилось делом самих крестьян. В правлении—2 солдата, крестьянин-старик и инструктор по кооперации, девушка-крестьянка. Общество создало библиотеку около 500 томов, опытно-показательное поле, проектировало устройство льнообделочного пункта.

Работа таких просветительных обществ часто завершалась постройкой здания Народного Дома; необходимые элементы Народного Дома, как учреждения—ряд просветительных мероприятий, организуемых самим населением, тесно связанных с его практическими интересами—тут налицо. Тенденция видеть в Народном Доме не только духовный, но и экономический центр, отмеченная в развитии идеи Народного Дома до революции, сохранившаяся и усилившаяся в революционные годы, находит себе прочное подтверждение в указанных примерах.

Только экономическая самодеятельность населения создает условия для жизнеспособности такого учреждения, каким является сельский Народный Дом.

В настоящее время интересной попыткой воплощения этой идеи в жизнь являются сельские будынки на Украйне, декретированные, как центр политико-просветительной работы на селе, в апреле 1922 г. [1]). Основная задача их—ликвидация сельскохозяйственной неграмотности, популяризация коллективных форм сельского хозяйства, пропаганда интенсификации и совершенствования сельского хозяйства. При сельбудынке устраиваются ремонтные мастерские, прокатные, случные, землеочистительные и ветеринарные пункты, кооперативные объединения, заезды для приезжающих командировочных по всем делам, касающимся селян и сельскохозяйственной жизни [2]). На 1 июля 1922 г. зарегистрировано 232 сельских будынка, из них губернских—10, уездных—66, волостных—147, сельских—9. На деле число их доходит до 600, включая 213 реорганизованных Народных Домов.

С 30 июля 1921 г. сельбудынки переведены на самоснабжение. В феврале 1921 г. состоялось всеукраинское совещание заведующих сельскими будынками. В среднем на сельбудынок приходится (на 1 июля 1922 г.):

земли	усадебной	$1^1/_2$ д.
„	огородной	$^5/_6$ „
„	пахотной	$8^4/_5$ „
„	сенокосной	2 „

Посещаемость в месяц равна в среднем 225 чел. При сельбудынке работает театр, библиотека, ставятся лекции, в городском сельбудынке организован музей, кинематограф, столовая, ночлежка [3]).

Июльское всеукраинское совещание политпросветов (1922 г.) наметило следующую схему клубных учреждений сельского типа: 1) сельбудынок на селе, 2) волбудынок, 3) уездные и городские будынки, 4) Всеукраинский будынок [4]).

К сожалению, в литературе не появлялось пока более конкретного отображения жизни и работы сельских будынков на Украйне; а они очень интересны именно потому, что

---

[1]) Городские сельбудынки основаны декретом весной 1921 г. „Путь к коммунизму". Х. № 8—9, стр. 237.

[2]) „Работа сельбудынков". „Путь к коммунизму". Х. 1922 г., № 8—9.

[3]) Все данные о работе сельбудынков заимствованы из ст. „Работа сельбудынков". „Путь к коммунизму". Харьков, 1922 г., № 8—9.

[4]) Июльское всеукраинское совещание политпросветов. „Путь к коммунизму". Харьков, 1922 г., № 8—9.

это первая попытка в широком масштабе воплотить в жизнь давно выношенную и кое-где с успехом осуществлявшуюся идею связи культурно-просветительной работы с экономической. У нас первой попыткой планомерной работы в этом направлении является организация в Москве Центрального Дома Крестьянина (в ноябре 1922 г). Это пункт деловой связи города с деревней, „в нем завязывается узел организации сельскохозяйственного фронта". Работа там идет в 3-х направлениях: 1) часть хозяйственная—организованы столовая, амбулатория, санитарный пропускной пункт; 2) консультационно-справочное бюро — выдаются справки и непосредственно ведутся дела крестьянских ходоков; 3) часть агитационно-просветительная—устраиваются лекции по вопросам сельского хозяйства и земельной политики, организован „центральный крестьянский сельскохозяйственный клуб", открыты при нем сельскохозяйственные курсы, бюро по сельскохозяйственному просвещению красной армии, есть план организации небольшого опытного поля, работает сельскохозяйственный музей-выставка; есть библиотека-читальня, книжная торговля, театр и кинематограф; наладились экскурсии, знакомящие клиентов Дома с достопримечательностями Москвы, с состоянием производства, с жизнью московского пролетариата. Давая многое деревенским ходокам, Центральный Дом Крестьянина, суммируя сообщения с мест, получает картину жизни и быта новой деревни. Можно рассматривать Центральный Дом Крестьянина, как первое звено в цепи „крестьянских домов" в сельской России, для которых он явится руководящим центром [1]).

Построение этой сети с руководящего центра может вызывать некоторое недоумение; роль организующего центра выпадает на долю Центрального Дома Крестьянина лишь тогда, когда вырастут „крестьянские дома" в деревенской России; пока же его значение в всестороннем обслуживании нужд пришлого населения—крестьянских ходоков.

Жизнь, таким образом, дала нам ответ на вопрос о том, каким путем создать жизнеспособный Народный Дом: тесно связаться с повседневной жизнью населения, базироваться на развитии экономической самодеятельности его, развивая в дальнейшем самые различные виды культурно-просветительной работы.

Это не значит, понятно, что только на почве развитых экономических мероприятий можно строить культурное дело.

---

[1]) Материал о Ц. Д. Кр. взят из следующих статей: 1) З. Богомазова. „Центральный Дом Крестьянина в Москве". „Комм. Просвещ." 1922 г., № 6. 2) Бернштейн. „Центр. Дом Крестьянина". „Комм. Просвещ." 1923 г., № 1 (7).

Иной раз, обратно, первым шагом будет начинание, далекое от всякой экономики, вроде детского праздника, театрального кружка и т. п. И в приведенных примерах мы видели 2 пути в деле создания культурных начинаний: или от экономики к просвещению, или от просвещения к экономике,—но в конечном счете оба потока сливались в общем русле. Организация экономических мероприятий делает Народный Дом экономическим центром данного района; центром духовным делает его комплекс просветительных мероприятий, в нем имеющихся, живущих полной жизнью лишь при наличии тесной связи с населением. А для этого Народный Дом должен явиться и социальным центром, где формируется общественное мнение, где знакомятся с тем, что делается за пределами села, где обсуждаются все события текущего дня, где, наконец, попросту отдыхают.

Громадное значение для жизни Народного Дома имеет и наличие подготовленных, инициативных и преданных своему делу работников. Они в различной форме закладывают первый камень Народного Дома, группируют около себя ядро наиболее активных местных людей; связывая эти начинания в процессе дальнейшей работы с будничной жизнью населения, делают их близкими для всех, а это приводит к созданию Народного Дома, как учреждения, даже при отсутствии здания Народного Дома. Связь эта осуществляется различными путями; прекрасной иллюстрацией умелого и ненадуманного налаживания такой связи является рассказ Христолюбовой - Сазоновой о ее работе в Гришинском Народном Доме [1]).

Она часто слышала вздорные обвинения против правления кооперативов, при союзе которых работал Гришинский Народный Дом; без устали разъясняла она недоразумения, на которых неоднократно строились самые невероятные выводы. Много времени уделялось ею, чтобы беседовать в чайной с отдельными лицами и маленькими группами. Обо всем выспросят, поспорят. В споре один вопрос выдвигается за другим, на каждое возражение надо ответить, опровергнуть каждого нападающего или повторяющего ложные слухи. Не мало времени уделялось женщинам. Она учила их, как говорить на собраниях. Замечая на собрании, что среди баб оживление, записывала в очередь кого-нибудь из них попривычнее да посмелее, чтобы говорили, что думают. В результате эти женщины сами стали брать слово и высказываться. Устраивались чтения, чтобы привлечь женщин, но больше о женской доле и участии женщин в общей жизни

[1]) М. М. Христолюбова-Сазонова. „В Гришине". Дмитров, 1918.

приходилось говорить в чайной. Много времени отнимало чтение газет, раза 2—3 в день; тут крестьяне привыкали к карте, к словарю иностранных слов, научились понимать газеты. Беседы чаще всего приходилось вести не на заранее намеченные темы, а по вопросам текущей жизни. На них освещались местные гришинские события и каждое событие уездной общественной жизни, земской и кооперативной. Кооперативное совещание, земское собрание давали богатый материал для бесед; все, что обычно являлось пустым звуком для крестьян, разбиралось, растолковывалось; по каждому вопросу составлялось собственное обоснованное мнение. На этих беседах сначала говорили все сразу: боялись, ожидая очереди, забыть, что хотели сказать. Но, председательствуя поочереди, приучились к порядку; приучились к тому, чтобы не все вопросы сразу разбирать, а один за другим. Темы лекций также вызывались самой кооперативной жизнью: кредитное товарищество купило яблони на продажу—пригласили агронома, чтобы осенью он прочел об уходе за яблонями, весной—о пересадке яблонь; общество потребителей купило жмыхи—агроном прочел о кормлении скота жмыхами.

Опыт Христолюбовой - Сазоновой чрезвычайно интересен для всякого культурно-просветительного работника; работа ее, понятно, не исчерпывалась теми начинаниями, о которых только-что говорилось; но именно эти начинания приводили к тесной связи с населением; при такой незаметной и будничной работе Народный Дом действительно становился местным общественным центром, учреждением, близким и родным каждому.

Подходя теперь к тем вопросам, которые стали перед нами вначале, мы можем попытаться на них ответить. Народный Дом, как объединение различных видов внешкольного образования, объединение не формальное, а действенное, в результате которого образуется сложный, но единый организм,—есть высшая форма внешкольной работы, и расцвет ее не в прошлом, а в будущем. Народный Дом в сельской России в своей работе опирается на местные потребности населения, связывается с его экономическими нуждами и является, таким образом, духовным, экономическим и общественным центром района. Когда эта связь с населением налицо, то не важно, есть ли в данном Народном Доме все учреждения, обычно объединяющиеся под его крышей. Это вопрос второстепенный, и при естественном развитии Народные Дома по составу учреждений, в них входящих, могут представлять пеструю картину, лишь в процессе роста подходя к завершенной форме—объединению всех основных видов внешкольного образования. При таком понимании районным

центром, направляющим работу других учреждений, может быть именно Народный Дом в развитом своем виде—тогда его естественной задачей будет влияние и воздействие не только на свое село, но и на округу. Работа эта, понятно, должна быть так организована, чтобы Народный Дом не превратился в административный орган и не утратил значения местного общественного центра. И сеть Народных Домов в сельской России может осуществляться лишь по мере назревания потребности на местах, при активном участии самого населения (пробуждению и выявлению этой потребности может способствовать и планомерная организация менее сложных форм внешкольного образования). В противном случае это будет насаждением формы, лишенной содержания. При таком подходе к вопросу осуществление сети Народных Домов есть дело не близкого будущего; создание ее будет итти постепенно. Но лишь при таком распространении этой сети ее расширение будет говорить о реальных достижениях в деле развития внешкольного образования.

Переходя к вопросу о городских Народных Домах, надо отметить, что до революции большинство городских Народных Домов было организовано Попечительством о Народной Трезвости. По анкете, произведенной Лиговским Народным Домом, в 672 городах, т.-е. в 69% всех городов России, в 1913 г. оказалось 134 функционирующих Народных Дома и 23 в периоде организации. Из них 104 Народных Дома были организованы Попечительствами о Народной Трезвости, 20—просветительными и благотворительными организациями и 10—городским самоуправлением. В результате городские Народные Дома были расположены в 132 городах 58 губерний. Не было в числе их ни одного Народного Дома, организованного профессиональными или кооперативными организациями. В этом отличие от западно-европейской практики, где лучшие Народные Дома организовывались профессиональными, партийными или кооперативными рабочими организациями. Говорить о значении для культурной работы Народных Домов, организованных Попечительством о Народной Трезвости, не приходится. В противовес им широкую культурную работу вели Народные Дома, созданные частной или общественной инициативой. Примером может служить Лиговский Народный Дом Паниной.

Ценность этих учреждений, главным образом, в выработке методов работы в Народном Доме, в действительном объединении отдельных отраслей его деятельности, что одно делает его самодовлеющим учреждением. Но несомненно, что не эти Народные Дома, создаваемые частной благотворительностью и поддерживаемые бескорыстной работой групп интеллиген-

ции, могли явиться типичными для будущего городского Народного Дома.

Городские самоуправления, обычно сильно отстававшие от земств, тоже не создали никаких традиций в этом деле.

После революции 1917 года появляются проекты и планы организации городских Народных Домов, находящиеся, несомненно, под влиянием западно-европейской практики. Вот образец подобного проекта: в 1918 году Культурно-Просветительный Отдел Нарвско-Петергофского районного совдепа проектирует создание Дворца рабочих по следующему плану: огромный зал на 3—4 тысячи человек, малый митинговый на 800 человек, зал для игр, гимнастический зал, ресторан-столовая, народный университет, ателье для художественных работ, комната для интеллектуальных работ и отдыха. Перед дворцом широкая свободная площадь для игр и народных гуляний. Действительность и тут не походила на мечты. В печати мало сведений о городских Народных Домах, и эта скудость сведений сама по себе характерна: она свидетельствует о малых достижениях в этом направлении. Организация Народных Домов в первые годы революции велась, главным образом, профессиональными организациями или рабочей кооперацией (интересной является работа московских „Домов Просвещения", созданных и руководимых рабочей кооперацией) [1].

На ряду с Народными Домами (обычно носившими другое название) в городе было создано большое количество специальных учреждений по внешкольному образованию. Многие из них имели мало клиентов, не могли развить достаточно интенсивной деятельности при отсутствии связи с другими формами внешкольной работы. Возникла идея создания Домов Просвещения, которая и была реализована в Петрограде в 1920 году местным Внешкольным Подотделом. Была намечена сеть Домов Просвещения, которые и были созданы путем объединения под единой кровлей в большинстве уже действовавших учреждений по внешкольному образованию, лишь переменивших прежнее местожительство на новое.

Согласно единому уставу, выработанному коллегией Внешкольного Подотдела Компроса в июле 1920 года, Дом Просвещения слагается из следующих частей: клубной, школьно-курсовой, библиотечной, музейно-выставочной, консультационно-справочной, административно-хозяйственной. Заведующий Домом Просвещения назначается центром, Правление из

[1]) Интересно отметить организацию этими Н. Д., как профессиональными, так и кооперативными, специальных курсов, имеющих целью повысить квалификацию рабочих и поднять уровень производства.

состава 8 лиц имеет 3 выборных членов (2 от общего собрания, 1 от комитета служащих; остальные—заведующие Домом Просвещения в целом и его отделами). Высшим органом управления является общее собрание, созываемое по уставу не реже (но фактически не чаще) 2-х раз в год. Является ли Дом Просвещения тем типом Народного Дома, который выдвинут жизнью, как желательный в условиях города? Ему ли принадлежит будущее, как городскому Народному Дому? При обзоре сельских Народных Домов мы пришли к выводу, что Народным Домом явится лишь учреждение, служащее духовным, экономическим и общественным центром населения, что стать таким центром с момента возникновения Народный Дом не может, что этому должна предшествовать стадия развития его из зародышевой ячейки, каковыми могут служить самые разнообразные начинания. Для городского Народного Дома в условиях городской дифференцированной жизни нет необходимости быть центром экономическим, т.-е. самому организовывать хозяйственные мероприятия; но его непосредственным делом является теснейшим образом связаться с производственными интересами тех групп, которые им обслуживаются, строить всю свою работу на этом фундаменте.

С такими ограничениями понимаем мы роль городского Народного Дома, как экономического центра. Но все остальные условия жизнеспособности Народных Домов остаются и в условиях городской жизни.

А между тем в Доме Просвещения, вместо естественного роста, мы видим механическое объединение ряда культурных мероприятий под единой крышей; это имеет свои несомненные преимущества, так как дает клиентам возможность пользоваться различными формами внешкольной работы без лишней затраты времени и энергии и тем самым втягивает их в работу; при подобной централизации легче обеспечить учреждения необходимыми работниками и пособиями. Такие Дома Просвещения являются полезными (более или менее—в зависимости от состава работников) учреждениями, но не Народными Домами, в том понимании их, которое здесь было выявлено. Они не близки населению, хотя могут использоваться им, как и целый ряд полезных, но посторонних мероприятий.

Лиговский Народный Дом, постепенно развившийся в сложный комплекс учреждений из маленькой детской столовой, являлся действительно живым организмом, рост которого вызывался потребностями жизни. И если бы с самого начала действительным хозяином и направителем работы Дома были его клиенты—рабочие, то именно такой Народный Дом мог бы

рисоваться нам, как желательный тип городского Народного Дома. Дом же Просвещения, сразу начинающий свою работу в составе 6 отделов, руководимый назначаемым центром заведующим, действительным Домом Народа в громадном большинстве не станет.

Количество Домов Просвещения в Петрограде исчислялось десятками; недавно, в связи с уменьшением финансирования внешкольных учреждений, число их уменьшилось до 13; в большинстве из них функционируют школы для взрослых, клуб, библиотека. Центральное место в работе [1]) (в пределах 1-го Городского района в 1921 г.) занимали школа для взрослых и театральная клубная работа. Дом Просвещения в городе должен, по заданию центра, направлять всю клубную работу района. В отдельных Домах Просвещения Петрограда эта работа, очевидно, начинает налаживаться: так, в отчетах, представленных Губполитпросвету [2]), имеются отзвуки этой работы. В Домпросвете Выборгского района выработан (уже местными работниками) план организационной работы Дома Просвещения. Задачи его в этом направлении формулированы следующим образом:

1) выработка плана клубной работы и направление ее;

2) устройство инструктирующих заседаний, посвященных отдельным видам клубной работы;

3) внесение планомерности в работы кружков путем пересмотра программ их работы;

4) организация работы на местах путем показательных вечеров.

5) непосредственная помощь местам силами и пособиями.

За 3—4 отчетных месяца было проведено несколько собраний и вечеров спайки клубных работников. Очевидно, кое-какие шаги для реализации плана предпринимались. Потребность клубов иметь такое руководство несомненно имеется: в протоколах районных конференций Петрограда (в начале 1923 года) встречаются жалобы клубов на отсутствие руководства со стороны Домов Просвещения.

Итак, в деле создания городского Народного Дома сделано еще очень мало; в последнее время, когда участие профессиональных организаций в культурной работе стало гораздо ощутительнее, начинает намечаться некоторый сдвиг в сторону сближения культурно-просветительных учреждений с клиентами, которых они обслуживают. И когда эта тесная

---

[1]) По данным обследования Домов Просвещения 1-го Гор. района, произведенного слушателями Инст. Внешк. Образ. в 1921 г. (из материалов Конс.-Справ. Бюро И. В. О.).

[2]) Из отчетов Петр. Губполитпросвету за окт. 1922—март 1923 г.

связь учреждения с его клиентурой станет фактом, перед городским Народным Домом, как находящимся в лучших условиях, станет задача отыскания методов и приемов работы, которые создали бы из комплекса разнородных частей единый организм.

Так обстоит вопрос о сельском и городском Народном Доме в России; перспективы развития этого культурного очага в условиях города и деревни различны, но самый факт его развития несомненен. В своем законченном виде, как синтез отдельных видов внешкольной работы, Народный Дом есть достижение не столь уже близкого будущего, но он рисуется высшим этапом в деле развития внешкольного образования.

М. Салтыкова.

Политпросветработа в Красной Армии.

Выпавшая на Красную Армию исключительная задача защиты „социалистического отечества“ неизбежно выдвигала в первую очередь вопрос о политическом и социалистическом воспитании Красной Армии. Это являлось новшеством, еще неслыханным и недопустимым с точки зрения буржуазных и прочих конституций, но логически вытекавшим из существа рабоче-крестьянской советской власти.

В каком направлении должна была итти эта работа? Безусловно в том же, в каком велась политпросветработа и среди всех трудящихся советской республики. Создать из красноармейских просветительных учреждений очаги социалистической культуры, развить классовое самосознание, выработать активных борцов за советскую власть и будущее коммунистическое общество—вот те общие задачи, к осуществлению которых следовало приступить с самого же начала организации армии.

Вместе с тем, в силу специфических особенностей этой организации, как организации военной, выполнение поставленных основных задач могло выявиться и на самом деле выявлялось в несколько своеобразных формах, почему мы и полагаем наиболее целесообразным очерк, посвященный политпросветработе в Красной Армии, выделить особо. При этом заранее оговариваемся, что, при всей краткости пройденного пути, он был настолько широк и богат содержанием, что в небольшой заметке мы сможем лишь отметить отдельные, наиболее важные вехи этого пути, надеясь, что уже в недалеком будущем он найдет себе достойного историка.

Кратко мы остановимся на некоторых организационных формах политпросветработы в Красной Армии, на принципах, какие были положены в эти организационные формы, и на тех учреждениях, которые в процессе работы получили наибольшую устойчивость и распространение.

В этих целях считаем полезным придерживаться общепринятого деления истории Красной Армии на три периода: первый, очень короткий, охватывающий февраль—май 1918 г., месяцы формирования Красной Армии на добровольческих началах; второй—с момента образования регулярной Красной Армии, т.-е. с начала июня 1918 г. (декрет от 29 мая), охва-

тывающий годы так называемого военного коммунизма, и третий—период новой экономической политики.

О первом периоде ограничимся немногими словами. Не потому только, что он был слишком краток. То были разгар октябрьской революции и месяцы еще не вполне ликвидированной международной бойни, месяцы саботажа и бойкота советской власти со стороны организованных общественных групп, не так еще давно стоявших у власти и не переставших мечтать о ней. Противостоять враждебным силам в защите нового советского строя мог лишь пролетариат, вынесший на плечах своих всю тяжесть первых революционных боев, и те многочисленные слои трудового крестьянства, которые уже ясно осознали смысл и значение для себя этого строя. Из них-то формировались первые ряды бойцов, к ним было обращено первое слово призыва к защите социалистического отечества.

Агитация и пропаганда—эти основные элементы политпросветработы в целом—не могли вылиться в те месяцы в какие-либо определенные или постоянные формы. Быстрота и натиск повсюду, то же в агитации и пропаганде. Было не до культурно-длительной работы, требовались яркие речи-фейерверки, зажигающие сердца для решительных битв. С такой же быстротой создаются и кадры агитаторов; для их подготовки при ВЦИК и организационно-агитационном отделе „Всероссийской Коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии“ учреждаются краткосрочные, от 2 до 6 недель, курсы. На этих курсах будущие агитаторы-организаторы знакомились с положениями, что такое Красная Армия, каковы ее задачи, что такое советская власть, и, изучив эти вопросы, отправлялись на работу, вербуя добровольцев в Красную Армию.

Разумеется, целью организационно-агитационного отдела при Всероссийской Коллегии была не только вербовка добровольцев. Он должен был также среди завербованных красноармейцев углубить и укрепить сознательную революционную дисциплину и преданность новому социалистическому строю. Но этому было положено лишь начало. Лишь переход к постоянной армии создает новые и значительно более благоприятные условия и ставит более сложные задачи в деле политического образования и воспитания красноармейских масс.

Еще в апреле 1918 г., в период подготовки к переходу к регулярной армии, учреждается новый политорган—Всероссийское Бюро Военных Комиссаров, заменившее организационно-агитационный отдел Всероссийской Коллегии, на которое было возложено, помимо „согласовывания и объеди-

нения деятельности военных комиссаров и установления военного контроля над ними во всероссийском масштабе, также руководство и ведение плановой агитационно-просветительной работы".

Бюро просуществовало год, с 8 апреля 1918 г. по 19 апр. 1919 г. Этот год прошел, главным образом, в организационной работе. Сложность стоявших пред Бюро задач, быстрота роста Красной Армии, постоянные передвижения частей ее в связи с изменяющимися фронтами и т. п. причины заставляли его неоднократно менять свою структуру, и это внутреннее строительство, конечно, не всегда положительно сказывалось на ходе всей политпросветработы. Только за первые 8 месяцев своего существования Бюро меняло свою организацию десять раз. Состоя вначале из четырех отделов, в апреле 1919 г. оно уже расширяется до восьми, причем некоторые отделы делятся на подотделы и секции; так, к концу октября 1918 г. агитпросветотдел имел подотделы: агитационно-организационный, культурно-просветительный, литературно-библиотечный и подотдел курсов. Каждый подотдел в свою очередь делился на секции: литературно-библиотечный — на библиотечную, издательскую и периодической печати; культурно-просветительный—на школьно-лекционную, театрально-музыкальную, клубную, кинематографическую и спортивную.

Приказом Всероссийского Бюро Военных Комиссаров от 30 октября 1918 г. на местах—при окружных, губернских и уездных военных комиссариатах—учреждаются агитационно-просветительные отделы. Положение об этих отделах не только намечает общие принципы всей политпросветработы, но и конкретные формы ее. Характерная, но вместе с тем естественно вытекающая из существа рабоче-крестьянской красной армии особенность этого положения заключается в том, что культурно-политпросветительная работа красноармейских частей должна вестись и среди населения.

Так, в числе функций уездного отдела значится: 1) рассылка агитаторов-организаторов по уезду для работы в волостях и красноармейских частях; 2) содействие организации комитетов бедноты и коммунистических ячеек; 3) организация изб-читален в деревнях; 4) организация связи—передачи получаемой литературы местному населению чрез комитеты сельских советов, комитеты бедноты; 5) устройство митингов, собраний, собеседований, чтений по политической грамоте в пределах уезда, организация народных празднеств, особенно в периоды обучения населения военному делу и во время мобилизации; 6) проведение мероприятий к устранению безграмотности среди красноармейцев и среди местного населения; 7) организация клубов и т. д.

Подобные же функции, но уже в губернском масштабе, выполняет агитационно-просветительный отдел при губернском комиссариате.

Заслуживает внимания попытка придать всей работе систематичность и постоянство. Намечается сеть основных учреждений, как Дом Просвещения, клуб, библиотека. Дом Просвещения является центром объединения агитационно-просветительной работы в красноармейских частях губернии и клуб—учреждением общественной спайки красноармейцев в целях „прояснения и развития классового самосознания и совершенствования в просвещении, эстетической, физической и политической культуре в духе социальной революции". Также и школы: „Содействуя общекультурному развитию, они должны способствовать развитию личного, классового и общественного миросозерцания".

Одновременно с организацией политорганов идет работа учебно-методическая. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, к концу 1918 г. имелось 444 школы, 1795 библиотек, 383 клуба. Выработано несколько положений, инструкций и программ для красноармейских школ 1, 2 и 3 ступени с объяснительными записками к ним.

За пять лет в отношении разработки методических вопросов мы, разумеется, далеко подвинулись вперед. В отдельных частях программы 1918 и 1919 гг. устарели; чувствуется недостаток в выборе учебных пособий, прилагаемых к программам. Но и устарев, они могут служить весьма небесполезным источником для нашей нынешней методической работы.

Мы отметили стремление Бюро к плановой, более или менее устойчивой длительной работе в области школьного, библиотечного и клубного дела. Однако крупных результатов все же не было достигнуто в силу уже указанных нами причин. Это было время преимущественно агитации, но не пропаганды. Митинги, беседы, злободневная летучка или газета—были тогда главными и наиболее важными средствами общения Красной Армии с массами трудящихся. Стройная система сетей политпросветительных учреждений являлась еще делом будущего, а пока работа носила в значительной степени кустарнический характер.

Это кустарничество служило препятствием к проведению твердой политической линии по всему фронту. Правда, в 1919 г. уже не было почти ни одной части, где не существовала бы ком-ячейка, но и для разбросанных по многочисленным частям ком-ячеек нужен был орган, объединяющий и направляющий их.

На 8 Съезде РКП военные делегаты с мест настаивали на том, чтобы вся политическая работа в Красной Армии была подчинена непосредственно контролю Ц. К. партии, для чего необходимо создать политуправление в виде отдела Реввоенсовета республики с членом Ц. К. РКП во главе.

Это пожелание и было осуществлено приказом Реввоенсовета республики от 18 апреля 1919 г.

Учреждением ПУР'а [1]) (Политическое Управление Революционного Военного Совета Республики) начинается новая, длительная полоса в истории развития и укрепления политического образования и воспитания Красной Армии.

Ведению ПУР'а, согласно положению о нем, подлежит вся политико-просветительная и агитационная работа в Красной Армии и Флоте, которая ведется им на основании заданий и приказов РВСР и ЦКРКП. Руководство ПУР'а на местах осуществлялось чрез фронтовые и тыловые части. Политические отделы фронта, армии, дивизии (Пофронт, Поарм, Подив) выполняют соответствующую работу на фронте: в Пофронте сосредоточивается общее руководство деятельностью подведомственных ему политотделов армий и непосредственное ведение политико-просветительной работой в частях войск, штабах и учреждениях, подчиненных непосредственному командованию; Поарму принадлежит руководство и постановка всей политико-просветительной работы в частях и учреждениях армии; Подив, являясь непосредственным проводником всех директив Поарма, руководит работой ком-ячеек и культпросветкомов, регулирует взаимоотношения между красноармейцами и местным населением, организует школы грамоты, клубы и распределяет литературу.

Тыловыми органами политпросветработы являются Политическое Управление округа (Пуокр) и Политическо-Просветительный Отдел губернии (Погуб).

Мы не будем здесь подробно останавливаться на внутренней организационной стороне развития деятельности ПУР'а. Скажем только, что в связи с теми или иными обстоятельствами и, в частности, в связи с новой экономической политикой внутри ПУР'а и соподчиненных ему органов—организационная сторона не раз подвергалась изменению. Наиболее коренной реорганизации ПУР подвергся в 1921 г., причем особое внимание было обращено на установление твердых взаимоотношений политотделов Красной Армии с местными комитетами РКП и Губполитпросветами.

---

[1]) Приказом 18 апреля 1919 г. на место Бюро Военных Комиссаров учреждался Политотдел РВСР, который в мае был реорганизован в ПУР.

Связь с последними осуществляется чрез Военную секцию при Главполитпросвете. По указанию ПУР'а она вырабатывает как общие, так и специальные ударные политические планы на основе общих принципов и методов Главполитпросвета; она находится одновременно в подчинении ПУР'а и Главполитпросвета, начальник ее утверждается тем и другим и пред ними же отчитывается о своей деятельности; в целях же осуществления непосредственной постоянной связи с соответствующими отделами Главполитпросвета Военная секция ведет работу в помещениях последнего (см. Положение о Военной секции). В целях руководства политпросветработой в территориальных воинских частях организуются Военные секции при Губполитпросветах (Положение от 25 ноября 1921 г.).

Отметим теперь некоторые итоги и достижения в области политпросветработы, в частности библиотечной, клубной, школьно-курсовой и по ликвидации неграмотности.

Все эти виды работы пережили те же этапы, как и возглавляющие их политорганы.

Начало красноармейским библиотекам было положено в 1918 г. Бюро Военных Комиссаров наметило два типа библиотек: основные и передвижные. Первые организовывались при красноармейских клубах или при агитационно-просветительных отделах и имели целью „способствовать расширению умственного кругозора красноармейцев, давать знания для выработки целостного миросозерцания, воспитывать из них сознательных граждан, солдат-социалистов". Вторые, преследуя ту же цель, должны сопровождать красноармейца всюду, во время отдыха в поле, лагерях, на бивуаке и в казармах. Организуются они при каждой роте и находятся под непосредственным наблюдением и руководством ротных культурно-просветительных комиссий.

В первое время работа библиотек ведется еще разрозненно, неорганизованно. Вопрос о плановой работе, о библиотечных сетях в Красной Армии поднимается и разрешается позднее; при ПУР'е, когда для руководства библиотечным делом учреждаются библиотечные секции при культурно-просветительных отделениях.

Много положительного в разрешении организационных и методических вопросов библиотечного строительства дали также совещания и конференции, происходившие в 1919—1922 гг., и особенно I Всероссийский Съезд библиотечных работников Красной Армии и Флота (5—25 октября 1920 г.),

уделивший, помимо общих организационных вопросов, серьезное внимание вопросам методическим и библиотечной технике [1]).

На библиотечных административных органах лежала и обязанность по снабжению литературой всей Красной Армии. План снабжения был задуман очень широко. В него входили: 1) выяснение, какого характера литература и в каком количестве нужна для Красной Армии; 2) редакционно-издательская работа по изданию этой литературы; 3) учет всей издающейся и имеющейся литературы как в центре, так и на местах; 4) массовое издание библиотек; 5) учет всей литературы, идущей в Красную Армию, и распределение ее, согласно количеству красноармейцев, в связи с местными, национальными, бытовыми, хозяйственно-экономическими условиями и в соответствии с обще-политической обстановкой текущего момента; 6) доставка литературы местным центрам и организация доставки ее от этих центров до непосредственного потребителя; 7) выработка методов правильного и наилучшего использования литературы на местах и соответствующее инструктирование местных организаций [2]).

За короткий период этот план, конечно, не мог быть осуществлен полностью, но все же следует констатировать крупные достижения по проведению его в жизнь. Вот несколько данных о количестве литературы, распространенной в Красной Армии за годы 1918—1922 (в экземплярах):

1918 г.	на 2.118.000 р.	по курсу того времени
1919 г.	на 16.000.000 р.	23.000.000 экз.
1920 г.		5.592.231 „
1921 г.		1.642 775 „
1922 г.	(с 1 янв. по 10 июня)	111.096 „

Кроме полученной и распространенной из Москвы литературы, Киевским Редиздатом при Пуокре издано было брошюр, листовок, воззваний—всего около 20 милл. экземпляров.

Литература шла на фронт и в тыл. Как видно из приведенных данных, наиболее крупный тираж ее падает на 1919 г., когда враги советской власти окружали ее со всех сторон и когда агитационная брошюра и листовка имели исключительно важное значение. Уменьшение количества распространенной

[1]) Лишь в 1922 г. вышел I вып. „Трудов“ этого Съезда (М., 1922, изд. Высшего Военного Редакционного Совета). В нем помещены доклады о „Психологических основах библиотечного дела“ (проф. Нечаева), „Изучение психологии читателя“ (Н. Рыбникова), „О работе с беллетристикой““ (А. Покровского), „Международная десятичная классификация“ (Боднарского), „Снабжение и его организация“ (Веккера) и др.

[2]) „Политработник“, № 8—10, 1921 г., ст. Е. Хлебцевича, стр. 43—45.

литературы в 1921 и 1922 г. объясняется частичной демобилизацией армии [1]).

За 1919—1922 гг. центральным военным издательством было выпущено до 40 милл. экземпляров различных брошюр, листовок, плакатов, лубочных картин, открыток, журналов, газет, военно-технической литературы и почти столько же было выпущено на местах. Характер изданий менялся в зависимости от потребностей момента. В 1919—1920 гг. в центре издается: 17.992.000 экземпляров агитационной литературы, 7.242.372 экз. плакатов, лубочных картин и открыток, 3.350.000 экз. журналов и газет и 1.433.137 экз. военно технической литературы. В 1921—1922 гг. последняя занимает уже первое место—ее было издано 4.053.600 экз., агитационная литература падает до 1.465.000 экз., журналы—721.000 экз. и плакаты—только 275.000 экз. Со времени образования регулярной Красной Армии военное издательство было сосредоточено сначала в Бюро Военных Комиссаров, затем в ПУР'е; в 1922 г. работа всех отдельных редакционных военных органов объединяется в Высшем Военном Редакционном Совете при РВСРеспублики [2]).

Из того же источника (ст. Хлебцевича) заимствуем данные о количестве библиотек за 1918—1922 гг.:

1918 г.	3.033	библиотеки
1919 г.	7.500	„
1920 г.	10.029	„
к 31 дек. 1921 г.	4.887	„
в марте 1922 г.	4.666	„

Таким образом 1920 г. дает наибольшее число библиотек, в 1921 и 1922 г. число это резко падает; уменьшение объясняется демобилизацией армии и переходом ее на мирное положение (маленькие фронтовые передвижные библиотечки объединяются в более крупные); наконец, с наступлением НЭП, сокращаются и кредиты. Но если в 1922 г. число библиотек в сравнении с 1921 г. несколько уменьшается, число книг и выдач их, а также количество читателей повышается. На 1 апр. 1922 г. в библиотеках числилось 2.726.360 экз., на 1 апр. 1921 г.—1.258.086 экз.; выдано книг в марте 1922 г.—834.818 экз., в марте 1921 г.—252.990 экз.; в марте 1922 г. было 266.815 читателей, в марте 1921 г.—136.049.

К сожалению, мы не имеем возможности остановиться здесь подробно, как протекала и протекает работа в красноармейских библиотеках, что делалось и что делается руководящими

[1]) „Политработник", № 10—11, 1922, см. ст. Е. Хлебцевича, стр. 44—45.

[2]) См. ст. О. Леонидова в № 10—11 „Политработника" за 1922 г.

органами по выяснению и удовлетворению читательских интересов и по разработке вопросов библиотечной методики и техники. Скажем только, что за эти годы накопилась очень богатая литература по всем вопросам библиотечного строительства в Кр. Армии, произведен ряд ценных анкет, проделано много интересной и оригинальной методической работы. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать страницы „Политработника", „Военного Знания" и др. военных периодических изданий.

Там же мы найдем богатый материал по истории других мероприятий и форм политпросветработы в Кр. Армии.

Сугубо важное значение приобретала ликвидация общей неграмотности, регулярная работа по которой началась со времени приказа РВСРеспублики от 4 сентября 1919 г. В 1920 г. в Кр. Армии имеется уже 3800 школ, хотя безграмотность к концу этого года все же достигает еще 20%. В следующие годы % неграмотных сильно понижается: на 1 мая 1921 г. в Кр. Армии было 72,3% грамотных, 19,5% малограмотных и 8,2% безграмотных; на 1 мая 1922 г. безграмотных уже только 0,5%, грамотных 75,5% и малограмотных 24%. Одной из причин падения % безграмотности была, несомненно, демобилизация в 1921 г. старших возрастов, но решающее значение безусловно имели приказы Реввоенсовета республики и, в частности, приказ тов. Троцкого от 28 февраля 1922 г. о непременной ликвидации неграмотности к 1 мая того же года.

В тесной связи с ликвидацией общей неграмотности стоял вопрос и о ликвидации безграмотности политической. Мы уже не раз отмечали чрезвычайную роль политического воспитания и образования Кр. Армии в деле защиты „социалистического отечества". В сущности, функции политического воспитания должны были выполнять и в действительности выполняют все красноармейские политпросветительные учреждения, и все мероприятия, начиная от злободневной листовки и кончая сложной художественной инсценировкой, направлены на то же.

„Политчас" органически связан и сросся с любым красноармейским просветительным учреждением—с курсами, школой, библиотекой и клубом. „Политчасу" посвящаются многочисленные конференции и совещания, для него вырабатываются десятки методик, руководств и программ. В настоящее время остро стоит вопрос о создании единой системы и программы „политчаса". До сих пор работа велась очень разнообразно и разрозненно. В статье С. Антонюка („Политработник", № 10—11, 1922) мы находим интересные сведения, подытоживающие проведение „политчаса" в различных частях Кр. Армии на основании произведенной Военсекцией ПУР'а ан-

кеты о политчасе. Эти сведения показывают, что в каждой дивизии и даже в каждой части работа ведется по-своему, нередко без всяких руководств; нет единства в числе часов, отводимых на занятия по политической грамоте; констатируется, наконец, недостаток в опытных, подготовленных политруках; % политруков, обладающих педагогическими знаниями, не подымается выше 19 (Западный округ), в Зап.-Сибирском округе и флоте таковые совершенно отсутствуют.

1923 год несет лозунги уточнения и углубления всей политической и учебной работы. Энергичная кампания за новые методы школьной работы, за пересмотр и обновление учебных программ, начатая в нынешнем году Главным Упр. В.-Учебн. заведений (ГУВУЗ) и нашедшая горячий отклик на местах, служит порукой тому, что „политчас", политическое воспитание и образование Кр. Армии выльется, наконец, в единой и стройной системе. И если общие интересы социалистической республики будут положены в основу политических программ и руководств, то не должны быть без внимания оставлены пожелания, запросы и интересы красноармейцев, выявившиеся хотя бы в только-что упомянутой анкете ПУР'а.

Несколько слов теперь о той основной ячейке, которая объединяет и включает в себя прочие виды и мероприятия политпросветработы — о красноармейском клубе. Сколько хорошего и яркого связывается с этим именем в жизни каждого красноармейца! Можно сказать—клуб вырос вместе с Красной Армией, сопровождал ее на боевых фронтах и позициях, был местом отдыха, радости и очагом подлинной социалистической культуры во все $5^1/_2$ лет октябрьской революции. Красноармейский клуб—не только клуб красноармейца. За эти годы, в тылу, он всегда радушно открывал двери и для трудящихся масс. Не всегда переживал он радостные дни, не всегда твердо следовал по пути поставленных ему задач. Те же причины, которые тормозили работу школ и библиотек, мешали планомерному проведению политчаса, не могли не оказывать отрицательного влияния и на деятельность клуба. Новая экономическая политика, заставив его перейти на самоснабжение, нередко создавала благоприятную почву для мелко-буржуазных мещанских течений, и это до сих пор еще не изжито. Но с этим также начата энергичная борьба; мы видим, как при клубах растет число научных кружков и студий, возрастает среди красноармейской массы тяга к кружковой работе.

На 1-е апреля 1921 г. при клубах было 1850 кружков; через год, 1 апреля 1922 г. их уже числилось 6261. Из них

художественных—2459, политических—1175, общеобразовательных — 994, спортивных — 309, сельскохозяйственных — 202 и т. д.

Говоря о красноармейских клубах, мы необходимо должны подчеркнуть, что именно в Красной Армии идея равноценности школьного и внешкольного образования была впервые полностью претворена в жизнь. Учебные планы всех наших ВУЗ'ов, как нормальных, так и высших, тесно согласованы и объединены с клубной работой. Клубные кружки углубляют и развивают проходимое в учебные классные часы. Необходимость такого единения и сотрудничества наиболее ярко была выражена в докладах и резолюциях Съезда начальников и комиссаров окружных управлений военно-учебных заведений, состоявшегося 30 августа—4 сентября 1922 г.

На этом мы заканчиваем краткий обзор политпросветработы в Красной Армии. Скажем то, что и в начале: наш обзор не полон и может быть назван лишь скромным введением в богатую и достойную самого глубокого и всестороннего обследования историю политического воспитания Красной Армии. Мы не коснулись развития военно-учебного дела, полагая, что оно должно явиться предметом особого исследования, хотя и отметили, что организация военной школы и учебное дело в ней тесно связаны с политпросветработой.

Мы особо не останавливались еще на одном, исключительно важном факторе в деле создания Красной Армии и ее политического воспитания—это на РКП. Но ее роль и влияние в строительстве Красной Армии сами собой разумеются. Военное издательство, миллионы листовок и брошюр; постановка агитации и пропаганды во всех разнообразнейших видах и формах; политчас; клуб, как коммунистическая ячейка; проведение в жизнь злободневных лозунгов; сельскохозяйственная кампания и кампания помощи голодающим—все это прежде всего дело РКП. И чем серьезнее момент, чем больше сгущаются тучи на горизонте, тем ярче выявляется эта роль и сознается необходимость самой крепкой спайки партии с Красной Армией, опорой союза советских социалистических республик.

А. Е. Плотников.

Школа для внешкольного подростка.

I.

В состоянии постоянного изумления и восхищения пребывает гражданин современности. Он не успевает привыкнуть к своим успехам. От телеграфа к радиотелеграфу, от аэростата к пассажирскому аэроплану, от парохода к подводной лодке и т. д., и т. д. Каждый современник на протяжении скупо отмеренного срока человеческой жизни, к тому же еще укороченной и скомканной неизбежными „роковыми случайностями", пережил грандиозные изменения окружающей вещной среды. Да и социальная обстановка, общественные взаимоотношения перестраиваются на глазах у современников.

Переобразуется материальный мир, пересоздается структура общества, но „сам человек" как будто меняется меньше окружающего. Бытие определяет сознание, экономика направляет психику. Но мы не знаем математической формулы, выражающей соотношение этих силовых зависимостей. Психологические „пережитки" более цепко держат в своей власти „живую жизнь", чем пережитки бытовые. Как чужда современнику обстановка жизни шекспировских персонажей и как еще близки Гамлет и Отелло!

Человек не ждет, пока „естественный ход развития" изменит, ему на потребу, материальную среду вокруг него. Он изучает законы этого „естественного развития" и осознает свою действенность в качестве одной из сил законосообразного поступательного движения. С настойчивостью и твердой сдержанностью углубляется человек в изучение сложных исторических перипетий, социально-экономических взаимоотношений, с надеждой уразуметь скрытые законы общественного развития и стать у руля истории. Но в область психофизической эволюции не столь настойчиво вторгается властный темперамент современника. Систематически преобразуя вещный мир вокруг себя, с огромными усилиями и ценой великих потерь перетряхивая социальную обстановку, человек сравнительно мало занят вопросами о преобразовании, о воспитании своей психики. Задачу „воспитания" видят пока не в формировании, „созидании" души ребенка, а в оберегании ее „естественного роста". Проблема „изменения" души взрослого человека почти не ставится

в педагогике. „Внешкольная педагогика“ занимается главным образом вопросами обучения, а не воспитания. Человек еще не верит в свою власть над процессами психической эволюции. Он наглядно видит результаты своих трудов над материальной средой, но не знает размеров могущества своей „психотворческой“, „психотехнической“ силы. Он никогда не видел наглядных результатов организованного рационального педагогического воздействия. Да и возможно ли узреть такие „результаты“? Разве можно убедиться в преобразовательном воздействии педагогических усилий хотя бы на примере „хорошего“ детского учреждения? Все дети более или менее хороши. И их „хорошесть“ в удачном педагогическом очаге может всегда быть отнесена на счет „естественных“ свойств воспитанников, а не творческих успехов воспитателей. И не случайность, что научно задуманная система воспитания Монтессори черпает доказательства целесообразности своих приемов из опыта работы с дефективными. Еще убедительнее, чем работа над дефективными, был бы опыт воспитательного воздействия на взрослых. Педагогика, как наука, только еще собирает материал. А работа над детьми дает мало отчетливых материалов. Постановка опытов „искусственного“ психофизического развития над объектом, переживающим оживленный ускоренный процесс „естественной“ психофизической эволюции, весьма затруднительна. Преобразовательная работа над свойствами и склонностями, которые еще не получили ясных очертаний, не выкристаллизовались из „психофизического хаоса“ детского естества, не дает наглядных бесспорных результатов.

Педагогические наблюдения над взрослыми и полувзрослыми — подростками — естественно корректируют педагогические изыскания. Вопросы педагогической работы с подростком—это вовсе не особая добавочная глава в книге воспитания, это основной, фундаментальный материал педагогики.

Приобщить песчинки своего опыта, своих наблюдений в области работы с подростками к богатому материалу, из которого строится педагогика будущего,—задача автора предлагаемого очерка.

II.

Начало работы нашей мы относим к ранней осени 1918 года. В октябре этого года был подписан декрет „Об обязательном обучении подростков“, первое в России законоположение об обязательном „внешкольном“ обучении (декрет о ликвидации неграмотности, последовавший позже, был по существу лишь

расширенным и углубленным воспроизведением первого декрета).

„1. Настоящим постановлением вводится обязательное обучение подростков, в возрасте от 15 до 17 лет включительно, занятых в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и советских учреждениях.

„Примечание 1. Подростки моложе 15 лет, занятые производительным трудом и не имеющие возможности посвящать учебным занятиям утренние часы в соответствии с декретом Ком. Нар. Просв. от 25 октября, опубликованным в № 195 „Сев. Ком.“, также привлекаются в порядке обязательности к обучению в вечерних школах для подростков.

„Примечание 2. Продолжительность рабочего дня подростка исчисляется шестью часами при оплате его, как полного восьмичасового (декрет Комиссариата Труда).

„К примечанию 2. Предприятия, в коих, по условиям производства и с санкции на то Высшего Совета Народного Хозяйства, продолжительность рабочего дня подростков превышает шестичасовую норму, обязуются незамедлительно сообщить об этом к сведению Внешкольного Отдела Ком. Нар. Просвещения.

„2. Систематические учебные занятия в школах для подростков производятся в свободное от работы время шесть раз в неделю, в продолжение не менее двух часов.

„3. Во исполнение настоящего постановления вменяется в обязанность: заводоуправлениям, хозяевам торгово-промышленных и ремесленных предприятий, владельцам гостиниц, ресторанов, столовых, трактирных заведений, бань и всем другим лицам и учреждениям, не исключая государственных и советских, коим подведомственны работающие по найму подростки:

„а) при приеме на работу или на службу подростка требовать от него свидетельства о посещении школы;

„б) не задерживать подростка на работе или на службе в часы школьных занятий.

„4. Виновные в неисполнении указанных в пункте третьем постановлений будут караться по всем строгостям закона“— гласило правительственное распоряжение. И, развешивая его по городу, расклеивая по стенам мастерских и учреждений, мы старательно окружали отпечатанный жирным черным шрифтом, большой белый плакат „постановления“ небольшими веселенькими разноцветными листочками с многообещающим вкрадчивым воззванием к молодежи:

„Молодые товарищи! Тяжелые условия существования заставляют вас с раннего возраста, с 12—13 лет, жить собственным трудом. Вы не имеете возможности посещать школу в утренние часы. С утра вы работаете в мастерской или лавке. Приходите же учиться в свободное от работы время. Двери школы открыты для вас в дневные и вечерние часы. Школа вам даст общее образование: научит читать книгу, излагать свои мысли, понимать явления природы, разбираться в общественных вопросах. Школа вам даст профессиональные знания, поможет каждому из вас сделаться хорошим специалистом своего дела: мальчик - приказчик получит в школе необходимые сведения по счетоводству и бухгалтерии, фабрично-заводский подручный — техническую подготовку, навык в черчении. Учебные занятия в школе производятся пять раз в неделю от 6 до 8 час. вечера. Субботний вечер посвящается развлечениям (кинематографу, хоровому пению, концертам, литературным чтениям, беседам, драматическим постановкам, ритмической гимнастике и т. д.). Воскресное утро—загородным экскурсиям, посещению музеев, спорту. В школе преподаются пение, музыка, рисование, гимнастика. Для желающих иностранные языки. При школе бесплатные ужины для учащихся. В школу принимаются трудящиеся подростки в возрасте от 12—17 лет. Обучение бесплатное“.

Впервые мы увидели перед собою массу подростков в дни „пропаганды школы“ за несколько недель до издания декрета. Перед тем, как ввести учеников в школу, мы собирали их в заводе или на фабрике, чтобы выяснить значение нового вводимого закона об обязательном обучении, заинтересовать их школой. Помню это первое знакомство с внешкольным подростком революционной эпохи и первые неудачи в работе. Недружелюбно были встречены мы.

Помню огромный, сырой и полутемный барак, так называемый „театр“ при большом заводе. Внизу, в местах для публики гудит и улюлюкает возбужденная толпа мальчишек в пятьсот голов. Их согнали слушать приехавшего из города проповедника школьного дела. На эстраде в полумраке, среди зеленых декораций снуют в волнении приезжие „агитаторы“ и местные „культурники“. Надо начинать, но кто возьмется перекричать это бушующее море?... Уже много раз оратор подходил к краю эстрады и, откашлявшись, торжественно произносил:—„Товарищи, молодые товарищи!“ Но „товарищи, молодые товарищи“ громко беседуют между собой о своих делах, смеются и безобразничают, некоторые, видимо „благонамеренные“, ожесточенно шикают на проказников, как будто стараются водворить тишину, но от этого становится еще шумней. Один из находчивых местных людей вынимает из

кармана два электрических фонарика и направляет свет рефлекторов на толпу. Мгновение тишины и общей заинтересованности. Оратор пользуется моментом. Первые его слова, как вопль отчаяния, проносятся по залу. Теперь он кричит слишком громко в наступившей тишине. Но его слушают, и он постепенно успокаивается. Он рассказывает ребятам о школе рабочего подростка, которая будет устроена при заводе. Он обещает подросткам светлое разумное будущее после школы, он сулит им увлекательные часы уроков и занимательные развлечения в школе, он исподволь соблазняет их даже реальным благом—вечерним чаем с хлебом и вареньем после занятий... Но первые минуты внимания быстро сменяются новым взрывом смеха и возгласов:—„Сами ученые, не надо школы, давайте хлеба!“... „Знаем ваше варенье“... „Стары учиться, надо жениться“... Аудитория хохочет. Оратору не дают кончить. Митинг не удался...

После митинга в частной беседе с „наиболее заинтересовавшимися“ много было задано вопросов о хлебе и о вычетах из жалованья, но вовсе не спрашивали о том, чему и как будут учить.

Через неделю в первый раз согнали подростков в школу, в 6 часов вечера, после работы. Это был печальный день. Вновь отремонтированное здание „директорского флигеля“, превращенное в школу, едва выдержало первый натиск. В этот день подростки освежили стены „народными пословицами“, выломали фигурные дверные ручки и разобрали по карманам все электрические лампочки. После занятий выяснилось, что у преподавателей из карманов исчезли кошельки, портсигары и другие вещи...

Переворачиваю несколько страниц. В 1921 году торжественно отпраздновали трехлетие этой школы. Учащиеся делились воспоминаниями о первом дне занятий. В приподнятом тоне, риторическим стилем рассказывали они один за другим, как с чувством благоговения, с возвышенными надеждами входили в первый раз „под сень своей школы, своей рабочей школы“, а переполненный учащимися зал сочувственно и доверчиво аплодировал. Как изменились они, если забыли, так искренне забыли о том ожесточении, с которым встретили школу!..

Через три месяца после издания декрета под кровли наших школьных помещений было созвано и „согнано“ до 9 тысяч подростков, $5^1/_2$ тысяч мальчиков и $3^1/_2$ тысячи девочек.

И после борьбы за привлечение в школу началась борьба за удержание в школе учащихся. Борьба за „посещаемость“, как принято было выражаться. Вычеты из жалованья со

стороны завода, вычеты из довольствия в школе, даже лишение продовольственных карточек через местные управы, „моральное“ воздействие через заводские коллективы, через „Союз молодежи“, при посредстве родителей, школьного самоуправления, агитационные митинги, праздники, манифестации, обход квартир товарищами-учащимися, специальными кураторами-инспекторами, коллективная ответственность учащихся и т. д. и т. д.,—каких только мер и средств ни применяли изобретательные и настойчивые руководители школ для привлечения и удержания учащихся! И все же количество обучавшихся в школе никогда не превышало половины подлежавших обучению в ней.

С тех пор прошло три с половиной года. В наступающем учебном сезоне мы снова развешиваем на фабриках и заводах объявления, но в них уже не зовем в школу, не заманиваем „бесплатными ужинами“. Мы лишь сообщаем во всеобщее сведение о тех ограничительных правах, которыми обставлен прием в наши учреждения. У нас десять тысяч мест в школах, из них пять тысяч в школах с мастерскими, но все эти места заполнены; для нового приема приходится создавать добавочные группы и „густо“ укомплектовывать школу. И учатся подростки четыре, а не два часа, отведенные по устаревшему теперь декрету (при 4-х-часовом труде в мастерской или на заводе до 16 лет и 6 часах после 16 лет).

Лучше ли стал подросток? Лучше ли стала школа? За этот тяжелый период работы — борьбы с подростками — в школе учились не только воспитанники, но и воспитатели. Быть-может, даже в школе больше изучали подростка, чем учили. И учение и изучение оказали свое воздействие. Ученики подпали под влияние школы, школа приспособилась к учащимся. Школа переработала подростка, подросток пересоздал школу.

Ребенок чувствует себя беспомощным. Ощущение слабости и беззащитности всегда присуще ему. Он боится одиночества и всегда ищет опоры во взрослых. Иногда преувеличивает свои силы („я сам сделаю“), но никогда не переоценивает своего положения в мире. Нет дисгармонии между тем, каков он есть и каким себя ощущает. Чувство самосохранения в детском возрасте напряжено, обострено, создавая часто впечатление преувеличенной трусости, робости у детей.

Подросток в своих отношениях к внешнему миру почти так же беспомощен и беззащитен, как и ребенок. Он не

может тягаться со взрослыми. Он не в силах еще управлять механическими средствами защиты и нападения, которые делают человека „победителем“ природы и себе подобных. Психика подростка ранима в той же мере, как и психика ребенка. Но, оставаясь объективно беспомощным и беззащитным, субъективно подросток чувствует себя могущественным и непобедимым. Нарушено равновесие между физическим status'ом и психическим состоянием. Дремлет чувство самосохранения. Подросток храбр и решителен. Он не знает преград своим дерзаниям. Особенно резко сказывается факт нарушения равновесия у подростка „внешкольного“. Это маленький человечек, с 12—14 лет лишенный опоры семьи, не знающий школы, самостоятельно пробирающийся по жизненным путям. Недоросший, физически недоразвившийся, с видом одиннадцатилетнего ребенка в 14—15 лет, на кривых коротких ногах, со впалой грудью, он горд, „нагло“ поднимает голову на тонкой шее и вызывающе смеется в лицо всему страшному, гибельному миру.

В период отрочества у нормально развивающегося человека темп психической жизни повышен, умственная и эмоциональная „производительность“, „работоспособность“ выше, чем в детском возрасте и в эпоху возмужалости. Понятен и как бы естественен соблазн воспользоваться этими „лучшими“ годами, чтобы научить человека всему тому, что ему понадобится в жизни. Согласно общепринятой и в экономии жизни, очевидно, неизбежной системе, именно в этот период, от 13 до 17 лет, человек получает свое основное образование. Этот быстротечный, столь насыщенный физическими и эмоциональными переживаниями этап жизни — в то же время единственный, предоставленный человеку срок для приобретения образования. До 13 лет неспособный к отвлеченному творческому мышлению ум ребенка не подготовлен к восприятию серьезного знания; после 17—18 лет жизнь требует юношу на „практическую работу“. И в течение четырех лет подросток должен охватить всю подавляющую громаду знаний, накоплявшихся тысячелетиями, освоиться с волнующими и восхищающими научными и общественными перспективами современности... Годы отрочества стоят под знаком учения. А между тем это годы, когда телесные ощущения так остро и назойливо напоминают о себе, когда бессильное, малое размерами тело, при медленном ходе роста, переживает бурные революционные процессы перерождения, созревания. Умственная работа выдвигается на первый план, а между тем не только духовное, но и физическое естество маленького человека стремится выявить себя в действии. Подростка влечет „жизнь“, а не „школа“.

Естественная дисгармония между „немощью тела“ и „гордыней духа“, свойственная отроческому возрасту, еще усиливается, при нашей системе воспитания, пренебрежением к жизни тела и перенапряжением жизни „духа“. Шаткое в отрочестве психофизическое равновесие часто нарушается на всю жизнь под влиянием нашей школьной системы.

Особенно болезненно и враждебно относится к „школьной системе“ внешкольный подросток. Ему не была в детстве сделана прививка смирения. Он не приучен сызмальства к „школьной повинности“ и протестует против школы.

Ожесточение, злобное недоверие и воинственное предрасположение к бунту неизменно встречало нас всюду в начале работы. И часто являлось у нас ощущение, что мы навязываем подростку ненужную ему школу, органически чуждое ему дело, насильно, властью декрета толкаем его по неестественному для него пути.

Школа умственного труда — „неестественная“ школа для большинства подростков, даже из культурных слоев; для внешкольного подростка она органически неприемлема. И мы постепенно убедились в том, что школа, поставившая целью своей только духовное развитие воспитанников, построившая все свое учебное содержание на умственном труде, не может привлечь внешкольного подростка.

Отрочество — „золотая пора“, единственная эпоха в жизни человека, когда его манят и пленяют самые будничные, самые маленькие дела и делишки, лишь бы они были частью „настоящей“ жизни. Маленький мальчик мечтает о том, чтобы быть извозчиком или лавочником, а подросток, осуществляя мечту детства, с гордостью сидит на козлах или за прилавком. Всякое участие в практической деятельности увлекает его. Для него еще нет „малых“ и „больших“ дел. Школа учобы или даже хорошая новая „школа действия“ с ее искусственными, нарочитыми, специально-школьными „делами“ не удовлетворяют внешкольного подростка, уже вросшего в настоящую, серьезную трудовую деятельность. Подростки, энтузиасты-практики, не уважают школу, творящую свое особое учебное, оторванное от жизненного труда дело. Школа, не придавшая практического жизненного смысла обучению, не имеет шансов на успех среди рабочих подростков.

Ребенок, вспарывая говорящую куклу, взламывая автоматически двигающийся вагончик, делает это скорей из любопытства, чем из любознательности, его интересует — что внутри, а не как действует механизм. Любознательность и

вкус к научному исследованию приходят с отрочеством. У нормально развивавшегося подростка обострен, напряжен интерес к познанию. Он охотно наблюдает, „исследует“ окружающее, он нервно, повышенно восприимчив ко всем впечатлениям внешнего мира. У внешкольного подростка интерес к окружающему приглушен, восприимчивость притуплена. Он уже много испытал и многое видел на своем веку. Никто не щадил в детстве его нежной впечатлительности, не охранял от пытки страхом, омерзением, негодованием. Испуг, отвращение, гнев доводили душу его до предельных содроганий еще на пороге отрочества. Грузом практических житейских испытаний придавлено его воображение; обилием разнообразных терпких, пряных ощущений насыщена его впечатлительность. В тринадцать лет он — скептик и циник, Как трудно занять, заинтересовать его делом обследования, изучения окружающей природы Внимание его слабо и распущенно. Такие обыденные, „простые“ вещи, как камешки, букашки, цветочки, не могут приковать, связать его воображения. Его занимает лишь необыкновенное, диковинное, эпатирующее. Он идет лишь на приманку „атракциона“.

К тому же он „уже все знает“. В ходе борьбы за жизнь он выработал свое мировоззрение, свой кодекс морали. Он приходит в школу не с „открытой душой“. Он считает себя сведущим и искушенным во всех жизненных вопросах. У него свой определенно и своеобразно оформившийся язык, своя натур-философия, своя полит-экономия. Он, по-своему, знает о земле и о небе, о прошлом и даже о будущем человечества, и свою систему предрассудков и лжезнаний упрямо противопоставляет тому, что предлагает ему школа под видом научной системы. Он недоверчив и надменен. Отвлеченное рассуждение, догматическая истина и даже „исследовательским методом“ в школьной обстановке добытое знание мало доказательны для него. Лишь то, что жизненно очевидно и практически оправдало себя, может его убедить. Все, что внушает в классе учитель, что навязывается доской, беззвучно повторяется учебником, почти столь же мало занимательно для него, как и то, что показывается на экскурсии, воспроизводится в школьной лаборатории, выясняется в результате опыта. Наглядный, лабораторный, экскурсионный, трудовой метод преподавания мало улучшает дело в школе для внешкольного подростка в первые периоды ее существования. „Загнанный“ в школу подросток шалит в классе, скучает и развлекается по-своему на экскурсии, рассеян и небрежен в лаборатории. Он не уважает этого оторванного от практики жизни знания. Не видит в нем жизненной ценности, делового смысла.

Иначе, чем в школе, чувствует он себя в мастерской. Тут он испытывает робость и почтение. Особенно, если это „настоящая“ заводская производственная мастерская. „В заводе работали его отцы и деды. Он чувствует, что здесь и его место“,—сказал нам однажды мастер-руководитель, когда, перейдя из классов в мастерскую, мы с удивлением увидели, с какой деловой сосредоточенностью и спокойной важностью работали у станков ребята, такие инертные и распущенные в школе. Но старый мастер был неправ. Дети пахарей и торговцев с той же влюбленностью и почтительной робостью ухаживали за машинами, как и дети рабочих, и с таким же умным вниманием, с такой же наблюдательностью и вдумчивостью прислушивались к объяснениям руководителя.

Школа становится интересной и нужной подростку, если жизненный труд его требует от него знаний, даваемых школой. Школа, использующая жизненный труд подростка, его работу в заводе, в учреждении, в сельском хозяйстве, в качестве учебной работы, делается школой, близкой и интересной учащемуся. Заводскую мастерскую, огород, поле, даже канцелярию школа обращает в свои учебно-вспомогательные учреждения. Учебная работа в школе слагается тогда из двух основных частей: часов работы в мастерской и „уроков“ в классе.

Детство требует спокойной и единообразной обстановки. Ребенок сам находит многообразие в кажущемся однообразии окружающего. Он любит повторное, он не скучает в привычном. Быстрая, резкая смена впечатлений утомляет и „расстраивает“ его. Много театра, много музыки, шумное чужое общество, переезды и путешествия не так занимают ребенка, как это кажется взрослым, и ребенок неизменно реагирует „капризами“ на эти развлечения. Художественное эмоциональное волнение почти недоступно ребенку. Для него художественное произведение—лишь источник познания мира, иллюстрация жизни, а не эмоциональный синтез. Искусство действует возбуждающе на его внешние чувства, иногда обогащает его опыт, но почти не рождает эмоций.

С отрочеством кристаллизуется, обособляется в психике человека эмоциональная жизнь. И теперь уже искусство не утомляет. Оно „раздражает“ не только внешние чувства, оно дает необходимое упражнение эмоциональной стороне духа, оно оформляет, воспитывает „душу“. Много искусства в детской преждевременно изощряет, но и утомляет восприимчивость ребенка. Искусство в отроческом возрасте гармонизирует психику. В школе для внешкольного подростка оно оказывается мощным педагогическим средством. Искусство „выпрямляет“ искривленную душу подростка и поглощает

избыток его эмоциональной энергии. Молодой рабочий, творец всей материальной культуры, созидатель вещи, рукой своей оформляющий первобытную материю, должен понимать соотношение линий и красок, художественно чувствовать формы. Но в плане регулярных учебных занятий школы вряд ли возможно уделить достаточное место занятиям искусствами. В качестве „специальных дисциплин", при изучении той или другой производственной отрасли, „художественные" предметы могут занять свое место в обязательной табели часов [1]), но и для свободных, индивидуальных, кружковых групповых занятий искусствами необходимо особое внеклассное время.

И в этом отношении клуб может прийти на помощь классным занятиям. В клубной работе учащийся пробует свои силы, проверяет свои способности в различных областях знания, искусства и техники. В современных учебных условиях именно „хороший" класс, между членами которого чувствуется общая спайка, работа которого проникнута духом коллективности, нивеллирует, уравнивает учащихся. Клуб корректирует работу класса. Он играет роль „сортировочной при школе". В клубе вся масса учащихся, минуя искусственные возрастные подразделения и учебно-программные перегородки, свободно группируется вокруг излюбленных занятий. Клуб помогает молодому рабочему определить свое „призвание", свободно оформить свои склонности. Обязательные учебные занятия в классе и мастерской дополняются, освещаются свободной работой—игрой в клубе.

Классы, мастерская и клуб являются неразделыми частями школы для рабочего подростка.

Нередко таланты проявляются в раннем детстве. Но столь же часто случайное выпячивание способностей у ребенка ошибочно принимается за талант. История Wunderkind'ов обыкновенно трагична. Обычный возраст выявления способностей и дарований—отрочество. Ребенка можно и нужно воспитывать, руководствуясь идеалом „гармонического развития личности"; подростку приходится предоставить право и возможность развиваться в определенном, влекущем его направлении. Все нормальные дети одного народа могут посещать одинаковую школу. Подростки, сообразно своим дарованиям и интересам, требуют различного типа школ. Каждый

---

[1]) Например, история искусства—в связи с историей стилей, рисованием, лепкой—для деревообделочников; история костюма, рисование, живопись—для швейников и т. д.

внешкольный подросток, в зависимости от рода деятельности, которой он отдает свои силы, или в связи с природными своими влечениями, ищет соответственного „уклона“ в образовании. Общеобразовательная школа, воспитывающая „человека вообще“, его не влечет. Он уже участвует в труде жизни, пути его будущего намечаются перед ним. Школа для внешкольного подростка не может быть однотипной. Наиболее распространенные виды школ—это школы индустриального и сельскохозяйственного уклонов. Мыслима и школа экономическо-промышленного, педагогического и художественно-ремесленного типов.

Ребенок чувствует себя зависимым от взрослого, он льнет к своему покровителю; как домашний зверек, чувствует в нем хозяина и распорядителя жизни. Он „любит“ взрослых больше, чем своих сверстников. Ему еще не знакомо чувство товарищества. „Общество“, „товарищи“ — это обстановка для движения и игр, а не источник душевных эмоций. Он эксцентричен, знает только свои ощущения и чувства и часто кажется „злым“ и „бесчувственным“. Период отрочества—это период бунта, низвержения авторитетов. Во всякой добропорядочной семье наступает этот период розни между отцами и детьми, беспричинного отчуждения, нервной настороженности, критической придирчивости со стороны возмужавших детей. А у внешкольного подростка наступает эпоха ожесточенной вражды, яростной борьбы со взрослыми. Ребенком он—„сын улицы“, подкидыш завода—терпел от жестокости взрослых и по-звериному боялся, уважал и признавал грубую силу и умение своего хозяина. С наступлением отрочества исчез страх из его всегда взъерошенной, ощетинившейся, напряженной души, и против власти старого обидчика своего, взрослого, он открыто и смело поднимает бунт. Но отрочество—пора дружбы и товарищества. Чуждаясь взрослых, подросток пылко тянется к сверстникам. Среда подростков в школе, на фабриках, на улице всегда оседает, кристаллизуется группами. Внешкольный подросток, оторванный от семьи, особенно склонен ко вступлению во всякого рода содружества, товарищеские организации, заговорщицкие банды.

И это стремление внешкольного подростка самостоятельно распоряжаться своей жизнью и в то же время тяга его к товарищескому объединению делают для него школу „авторитарную“ и школу „соревнования“ немилой и неуютной. Его школа должна создаться на началах самоуправления и содружества.

III.

Не сразу понял своего воспитанника педагог, и разными путями пошло дело образования рабочего подростка в нашем городе и губернии.

О школе-заводе или школе с мастерской в начале работы, в 1918 г., мечтать не приходилось. Промышленность находилась в процессе распада, и погибавшие заводы ожесточенно противились внедрению в шаткую административно-техническую организацию предприятия еще одного осложняющего элемента—ученичества. Да и педагоги не видели, не понимали значения связи учебного дела с профессиональной „механической“ работой на заводе. Они были склонны рассматривать школу в качестве спасительного „противовеса“ заводу, умственные занятия, „духовное развитие“ противопоставлять притупляющему, механизирующему влиянию мастерской. Они признали „ручной труд“ в школе, но считали великим злом, „наследием прошлого“ работу подростка на заводе, хотя бы и учебную. Даже „производственный уклон“, который должен был выражаться в допущении некоторых „специальных“ предметов в учебную табель и в использовании заводского опыта в качестве учебного материала, рассматривался, как губительный профессионализм, и отвергался передовым учительством. Мы составляли учебный план с „производственным уклоном“, но на местах упорно возникала общеобразовательная школа.

Педагоги старого закала строили школу по образцу дореформенных школ учобы и дисциплины; новаторы облюбовали идею школы-клуба; эти школы-клубы казались большинству идейного учительства единственной формой учебной организации, годной для внешкольного подростка.

Оба типа школ, школы учобы и дисциплины и свободные школы-клубы, резко обособились с самого начала нашей работы.

В школах учобы и дисциплины полагали, что подростков нужно с первого дня взять в „ежовые рукавицы“ (так понималось и говорилось про себя, но публично эти „ежовые рукавицы“ назывались „революционной“, „пролетарской“ и тому подобной дисциплиной) и, „справившись“ с ними, усиленно и настойчиво учить их (не теряя времени на „пустяки“) русскому языку, арифметике, географии. В школе вводился почти военный распорядок. За курение, за опаздывание, за бранные слова, за надписи на стенах, не говоря уже о драках и буйствах, тяжело взыскивалось. „Кто не работает, тот не ест“. И потому за провинности удерживался хлебный паек,

делался вычет из заработка. Особенно беспокойные ребята удалялись из школы и тем самым из завода. Через три-четыре недели, после периода первого изумления, после первых неудачных попыток борьбы и непослушания, огорошенный подросток в большинстве случаев как бы смирялся и, повидимому, подчинялся „революционной дисциплине". В школе наступала тишь, да гладь, да божья благодать. С внешней стороны такая школа производила благоприятное впечатление. В классах следили за чистотой и порядком, на уроках сидели „смирно", при входе посетителей вставали. И хотя, вырвавшись на волю из школьного плена, подростки с лихвой вознаграждали себя за приличное поведение сквернословьем и буйством (один педагог, наблюдая изо дня в день учащихся, вычислил, что при выходе из школы подросток, в течение пяти минут обычной своей разговорной речи, произносит в среднем 25 нецензурных слов), руководители школы бывали удовлетворены своими „достижениями".

Случалось, что в школе внезапно разражалась буря, подобие бунта. Педагоги подвергались оскорблениям, даже избиениям. Главным оружием нападающих оказывались селедки. Поводом к восстанию обыкновенно служило какое-либо продовольственное недоразумение. Недоверчивая, озлобленная масса чувствовала себя обиженной и настойчиво искала обидчиков. Какой-либо недочет в хозяйстве давал законный повод „изловить", „накрыть" виноватого, и гроза разражалась. Беспорядки так или иначе „изживались", и школьный корабль плыл дальше. Однако груз его быстро уменьшался. Как ни боролась с этим администрация школы, „посещаемость" падала. Состав школьников становился все малочисленнее. Начавши осенью работу, такие школы к весне теряли $^3/_4$ своих учащихся. Оставшееся „ядро" принадлежало к наиболее нуждающимся и дорожившим „бесплатным ужином". Руководители приписывали это бегство органической неспособности „запущенного подростка" к учению. „Его нужно научить читать, писать и отпустить на волю,—говорили педагоги,—ему никогда не осилить обширной четырех или пятилетней программы обучения. Слишком ему уже поздно учиться". И гордились тем, что ежевечерно заставляют несколько десятков подростков высиживать по два часа на школьных скамьях.

Совсем иную историю пережили школы свободного типа. Они с самого начала пытались строиться на основах самодеятельности, самоуправления учащихся. В некоторых из таких школ с первых же дней выбрали „старостат", „продовольственный комитет", ввели учащихся в состав школьного совета, отвели помещение для ком-ячейки. В других организо-

вали, вместо обязательных классных занятий, свободные кружковые, или на ряду с классными работами уделили значительное место свободному преподаванию искусства (пению, музыке, драматизации, живописи, лепке, пластике и т. д.), усиленно готовились к вечеринкам, к постановке спектаклей, массовых праздников и т. д. В таких школах дело налаживалось с большим трудом. Старостат в большинстве случаев бездействовал и не играл никакой роли в школе, продовольственный комитет занимался выслеживанием и преследованием заведующего хозяйством, или сам становился объектом выслеживания и преследования со стороны учащихся. Вокруг этого комитета всегда царила атмосфера интриги и доносов. На „совете" представители скучали и молчали, а вскоре и совсем стали отсутствовать. Из кружков прививался балалаечный и драматический, причем подростки настойчиво избирали для исполнения пошлые водевили и цыганские романсы. На праздники приводили своих уличных товарищей и „барышень", танцовали до утра. Благодаря отсутствию наказаний и взысканий, хозяйственные дежурства проводились неаккуратно. Помещение школы с каждым днем становилось грязней и неуютней. И для тех, кто наблюдал со стороны, бесспорным казалось, что победила все же школа учобы и дисциплины. Там в чистых классах смирненько и аккуратненько сидели немногочисленные, правда, группы школьников и прилежно „учились", здесь же, видимо, забавлялась и развлекалась под прикрытием школы „распущенная масса" подростков. С трудом дотянули до весны. Школы учобы сходили на нет от малолюдства; под лучами весеннего солнышка совсем „растаял" состав их учащихся. Школы „педагогических затей" изнемогали от весеннего настроения „бури и натиска" своей клиентуры. Казалось, что каникулы развяжут наконец руки мученикам дела в школах одного и другого типов. Но случилось иначе. Правда, в школах дисциплины не дождались даже законного срока прекращения занятий. „По причине огородных работ, препятствующих подросткам посещать занятия", как гласили официальные реляции, школы замирали и бесшумно закрывались.

Но в других школах с весной дело особенно оживлялось. „Стало светло, и подростки не уходят домой до 11—12 часов ночи. После огорода возвращаются в школу. Вечером после работы чувствуют себя размягченными, умиленными, ведут себя тихо и мирно, очень охотно слушают чтение"— читаем в одном школьном дневнике. „Работаем на школьном огороде не очень дружно, ленимся, препираемся и ссоримся, но к школе привязаны сильно и—какой успех!—с интересом занимаемся природоведением, кое-кто (один мальчик и две

девочки) согласились даже следить за аквариумом. С большой охотой занимаются в кружке подачи первой помощи"—читаем в другой записи о школе. „С тех пор, как в школе стало тепло и светло, учащиеся прибывают с каждым днем. Школа наша превращается в клуб. Не знаем, хорошо ли это. Дело задумано было иначе. Ведь мы строили чуть ли не профессиональную школу! Трудно в такую хорошую погоду держать молодежь взаперти на уроках математики, хотя они ведут теперь себя лучше и усидчивее, чем зимой. Пришлось, по соглашению с ними, прибавить уроки гимнастики, пения и на драматический кружок увеличить время. В школе засиживаются до 12 часов. Готовятся к спектаклю"—читаем в частном письме учителя.

А к 15 мая, когда последовало распоряжение о „каникулах", десять школ из тридцати, действовавших в этом году, обратились с просьбой разрешить им организовать летние занятия, устроить площадку при школе, выехать в колонии. И когда в комиссариат с этой просьбой стали являться не педагоги-руководители, а группы учащихся, делегаты от „старостата" или от кружков, стало ясно, что победили „разбойничьи гнезда", одержали верх те нелепые школьные объединения, где „хозяевами" были сами учащиеся.

И в это лето в тех школах, которые не прерывали занятий, совершился первый перелом. Они выехали на месяц, на шесть недель за город в колонию, еще сами полагая себя бесформенным стадом, „разбойничьим гнездом", а вернулись в город дружной, организованной школьной общиной.

Второй год начался при больших надеждах. Казалось, что можно уже гордиться какими-то успехами, „достижениями". Бывшие „разбойничьи гнезда" стали самыми лучшими нашими школами. Какими прекрасными вечерами с хоровым пением, с драматизациями, декламациями, импровизациями тешили они нас! Какие забавные и умилительные, а подчас и весьма поучительные постановления выносили они на своих собраниях! Какие работы по очистке и оборудованию помещения, по убранству и украшению школы предпринимали и проводили они! Казалось, правильный путь найден. „Школа-клуб", „эмоциональный подход", „самоуправление учащихся" оправдали себя. Победили „педагогические затеи".

И к концу этого удачного второго года захотелось произвести какой-нибудь „учет" работы, подтвердить реальными вещественными данными результаты нашей деятельности. Мы стали собирать материал для выставки. Клубные „экспонаты" накоплялись в изобилии. Программы вечеров и праздников самого разнообразного и интересного содержания, начиная от плаката прекрасных „праздника труда" и „праздника книги" до художественной программы массовой импровизации в 6

действиях по поводу 9 января. Коллекции рисунков, самодельных декораций и костюмов, работ по лепке, по плетению, вышиванию, по переплетному мастерству, даже слесарные изделия—результаты столь любимых в наших школах уроков „ручного труда“, ученические газеты и журналы, протоколы собраний, уставы, дневники и т. д. и т. д. Но „учебного“ материала оказалось пугающе мало. И какой это был жалкий материал! С большим трудом удалось подобрать коллекцию тетрадок по родному языку и математике. Почти совсем не оказалось экспонатов по естествоведению. И о какой ничтожной успешности в занятиях свидетельствовали эти тетрадки! Невольно навязывалась грустная мысль о „потерянных“ в учебном отношении двух годах. Казалось, учащиеся топтались все время на месте. Навыки в устной и письменной речи, очевидно, приобретались очень медленно и закреплялись весьма непрочно. Математические „знания“ усваивались с трудом и в очень небольшом объеме. По географии, по истории мало двигались вперед. То, что проходили до Рождества, повторяли после Рождества, то, что „выучили“ в конце первого года, забывали в начале второго и опять повторяли в конце его... Не лучше обстояло дело с естествознанием. По большинству учебных отчетов, по жалким вещественным результатам работ ясно видны были настойчивые и редко удачные усилия учителя найти тему для занятий, уловить и удержать интерес учащихся. Попытка систематических курсов, даже эпизодические собеседования не всегда встречали расположенную слушать и работать аудиторию. И от систематического курса, через эпизодические собеседования учитель спускался все ниже и ниже в поисках эпатирующей, сенсационной, атракционной темы.

Учителя, при опросах, с горечью говорили о „пониженном интересе“ к занятиям наших учащихся, о „притупленной впечатлительности“, „утомленном внимании“. Сами учащиеся давали иное объяснение своей малой заинтересованности в занятиях.

„Я люблю школу, но к чему мне учиться литературе и естественным наукам на интеллигента; рабочий зарабатывает и живет лучше“.—„Экскурсий не люблю. Для детей забава, а нам какая польза?“—„Математика—скучно. Учишь и забываешь“.—„В школе учат интересно, только нам, чему учат, не нужно“.—„Учили бы больше математике, это рабочему нужно, а ботаника не интересно“.—„Уроки пропускают потому что некогда, надо делом заниматься“.—„Всего в школе не переучишь“.—„Я учился в 4-х-классной школе и безпользы, все забыл. Лучше бы учили профессиональному“.—„В школе много времени зря тратят. Настоящих уроков мало. Хотелось бы ремеслу“.—„В школу перестал ходить.

Обещали мастерские, и нет".—„То, что для рабочего надо, мало учат".—„Благодарю за учение. Многое научился, хотелось бы еще и главное черчение. А у нас нет инструмента", и т. д. и т. д.

Во всех отчетах тот же смысл: учимся плохо, потому что не видим пользы в том, чему учимся.

Были и более удачливые школы, в которых учителя свидетельствовали о своем удовлетворении успехами учащихся. Это были школы, в которых удалось придать обучению ясный для учащихся жизненный смысл или поставить перед подростками практическую цель.

Кершенштейнер, пытаясь изобразить идеальную схему народного образования, отводит от основного ствола школьного дерева (начальной общеобязательной школы) две ветви: одну—главную, толстую ветвь „практических устремлений" и другую—тоненькую веточку „теоретических устремлений" (Gelehrtenschule).

Он полагает, что масса, толпа людская, склонна к практической деятельности, а к теоретическому мышлению, к самостоятельному умственному творчеству предрасположена лишь ничтожная часть, горсточка людей, и эта горсточка должна получать соответственное образование с ранних лет. Уже на 11—12 году, полагает он, намечается это основное различие, эти особенности умственного status'а человека. И при самом зарождении своих способностей и склонностей эти дети „теоретической складки" должны быть направлены по соответственному школьному руслу. Во-время не подхваченные, не развитые, эти умственные склонности могут заглохнуть, захиреть в атмосфере повседневной практической жизненной работы.

Но во „внешкольном подростке" жизнь с малолетства укрепляла именно практические склонности. В обстановке его тяжелого быта беспощадно каралась и мечтательность и медлительная вдумчивость. Нужда, голод неизбежно ждали маленького „мыслителя"; наибольший успех выпадал на долю практически изворотливых, беспардонно-решительных. И лишь очень немногие к 15—16 годам, после 5—6 лет самостоятельной жизненной борьбы, сохранили способность к сосредоточенной умственной работе и, главное, вкус к „чистому знанию". Учебная работа давала наибольшие результаты в тех школьных организациях, которые сумели придать практическое, жизненное значение учебным предметам. В нескольких школах при заводах попытались преподавать учащимся не „физику вообще", а физику данного завода, математику не в качестве „образовательного материала", а в виде системы практических приемов, прикладного значения. Такая „наука" внушала молодым скептикам уважение и, хотя она отнюдь

не была легче для восприятия, чем наука „чистая“, „отвлеченная“, она усваивалась ими с меньшим трудом. Сосредоточивалось столь нетвердое обыкновенно внимание, оживлялась вялая память, и учитель не узнавал своих воспитанников с „притупленной восприимчивостью“, „перераздраженной впечатлительностью“. Молодые рабочие оказывались находчивыми, даже изобретательными учениками, когда дело касалось применения к знакомой им рабочей практике полученных „теоретических“ сведений.

Были школы, которые иным, менее педагогическим способом использовали эту „практичность“ подростка. Они соблазнили обиженных жизнью молодых людей заманчивой перспективой „выйти в люди“, подготовиться в высшее учебное заведение. И даже эта извне навязанная, трудная цель для многих учащихся осмыслила учение, придала ему значение и ценность. С каким азартом отдельные группы наших учащихся, особенно городских районов, соперничали в успешности с учениками второй ступени, и как торжественно праздновали школы окончание своих питомцев, получивших из рук администрации свидетельства о „прохождении полного курса средней школы“.

Но эти „универсанты“ были все же чужаками для нашей школы. Масса учащихся с упованием смотрела не на вырисовывавшийся вдали портал высшей школы, а на мрачно замкнувшиеся перед ними ворота родного завода. За ненадобностью подростки тысячами выбрасывались из производства. Либеральная просветительная теория гласила: работа несовершеннолетних губительна в физическом и духовном отношениях. Отрочество—это годы учения. Но подросток с озлоблением обходил школу и жадно мечтал о возвращении на завод, об усовершенствовании в знакомом ремесле. Он мастерскую предпочитал школе.

Перед школой встала новая задача: из школы-клуба преобразоваться в школу-мастерскую. Единая трудовая школа ставила своей целью учебный процесс превратить в „трудовой“, нашей школе предстояло: трудовой процесс в мастерской обратить в учебный. Надлежало вывести фабричного „ученика“, ненужного и лишнего в производстве, из цехов завода в особую учебную мастерскую при заводе и сделать эту мастерскую базой для школы.

С этого и начала свою работу новая по типу школа для рабочего подростка, получившая название „школы фабрично-заводского ученичества“.

И эта „новая“ школа имеет за собой уже двухгодичный опыт работы. Обзор этой работы—вторая глава истории образования рабочего подростка в России.

Р. Лемберк.

Экскурсионное дело.

I.

Интенсивная экскурсионная работа, которая ведется в настоящее время в Москве, Петрограде и провинциальных культурных центрах, представляет собою явление, подготовлявшееся в течение долгого ряда лет педагогической практикой и самоотверженными усилиями отдельных лиц и немногих учреждений. На последние годы выпадает лишь момент общего признания ценных свойств экскурсионного метода в применении его как среди учащихся, так и в отношении внешкольников. Этим и объясняется то значение, которое было придано Комиссариатом Просвещения экскурсионному делу при попытках организовать его в общегосударственном масштабе. Во всяком случае, если в настоящее время возможна разработка теоретических вопросов экскурсионного дела наравне с его научным обоснованием, то лишь потому, что экскурсионная практика имеет сравнительно большую давность; начало ее относится к шестидесятым годам прошлого столетия.

Едва ли не одним из первых в России начал это дело директор Киево-Печерской гимназии В. И. Петр, который с 1885 г. проводил с учениками однодневные экскурсии, состоявшие в прогулках по Днепру. Если образовательное значение этих экскурсий-прогулок едва ли было велико, если они не столько учили, как развлекали, то все же сама мысль уйти из казенно-обставленных классов казенной школы в живую природу является для того времени новой, вносящей в школьное дело оживляющий элемент естественности и теплоты. От прогулок по Днепру В. И. Петр перешел к образовательным летним путешествиям с учениками по России и Западной Европе. Так, в 1906 году экскурсанты совершили поездку по Швеции, Дании, Германии, Чехии, Австрии, Баварии и Италии. В девяностых годах экскурсии становятся довольно частым явлением, разнообразящим длительную пустоту долгих школьных каникул. При этом наблюдается постепенный переход от экскурсий без ясно намеченных целей к систематическим поездкам. Пионером подобного рода ученических экскурсий является А. С. Грицай, директор сумского реаль-

ного училища, который учредил утвержденное министерством народного просвещения „Общество организации путешествий учеников сумского реального училища для ознакомления с отечеством“ (1897 г.).

Постепенно мысль об использовании экскурсий для изучения предметов и явлений, доступных непосредственному наблюдению, становится все более общепризнанной, и экскурсии естественноисторические и гуманитарные входят в обиход учебных заведений разных типов. Это завоевание школьной практики, основанное исключительно на частном почине отдельных педагогов и по дороговизне своей доступное далеко не для всех учащихся,—в конце концов обратило на себя внимание министерства просвещения, и в 1900 году был издан циркуляр, рекомендовавший образовательные прогулки и путешествия, как „средство, способное сделать преподавание в средней школе более живым и наглядным“. Правда, этот циркуляр рассматривал экскурсии лишь как опыт, могущий дать необходимые практические указания при выяснении вопроса о том, не следует ли такие прогулки и путешествия ввести в более широких размерах; но, тем не менее, начало официальному признанию экскурсий было положено. Через два года (15 августа 1902 года) новый министерский циркуляр признал желательным введение в практику средней школы местных экскурсий и разрешил педагогическим советам семь дней в течение учебного года посвящать экскурсиям. Одновременно с этим министерство путей сообщения издало специальный экскурсионный тариф на проезд по железным дорогам учащихся, отправляющихся в образовательные экскурсии. По этому тарифу экскурсиям, направляющимся на расстояния, не превышающие 50 верст, предоставлялось право бесплатного проезда, а свыше 50 верст взималась плата по общему тарифу на детские билеты.

Сочувственное отношение этих двух ведомств не могло не помочь частной инициативе в развитии экскурсионного дела, и оно стало постепенно крепнуть, расширяться и углублять свою работу. Основываясь исключительно на сочувствии и силах тех, кто понимал его пользу и значение, это дело, лишенное прямой материальной поддержки государства, могло развиваться лишь при условии большой и самоотверженной работы, бескорыстно проводимой идейными педагогами и общественными деятелями. И только там, где случайно возникали и группировались кружки таких работников, велась большая и интересная экскурсионная работа, постепенно захватывавшая все более и более широкие круги общества, привлекавшая внимание представителей не только общественности, но и государственной власти.

Исключительно крупная роль в привлечении общественного внимания к экскурсионному делу выпала на долю проф. Кайгородова, положившего в основу составленной им программы по естествознанию требование считать экскурсии краеугольным камнем в преподавании природоведения.

Таков был, в общих чертах, первый период экскурсионного дела в России, период постепенного накопления практических навыков, необходимых в проведении экскурсий. В течение этого периода педагогическая практика постепенно перешла от экскурсий-прогулок, имевших единственною целью дать учащимся разумное развлечение—к экскурсиям с определенно обозначившимся образовательным значением. Период этот закончился официальным признанием педагогической ценности если не экскурсионного метода вообще, то экскурсий, как таковых, причем последние постепенно вошли в курс школьной практики. Если в начале этого периода экскурсии проводились, как исключение, как совершенно новое дело, обслуживаемое силами отдельных лиц, проявлявших личную инициативу, то в конце его экскурсии стали уже рекомендоваться. Правда, дальше этих рекомендаций государственная власть не пошла, и необходимые для экскурсий материальные средства добывались по большей части из частных источников, и лишь отдельные ведомства (как мин. пут. сообщ.) оказывали содействие экскурсионному делу. Наиболее ценное завоевание экскурсионной практики выразилось в том, что экскурсии перестали быть развлечением и стали делом, требующим притока живых сил и соответствующих материальных средств.

II.

Появившиеся в начале первого десятилетия XX века частные школы нового типа претворили в дело те выводы, к которым пришла к тому времени педагогическая мысль. Эти школы, под вывеской коммерческих училищ, дали, насколько это было возможно, наилучшую постановку учебного дела и, в своем стремлении ввести принцип наглядности и обосновать знания учащихся на практических занятиях, остановили внимание и на экскурсионном деле, достигнув в нем результатов, дотоле неизвестных в России.

Так, в Тенишевском училище, начавшем экскурсионную работу с 1901 года, вначале поездки учащихся носили экспромптный характер, и лишь постепенно экскурсионная комиссия училища „успела разработать и установить серию образовательных экскурсий, согласованных во всех отношениях

с возрастом, силами и интересами учеников" [1]). В зависимости от этого экскурсии, направлявшиеся вначале на пункты, находившиеся или вблизи Петербурга, или в нем самом (Путиловский завод, Ботанический сад, Лесной, Дудергоф, Поповка и т. п.), понемногу стали приобретать более сложный и длительный характер, и если в 1901 году только одна из них, направившаяся в Нарву, потребовала для своего выполнения трехдневного срока, тогда как на остальные затрачивался лишь один день, то с 1902—3 учебного года начинают совершаться поездки, захватывавшие несколько городов (напр. Москва—Ростов—Ярославль) и продолжавшиеся по 10 дней. В следующем году число многодневных экскурсий, совершенных учениками Тенишевского училища, достигло уже 6, причем, например, уральская экскурсия заняла 28 дней.

В результате всей экскурсионной работы Тенишевского училища — в нем были прочно поставлены географические, естественноисторические и гуманитарные экскурсии, причем училище дважды издало описание своих образовательных поездок с целью поделиться своим экскурсионным опытом с педагогическими работниками.

Еще более интересной по своим результатам является постановка экскурсионного дела в Лесном Коммерческом училище, которое с 1904/5 уч. года по 1908/9 г. провело 170 экскурсий и издало сборник „Школьные экскурсии, их значение и организация", представляющий первую в России большую работу по экскурсионному делу, многократно использованную в педагогической литературе.

На основании богатого опыта Лесного Коммерческого училища можно было не только строить практику экскурсионного дела, но и начать разработку его теории, к чему и приступил кружок педагогов-преподавателей училища.

Взгляд на экскурсии, как на непременную часть учебного курса, был впервые поставлен с должной отчетливостью и полнотой именно в кружке Лесного Коммерческого училища, разработавшем экскурсионный план средней школы [2]) и пришедшем к тому выводу, что экскурсии должны быть обязательными как для преподавателя, так и для учащихся. В 1910 году в училище был составлен экскурсионный план, имевший несколько местный характер, но явившийся наиболее по тому времени разработанным и охватывающим весь курс средней школы.

В основу такого плана была положена мысль, что „экскурсионное дело в школе только тогда развернет в полноте свою

[1]) „Образов. поездки в средн. школе". Изд. 2-е. Спб. 1912.
[2]) См. „Школьные экскурсии, их значение и организация". 2 изд. 1921 г.

образовательную и воспитательную силу, когда экскурсия будет не случайной и произвольной инициативой особенно добросовестного и любящего свое дело преподавателя, но неотъемлемою составною частью учебного плана школы" [1]). Предполагалось, что каждый выпуск в течение учебного курса будет участвовать в 60 экскурсиях, в том числе в 4 многодневных, причем младшие классы проделают естественно-исторические и географические экскурсии, а старшие—гуманитарные.

При такой постановке экскурсионного дела большие затруднения представляла финансовая сторона вопроса, потому что затраты на экскурсантов достигали иногда довольно крупных по тому времени сумм. Напр., уральская экскурсия Тенишевского училища обошлась по 95 р. на участника. Правда, стоимость других экскурсий того же училища была значительно ниже (напр., десятидневная поездка в Прибалтийский край обошлась по 16 р. 75 к. на участника), но все же сравнительно дорогие многодневные экскурсии не могли не затруднять выполнение экскурсионного плана.

Во многих учебных заведениях это препятствие устранялось учреждением т. н. „экскурсионного фонда", в который родители учащихся вносили по 4 р. в год. Так как затраты на однодневные экскурсии, преимущественно проводимые в младших классах, были весьма ничтожны, то к старшим классам для дорого стоящих дальних экскурсий накоплялись вполне достаточные для этого суммы. Такова была практика целого ряда петроградских учебных заведений, накопивших значительный опыт в экскурсионном деле и удовлетворительно разрешивших основные вопросы о плане работы и об изыскании потребных для этого средств.

Постепенно увеличивавшийся интерес к школьным экскурсиям вызвал возникновение организаций, обслуживавших экскурсионное дело. Так, в Москве в 1910 г. была образована по инициативе попечителя учебного округа „Комиссия по организации и осуществлению учебно-воспитательных экскурсий для учащих и учащихся средних учебных заведений Московского учебного округа". По окончании работ этой комиссии, изданных в виде обширного тома („Труды Комиссии"), при управлении округа учреждена была постоянная „Центральная экскурсионная комиссия", имевшая провинциальные отделения (например, в Твери, Туле, Смоленске, Костроме, Орле, Шуе). Деятельность Центральной комиссии выразилась в издании различных маршрутов и путеводителей, в подготовке и организации руководительства, в лекциях для экскурсантов, в

[1]) Там же.

основании экскурсионного музея и библиотеки и, наконец, в практическом разрешении многих вопросов экскурсионного дела. Так, комиссия организовала прием и руководительство заграничными экскурсиями, посетившими Москву в 1911—1913 годах (сербскими, болгарскими, чешско-моравскими и венгерскими). Что касается провинциальных экскурсионных комиссий, то ими была развита весьма энергичная деятельность, выразившаяся не только в организации ряда экскурсий, часто весьма отдаленных, но иногда и в издании путеводителей и справочников.

Вообще, к началу второго десятилетия XX века экскурсионное дело в школах настолько окрепло, что плановые экскурсии с весьма отдаленными и сложными маршрутами стали для средних учебных заведений довольно обычным явлением. В 1911 году состоялось соглашение между министрами народного просвещения, внутренних и иностранных дел по вопросу о выдаче заграничных коллективных паспортов для учащихся, что естественно облегчило возможность заграничных экскурсий, которые иногда предпринимались даже во время двухнедельных каникул (поездка в Берлин на Рождестве 1911/12 уч. года).

Экскурсионная волна, поднявшаяся в средней школе, докатилась и до начальных училищ. В этом отношении характерным является следующий, далеко не единичный факт. В 1910 году Московское уездное земское собрание поставило вопрос об экскурсиях в земских школах во всей его широте, основываясь на том, что ученические экскурсии, носящие характер школьных праздников, вызывающих огромное воодушевление в школах, представляют в уезде довольно распространенное явление, совершаясь на деньги, собранные учениками и пожертвованные учителями.

Московская уездная земская управа и комиссия по народному образованию признали, что „экскурсии должны делаться в школах не менее двух раз в течение курса“, являясь одним из наиболее серьезных воспитательных средств, так как они „сближают детей и население со школой, исправляют и оживляют представления и понятия детей о том, что они уже знали из книг и рассказов, обогащают новыми представлениями и понятиями и таким образом расширяют их умственный горизонт“ [1]). На основании этого решения был выдвинут вопрос о правильной постановке экскурсионного дела и об ассигновании нужных на это средств.

Таким образом сознание важного значения экскурсий в образовательном и воспитательном отношениях побудило

[1]) Москов. уездн. земское собрание. 1910 г.

учебные заведения разных типов обратить на них надлежащее внимание и делать попытки правильно поставить их организацию. Если в начале столетия экскурсия на Кавказ учеников Киевской 1-й гимназии, обдуманная и заботливо подготовленная [1]), представляет собою исключение и экспромптный характер экскурсий-прогулок является преобладающим, то к 1914 г. отношение к экскурсиям резко меняется и они постепенно начинают входить в круг школьной жизни, как постоянный элемент. Так, на XI Съезде естествоиспытателей и географов были приняты следующие положения [2]):

1) из сумм государственного казначейства ассигновать и вносить ежегодно в смету каждого учебного заведения на экскурсии известную сумму денег;

2) расходы по путешествию руководителя оплачиваются казной, а расходы по путешествию учащихся—их родителями или специальными обществами; в редких случаях, в виде награды, ученики отправляются на казенный счет;

3) помещениями для экскурсантов должны служить учебные заведения и интернаты в разных городах, пустующие в летнее время, а во время зимних и пасхальных каникул свободные почти наполовину; в устранение личного произвола, необходимо сделать общее по этому предмету распоряжение;

4) министерства финансов и путей сообщения понижают тариф в размере воинского и устанавливают прямые сообщения;

5) в столицах и главных центрах и в некоторых других пунктах, при содействии особых руководителей, учащимся открывается беспрепятственный и немедленный доступ во все места, заслуживающие осмотра;

6) необходимо организовать в разных городах кружки, которые теоретически разрабатывали бы план осмотра и оказывали бы практическое содействие экскурсантам;

7) желателен общий союз существующих обществ и комиссий по устройству экскурсий для разделения трудов, как в деле теоретической разработки вопроса об экскурсиях, так и их практического осуществления.

Завоевав в школьном обиходе общее признание, экскурсионный метод оказался еще более применимым среди внешкольников. Естественно, что прежде всего он был оценен учительством и в довольно широком по тем временам масштабе применен, как могучее средство самообразования, среди различных учительских организаций. Еще в 90-х годах Казанское, Петербургское и Нижегородское Общества взаимопомощи

---

[1]) Экскурсия на Кавказ в 1901 году. Киев. 1901 г.

[2]) Н. Ф. Арепьев. География в средней школе и школьные экскурсии с проектом устава общ-ва организации экскурсий. Спб. 1914 г.

учителей подыскивали бесплатные помещения для приезжих учителей и оказывали помощь при осмотре городов. Был налажен взаимный обмен услугами. В Петербурге, Казани, Перми и Тамбове были оборудованы помещения для приема учителей. Нижегородское О-во во время выставки приняло 4.518 учителей-экскурсантов. Постепенно почин в деле организации экскурсий перешел к земствам. Так, по инициативе комиссии по народному образованию при Курском губернском земстве в 1901—1903 годах состоялся ряд экскурсий в Москву, Крым, Кавказ и по Волге. К курским учителям присоединились московские, новгородские, орловские, харьковские, саратовские и ярославские. Позднее энергичную экскурсионную деятельность развило Тульское Общ-во взаимопомощи учащим, которое признало, что организация экскурсий необходима, так как экскурсии имеют для учителей важное образовательное значение и являются средством для объединения учительского персонала. В 1913 году Общество организовало целый ряд дальних экскурсий. Наиболее продолжительной была сорокадневная поездка на Кавказ, в которой принимали участие 44 учителя, причем каждый израсходовал до 55 рублей. Почти с таким же числом участников (43 чел.) состоялась поездка в Крым на 23 дня, обошедшаяся по 35 рублей. Более близкие экскурсии обходились значительно дешевле. Так, поездка в Москву 60 учителей потребовала на 4 дня затраты по 5 р. 50 к. с каждого участника, а одиннадцатидневная поездка в Петербург обошлась по 15 рублей.

Вышедшее из глубины учительских масс сознание необходимости экскурсий претворилось в хорошо организованное дело благодаря возникшей в 1908 году Комиссии по организации образовательных экскурсий при учебном отделе Общества распространения технических знаний.

В своей работе Комиссия имела целью ознакомление „лиц с небольшими материальными средствами, преимущественно из среды педагогического персонала, с культурой Запада, развитием его искусств, народным образованием, различными отраслями знания и богатыми научными коллекциями“ [1]).

Средства Комиссии, насчитывавшей свыше 150 членов из среды преподавателей средних и высших учебных заведений, составлялись из небольших отчислений, из взносов участников поездок, и, несмотря на крайнюю ограниченность их, Комиссия энергично организовала экскурсии по выработанным ею планам и маршрутам под руководством тех специалистов по различным отраслям знаний, которые приглашались для этого. Несмотря на то, что к началу своей

[1]) Русские учителя за границей. Москва. 1911 г.

деятельности Комиссия располагала более чем скромной суммой в триста рублей, она в первый же год своей деятельности смогла доказать возможность поездок за границу для лиц с очень ограниченными средствами. Правом на участие в этих поездках пользовались: 1) лица педагогического персонала, 2) фельдшера земских, городских и фабричных учреждений и 3) служащие общественных учреждений и врачи, состоящие на общественной службе. При записи на поездки устанавливалась очередь в порядке следующих категорий: 1) сельские учителя, 2) учителя городских училищ, 3) фельдшера и преподаватели торговых школ и 4) учителя средних учебных заведений. Общее число побывавших за границей при помощи Комиссии за три года (с 1909 по 1911) равнялось 4029 экскурсантам, причем необходимые для поездок суммы составлялись главным образом из взносов участников (551.522 р. 11 коп.) и небольших пожертвований (5093 р.).

Почти одновременно возникла в Москве при Российском Об-ве Туристов другая экскурсионная организация—„Экскурсии по России",—имевшая целью познакомить русское учительство (преимущественно учащих сельских школ и городских училищ) с родиной.

Значительный опыт, накопленный в различных школьных и внешкольных экскурсионных организациях, все возраставший интерес к экскурсионному делу и необходимость теоретической разработки многих вопросов, связанных с экскурсиями—все это не только вызвало к жизни довольно обширную экскурсионную литературу в виде сборников, путеводителей, отдельных монографий, статей в периодических изданиях, но потребовало появления специальных журналов: „Школьные экскурсии и школьный музей", „Русский Экскурсант" и „Экскурсионный Вестник". Один факт издания подобных журналов свидетельствовал о большом интересе к экскурсионному делу, о том, что оно становилось на твердую почву. Этим же вызывался количественный рост различных экскурсионных организаций, причем некоторые из них возникали при учебных округах (например, при Московском, Одесском и т. д.), другие же существовали, как совершенно частные учреждения. Развитие экскурсионного дела вызвало потребность в опытных и надлежаще подготовленных руководителях, и этот вопрос—руководительский—требовал удовлетворительного разрешения. С этой целью устраивались курсы, организовались групповые учительские экскурсии под руководством лиц, имеющих опыт в этом деле.

Таким образом к началу мировой войны экскурсионное дело в России закончило второй период своего развития.

Педагогическая мысль в лице передовых слоев учительства отвергла чисто-словесное обучение и постепенно разрешала задачу сближения школы с жизнью и природой, причем широкое развитие экскурсионного дела явилось результатом этого течения школьной жизни и практики. Одновременно с этим интерес к экскурсионному делу проявился и в широких внешкольных кругах. Стали возникать правительственные и частные организации, направлявшие экскурсионное дело, и, как естественный результат подобного движения, появилась специальная литература не только в виде книг, сборников, статей, но даже журналов. Препятствием к дальнейшему развитию дела являлся лишь недостаток опытных специалистов-руководителей и необходимых средств, обычно почерпаемых из частных источников.

Постепенно выяснялась потребность объединения экскурсионного дела в едином центре и стала назревать мысль о том, что государство не может ограничиться одним лишь субсидированием отдельных экскурсионных организаций, но должно ассигновать средства, необходимые для надлежащей постановки экскурсионного дела.

Таково было положение к тому моменту, когда революционный взрыв, разрушив старые устои жизни, поставил перед ней новые задачи и открыл иные пути.

III.

В 1917 году, когда в мартовские дни пал старый строй и среди народных масс проявилось стремление захватить у прежних владельцев те материальные богатства, которые были накоплены веками и ревниво оберегались во дворцах и особняках, жизнь выдвинула в качестве очередной задачи охрану памятников искусства и старины, которым угрожало это стихийное народное движение. Вместе с тем подлежала разрешению другая задача—пропаганды искусства в народе, потому что без этого ему, стоявшему до тех пор вдали от утонченной культуры, бывшей достоянием ограниченного круга баловней судьбы, непонятны были многие памятники искусства, в которых он видел лишь материальные ценности.

Стремление разрешить эти две очередные задачи выдвинуло на первый план вопрос об экскурсионном использовании музейных сокровищ. Распыленные дотоле, работавшие в отдельных кружках руководители под влиянием потребностей жизни объединились, чтобы давать нужные объяснения группам рабочих и солдат.

Вполне понятно, что центрами наиболее интенсивной и плодотворной экскурсионный работы стали Москва и Петроград.

В Москве, помимо семинариев, подготовлявших специалистов-руководителей и занимавшихся разработкой методических вопросов, создался Музейно-Экскурсионный институт. Параллельно с этим шла широкая экскурсионная работа, причем увлечение экскурсионизмом разделяется не только школами, но и высшими учебными заведениями.

Возникшее в Петрограде объединение экскурсионных сил под наименованием Общества распространения историко-художественных знаний, имевшее целью возбудить интерес к искусству и памятникам старины в широких народных массах, поставило на очередь вопрос об экскурсиях по городу, в его окрестностях, по музеям, причем эти экскурсии должны были вестись планомерно, по программе, выработанной руководителями.

В бурной революционной обстановке работа Общества не могла протекать нормально, так как музеи были по военным обстоятельствам закрыты, и постепенно политика отодвинула на второй план все культурные запросы. Этим объясняется постепенное замирание деятельности Общества.

Только в 1918 году снова могла наладиться экскурсионная работа, которая была развернута Обществом „Культура и Свобода“ настолько широко, что еженедельно в газетах публиковался довольно большой список намечавшихся экскурсий. Преимущество на право участия в них предоставлялось рабочим клубам и различным профессиональным организациям. Экскурсии, сопровождавшиеся весьма подробными объяснениями руководителей, проводились двух типов: одни имели целью изучить Петроград в историческом и художественном отношениях; другие, направлявшиеся в окрестности города, были естественноисторического характера. Но, несмотря на широко разработанный план и привлечение к делу лучших сил, экскурсионная работа Общества „Культура и Свобода“ не была доведена до намеченных пределов. Музеи попрежнему были закрыты, и экскурсанты по необходимости ограничивались осмотром архитектурных памятников, мало доступных их пониманию. Кроме того, объединение таких обособленных и крупных отделов, как исторический и естественноисторический, не давало возможности уделить каждому из них достаточных сил, внимания и средств.

Но, несмотря на все неудачи, объясняемые временем и обстановкой, в которой велась работа, деятельность петроградских экскурсионных сил во время революционного периода не прошла бесследно, укрепив среди широких народных масс

сознание ценности искусства и наметив дорогу к дальнейшему развитию экскурсионного дела.

После Октябрьского переворота экскурсионное дело перешло в руки Музейного отдела. Располагая необходимыми средствами, он объединил вокруг себя деятелей, работавших до того в одиночку или в разрозненных кружках, и дал возможность экскурсионному делу развиться в более широких размерах. Руководство экскурсионным делом в музеях Отдел сохранил до конца 1921 года, когда вся экскурсионная часть отошла от него в ведение отчасти Политпросвета, отчасти Экскурсионной секции сектора социального воспитания. За все время существования Экскурсионной секции Музейно о отдела (с 1918 по 1921 г.) ею проведено 101.347 экскурсантов.

Одновременно с работой Музейного отдела экскурсионное дело в школах проводилось на государственные средства под руководством Экскурсионной секции. Еще в 1918 году был принят проект организации сети экскурсионных станций, которые, помимо ознакомления школьников - экскурсантов с предметами и явлениями окружающей природы, должны были дать необходимые для сельского хозяйства знания. Для руководства этими станциями и была организована при Отделе единой трудовой школы Экскурсионная секция.

Экскурсионная кампания лета 1919 года уже опиралась на целую сеть подобных экскурсионных станций (6), которые должны были служить пунктами для приема школьников, разрабатывать для школ экскурсионные планы и маршруты, содействовать совершению экскурсий, организовать лекции и т. п. Постепенно число экскурсионных станций, находившихся в ведении Экскурсионной секции сектора социального воспитания, дошло до 18. С конца 1921 г. число этих станций сильно сократилось. В 1920 и 1921 гг. через все экскурсионные станции прошло 9.600 экскурсий, в которых было 299.000 экскурсантов.

Что касается проведения в жизнь экскурсионного дела среди внешкольных групп, то этим ведал Экскурсионный подотдел Внешкольного отдела (впоследствии Политпросвета) Проводя свою работу с 1920 года, подотдел организовал целый ряд так называемых школ грамоты экскурсионного дела в виде краткосрочных курсов (7 лекций и 7 экскурсий) для заведующих клубами или культурно-просветительными ячейками. На этих курсах давались понятия об экскурсиях, об их пользе, о том, как надо осматривать музей. Помимо этих курсов, подотделом был организован ряд митингов по экскурсионным вопросам.

Вместе с тем был открыт ряд внешкольных экскурсионных станций, число которых к концу 1921 года доходило до 9.

В задачу этих станций входили не только прием и руководство экскурсиями, но и научно-исследовательная работа: изучение местного края и создание местных музеев. Кроме организации экскурсий, подотделом велась работа в кружках по подготовке руководителей путем практических занятий и устройства целого ряда экскурсий по строго выработанному плану.

Чтобы иметь представление о размерах чисто-организационной стороны работы подотдела, нужно припомнить, что летом в праздничные дни на одни лишь загородные экскурсии отправлялось около 600 человек и одним только петроградским Домом Экскурсанта было принято за год 10.372 чел., что в среднем на приемный день дает солидную цифру в 285 чел. [1]).

Сосредоточенное в начале 1922 года в пределах петроградского района в двух центрах (Политпросвет и Сектор социального воспит.), если не считать экскурсий, самостоятельно проводимых Петропрофобром (школы рабочей молодежи), экскурсионное дело требовало огромной работы и большого штата опытных руководителей. Поэтому подготовка руководительного персонала составляла большую заботу обоих центров, и в этом отношении за последние годы сделано очень многое.

Так, Экскурсионная секция сектора социального воспитания, признавая, что подготовка руководителей экскурсиями из среды школьных педагогов не менее важна, чем организация экскурсионных станций, провела целый ряд курсов при Павловской экскурсионной станции, при Центральной станции гуманитарных экскурсий и при Инструкторской экскурсионной станции имени проф. Половцова. Особенный интерес представляет последнее учреждение [2]). Задача этой станции— подготовлять педагогов-натуралистов к руководительству экскурсиями, „дать им возможность ознакомиться с методикой экскурсионного дела, техникой ведения экскурсий и изучить практически материал главнейших экскурсионных тем“ [3]). Насколько интенсивно протекала работа этой станции, видно по тому, что в течение лета 1920 г. станция выпустила 127 лиц.

Что касается деятельности Политпросвета по подготовке руководителей, то, помимо краткосрочных (двухмесячных) курсов, были организованы семинарии, в числе которых наиболее продолжительным и хорошо обставленным был семинарий по изучению Павловска. Помимо этих курсов подготовка руководителей производилась иногда при отдельных

---

[1]) „Экск. Вестн.“, вып. 1.
[2]) „Естеств. в школе“ 1921 г. № 1—2.
[3]) „Ест. в шк.“ 1921 г. № 1—2.

музеях, как это видно на примере Эрмитажа, Детскосельских дворцов [1]) и Гатчинского дворца-музея [2]).

Весной 1921 г. (с 16 по 21 мая), в целях содействия развитию экскурсионного дела в области школьного и внешкольного образования путем выяснения как общих принципиальных, так и практических вопросов организационного, программного и методического характера, была созвана Экскурс. секцией сект. соц. восп., совместно с Экскурс. секцией Политпросвета и Музейным отделом, конференция по экскурсионному делу. На конференцию, состоявшуюся в Петрограде, приглашены были представители от волостных отделов народн. образования Петроградской губ., от уездных и губернских отделов Сектора социального воспитания и Политпросвета в Петрограде, по одному представителю на три школы каждого района в Петрограде, ответственные инструкторы от районов, представители от университета, педагогических учебных заведений и учреждений, от экскурсионных организаций и обществ, от Губернских отделов сектора социального воспитания и Политпросвета губернии Северного Сектора. Всего на конференцию явилось, помимо интересующихся экскурсионным делом лиц из среды петроградских педагогов—командированных представителей около 180, в том числе 23 делегата из Москвы—от Наркомпроса и Губ. Отд. Нар. Обр.

Помимо докладов, сделанных на общих собраниях конференции, был заслушан ряд докладов по секциям: гуманитарной и естественноисторической. Общее настроение конференции—необходимость расширения экскурсионного дела и сообщения ему большей планомерности, путем создания экскурсионных станций по примеру Петрограда.

В связи с конференцией, в Петроградском Отделе Народного Образования была устроена Экскурсионной секцией сектора социального воспитания выставка экскурсионного дела. Каждая из экскурсионных станций и опорных пунктов графически демонстрировали особыми плакатами число экскурсантов и экскурсий, пропущенных в 1920 году; представлены были планы участков станций с ближайшими окрестностями; изображены экскурсионные маршруты; выставлены списки экскурсионных тем, фотографии, иллюстрировавшие характерные моменты из жизни станций. На основании сводных плакатов выяснилось, что общее число экскурсантов, пропущенных станциями в 1920 году, равнялось 154.132. Наглядно знакомя с фактическим положением дела, выставка имела для посещавших ее педагогов и руководящее

[1]) „Дела и Дни“, 1920 г. кн. 1, стр. 560.
[2]) „Экскурсионное Дело“, 1921 г. № 2 и 3, стр. 205.

значение, давая в виде экскурсионных тем и маршрутов пособия, которым руководители экскурсий могут следовать.

Вполне понятно, что повышенный интерес к экскурсионному делу отразился и в литературе. Не говоря уже об отдельных статьях в журналах: „На путях к новой школе", „Вестник Просвещения", „Педагогическая Мысль", „Педагогическое Дело", „Естествознание в школе", о переиздании сборника „Школьные экскурсии, их значение и организация"—летом 1921 года вышел № 1 „Экскурсионного Дела", научно-педагогического журнала Эскурсионной секции сектора социального воспитания Петроградского Отдела Народного Образования. В 1923 году наиболее крупными новинками экскурсионной литературы являются „Культурно-исторические экскурсии" под ред. Н. А. Гейнике и „Вопросы экскурсионного дела". Симптоматично в этом отношении и то, что в первой книге исторического журнала „Дела и Дни" на экскурсионную деятельность различных организаций обращено было большое внимание.

Все это свидетельствует о той значительной роли, которую стало играть в системе общего образования экскурсионное дело. К сожалению, отсутствие надлежащей связи не только с глухой провинцией, но даже с крупными центрами не дает возможности составить точное представление о развитии экскурсионного дела в общероссийском масштабе. Можно только сказать, что везде, где принимаются меры к поднятию уровня просвещения масс, экскурсионное дело является в этом отношении одним из наиболее действительных средств.

Интересно и широко поставленное в Москве, оно и в провинции, судя по отрывочным сведениям, привлекает лучшие педагогические силы. Так, сильно развито экскурсионное дело в Костроме, где во главе его стоит местный Отдел Нар. Образ. За лето 1920 года там было проведено 226 экскурсий с общим количеством участников в 8.680 человек.

Большая экскурсионная работа проведена в Самаре, где школьные экскурсии, систематически проводимые по выработанному плану, дали интересный для краеведов материал.

Конечно, вся эта большая и интересная работа, проводимая разрозненно на местах, дала бы более осязательные результаты при наличии тесной связи между отдельными экскурсионными организациями как в центре, так и на местах. Но это—дело будущего, а пока можно лишь с удовлетворением отметить крупные успехи, достигнутые в экскурсионном деле Петроградом, где с 1921 г. начал функционировать получивший утверждение государственной власти Научно-Исследовательский Экскурсионный институт с отделами естественным, гуманитарным и экономико-техническим.

Задача института следующим образом определяется проф. Гревсом в выпуске 1 „Экскурсионного Вестника“: „Всестороннее изучение экскурсиеведения по всем областям жизни природы и человеческой культуры как в сфере теоретической, принципиальной, так и в практической, в желанной глубине и полноте, в видах создания цельной образовательной системы. Проблема эта в осуществлении своем пойдет по двум руслам: 1) разработки методики экскурсионного дела на различных ступенях школьного курса и для различных целей внешкольного просвещения широких кругов населения,—и 2) исследования всех видов экскурсионного материала по природоведению и обществоведению на местах (в стране) и в памятниках (культурных оседлостях различного типа), а также в музеях, ученых коллекциях и художественных хранилищах. Кроме того, важною обязанностью института явится централизация, обобщение и дальнейшее направление всей совершающейся в экскурсионной сфере работы отдельных учреждений—ученых институтов, школ, обществ, просветительных организаций и т. д.“.

Открытие Экскурсионного института в момент всеобщего сокращения расходов является достаточно красноречивым свидетельством того, что государственная власть признает за экскурсионным делом большую педагогическую ценность и государственную важность.

Наиболее крупным событием последнего времени в петроградских экскурсионных кругах явилась вторая Петроградская экскурсионная конференция, состоявшаяся 10—12 марта 1923 года по почину Петроградского Экскурсионного института совместно с экскурсионными отделениями Сектора соц. восп. Политпросвета.

Конференция собрала 735 членов (в том числе иногородних 96), причем работа ее, кроме общих собраний, велась по секциям: гуманитарной, естественноисторической и экономико-технической. Проведенная с большим подъемом, конференция заслушала 20 докладов и вынесла ряд резолюций. В последних, между прочим, отмечается необходимость широкого развития „на местах как постоянных учреждений, так и краткосрочных курсов, которые подготовляли бы преподавателей-практиков в области экскурсионного дела“. Вместе с тем выражается пожелание „широкого распространения методов экскурсионной работы в высшей школе“ и необходимость экономико-технических экскурсий, которые „желательны в особенности для внешкольников, развивая в них понимание окружающего с точки зрения народно-хозяйственной жизни страны“.

Для членов конференции были организованы 23 показательные экскурсии (781 записавшихся на них), имевшие целью выявить различные приемы экскурсирования.

Конференция закончилась пожеланием созыва в ближайшее время Всероссийского Экскурсионного Съезда.

Таким образом третий период экскурсионного дела, резко обозначившийся после революции, характеризуется главным образом тем, что оно получило полное признание со стороны государства и ведется на его средства и при его помощи, благодаря чему все то, на что в экскурсионной работе имеется хоть какая-нибудь возможность, осуществляется без помех.

Можно надеяться, что, при наличии экскурсионных центров в лице институтов, делу будет обеспечена необходимая планомерность, что современем удастся создать достаточные кадры руководителей, развить издательскую деятельность и установить прочные взаимоотношения между всеми экскурсионными организациями.

Каковы бы ни были случайности, высокие качества экскурсионного метода обеспечивают будущность экскурсионного дела, которое пробивало себе дорогу и в самые тяжелые времена. Для внешкольников же оно открывает наиболее легкий и приятный путь к знанию.

IV.

Внешкольные экскурсии, получившие широкое распространение и в дореволюционное время и в особенности после 1917 года, до сих пор не выявили в специальной литературе накопленного большого опыта. И в настоящее время экскурсионная литература освещает главным образом или общие вопросы экскурсионного дела, или его школьные достижения. А между тем достаточно самого скромного опыта, чтобы прийти к убеждению, что большинство внешкольных экскурсирующих групп отличается отчетливо проявленными особенностями, причем они настолько существенны, что оказывают свое влияние на все стороны экскурсионного дела. И если во внешкольных экскурсиях ознакомление со зрительным материалом, моторность восприятия, тематичность и максимальная активность участников коллективной работы являются чертами, присущими всякой вообще экскурсии (в том числе и школьной), то есть в них и другие признаки, лишь им (внешкольным экскурсиям) присущие и определяющие их характер.

Это, во-первых, отсутствие связи с определенным школьным курсом и вытекающая отсюда эпизодичность; во-вторых,

случайность состава групп, объединяющих лишь на самой экскурсии людей, часто вне ее ничем между собою не связанных (отсюда подчеркнутая потребность как можно теснее сплотить их в пределах экскурсионной работы), и, в-третьих, тем, что во внешкольных экскурсиях работа должна носить вполне законченный характер, так как ни до экскурсии ни после нее участники данной группы не встречаются.

Конечно, и среди внешкольных групп могут быть исключения, в которых не все перечисленные признаки выявляются, но в большинстве случаев они наблюдаются всегда.

Эти характерные особенности внешкольных экскурсий отражаются и на организационной стороне дела, и на методах ведения экскурсий, и на выборе темы.

Случайность и неоднородность состава большинства внешкольных групп, объединяющих людей разного жизненного опыта, возраста, положения и развития, вынуждает обратить сугубое внимание на организацию групп, на придание им того единства, которое обеспечивает экскурсантам одинаковую напряженность интереса во время экскурсии.

Удовлетворительное разрешение этого вопроса достигается или заблаговременным объявлением темы экскурсии в предположении, что в ней примет участие лишь тот, кто действительно интересуется ею, или тем, что в пределах объединившейся по какому-нибудь поводу группы самостоятельно выявляется интерес к определенной теме, которая и выполняется на экскурсии.

Группы, сами выбравшие тему экскурсии, в большинстве случаев проявляют вполне достаточную подготовленность экскурсантов, чем в значительной мере облегчается интенсивность, углубленность и широта работы.

При организации внешкольных экскурсий необходимо обращать особенное внимание на выбор тем, которые должны быть рассчитаны на группы, объединяющие людей с различными, часто несходными запросами и интересами. Все темы, чересчур специальные или рассчитанные на необходимость предварительной подготовки экскурсантов, должны по возможности устраняться.

И, наконец, эпизодичность большинства внешкольных экскурсий обязывает к особой осторожности при выборе сложных тем, которым следует предпочесть простые. Это как бы суживает задачи внешкольных экскурсий, но зато дает возможность достижения их в полном объеме.

Наибольший эффект может быть достигнут лишь при выборе такой темы, в которой и общее содержание и отдельные элементы лишь окончательно закрепятся посредством данного экскурсионного материала, надлежащее восприятие

которого подготовлено и облегчено жизненным опытом каждого отдельного экскурсанта.

Лишь таким образом подготовленные экскурсии дадут внешкольникам ряд наблюдений, выводов и впечатлений, которые прочно улягутся в их сознании.

При этом руководителю внешкольных экскурсий нужно помнить, что на нем лежит трудная задача не только удовлетворить группу незнакомых ему людей, с которыми обычно он впервые встречается, но использовать совместное с ними пребывание для того, чтобы дать участникам экскурсии толчок к дальнейшей просветительной работе, вызвать интерес и вкус к знанию, пробудить пытливость мысли.

Нельзя забывать, что часто в массах нет сознательного стремления к знанию, нет той тяги к просвещению, которая заставляет людей преодолевать большие трудности, чтобы достигнуть желаемого. Поэтому в тех случаях, когда руководитель, впервые встретившийся с группой, выяснит путем беглого опроса (времени в его распоряжении мало) ее состав, интересы и степень подготовленности, ему, составив план предстоящей в данном случае работы, надо придать экскурсии по возможности яркий и завлекательный характер.

Очень часто экскурсии со внешкольниками должны итти не по пути детальной, углубленной проработки тесно ограниченного материала, так как длительная задержка внимания на одном предмете или явлении сама по себе утомляет непривычных к умственному труду людей.

При очень слабой подготовке внешкольной группы, работа с нею должна иметь целью не столько приобретение известных знаний, сколько их пропаганду. И это далеко не понижает ценности экскурсии, так как экскурсионный метод, в силу своей гибкости и способности оказывать влияние на людей даже наименее восприимчивых, не может не вовлечь в круг умственных интересов тех, кто подвергается экскурсионному воздействию. Одна из наиболее ценных именно во внешкольном деле сторон этого метода заключается в том, что он не только вызывает активность, самодеятельность экскурсантов, не только способствует накоплению знаний не обычным школьным способом, а в условиях близких к жизни, но, кроме того, естественно способствует объединению людей — ничем, казалось бы, друг с другом не связанных — в группы, достигающие поставленной цели путем коллективного труда, коллективного наблюдения, сближающих совместных переживаний. Нигде личные интересы так легко и охотно не подчиняются общим, как именно в экскурсиях.

Экскурсионный метод—ценное оружие в руках внешкольника, но, пользуясь им, необходимо одинаково избегать укло-

нов как в сторону экскурсии-развлечения, экскурсии без методически проработанного плана и серьезного содержания, так и в сторону экскурсий, перегруженных таким материалом, который, будучи ценен сам по себе, является непосильным для внешкольных групп.

Развивая экскурсионное дело среди внешкольников, нужно соблюдать следующие условия: организованность экскурсирующих групп; правильный подход руководителя к группе; методичность при проведении экскурсий; связанность проводимой на экскурсиях эпизодической работы с жизненным опытом экскурсантов, и наконец—использование экскурсионного метода во всех видах внешкольной работы.

При выполнении этих условий будут достигнуты те результаты, которые оправдают широкое распространение экскурсионного метода во всех областях политико-просветительной работы.

В. Ф. Широкий.

Музейное дело.

В области музейного дела за время с начала революции— за последние четыре года — произошли глубокие изменения. Если мы сейчас, быть-может, и не в состоянии указать вполне точные, реальные результаты, достигнутые в этой области, то все же мы имеем полное право констатировать, что эта область в настоящее время безусловно определилась, в нее внесена организационная стройность, при которой каждый из вопросов, составляющих эту многогранную отрасль, стал на свое место. Нельзя сказать, чтобы и раньше, до революции, наша страна была бедна музеями. Пропорционально размаху и интенсивности русской культурной работы их было более или менее достаточно. Но возникали они совершенно случайно, сплошь и рядом благодаря исключительно сложившимся благоприятным обстоятельствам, характер их был, в большинстве случаев, тоже случайный. Единства в работе, общего плана не было вовсе, типы музеев совершенно не были установлены. Во многих, даже хорошо оборудованных музеях невозможно было установить—является ли данный музей строго-научным или общеобразовательным, предназначенным для широкой публики. Возможность использования каждого музея для популяризации научных знаний находилась в самом зачаточном состоянии—объяснительная часть во многих музеях была в полном пренебрежении.

В конце 1917 г. и начале 1918 г. была произведена коренная реформа народного образования и всего культурно-просветительного дела в России. Созданному тогда общему плану постановки дошкольной, внешкольной и школьной работы нельзя отказать в стройности и определенности. В частности, все отрасли внешкольной работы—все, что ранее объединялось под расплывчатыми терминами „культурно-просветительной“ работы, „организации разумных развлечений“ и т. д.—было собрано воедино и сосредоточено во Внешкольном подотделе Наркомпроса.

Музейное дело, таким образом, тоже нашло свое место в общей схеме культурной работы. Правда, некоторые стороны музейной работы сосредоточились в Подотделе Ученых Учреждений Наркомпроса, Главархива и т. д.—но это даже внесло некоторую ясность в музейное дело, понимаемое с

точки зрения широкой постановки культурной работы вообще, так как сразу же резко отграничило ряд вопросов строго-научного характера, вопросов, не относящихся, по своему содержанию, к самому характеру просветительной, популяризаторской работы.

Музейное дело обратило на себя самое серьезное внимание при выработке общих основ внешкольной работы. Несомненно, этому способствовали два обстоятельства—самый метод музейной работы, предоставляющий, в отличие от остальных видов внешкольного дела, возможность сравнительно легко и удобно достичь результатов, ставящихся внешкольной работой вообще, и ряд практических, выдвинутых самою жизнью вопросов, выявление коих и популяризация в широких слоях населения также могли быть осуществлены наилучшим способом при помощи музеев.

К началу нашей революции во внешкольно-педагогической литературе были уже достаточно подробно формулированы и установлены общие задачи, характер и содержание музейного дела, как вида просветительной работы. Музей рассматривается здесь, как учреждение, иллюстрирующее, благодаря методу наглядности, населению ряд вопросов, необходимых ему как для общего развития, так и в его повседневной жизни. По характеру своей деятельности музей рассматривается, как центр, объединяющий в себе все местные культурные силы, как лаборатория, в которой вырабатывается и сосредоточивается местная—общественная и личная—инициатива.

Самый метод музейной работы необыкновенно удачно сочетается с этими общими задачами музея. Какую работу, прежде всего, выполняет всякий посетитель или организатор музея? Он должен развить в себе привычку и умение наблюдать окружающие его явления, подмечать их характерные черты и осознавать все наблюденное. Эта привычка к наблюдению незаметно переходит в стремление собирать наблюденные факты, явления и предметы. Но чтобы все наблюденное, осознанное и собранное не оставалось грудой случайного, никому не нужного хлама, необходимо, естественно, развить в себе способность систематизировать и впоследствии классифицировать все собранное. Высшим пределом, конечным пунктом музейной работы является определение научной ценности всего наблюденного, собранного и склассифицированного. Эта часть работы не является, конечно, обязательной в музейном деле (во внешкольной области)—оно просто не под силу, подчас, рядовым работникам. Но ценность этой последней стороны, в свою очередь, в том, что она заставляет завязывать сношения с центральными и

местными научными учреждениями в случаях, неразрешимых для рядового внешкольника.

Таким образом, если суммировать в целом характер всей музейной работы, то мы видим, что, действительно, этот вид просветительной работы наиболее полно и цельно стремится и дает возможность осуществить на деле основные принципы внешкольного дела—будировать население, открывать ему глаза на окружающее, ронять в него новые мысли.

Все эти соображения, касающиеся глубокого образовательного значения музеев, не могли быть не учтены и, действительно, были приняты во внимание при конструировании плана внешкольной работы Наркомпроса. Другим фактором, чисто-практического характера, оказавшимся весьма благоприятным для музейного дела, явилась давно уже установленная связь местных музеев с вопросами изучения местного края. Изучение отдельных местностей России, с целью использования в хозяйственном отношении производительных сил, поставлено было на очередь еще во второй половине XVIII стол. Но реальные результаты в этом деле стали получаться лишь в конце прошлого столетия, когда у нас буквально возникло движение в сторону образования, почти повсеместно, обществ любителей природы, любителей естествознания, изучения местного края и т. д. Большинство этих обществ организовало местные музеи, охватывавшие всю жизнь данной местности в целом: охрану природы и старины, памятники искусства, естественные богатства, промыслы и проч. Деятельность этих обществ, которых до войны насчитывалось около 50-ти, особенно сильно развилась за период войны. Многие из них не только поставили, но и практически осуществили целый ряд весьма важных вопросов, выдвинутых в то время самою жизнью—разведки полезных ископаемых, техническое использование их, в смысле насаждения новых производств, и т. д.

Эта сторона деятельности местных музеев настолько обратила на себя внимание Наркомпроса, что безусловно нужно признать, что вопросы изучения местного края, в связи с организацией местных музеев, как самостоятельная проблема, возникли лишь за самое последнее время. Программа музейного дела и была построена в то время практически, в значительной своей части, именно на этих вопросах Современное состояние музейного дела у нас в России, оставляя, конечно, в стороне работу специально-научных музеев, и следует рассматривать сейчас только с такой точки зрения.

Практически музейная работа в целом развивается сейчас в трех направлениях: в создании собственно музея—его коллекций и экспонатов, тех общественных организаций, ко-

торые питают самый музей, и оборудовании дополнительных организаций к музею, служащих или вспомогательными учреждениями к нему (мастерские, лаборатории и т. д.), или, параллельно с общей работой музея, развивающих ту или другую отрасль музея (обсерватории, станции, питомники и проч.).

Начнем наш обзор современного состояния музейной работы с общественных организаций. Такой порядок будет тем удобнее, что в большинстве случаев эти общества являются ячейкой, из которой развивается впоследствии самый музей.

„Общества любителей природы", „Общества любителей естествознания" „Общества изучения края" и т. д.—под самыми разнообразными наименованиями—стали возникать в России, главным образом, в последние 20—30 лет. Рассмотрение уставов этих обществ и ознакомление с их целями и задачами показывает, что главным стимулом для возникновения их было естественное стремление небольших, к сожалению, групп лиц, интересующихся научными исследованиями и желающих не только принять посильное участие в общей научной работе, но и способствовать, по мере своих сил и умения, распространению знаний среди широких слоев населения.

Работу этих любительских организаций можно рассматривать, как отдушину, в которую прорывалась наша общественность в прежнее время. Едва ли не главнейшим результатом тх являлась возможность местным любителям занять некоиорое прочное официальное положение в научно-исследовательских кругах. Глубокая отчужденность, существующая и поныне, между научными организациями и любительскими кругами заставляла серьезных любителей сплачиваться и создавать свои местные центры для совместной работы. Помимо этих основных задач, любительские организации включали в программу основываемых обществ иногда общие культурно-просветительные задачи, иногда вопросы практического характера. Основная черта всех этих обществ—энциклопедичность, обусловливающая разносторонность и многогранность всякой истинно-общественной работы.

Вполне понятно, что музей, как лучшее средство наглядного выявления работы этих организаций, издавна составлял одну из существенных отраслей их деятельности, и целый ряд музеев в России (Рыбинский, Костромской, Ярославский, Екатеринбургский, Ставропольский, Петрозаводский, Пензенский и др.) обязан своим возникновением и существованием именно этим организациям. В настоящее время работа собственно музея и Общества, из которого последний образовался или которое, в свою очередь, возникло при нем, до того тесно и

неразрывно переплетаются, что, говоря о деятельности этим Обществ, мы собственно описываем работу музея, в которо эта работа воплощается в виде музейных экспонатов.

Ярославское и Рыбинское Естественноисторические Общества ставят своей задачей, главным образом, изучение своей местности в естественноисторическом отношении. Музеи этих Обществ за последние годы сильно пополнились коллекциями местной флоры и фауны, различными диаграммами, таблицами и проч., причем в круг ведения их входят не только вопросы естествознания, но и вопросы социального и гуманитарного характера. В Рыбинске, например, производится сейчас подробная опись старинных усадеб, составляется в высшей степени интересный альбом надписей на местных кладбищенских памятниках, собираются материалы для биографий местных деятелей и т. д. Глубоко интересна программа недавно возникшего в Рыбинске Художественно-исторического музея, обслуживаемого, конечно, теми же лицами, которые работают и в Естественноисторическом Обществе. В этом музее прекрасно разрешена подчас становящаяся в наше время крайне больною коллизия между вопросами, имеющими общий интерес и характерными лишь для данной местности. При организации местных музеев в настоящее время сплошь и рядом наблюдаются проявления неуместного архипатриотизма, не желающего расстаться с найденным в какой-либо усадьбе предметом, глубоко интересным с точки зрения археологии и истории вообще, но не имеющим никакого отношения к данной местности, вовсе не связанным с нею и не характерным для нее. Поэтому так часто приходится видеть в провинциальных музеях, особенно возникающих за последние годы, предметы, глубоко важные для крупных научных музеев, но совершенно излишние в музее местного значения, напр., коллекции китайских и японских предметов, наборы морского вооружения из имения какого-либо старого адмирала, коллекции меню с придворных обедов и т. д. Рыбинский Художественно-исторический музей наполнил свои комнаты преимущественно произведениями местных художников и скульпторов, оставив лишь небольшое количество картин и гравюр для общей части музея, где эти не-местные произведения служат лишь иллюстрациями отдельных школ и направлений в живописи.

Те же, приблизительно, задачи ставят себе Пензенское Естественноисторическое Общество, Вологодское Общество изучения северного края и Костромское Научное Общество изучения местного края. На примере этих Обществ можно познакомиться с одной из наиболее существенных задач, коими заняты сейчас местные музеи—именно, с вопросом об изуче-

нии местных природных богатств. Работа в этой области идет в России в двух направлениях—в смысле охраны памятников природы и в смысле изучения, с целью технического использования, местного минерального, растительного и животного сырья. Движение в области охраны памятников природы, развившееся в Сев. Америке и Германии в конце прошлого столетия, перекинулось к нам в Россию в начале девятисотых годов и сосредоточилось, главным образом, во всероссийском масштабе в Географическом Обществе и в Академии Наук в Петрограде. Кроме того, тогда же организовались некоторые, работающие еще и посейчас, местные организации, как, напр., Хортицкое Общество в Екатеринославской губ., Харьковское и Киевское Общества охраны природы, Кукарское Общество в Нижегородской губ. и т. д. Практически результатом этой работы является объявление той или иной местности в качестве заповедника. Музейным отделом Наркомпроса сейчас ведется громадная работа по охране местностей, объявленных заповедниками—Галичья гора в Орловской губ. (инициатива Общества изучения Орловской г.), ряд заповедников в Пензенской губ., по инициативе местного общества заповедник в бывшем имении князей Вяземских около Петрограда, р. Поповка около Павловска, имение Фальц-Фейна Аскания Нова и т. д.

Изучение местных природных богатств приняло за последние годы громадные размеры. Начавшись во время войны, когда стала ощущаться громадная потребность в техническом сырье, и сосредоточившись, в виде крупного научного центра, в Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии Наук в Петрограде, это движение широко использовало местные музеи и местные научные организации. Любительская работа в провинции в этой области должна, конечно, давать более результатов, чем кабинетная работа центров—изыскания полезных ископаемых во время войны как нельзя лучше это доказали. Сейчас в этой области произведена грандиозная работа, результатов которой еще нельзя в настоящее время целиком учесть, и несомненно, что развитие этой области должно и может итти впоследствии лишь при участии местных Обществ и музеев. Приведем несколько примеров. По официальным данным, чугуноплавильные заводы Олонецкой губ. следовало закрыть еще в 1915 году, за полным почти израсходованием запасов болотной железной руды. Между тем результаты обследования, произведенного военно-общественными организациями совместно с Обществом изучения Олонецкой губ. показали, что в одном-двух крупных озерах имеются запасы этой руды, большие, чем по официальным сведениям значилось для целой губернии.

Та же работа была произведена Костромским Обществом где сейчас налаживается ряд кустарных предприятий по обработке бобовой руды. Вологодское Общество изучения северного края, совместно с научно-техническим отделом ВСНХ и институтом молочного хозяйства в Вологде, деятельно работает, поднимая ряд насущнейших вопросов в области народного хозяйства. Производится детальное обследование местных условий ведения сельского хозяйства, извлечение поваренной соли, использование местных строительных материалов (известняки, глина и т. д.). В местном музее производятся работы по добыче хвойного масла, заменяющего в некоторых случаях минеральные смазочные масла, получению опия из культивированного там же мака и т. д.

Громадный интерес представляет сейчас налаживаемая некоторыми Обществами культура лекарственных и технических растений. В Олонецкой губ., по опытам местного Общества, вполне доказана возможность культуры 18 видов лекарственных растений, которые, даже по официальным ботаническим каталогам, никогда раньше не могли быть отнесены к таким северным областям. Местные музеи в Ставрополе и Полтаве—этой классической у нас в России в отношении культур лекарственных растений местности—подняли сейчас вопрос о пересмотре требований приемки анисового, мятного и проч. масел, издавна вырабатывавшихся в Полтавской губ., но целиком отправлявшихся за границу, благодаря несоответствию условий, предъявляемых „русской“ фармакопеей к „русскому“ же маслу.

Много поработали местные музеи в последнее время по разработке различных видов топлива—горючих сланцев, свиропеля, бурого угля и т. д. В этом направлении предстоит еще огромная работа. Возникает совершенно новая отрасль промышленности—использование в качестве топлива горючих сланцев, неисчислимые количества которых найдены сейчас во многих местах, и извлечение из них целого ряда продуктов, которые ранее добывались из нефти—керосин, бензин, смазочные масла, вазелин, параффин и т. д. На эти вопросы указано было в последнее время некоторыми Обществами, по инициативе коих предприняты во многих местностях обследования.

Не имея возможности, за недостатком места, продолжать примеры из этой области, обратимся к другим вопросам, стоящим сейчас на очереди перед местными музеями. Большое внимание привлекают в настоящее время этнографические, бытовые и исторические (в недавнюю эпоху) условия. На наших глазах меняется быт населения, отходит в прошлое целая эпоха нашего недавнего прошлого. Эти соображения,

конечно, заставляют местных музейных деятелей приложить все силы к тому, чтобы по возможности охранить и не растерять того, что сейчас так легко дается в руки, но что, к сожалению, может быть не менее легко утрачено при полном невежестве населения и непонимании целей и задач этой работы. На ряду, поэтому, с охраною памятников природы идет деятельная работа по охране памятников старины и искусства. Сейчас во многих местных организациях эти вопросы являются новыми. Они возникли некоторое время тому назад на почве вполне естественного вопроса—если не подлежит сомнению важность собирания и сохранения материальных остатков прежней культуры, если важно собрать воедино все черепки, то не менее важно восстановить быт людей, создававших эти черепки. Подобного рода движение, возглавляемое сейчас Московским Биографическим институтом в Москве и Комиссией изучения племенного состава при Академии Наук в Петрограде, сильно разрослось за последнее время. Интересны производимые в этом направлении работы Владимирского Исторического музея, Научно-просветительного О-ва в Переяславле-Залесском, Костромском О-ве и т. д. В высшей степени подробную программу таких работ создал основываемый сейчас музей местной истории и этнографии в Холме, Псковской губ. Некоторая работа в этом направлении ведется в настоящее время также в Череповецкой губ., Бежецком О-ве изучения местного края и т. д. К этой же области относится сейчас массовое издание различных мемуаров, записок и прочих биографических материалов, в изобилии находимых в местных усадьбах. Некоторыми Обществами (Орловское, Воронежское, Саратовское, Череповецкое) ведется в настоящее время систематическое обследование быта современной деревни, с целью учета влияния изменившихся условий жизни вообще или влияния того или иного фактора в отдельности.

Культурно-просветительная работа музеев и Обществ при них, помимо старых форм—лекций, бесед, докладов и проч., при изменившихся условиях, приобретает подчас несколько иной характер. Главная особенность заключается в той, сравнительно с прежними условиями, широте, которая дает возможность вести фактическую работу не в условиях строгой регламентации, столь характерной для прежней внешкольной деятельности. Это обстоятельство дало возможность привлечь к работе более широкие круги и, в свою очередь, выдвинуло новый и весьма важный в современных условиях вопрос—о подготовке будущих работников в области научной работы вообще и музейной в частности. Вся работа или, по крайней мере, значительная ее часть, напр., Переяславль-Залесского

или Рыбинского О-ва сводится, в конце концов, к вовлечению местной учащейся молодежи к научной, научно-исследовательской и просветительной работе. Сбор материалов для музея, его обработка с целью приведения сырья в музейный вид, об яснения выставленных коллецкий, популярные лекции и доклады, руководительство экскурсиями—все это дело рук местной молодежи. Но при этом молодежь сама учится—для нее в первую очередь составляются ядром данного Общества различные руководства и инструкции, для нее читаются специальные доклады, и в результате такого учения, путем самообучения, все эти организации дали уже не один десяток хорошо подготовленных и, что еще важнее, надлежащим образом направленных работников. Многие музеи нарочно стараются окружить себя рядом юношеских организаций, преследующих те или другие цели. Старые организации, из которых далеко не все пользовались хорошей репутацией по условиям своей работы в прежние времена—все эти „майские союзы", „клубы юных натуралистов" и проч. возрождаются сейчас под тем или иным флагом, и практика показывает, что в современных условиях, при возможности влить в них новое содержание, все они выдерживают любую критику и вполне удовлетворяют своему прямому назначению. Интересно отметить здесь все более и более расширяющиеся сейчас организации, впервые возникшие у нас, по примеру Сев. Америки, в 1913—1914 гг., под названием сельскохозяйственных клубов учащейся молодежи. В Америке эти организации ставят себе вполне определенную, практическую цель—чрез посредство молодого, подрастающего поколения распространить усовершенствованные методы сельского хозяйства, снабдить ту или иную местность культурными растениями, племенными животными и т. д. Члены каждого клуба (по пчеловодству, мелкому животноводству, плодоводству и т. д.) получают в начале сезона образцы семян, племенные яйца, животных и т. д., обязываются в течение сезона культивировать и вырастить полученный материал и в конце лета поместить результаты своей работы на специальной выставке, устраиваемой на конгрессе данной местности. Вся работа там ведется под руководством специальных инспекторов. В настоящее время во многих местностях устраиваются подобные организации—под видом филиалов местных музеев или отделений самостоятельного Общества, работающего при местном музее. Еще более ярко выявляется типично-внешкольный, просветительный характер местных музеев, основываемых сейчас в местностях, заселенных инородцами (Вятская губ., Пермская, О-во изучения Среднего Поволжья в Симбирске, Казанское О-во изучения края и т. д.), или

в таких местностях, где культурная работа во всех ее видах буквально сливается с работой общегосударственной, как это мы, напр., видим на линии Мурманской жел. дор., где население составляет от $1^1/_2$ до 6 душ на квадр. версту.

В первом из этих случаев, как это мы видим на работе среди зырян, башкиров и т. д., музей является единственным доступным средством, которым можно сразу же, что называется, „ушибить" совершенно невежественное население, абсолютно не привыкшее к слушанию лекций, пользованию библиотеками и т. д. Во втором же случае, как показывает практика некоторых поселков Мурманской жел. дор., музейная работа, совместно с деятельностью организуемых здесь же Обществ, служит великолепным методом колонизации края, с которой приходится начинать вообще всякую работу в той местности.

Из всех вопросов, перечисленных здесь, думается, достаточно выявляется и содержание собственно музея, тесным образом связанного в своей работе с местными научными и культурно-просветительными организациями. Остается указать еще собственно, на педагогическую работу местных музеев, но эта сторона деятельности их составляет, в большинстве случаев, часть вспомогательных и дополнительных организаций музея, к которым мы сейчас и переходим.

Вспомогательные и дополнительные организации при музеях можно разбить на три категории. Прежде всего, сюда относятся учреждения, по характеру своему не сливающиеся собственно с музеем и служащие для пополнения, обработки музейных предметов—различные мастерские, кабинеты и проч. К этой категории учреждений относится большинство собственно педагогических организаций музея—по изготовлению наглядных пособий, склады учебных принадлежностей, отделения выдачи и проч. Далее, к этим организациям нужно отнести учреждения исследовательского характера, окутывающие музей-лабораторию и специализирующиеся на одной из отраслей музейной работы—обсерватории, станции, питомники, сады и проч. На последнем месте стоят здесь учреждения практического и справочного характера, совмещающие в себе ряд вопросов теоретических и прикладных.

Работа учреждений первого типа за последние годы идет вообще довольно слабо. Общие условия труда и производства несомненно крайне болезненно отразились на изготовлении наглядных пособий, ремонте препаратов и т. д. Довольно большое количество этих мастерских, существовавшее в России до войны и начавшее развиваться в 1915—1916 гг., главным образом, на кооперативных началах при многих музеях (Курск, Харьков, Екатеринбург, Вятка, Вологда, Нижний-

Новгород и т. д.), теперь в большинстве случаев или вовсе закрылось, или влачит самое жалкое существование. Помочь этому делу может сейчас только общественная инициатива, сорганизованная на почве мелких кооперативных, кустарного типа, объединений, обслуживающих свой местный район. Мечтать о работе во всероссийском масштабе на ближайшее время, конечно, не приходится. Вполне понятно, поэтому, что там, где эти учреждения сохранились, функции их в настоящий момент сводятся исключительно к работе музеев типа передвижных—к выдаче пособий школам, обмену коллекциями, сырьем и т. д.

Учреждения второго типа находятся сейчас в более благоприятных условиях. Обсерватории, метеорологические станции, исследовательские лаборатории—все это в большинстве случаев не только работает, но и, как показывают два состоявшихся осенью прошлого года в Петербурге и в Москве съезда Обществ краеведения, продолжают развиваться. Во многих случаях работа их идет совместно с различными техническими и научными органами, при местных правительственных учреждениях.

Справочные организации стали образовываться лишь за самое последнее время. Работа музея, собственно, является справочной работой по существу, но расширившаяся в последние годы внешкольная работа побудила некоторые музеи и Общества выделить эту часть работы в самостоятельные отделы. Как на пример, можно указать на весьма интересно и разносторонне составленные программы справочных организаций музейного характера в Харькове, Костроме и других местах.

В заключение нашего очерка необходимо еще отметить издательскую работу современных музеев и Обществ. Несмотря на все, особливо в этой части, неблагоприятные условия, эта сторона работы музеев развивается сейчас довольно энергично. Весьма многие организации издают периодически свои труды, бюллетени, записки, монографии, руководства, инструкции и т. д. В высшей степени интересны методы, к которым прибегают некоторые Общества, повидимому, сами не имеющие возможности издавать своих трудов самостоятельно—они печатают их в виде приложений к известиям местных советов или помещают свои работы в официальных органах местных технических, продовольственных учреждений и т. д. Как отдельный, крайне важный вид работы в издательском деле, необходимо отметить составление некоторыми музеями (Вологда, Кострома, Петрозаводск и друг.) подробных библиографических указателей литературы о данной области.

Такова, в самых общих чертах, современная картина музейной работы. В каком направлении и какими средствами деятельность в этой области пойдет дальше? Несомненно, что музей, со всеми окутывающими его организациями, выросший на почве общественности и собиравший в себе, как в фокусе, все местные активные, общественно настроенные силы, и впредь будет служить тем центром, той лабораторией, которая будет объединять все вопросы духовной и материальной культуры. Ведь в провинции музей является, сплошь и рядом, единственным ученым и учебным (в общественном смысле) учреждением на целую округу. А такие учреждения могут развиваться лишь на почве старых, традиционных заветов нашей общественности, на коих покоится все здание внешкольной, культурной работы.

Н. Сум.

Популяризация искусства.

Когда мы говорим об искусстве, мы невольно представляем себя в обстановке большого города с его музеями, памятниками, театрами.

Там, в городе, оно родилось и там обитает. И потому всякий чуткий к красоте человек тянется из захолустного уголка своего в большой город. А чуткость к красоте, к украшению жизни не оставляет человека и в деревне. Она свойственна всякому, даже и скромному труженику.

Посмотрите вы на обычную крестьянскую избу снаружи и внутри—вы на многом найдете отпечаток стремления хозяина к красоте.

Он не только утилитарист, он в значительной мере эстет.

Свои три небольшие окошечка он непременно обрамляет резным наличником; ставни у окон он раскрашивает, а иногда и расписывает на них узоры. Не редкость и вырезной карниз на простой избе.

Не забывают многие крестьяне украсить и свои ворота: на них наколачиваются также вырезные узоры или хоть скромно украшаются они жестяными блестками.

Во дворе вы можете встретить расписную дугу, а задняя стенка кошевки имеет или точеные балясинки, или узорное плетение.

Входите вы в избу и прежде всего натыкаетесь на вышитое полотенце, обрамленное нередко очень сложными кружевами. Вы знаете, сколько долгих вечеров, а может-быть, и бессонных ночей было потрачено девушками на эти вышивки и кружева.

На стенах вы увидите обои, которые тщательно выбирались домовитым хозяином из массы предложенных.

В красном углу недалеко от икон вы найдете лубочные картины, иногда даже какие-нибудь ярко-красочные торговые плакаты.

Стол будет покрыт клеенкой с цветами.

На чайной посуде, на платье обитателей дома вы найдете узор.

Пусть эта резьба, эти вышивки и украшения будут не в вашем вкусе, пусть они покажутся вам грубыми или наивными. О вкусах не спорят.

Все же и рядовой крестьянин без искусства в той или иной форме не живет.

Он и в другой области искусства проявляет свои наклонности: и во время труда и в минуты отдыха он напевает свои излюбленные мотивы, он услаждает свой слух и музыкальными инструментами—в деревне нередко слышится гармоника и балалайка; у черемис в большом ходу гусли, волынка и скрипка; у татар—скрипка и итальянская гармоника; на Украйне—кобза, бандура, лира.

Не чужд деревне и танец.

Таким образом все виды искусства находят отражение и в деревенской жизни. Но тут своя культура и свое искусство. Если горожанам покажутся неблагозвучными звуки гармоники или слишком примитивными узоры и украшения, так в свою очередь и крестьянин так же отрицательно отнесется к нашей выставке картин и не оценит самого прекрасного симфонического концерта.

Очевидно, горожане и жители деревни в чем-то существенно расходятся.

Казалось бы, всякий художник—будь то музыкант, литератор, живописец—должен создавать понятные всему народу ценности. Однако этого не всегда он достигает. А когда достигает—мы называем его национальным, народным художником.

В идеалах и грезах народа он черпает силу для своего творчества. Данным ему от природы прозрением он угадывает народную мечту и воплощает ее в понятные для народа формы.

С одной стороны он берет от народа, идет от него, а с другой—ведет народ за собой, поднимает его на новые светлые радости, радости искусства.

Таким образом одновременно существует как бы два искусства, самоценные, единые по своему значению, но различно воспринимаемые.

Одно я назвал бы народным искусством, а другое—искусством культурной среды.

Эта культурная среда, десятилетиями и веками выработавшая свой эстетический кодекс, всегда отдаляла свое искусство от первоисточника—от народа.

Но наступали периоды возврата, возрождения, когда художники и художественная критика снова обращались за обновлением к народному, подчас примитивному творчеству. У него искали оздоровления и освежения художественных форм.

Так, в наше время усиленно изучается забытая древнерусская архитектура, музыка; зарисовываются узоры на ста-

ринных тканях, материях, вышивках; собирается древняя иконопись и лубок.

От народа берут, но народу не многое дают. Мало заботятся о приобщении его к красотам того искусства, которое создается усилиями культурной среды.

Под именем народа я разумею здесь не один какой-либо класс, а всю ту массу людей, которая волею судеб оказалась оторванной от крупных жизненных центров.

Будет ли это человек физического или интеллектуального труда—он одинаково будет нуждаться в духовном обновлении и окажется одинаково неподготовленным к восприятию искусства культурной среды.

Надо постепенно, на простых образцах подводить народ к пониманию этого искусства, культивировать его вкус. Современные достижения искусства могут быть вначале непонятны ему, а потому, возможно, придется подойти с материалом прошлого, чтобы затем подвести к настоящему.

Приобщение к искусству может быть пассивным и активным.

В первом случае мы можем ограничиться лишь беседами, чтениями, показыванием. Слушатель только слушает и смотрит. Конечно, зрение и слух дают ему много материала для размышлений и чувства. И здесь у него может сложиться определенный взгляд на искусство, определенные требования к нему; и в этом случае он будет постепенно расширять сферу своего понимания и изощрять тонкость своего чувства.

Но гораздо большего результата достигает человек в понимании искусства, когда будет активен, когда приобщится к технике—возьмет в руки материал и станет работать. Тогда перед ним откроется многое, чего он не найдет в книгах, не услышит ни в каких вдохновенных речах.

Значит, наиболее ценным способом популяризации искусства, приближения его к народным массам, будет организация студий, мастерских, школ и классов.

Как их организовать, мы здесь говорить не будем, так как это вопрос особый и по силам лишь специалистам. А потому всякому внешкольному работнику мы советуем привлекать к сотрудничеству местных музыкантов, живописцев, скульпторов. Пусть они в пределах возможности для данного места соберут кружок любителей искусства и заложат ядро школы искусства. Все равно, будет ли это налаживаться при школе, при народном доме, при библиотеке или отдельно.

Вы увидите, что придут люди разного возраста и пола и разного общественного положения.

Нужен только живой дух руководителя. Рутина, шаблон, педантизм могут расхолодить начинающих.

Надо начинать с того, что умеют и что знают пришедшие заниматься. От испытанных патентованных методов, может-быть, придется отказаться.

За последние годы в разных местах много народилось таких очагов искусства, но далеко не многие упрочились и только потому, что руководители не нашли живой связи с народом, понятного для него языка художественных форм. Кроме того, иссякли материальные средства, необходимые для практической работы.

Но все же кое-что на местах осталось и останется. Кое-в-ком проснутся дремлющие силы, и новые чистые радости творчества снизойдут в далекие, забытые уголки.

Нельзя отрицать и большого значения пассивного метода популяризации искусства.

Не всякий сможет взять в руки материал и работать. Большинство людей смотрит на произведения искусства, слушает музыку, посещает театры, беря от них только то, что дают зрение и слух. Получая часто отрывочные, разрозненные впечатления, они естественно желают ознакомиться с теорией искусства, с историческим развитием его форм, с характеристикой творчества эпох и отдельных художников; их интересуют задачи, которые ставят себе художники.

После соответствующих чтений и бесед они признаются в том, что их чувства как бы раскрываются; они шире обнимают произведения искусства, полнее воспринимают.

И это глубокая правда.

Посмотрите, как охотно собирается толпа слушателей где-нибудь в музее при объяснении картин. Несколько фраз руководителя заставляют публику внимательнее всматриваться, сравнивать, подмечать характеристики, гармонию красок и т. п. Мало того—они обратят внимание слушателя на картины живой природы, на ее красоты, на что в обыденной жизни часто нам смотреть некогда.

Если в таких больших городах, как Петроград и Москва, охотно посещаются публикой популярные лекции по искусству, проводится масса всевозможных экскурсий к произведениям искусства, то какова же нужда в этом в глубине С. С. С. Р. и на далеких окраинах ее?

Конечно, она велика и почти не находит удовлетворения.

Чрезвычайная редкость—публичная лекция об искусстве где-нибудь в уездном городке.

Наши музыканты, живописцы, скульпторы и актеры, к сожалению, часто не могут или не любят публично выступать, считают себя неспособными дать популярное обозрение своего искусства. Слова „лектор", „лекция"—их пугают. Как сейчас помню одного оперного артиста Мариинского театра, который

в своей вступительной лекции на курсах говорил: „говорить-то я не мастер, а вот спеть—это я с удовольствием“.

Но он горячо любил свое искусство, жил им, загорался, когда говорил об искусстве, и это сближало его с аудиторией, заражало и увлекало слушателей.

Я бы сказал: не надо лекций—нужны беседы об искусстве, нужен простой, бесхитростный разговор о нем на языке, доступном данной аудитории; нужны живые примеры и образцы из окружающей жизни, которые свяжут элементы искусства в нечто большое, единое, целое.

Итак, надо раскачивать художников на беседы об искусстве. Они это могут. Ведь всегда легко говорить о том, что любишь, чему отдаешь всю энергию.

Это вторая задача внешкольного работника в деле популяризации искусств.

Надо сказать, что для роли руководителя бесед об искусстве необходимы не только художники. С большим успехом эту работу могут выполнять любители искусств, литераторы, историки.

Поскольку памятники искусства являются плодами определенной культуры, постольку литература и история имеют законное основание на них ссылаться и их объяснять.

Дело внешкольного работника будет разузнать, кто из литераторов и историков ближе касается вопросов искусства, вопросов творчества, и с ним уже налаживать работу среди народа.

Как же возможно планировать эту работу?

Мне представляется, что первой темой для беседы об искусстве может быть „искусство и труд человека“. Она даст возможность связать общие вопросы искусства с окружающей жизнью, натолкнет аудиторию на наблюдения.

За нею может последовать беседа о красоте природы и ее отражении в искусстве (в живописи, в музыке, в литературе).

К разряду общих же вводных бесед можно отнести беседу о творце-художнике, о его художественном росте, о творческом процессе.

Это последнее способно особенно занять аудиторию. Многие не знают, как созидаются художественные произведения.

Нельзя обойти общего элементарного вопроса о существовании различных видов искусства. А то и в этом вопросе возможна некоторая неясность. Помню, в одну из художественных школ был прислан земством крестьянский юноша, сделавший в деревне деревянные часы. Если бы земцы хоть немного разбирались в вопросах искусства—они направили бы юношу не в художественную, а в техническую школу.

Далее, полезно остановиться на том, что пределы художественного творчества так велики, а творческие искания настолько субъективны, что художники специализируются на какой-либо одной области своего искусства.

Отметив в одной из бесед отражение жизни в искусстве, руководитель может указать, ссылаясь на примеры, на своеобразное понимание отдельными художниками этой жизни, различное ее преломление в художественных произведениях (лирические, драматические и комические мотивы, бытоописательские или идейные и символические).

К числу общих же бесед надо отнести разговор о технике в искусстве. Пусть специалист покажет публике материалы и инструменты, при помощи которых творят художники.

Такие беседы, конечно, удобнее проводить в мастерских, где демонстративный материал под руками.

Для примера возьму живопись. Полезно сказать и показать публике, что существует карандашный рисунок, рисунок пером, тушью, углем, пастель, акварель, темпера, масло и др. виды; что в отпечатках мы встречаем фотографию, офорт, классическую гравюру, ксилографию, литографию и др. виды.

Многим это откроет глаза. Но, повторяю, необходимо эти беседы сопровождать показыванием материалов и произведений.

В некоторых библиотеках найдется достаточно соответствующих изданий.

С большою пользой и интересом для слушателей может быть проведена беседа о жилище человека и его эволюции.

Всюду на окружающих постройках можно будет объяснить основы и детали архитектуры. Что это необходимо, видно из того, что даже жители больших городов не знакомы с терминами „капитель“, „фриз“, „фронтон“, „база“, „цоколь“ и т. д. А ведь они не редки в нашем обиходе и часто встречаются в литературе.

От архитектуры окружающего можно будет перейти к историческим постройкам, рассматривая соответствующие снимки. Этот материал в библиотеках тоже можно найти.

Если есть под руками соответствующие специалисты, организуйте не одну, а ряд бесед о народной песне. Ведь она забывается. Чудесную задушевную музыку—результат коллективного творчества народа—почти вытеснила хлесткая, шаблонная частушка. С точки зрения отражения современности, может-быть, и она заслуживает внимания и изучения, но это другое. Полезно организовать, сопроводив небольшими объяснениями, ряд вечеров, посвященных песне различных народов.

И опять-таки это материал для беседы не только для художника-музыканта, но и для литератора и для историка.

Ведь в песне поет душа народа, отражаются его идеалы, его думы, его скорби или радости.

Для того, чтобы заинтересовать народ, надо будить в нем его уснувшую красоту, надо начинать с песен старины данной местности.

Совсем недавно наблюдал я такую сцену: на скамейке одного из московских бульваров сидят два скрипача и что-то играют. Вокруг них собралась толпа. Тут и возвращающиеся домой рабочие, и несколько женщин и подростков. После исполнения одного номера один из рабочих, обращаясь к скрипачу, говорит: „А ты, брат, сыграй что-нибудь такое, что мы все знаем". Очевидно, предыдущая вещь была им непонятна. Когда я уходил, скрипачи начали играть какую-то польку. Для меня было ясно, во-первых, что даже усталый и занятой человек не бывает равнодушен к музыке, и во-вторых,—ему приятнее слушать знакомое, такое, что будит в нем пережитые радости.

В крупных центрах есть возможность знакомить аудиторию не только с песней различных народов, но и с типичными музыкальными инструментами этих народов. В глуши это уже труднее.

Все искусства так тесно соприкасаются между собою, что возможны и такие вечера, в которых музыка, живопись и литература выступают как родные сестры.

Устройте, например, вечер сказки, или вечер былины, или вечер легенды. Тут у вас будет все—и декоративная часть, и костюмы, и плакаты, и чтение, и живая речь, и декламация, и пение, и музыка, и картины.

Скажем, во вступительном слове вы будете говорить о природе сказки и ее образах, на экране вы можете показать эти образы; далее может следовать художественный рассказ и т. д.

Теперь поставим вопрос,—что могут делать для популяризации искусств библиотеки?

Обычно в недрах этих библиотек имелись альбомы картин. Часто они настолько объемисты и так дороги по цене, что выдавать их абонентам боялись. Боялись еще и потому, что за сохранностью отдельных увражей, из которых они состоят, очень трудно было следить. Так они и лежали в библиотеках под спудом десятки лет.

Библиотека Академии Художеств в Петрограде, владеющая большими сокровищами этого рода—не только репродукциями, но и оригиналами, стараниями Ф. Г. Беренштам, показала пример, как можно использовать это богатство. Она стала периодически устраивать выставки этих коллекций.

Эта идея заслуживает подражания.

Стоит каждой библиотеке завести ассортимент рамок, в которые можно было бы вставлять картины, и дело будет налажено.

Выставляемые картины могут быть разгруппированы соответственно тому, какие будут даваться объяснения. А объяснения эти для народа, конечно, необходимы.

В одной серии вы можете выставить, скажем, картины бытового содержания, разгруппировав их, в свою очередь, на картины из жизни детей, взрослых, быт города и быт деревни, быт русского народа и быт иностранный.

Вторую серию могут составить картины исторического содержания. И здесь опять их можно подразделить или по народностям, или по эпохам, в зависимости от предполагаемых объяснений.

Не искушенного в искусстве человека несколько труднее заинтересовать картиной природы, а потому он естественно сначала будет реагировать на пейзажи с сильными контрастами. Эффекты света или богатство красок вначале привлекут его внимание. Едва уловимые настроения импрессионистов станут доступны впоследствии.

Замечательно, что даже интеллигентная масса не умеет иногда отличать не только тонкие нюансы цвета, но и довольно определенные и резкие сочетания. Например, далеко не все видят темную синеву неосвещенного солнцем снега на фоне закатного неба. А как мало внимания уделяют люди дивному осеннему убору деревьев!

Вот после осмотра и беседы на выставке пейзажей кое-кого откроются глаза на красоты природы, он будет натолкнут на чистые, бескорыстные радости.

Особо можно подобрать коллекцию пейзажей, изображающих водные пространства.

Портрет в живописи может дать повод для беседы о передаче характера изображаемого лица. Неспециалисту нетрудно будет объяснить отличие фотографического портрета от изображения художника.

Подход к портрету в различные эпохи тоже заслуживает внимания соответствующей аудитории.

Я не буду перечислять всех возможных группировок картин для выставок при библиотеках. Их возможно много, и это дело организатора и ведущего беседы.

Чрезвычайно ценно использовать такие выставки, а также концерты, вечера, спектакли и беседы для организации юбилеев крупнейших мастеров искусства.

Юбилей Островского может быть отмечен не только его пьесой, но и портретом в театре, выставкой иллюстраций к его произведениям и речью о нем.

Надо следить за этими юбилеями и через них популяризировать имена творцов и их творения. По этой части мы очень небрежны. Так, в 1916 году смерть такого большого мастера исторической живописи, как Суриков, совсем мало отмечалась.

Необходимо отмечать этапные моменты не только после смерти, но и при жизни художников.

По вопросу о том, как надо объяснять картины, я скажу, что тут не может быть дан какой-либо шаблон. Разной аудитории и объяснять надо по-разному. Поэтому чрезвычайно важно знать всякому объяснителю, и живописцу, и музыканту, и историку, какая перед ним аудитория, какую сторону данного художественного произведения она может понять и какая ей не будет доступна. Наконец, чрезвычайно важно найти язык, понятный слушателям.

Собственно, придется говорить не столько о картине, сколько по поводу картины, о ее творце, о том, что послужило поводом к написанию картины и как здесь вылилась душа художника. Картины исторического содержания, конечно, потребуют объяснений по содержанию.

Вообще же объяснения отнюдь не должны быть догматичными. Не надо ничего навязывать зрителям. Надо приучать их самих разбираться во впечатлениях.

Посещение музеев, галлерей и выставок никак не следует проводить с очень большим количеством слушателей. 20 человек совершенно достаточно. Если музей велик, то ограничиться на один раз осмотром только части его. Беглое обозрение двух тысяч картин за 2—3 часа обыкновенно только утомляет и мало оставляет в голове. Объяснитель заранее должен знать, куда он ведет и что он будет объяснять. На экспромпт надеяться не следует.

Работая где-нибудь в глуши, все же надо в особой беседе дать слушателям представление о музеях, галлереях и театрах, существующих в ближайших городах и столицах. Необходимо не только назвать и указать их местонахождение, но и характеризовать. За это слушатели будут только благодарны.

Другая задача библиотек—это пополнение их инвентаря литературой по искусству. Всюду могут найтись любители искусств, а материала для чтения по этим вопросам в библиотеках, особенно уездных, они найдут мало.

Надо приобретать и пускать в общее пользование не только серьезные труды по истории музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и театра, но и популярные книжки и отдельные монографии.

Издания последнего типа могут вызвать спрос со стороны учащихся школы 2-й ступени.

Дело внешкольного работника — организация местного музея. Если будет организовываться общий музей местного края, то в нем непременно должен быть отдел художественный.

В художественном отделе музея должны найти место прежде всего произведения выдающихся художников местного края (рисунки, картины, скульптуры, чертежи, проекты, ноты, рукописи); портреты этих лиц; литература о них и рукописный биографический материал; фотографии с художественных произведений этих мастеров, не находящихся в музее; работы современных художников края и особо работы, приобретенные музеем или пожертвованные ему; произведения художественной промышленности как местного края, так и других мест (тканье, вышивки, кружева, резьба, чеканка, гончарное дело и т. п.).

Особый отдел в музее могут составить записи и зарисовки, произведенные при этнографическом обследовании края (песни, былины, сказки, поговорки, прибаутки, пословицы, заговоры, причеты; зарисовки наличников, карнизов, дуг, полотенец, костюмов и т. п.).

Ядро музея чаще всего закладывается местной выставкой.

Особое художественное жюри берет во временное пользование художественные произведения из частных домов, из учреждений, у специалистов-художников, у любителей искусств и устраивает выставку картин и художественно-промышленных изделий.

Не беда, если здесь будут копии и заурядные работы местных любителей.

Для местечка это уже будет событие и это толчок к организации местного музея.

Побольше любви к делу, веры в свою идею и энергии,—и хорошее дело будет сделано.

Мне остается сказать о систематических лекциях по истории искусств.

Из сказанного выше явствует, что они, конечно, очень ценны, но их гораздо труднее организовать. Во-первых, не легко найти лектора на систематический курс, а во-вторых, их будет посещать лишь до известной степени подготовленная и потому, возможно, немногочисленная публика. Кроме того, чтение систематического курса потребует значительного времени, что в условиях внешкольной работы сопряжено с большими затруднениями.

Поэтому лучше всего организовывать чтения по циклам — отдельно по истории музыки, по истории живописи или по истории архитектуры.

На такие циклы легче и лекторов найти и собрать публику.

Наконец, внешкольному работнику можно рекомендовать организацию поездок в культурные центры, в целях ознакомления народных масс с памятниками и произведениями искусства.

Мне думается, что немногочисленные группы наиболее заинтересовавшихся вопросами искусства могли бы рассчитывать на материальную помощь соответствующих государственных учреждений.

Так мне рисуется работа внешкольника в области популяризации искусств.

Это, конечно, максимальная программа. В условиях текущего момента многое может быть неосуществимо, но из многого всегда можно выбрать то, что нам по силам.

Обстановку глухой провинции я достаточно хорошо знаю, так как в ней работал и знаю пределы ее возможностей.

Я хотел бы только рассеять сомнения начинающего работника, заставить его поверить в свои силы и смело приняться за интересное и в высокой степени необходимое дело.

К. Лепилов.

Основные вопросы образовательной работы среди взрослого населения в России.

„Тот плохо вознаграждает учителя, кто навсегда остается только учеником".

Фр. Ницше.

„Кто скажет: „Я достиг",—тот труп окаменелый,
„Кто вымолвит: „довольно!" — тот умрет...".

А. Крайский.

I.

Среди других вопросов народного образования, вопрос об обучении взрослых является сравнительно новым и далеко не достаточно разработанным. В течение тех 65 лет, что прошли с возникновения в России первых общеобразовательных школ для взрослого населения, вопрос этот,—в тесной связи с развитием общественного движения и судьбой народного образования в целом,—то выдвигался, как одно из основных и неотложных общественных заданий, то вновь отодвигался на задний план.

Понятно, что самая постановка вопроса о необходимости элементарного обучения и дальнейшего образования взрослых обозначала какой-то крупный сдвиг в социальной структуре страны и в общественном ее сознании. В разделенном на обособленные сословные группы обществе судьба человека определялась почти с самого его рождения принадлежностью к тому или иному сословию или классу, а воспитание должно было лишь закрепить его в этом „состоянии", дав ему те или иные навыки, умения и знания, соответственно с его положением и профессией. Так, несмотря на провозглашенный уставом 1804 г. принцип бессословной общеобразовательной школы, на практике принцип этот с первых же шагов нарушался. В смысле же теоретической оценки принцип этот подвергся резкой критике со стороны многих современников, отстаивавших в печати сословно-профессиональный характер школы.

Россия, „будучи державой монархической,—говорит Пнин,—по сей причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поелику оное служит для нее подпорой". Просвещение же „состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании он ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности. Но как сии должности не могут быть одинаковы", то „каждый общественный класс должен иметь просвещение соответственно состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду жизни, который он ведет" [1]).

С детства замыкая каждого подданного в соответствующие его состоянию рамки жизненного обихода, власть тем более не могла допустить возможности для взрослого, в особенности для взрослого из народа, произвольно менять свое состояние путем приобретения знаний, этому состоянию не свойственных. „При возрастающем повсюду стремлении к образованию,—предостерегает министр народного просвещения граф Уваров в 1840 г.,—наступает время пещись о том, чтобы чрезмерным этим стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний". „В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только возможно, число умственных плотин".

Правда, перелистывая страницы истории народного образования в России, мы не раз встретим упоминания о великовозрастных учащихся духовных училищ или профессиональных школ (напр., навигацких и подобных им школ, основанных еще при Петре I); но в том-то и заключался коренной дефект этих школ, что всякий учащийся в них приравнивался тем самым к несмышленышу-подростку и притом подростку „злонравному", обязанному слепо и беспрекословно повиноваться своим наставникам решительно во всем, какие бы потребности, стремления и желания в нем ни говорили, какие бы природные склонности и дарования ни просились наружу. Состояние, к которому учащийся принадлежал по рождению, традиционные указания его родителей или опекунов, а затем наставников—определяли судьбу юноши, даже и не крепостного звания, причем применявшиеся к нему воспитательные приемы по существу не менялись,—было ли ему 10, 15 или 20 лет.

Таково было в старой Руси положение немногих взрослых, обучавшихся наравне с детьми в начальных и специаль-

[1]) Пнин. „Опыт о просвещении относительно России". 1802 г. Цит. по кн.: С. Князьков и Н. Сербов, „Очерк истории народного образования в России".

ных школах того времени,—положение, которое могло скорее отвращать, чем привлекать к учению наиболее развитых и одаренных из них.

И нужно было, чтобы окончательно расшатались устои основанного на крепостничестве старого социального строя для того, чтобы передовые общественные элементы, уже выдвигавшие в конце 40-х годов вопрос о распространении в народе грамотности [1]), заговорили и о приобщении к знанию широких масс взрослого населения России.

Окончательный крах Николаевской правительственной системы, резко выявившийся в исходе Севастопольской кампании, и нараставший в связи с этим общественный подъем сделали неотложным ряд существенных реформ, и в первую очередь—раскрепощение крестьянства. В ожидании этих реформ с непривычной смелостью забродила общественная мысль, отыскивая новые пути к скорейшему обновлению русской жизни, выдвигая вопрос о воспитании и образовании человека и гражданина [2]). И неизбежно вставал вопрос о просвещении всего „рабочего народа“ и, в особенности, многомиллионного крестьянства, получавшего с раскрепощением кое-какие гражданские права, и некогда было ждать этого просвещения через начальную детскую школу; необходимо было немедля приступить к обучению тех, кто должен был приобщиться, как ответственный за себя гражданин, к общегосударственной жизни, строящейся на новых началах.

* * *

Вот при какой обстановке и с какими заданиями возникли в России первые общеобразовательные школы для взрослых—так называемые воскресные школы, обязанные своим происхождением частной и общественной инициативе и первое время развивавшиеся без каких бы то ни было общих норм как в вопросах организации, так и в вопросах преподавания. Общими, установившимися в практике воскресных школ принципами являлись в этот первый период: а) свободный доступ в школы всем желающим учиться в них (без ограничений в смысле возраста, пола, национальности и уровня подготовки), без обязательства посещать все занятия и выполнить какую-либо определенную программу, б) бесплатность обучения, в) свободное допущение к преподава-

[1]) См., напр., изданный Моск. О-вом Сельск. Хозяйства в 1848 г. сборник: „О всенародном распространении грамотности в России“ и др. материалы Моск. Комитета Грамотности и Спб. Вольно-Экономического О-ва.

[2]) См. ст. Пирогова: „Вопросы жизни“, появившуюся в „Морск. Сборнике“ 1856 г.

нию всех желающих безвозмездно отдать свой труд этому делу, г) коллегиальность в управлении школами (несмотря на существование официально утверждаемого заведующего и назначаемого начальством наблюдателя), д) широкая гласность в ведении дела, выражавшаяся как в опубликовании отчетов воскресных школ, так и в допущении всех интересующихся к ознакомлению с постановкой дела в них. Особенно характерной чертой воскресных школ, резко отличающей их от учобы старого времени, является принципиальное отрицание всяких мер принуждения, вдумчивое и внимательное отношение к запросам и интересам учащихся и связанная с этим гибкость программ и организации.

Не имея общеустановленной программы, воскресные школы строились первое время по одному типу—элементарных школ для взрослых, т.-е. школ, призванных заменить начальную детскую школу для тех, кто по возрасту или по условиям жизни был лишен возможности пользоваться ею. Для школ повышенного типа еще не было у нас достаточных кадров учащихся; и небольшие группы более подготовленных взрослых или прошедших начальную школу подростков просто выделялись для занятий по некоторым предметам или же слушали дополнительные курсы и научно-популярные беседы и чтения, организуемые в той же школе для всех желающих.

Так в первых же школах для взрослых—школах, возникших без заранее выработанного плана—уже выявились с достаточной четкостью некоторые принципы, наметились многие основные вопросы в деле обучения взрослых.

Но этот первый период свободного возникновения и развития воскресных школ был очень непродолжителен—с осени 1859 [1]) по июнь 1862 года. Привлекшие симпатии всех передовых элементов русского общества и встреченные снисходительным, а вначале даже благожелательным отношением властей, воскресные школы, именно благодаря установившимся в них новым принципам организации, стали вскоре вызывать опасения и подозрительность реакционных слоев общества и представителей власти, не постеснявшейся одним росчерком пера уничтожить более 300 уже работавших школ.

И лишь в самом конце 60-х и в начале 70-х годов открываются [2]) новые воскресные школы и узакониваются временно притаившиеся частные воскресные школы в Харькове и в

[1]) Первые воскресные школы—школа М. С. Шпилевской для бедных девочек, открытая в апреле 1859 г. в Спб., и школа студенческого кружка под руководством проф. Павлова для всех желающих в Киеве, открытая 11 октября того же года.

[2]) На основании закона 1864 г.

Петербурге; но школы эти еще долго остаются единичными явлениями и представляют интерес, главным образом, как своего рода „опытные станции“, где разрабатываются и проверяются на практике положенные в их основу принципы первого периода[1]).

Новым в 70-х гг. является открытие целого ряда воскресных школ и вечерних классов земствами, по преимуществу уездными, и городскими самоуправлениями. Неподготовленность темного, неграмотного крестьянина, рабочего, ремесленника к выполнению возложенных на него новым законодательством гражданских обязанностей (гласного земства, члена волостного суда, присяжного заседателя и т. п.) слишком давала себя чувствовать и побуждала органы земского и городского самоуправления позаботиться о развитии народного образования как в виде нормальных детских школ, так и путем обучения взрослых. Школы для взрослых открывались земствами и городскими самоуправлениями при детских школах, причем преподавателями в них являлись учащие этих школ, получавшие за это особое вознаграждение. Таким образом дело обучения взрослых становится на более твердую почву, уже не являясь исключительно детищем частной и общественной благотворительности. Но, с другой стороны, школы эти, являясь не самостоятельным учреждением, а лишь своего рода „придатком“ к детской школе, не имеют и многих ценных черт, отличавших первые воскресные школы, и занятия в них, не оживленные новыми принципами общественности и педагогическим творчеством, часто оказываются малопродуктивными.

В 80-х годах оживляется вновь и частная инициатива в деле образования взрослых. Революционное движение 70-х гг. было подавлено. Народничество с его прежними формами „хождения в народ“ уходило в область предания, заменяясь для многих проповедью „малых дел“ и так наз. культурничеством. В печати появляются статьи о необходимости воскресных школ и ставится вопрос об их организации; в Петербурге, в Москве, в Тифлисе и в других городах открываются частными лицами и кружками воскресные и вечерне-воскресные школы и классы для рабочего населения[2]). Установленная властью строгая регламентация программ, орга-

---

[1]) Особенно выдающаяся роль принадлежит в этом смысле харьковской школе Алчевской, являвшейся в течение многих лет центром для работников в области начального обучения взрослых.

[2]) Наиболее интересными являются школы на Шлиссельбургском тракте под Петербургом, известные впоследствии под названием „Смоленских вечерних классов для рабочих и работниц“ (ныне Домпросвет им. т. Крупской), и женская воскресная школа О. Кайдановой в Тифлисе.

низации и подбора преподавателей этих школ создает бесконечные затруднения в деле их открытия, а отсутствие постоянных источников содержания делает неустойчивым самое их существование. При таких условиях не могло быть и речи об оплате преподавательского труда, которая явилась бы главной статьей расхода, а пользование бесплатным трудом учащих в свою очередь создавало своеобразную структуру школы: преподаватели воскресных школ — по большей части лица, живущие своим трудом — не имели возможности уделять школе большое число часов, что нередко заставляло дробить преподавание между несколькими лицами и влекло за собой частую смену их. Но вместе с тем бесплатность преподавательского труда содействовала подбору более ценных, идейных сотрудников и тем самым создавала более однородную по своим взглядам группу учащих и делала возможной, вопреки установленным властью требованиям, передачу управления школой педагогическому совету, куда входил весь преподавательский персонал.

Ряд отступлений от официально установленных правил наблюдался и в повседневной жизни этих школ. Программы детских начальных училищ с соответствующими детскому пониманию учебниками и школьные библиотеки из детских книг не могли, конечно, удовлетворить запросам взрослых, а условия занятий требовали максимальной экономии времени и сил учащихся. И волей-неволей самый лояльный преподаватель нередко откладывал в сторону рекомендованный министерством учебник и книгу для чтения и заменял их самостоятельно подобранным материалом, стараясь отбросить все лишнее, все элементы школьной схоластики, изобретая в процессе занятий новые приемы, вырабатывая упрощенные и более соответствующие психологии взрослого методы преподавания [1]).

С конца 80-х годов мы видим ряд попыток объединить работу отдельных педагогических коллегий и учительских кружков, причем объединение это, осуществившееся в 1891 г. в форме „Комиссии воскресных школ" при Московском Комитете Грамотности, в свою очередь дало толчок к изданию сборников, подводящих некоторые итоги образовательной работе среди взрослых [2]), а также

---

[1]) Во многих школах практиковались периодические опросы учащихся с целью выяснения их пожеланий и интересов в области преподавания, в результате чего нередко вносились существенные изменения в учебные планы и программы.

[2]) „Частный почин в деле народного образов.", „Общее Дело" и др. Тем же целям служила и печатавшаяся с 1896 г. в общепедагогич. журн. „Русская Школа" „Хроника воскресных школ" (под ред. известной деятельницы Х. Д. Алчевской), где помещались наиболее интересные материалы из жизни этих школ. Подробные библиографические сведения о всех названных изданиях см. в конце статьи, в „Указателе литературы".

и учебных пособий для занятий со взрослыми („Книга взрослых“ под ред. Алчевской и др.). Создается в Москве и особый Музей наглядных пособий, и учительская и ученическая библиотека для школ взрослых. Наконец, новой формой объединения и пропаганды общественных принципов организации в деле обучения взрослых являлось участие деятелей воскресных школ в ряде съездов и выставок, затрагивающих вопросы народного образования [1]).

В 80-х же годах, на ряду с частными воскресно-вечерними школами и с классами для взрослых и подростков земского и городского самоуправления, возникает еще новый тип школ и курсов для взрослых, а именно—училища для рабочих, учреждаемые Русским Техническим Об-вом [2]). Школы эти—воскресные и вечерние — были 2-х категорий: 1) общеобразовательные, с курсом начального общего и элементарного технического обучения, и 2) специальные—технические, ремесленные, а также по различным отраслям производства, с более обширною общеобразовательною программою. Материальное существование этих школ, согласно Положению, должно было быть заранее обеспечено учредителем, министерство же со своей стороны рекомендовало чинам учебного ведомства оказывать этим школам всяческое содействие.

Возникновение этого нового типа школ и необычно-покровительственное отношение к ним власти диктовалось мотивами особого порядка, которые можно охарактеризовать, как экономическую оценку народного образования, т.-е. признание тесной связи между степенью производительности труда и уровнем грамотности и культурности рабочего. Рост крупной русской промышленности, стремившейся конкурировать с промышленностью заграничной, и необходимость ввиду этого вводить в производство более сложные и дорогие машины и способы обработки заставляли наиболее крупных и культурных заводовладельцев озаботиться повышением общей и технической грамотности рабочих. Неоднократ-

[1]) Особенное значение в уяснении социально-экономических предпосылок развития народного образования и в широкой постановке вопроса нужно признать за 2-м Съездом по техническому и профессиональному образованию (1895—96 г.), главным образом IX его секцией (секцией общих вопросов); в смысле же пропаганды идеи воскресных школ большую роль сыграла Нижегородская выставка, где в особом павильоне Научно-Учебного Отдела, организованном Х. Д. Алчевской, были собраны данные о многих городских, станичных, сельских и тюремных воскресных школах и происходил живой обмен мнениями и опытом.

[2]) Согласно уставу Технического Общества, одной из основных задач его являлось „содействие техническому образованию“, а осуществление этой задачи было возложено на „Постоянную Комиссию по техническому образованию“, деятельность которой была направлена преимущественно на устройство школ и курсов для детей рабочих и для самих рабочих.

ные попытки деятелей промышленности организовать чисто-специальные курсы для рабочих того или иного производства неизменно терпели неудачу ввиду огромного процента неграмотных и малограмотных. И, уступая требованиям жизни, приходилось вводить общеобразовательные предметы в специальные классы, увеличивая срок обучения в них, или же создавать при них общеобразовательные отделения и курсы.

В дальнейшем, ввиду допускаемого Положением о курсах Технического О-ва значительного расширения программы школ для взрослых, многие частные вечерне-воскресные школы и курсы добивались так или иначе включения их в число школ Технического О-ва, вступая в договорные отношения с фиктивным учредителем, будто бы обеспечивающим их содержание, или с заводоуправлениями, но сохраняя и безвозмездность преподавательского труда и другие характерные черты своей организации [1]).

Так сформировалась новая разновидность дополнительных школ для городского рабочего населения с расширенной программой и общественными традициями организации. Школы эти, имея весьма ограниченный бюджет, тем не менее нередко развертывались в целую сеть различной длительности курсов, кружков и отдельных лекций, организуемых на ряду с основным школьным ядром, и являлись культурно-общественными центрами для местного рабочего населения.

Неудивительно поэтому, что как со стороны центральных и местных властей, так и со стороны заводоуправлений наблюдается некоторая двойственность и частые колебания в отношении к школам взрослых: ведь ни государство, как таковое, ни промышленный класс не были расположены всецело взять на себя дело подготовки необходимого для развития промышленности кадра культурных, квалифицированных рабочих. А постоянное опасение, что школы эти могут явиться рассадниками „возмутительных идей“ и „вредного социалистического учения“, не оставляло представителей учебного и неучебного начальства и нередко выливалось в форму репрессий и против той или иной школы и ее деятелей, и против учащихся-рабочих [2]).

Не решаясь уничтожить опасные в ее глазах земские и частные воскресные школы и классы Технического О-ва, власть

---

[1]) Так возникли, напр., в 1897 г. „Пречистенские курсы“ для рабочих в Москве, ныне „Пречистенский рабфак“. На таких условиях существовали в течение многих лет уже упомянутые выше „Смоленские вечерне-воскресные классы для рабочих и работниц“ под Петербургом и многие другие.

[2]) Репрессии эти выражались не только во всякого рода административных взысканиях—штрафах, арестах, высылках, но и в запрещении рабочим той или иной фабрики или завода посещать взятую под подозрение школу.

всячески стремится усилить свой контроль над ними, а затем ставить рядом с ними новый тип церковно-приходских воскресных школ (согласно правилам 1884 и 1888 гг.), полагая, что „воскресные школы, назначенные для обучения неграмотных взрослых, притом по большей части ремесленников и рабочих... более чем какие-либо другие школы должны иметь церковно-православный характер“ [1]). На этом же основании в дальнейшем и другие, вновь открываемые, как самостоятельные учреждения, воскресные школы передавались в духовное ведомство. И лишь более 10 лет спустя, в 1902 г., тяжелая опека эта несколько ослабела, а учреждение школ для взрослых было значительно облегчено изданием особых „правил об уроках для взрослого населения“.

Особняком стоят, представляя своеобразную разновидность образовательной работы со взрослыми за рассматриваемый период, так называемые народные чтения, возникшие по инициативе представителей власти в начале 70-х гг. с целью „отвлечения городского, рабочего населения от пьянства и разгула“, вернее же—для отвлечения от „вредных“ социалистических и иных учений. Ограниченные в смысле выбора материала убогим списком специально „разрешенных к произнесению в народной аудитории“ брошюр, по преимуществу религиозно-нравственного и казенно-патриотического содержания, чтения эти, тем не менее, встречены были сочувственно как большинством передовой интеллигенции, так и самим населением, ибо являлись в течение долгого времени чуть ли не единственным видом легальной просветительной работы среди неграмотной и малограмотной массы; а обычно сопровождавшие чтение туманные картины представлялись большинству слушателей интересной новинкой. Поэтому, несмотря на длительную и нелепую процедуру разрешения народных чтений, поставленных под усиленный контроль и чинов учебного и духовного ведомства и агентов полицейской власти, чтения понемногу растут численно и распространяются по различным городам России, постепенно приобретая более серьезный и более систематический характер в сочетании с другими видами просветительной работы; а с середины 90-х годов они начинают допускаться и в уездных городах и сельских местностях, хотя и обставляются там еще более стеснительной опекой.

* * *

[1]) Циркуляр управляющего Мин. Нар. Просв., изд. по соглашению с обер-прокурором Св. Синода.

Прокатившаяся по всей России в середине 90-х годов волна стачек, показавшая некоторую организованность рабочего движения и не без основания поставленная в связь с подпольной работой первых социал-демократических организаций („Союз за освобождение рабочего класса"), не могла, конечно, не отразиться на судьбе просветительных учреждений для рабочих: закрыты или радикально переустроены многие крупные культурные объединения (напр., Московский и Петербургский Комитеты Грамотности со всеми их комиссиями) и некоторые курсы и школы для взрослых; отстранены от преподавания, арестованы, высланы некоторые выдающиеся преподаватели; отправлены в ссылку или на родину многие передовые рабочие. Но эти репрессии не могли остановить ни рабочего движения ни тесно связанного с ним роста сознательности рабочего класса и его образовательных запросов. Конец 90-х годов отмечен значительным развитием различных видов внешкольного образования как в городах, так и в сельской земской России, а с начала XX столетия замечается вновь рост освободительного движения во всей стране, завершившегося, после катастрофической японской войны, первым широким всплеском русской революции.

В деле обучения взрослых эти годы нарастающего движения ознаменовались—кроме количественного роста курсов и школ и числа учащихся в них [1]) — 1) созданием, преимущественно в городах, повышенного типа курсов, приближающихся к типу рабочего университета, и возникновением при существующих школах дополнительных групп, далеко выхо-

---

[1]) Официальные статистические сведения о воскресных и вечерних школах за 1905 г. дают такую картину положения дела:

в ведении М-ва Народн. Просвещ:

Воскр. школ . .	782 с 40.006 учащ.,	из которых мужч. 19.401,	женщ. 20.605
Воскр. и вечерн. курс. для раб.	549 „ 36.714 „	„ „ 30.225	„ 6.489
Повторительных классов . . .	325 „ 12.530		

в ведомстве Синода:

Воскр. школ . . . 260 с 28.048 учащ.

Учащих в воскресных школах М-ва Н. Просв. было 3.200, из них законоучителей—561.

Учащих в воскр. и вечерних курсах для рабочих было 1.591
„ „ „ „ „ школах Синода „ 1.728

Одна школа для взрослых приходится на 187.000 жителей.

Средний расход на одну воскр. школу 138 руб. в год, на одного учащегося—3 руб.

Приводимые данные заимствованы из кн. Н. Чехова „Народн. образов. в России с 60-х гг. XIX в." и ст. Н. Рубакина „Воскр. школы" в новом изд. Энциклоп. Словаря Брокгауз-Эфрона.

дящих за пределы официально-установленных программ [1]); 2) выделением особых групп подростков (не достигших 15—16 лет) ввиду психических особенностей этого возраста; 3) введением совместного обучения взрослых, допускавшегося раньше лишь в виде редких исключений; 4) привлечением к активному участию в управлении школой представителей от учащихся и выработкой организационных форм этого участия и различного рода уставов [2]); 5) некоторым расслоением преподавательской среды и обособлением в ней двух основных идейных течений—„культурников", стремившихся прежде всего и во что бы то ни стало сохранить школу, как таковую, во имя ее просветительных задач, и „общественников", видевших главное значение школы для взрослых в создании из нее культурно-общественного центра, служащего своего рода аванпостом общественного и, в частности, рабочего движения, а потому призванного по мере возможности проводить в жизнь принципы передовой демократии.

* * *

Высокий революционный подъем 1905—06 г., с его светлой, почти детской верой в прочность добытых свобод и демократических начал и с полной неопытностью передовой демократии в решении государственных вопросов и в повседневной политической борьбе с непобежденным еще царизмом, вызвал небывалую еще в России жажду знания среди широких масс и небывалый размах просветительной работы среди взрослого населения города и деревни. Казалось, что народ русский, на целые столетия отставший от культурных народов Запада, хотел одним прыжком, одним грандиозным усилием догнать наиболее передовые страны, разрешить сложнейшие политические и социальные проблемы. А для этого некогда было ждать введения всеобщего обучения, казался медленным и путь систематической классной работы курсов для взрослых. Отдельные лекции, доклады и дискуссии, митинги и собрания, в лучшем случае краткосрочные или более длительные курсы по отдельным вопросам—вот что соответствовало лихорадочному темпу общественной жизни и вновь

[1]) Таковы, напр., „группы окончивших",—т.-е. окончивших вторую ступень школы для взрослых,—которые продолжали в течение 2—3 лет заниматься уже более самостоятельно, иногда приближаясь к типу кружковых занятий, а иногда отливаясь в форму отдельных курсов по какой-нибудь отрасли знания, напр., литературы, обществоведения, математики и т. п.; группы подготовляющихся к экзаменам на звание сельского учителя или на аттестат зрелости и т. п.

[2]) См., напр., „Проект устава" 1-х и 2-х „Смоленских классов для рабочих" на Шлиссельбургском тракте под Петербургом. Спб. 1908.

разгоравшейся политической борьбы конца 1905 и начала 1906 года. Вышедшие из подполья и вновь возникающие партийные ячейки различных оттенков и направлений, профессиональные и „профессионально-политические“ союзы, рабочие клубы и т. п. организации спешили использовать добытые свободы для выяснения массам основ нового политического строя и для широкой пропаганды своих лозунгов и программ. Существовавшие раньше школы и классы для взрослых, оставаясь по традиции культурными центрами для рабочего населения, превратились временно в своего рода клубы политически-просветительного характера, где прежние учащиеся и новые слушатели надеялись получить ответы на волновавшие их бесчисленные вопросы и сомнения [1]).

Миновали первые месяцы первой революции. Лозунги замолкшего Совета Рабочих Депутатов сменились платформами различных политических партий, борющихся между собою перед выборами в 1-ю Госуд. Думу. Думские фракции в свою очередь взялись за образовательную работу среди своих членов и своих избирателей. А вместе с тем выдвигается и вопрос о систематическом обучении взрослого населения, о более основательной подготовке его к новым формам жизни; отдельные лекции и дискуссии сменяются курсами по различным отделам знания, рабочие клубы переименовываются в о-ва самообразования и устраивают у себя вечерние классы и школы; по примеру столиц, и в провинциальных городах организуются О-ва Нар. Университетов, все отчасти распространяющие свою деятельность и на сельские местности.

Правила 4 марта 1906 г. о публичных лекциях и собраниях, устанавливавшие явочный порядок устройства публичных лекций, формально не отмененные, фактически постепенно сводятся на нет, заменяясь прежним разрешительным порядком с предварительными справками о благонадежности лекторов и докладчиков. А после роспуска 1-й Думы и громких политических процессов 1-го Совета Рабочих Депутатов и группы думцев, подписавших Выборгское воззвание, уже не остается сомнений в том, что старая власть победила, и что на борьбу с нею, хотя и в несколько измененных условиях, уйдут еще долгие годы, требующие упорной, кропотливой работы среди масс. И этой жизненной потребности, получившей, благодаря созданию народного представительства, и некоторое формальное признание, не могла полностью противостоять и враждебная ей власть. Правилами 20 марта 1907 г. об уроках и курсах для взрослых значительно расширялись

[1]) Яркую картину этого периода в жизни рабочих школ дают ст. Е. М. Чемодановой-Услаль и К. Ф. Лемберг в брош. „К 25-летию Пречистенских рабочих курсов“. М. 1922.

рамки деятельности курсов и школ для взрослых как в смысле разнообразия программы, так и в смысле различных форм организации, а проснувшиеся в массах новые потребности и запросы вызывали к жизни новые учреждения в области образования взрослых и создавали новые виды их.

Так, рядом с воскресными школами старого типа мы видим теперь целый ряд общеобразовательных курсов и школ, объединяющих 1-ю и 2-ю ступень обучения, видим и попытки создать среднюю школу для взрослых и различные типы вольной высшей школы—систематические курсы повышенного типа и народные университеты. На ряду с задачами общего образования и сообщения специальных знаний выдвигается на очередь и вопрос о введении элементов эстетического и физического воспитания и создаются специально-художественные школы для взрослых—народные консерватории, классы рисования и лепки и т. п. „Основной задачей внешкольного образования в настоящее время, — говорится в одной из резолюций 1-го Съезда народн. университетов и других учреждений по обучению взрослых,—является организация курсов для взрослого населения с систематическим общеобразовательным курсом для взрослых. Задачею своею курсы должны иметь: 1) сообщить основные элементы грамотности; 2) дать в каждой отрасли знания те его основы, которые дадут возможность взрослому человеку самостоятельно и сознательно продолжать свое развитие; 3) путем сообщения строго-научных данных в области естественно-математических и гуманитарных наук дать возможность кончающему курсы выработать самостоятельное воззрение на мир природы и мир человеческих отношений“ [1]). В то же время одною из основных задач, — как гласит другая резолюция, — должно поставить „всестороннее художественное развитие масс и содействие проявлению народного творчества“.

Выявляются в эту пору на том же съезде и различные живые силы внешкольных образовательных учреждений и различные точки зрения на основные задачи и формы их деятельности. Так, на ряду с представителями либеральной и радикальной профессуры, группирующейся вокруг Московского О-ва Нар. Унив-тов [2]), выступают и представители социалистических течений [3]) и, в частности, представители рабочих

---

[1]) См. „Труды I Всеросс. Съезда деятелей нар. университетов и друг. учреждений, занятых обучением взрослых“ в январе 1908 г., резолюцию по докладу В. А. Герда.

[2]) См. доклады Сыромятникова и Мирович.

[3]) См. в „Трудах Съезда“ доклады С. Русовой, Н. Чехова, Д. Никольского, В. Герда и др.

организаций—о-в самообразования и профессиональных союзов [1]),—выдвигается и значение во внешкольном образовании кооперации [2]). Впервые ясно и во всеуслышание формулируются главные пункты расхождения между представителями различных течений в деле обучения взрослых. Но пока расхождения эти касаются главным образом определения задач и организационных форм внешкольных образовательных учреждений и в конце концов находят некоторые общие, объединяющие формулировки в резолюциях съезда. „Народн. унив-ты, как и подобные им организации, призванные служить культурным запросам народных масс, должны быть построены на началах самоуправления и самодеятельности этих масс,—говорится в резолюции по организационному вопросу.—А для этого необходимо: а) возможно большая доступность этих организаций для трудового населения, б) привлечение представителей от слушателей (или учащихся) к участию в управлении учреждениями и к контролю над деятельностью их должностных лиц, в) участие слушателей в выработке общего плана занятий, выборе лекторов и т. п. и г) расширение учебного плана названных учреждений путем введения курсов и лекций по общественно-юридическим наукам, рабочему и крестьянскому вопросу“ [3]). Вот те основные начала, та средняя линия, по которой в дальнейшем шло развитие большинства образовательных учреждений частной инициативы; между тем как некоторые из них, руководимые более консервативным педагогическим персоналом и с более пассивным составом учащихся, продолжали жить старыми традициями, сложившимися в пору политического затишья и проповеди „малых дел“. Наивная уверенность в том, что руководители школы „лучше знают“, что нужно учащимся, и что сами учащиеся, с благодарностью и без критики принимая все, что им дают в школе, предпочитают „всецело полагаться на волю и усмотрение педагогического персонала“ [4]), заслоняла от этих руководителей и новый тип учащегося и выдвигавшиеся жизнью новые задачи в обучении взрослых.

Значительно иначе, хотя и весьма по-разному, определяют свои задания два новых вида образовательных учреждений, выдвинувшиеся в связи с освободительным движением 1905—1906 гг.: народные университеты—с одной стороны, и рабочие культурно-просветительные организации—с другой.

---

[1]) Там же, доклады А. Орлова и А. Яцыневича.

[2]) Там же, доклад В. Тотомиянца.

[3]) Там же, резолюции, стр. 30.

[4]) См. ст. Э. Вахтеровой „Разработка анкеты, обращенной к учащимся“ в вып. IV сборника „Общее Дело“. М. 1912.

„Самоопределение, познание самих себя, чтобы самостоятельно, без посторонней указки итти по пути отстаивания своих классовых интересов — такова главная цель, руководившая рабочими при устройстве о-в самообразования“,—заявляет на съезде 1908 г. представитель рабочих о-в самообразования [1]).

Но „подъем культурного уровня и развития самосознания рабочих, как особого класса, может быть достигнут в современном обществе только путем их собственных планомерных усилий“. Поэтому „организации, ставящие себе задачей просвещение рабочих, должны в своей деятельности исходить из принципов самодеятельности рабочих, выражающейся в идейном и практическом руководстве всеми функциями этих организаций“; причем в интересах независимости их в бюджетном отношении вводится принцип самообложения членов [2]).

Иначе подходит к вопросу представитель другого типа организации—Московск. О-ва нар. унив-тов. „Наука,—говорит проф. Сыромятников,—по природе своей демократична. Она заставляет нас у порога нар. университета сложить оружие общественной брани, подобно тому, как складывали мы его у входа в храм... Для нас народный университет в данный момент...—это питательный пункт в стране, пораженной духовным голодом“ [3]). Народный университет,—поясняет он в другом месте, — „вольная школа“. Он „не обучает своих слушателей, ничего им не навязывая, ничего от них не требуя“, а „только предлагает им знание, не спрашивая, в каких целях они воспользуются им“... Народный университет открыт для всех и в этом смысле он носит имя „народного“, разумея под этим термином совокупность всех общественных классов без различия. Это именно „народный“, а не „простонародный“ или „рабочий университет“. Однако, в целях достижения наибольшей доступности, нужно стремиться к популярности изложения „для наиболее обездоленных просвещением“ и к максимальному удешевлению платы за посещение лекций [4]). Народный университет должен решительно отстаивать „свою независимую... позицию чисто-просветительного учреждения, чуждого узкого профессионализма и всякой политики“ [5])...

[1]) См. „Труды Съезда“, доклад А. Орлова: „Рабочие о-ва самообразования“.

[2]) Там же.

[3]) См. там же, доклад Б. Сыромятникова: „Народный университет, как задача нашего времени“.

[4]) См. там же, доклад Сыромятникова: „О внутренней организации народн. университета“.

[5]) Курсив автора. См. ст. Б. Сыромятникова: „Что дает своим слушателям Нар. Унив-т“, помещенную в вып. IV сб. „Общее дело“ 1912 г.

Интересно отметить и попытку распространить идею народного университета на область специального и даже профессионального образования, характерным образчиком которого является возникший в 1908 г. в Петербурге „Народный Политехникум", и особую разновидность народного университета, какую представляет собою Московский городской университет им. Шанявского, где, на ряду с академическим отделением, разделенным на несколько научных циклов, создается сеть разного рода курсов различной длительности для подготовки той или иной группы специалистов: библиотекарей, деятелей народного театра, кооператоров и т. п. [1]).

* * *

В деятельности земств по внешкольному образованию и, в частности, по обучению взрослых события 1905—06 гг. и последовавшая за ними реакция отразились в общем неблагоприятно. Во многих земствах, напуганные революционным движением среди крестьянства, гласные-землевладельцы стали относиться к просвещению взрослых с некоторой опаской; в других изменился самый состав земских собраний и на месте прежних радикалов оказались так называемые „зубры", решительно уничтожившие просветительные мероприятия предшествующего периода. Работа Государственной Думы, выдвинувшей на первую очередь вопрос о всеобщем начальном обучении, также не осталась без влияния на положение внешкольного образования в земской России, отвлекая внимание наиболее живых земских элементов в сторону строительства детской начальной школы.

В большинстве земств за этот период никаких ассигнований на обучение взрослых не делается, или же делаются в столь незначительном размере (например, на 2 школы в уезде), что говорить о самостоятельной работе их в этой отрасли не приходится. Лишь в немногих земствах ведется сколько-нибудь планомерная работа по организации занятий для взрослых. Передовые земства, учитывая предшествующий опыт, организуют, на ряду с элементарными воскресно-вечерними школами, так называемые дополнительные классы для лиц, прошедших начальную школу, и передают руководство этими классами особому учителю с по-

[1]) Городской унив-тет Шанявского, открытый 1 окт. 1908 г. на средства, завещанные для этой цели в распоряжение Городской Думы А. Л. Шанявским, функционировал на основании особого устава, утвержденного в законодательном порядке, в то время, как большинство нар. унив-тов существовало на основании правил 4 марта 1906 г. или 20 марта 1907 г.

вышенной подготовкой [1]). При этом, в целях экономии сил и средств, учитель этот обслуживает 2—4 пункта уезда, занимаясь поочередно то в одном, то в другом селе, или же передвигаясь в течение учебного года по уезду со своей библиотечкой, наглядными пособиями и фонарем. Другим способом обслуживать взрослых учащихся с соблюдением должной экономии было сочетание в одном лице роли преподавателя дополнительных классов с ролью сельского библиотекаря или заведующего районным народным домом (в этом случае район, обслуживаемый таким учителем, значительно суживался) [2]).

Однако нередко оказывалось, что „занятия не удовлетворяют слушателей“ [3]). Многие крестьяне высказываются за введение в школах для взрослых сельскохозяйственных знаний. И мы видим, что некоторые земства пытаются несколько по-новому разрешить поставленную перед ними задачу—„сблизить факты книги с фактами жизни, исходить из наблюдений и связать их с данными науки“. Появляются попытки организации сельских дополнительных школ по образцу германских, т.-е. школ, ставящих своей целью сочетать общеобразовательные задания с сообщением некоторых сведений по сельскому хозяйству, систематизировать имеющийся у взрослого крестьянина запас наблюдений и опыта. Организуются также для взрослых крестьян, на ряду с общеобразовательными школами и курсами, периодические краткосрочные курсы сельскохозяйственного типа [4]). И—что особенно важно — устанавливается правильный подход в строительстве школ для взрослых крестьян, получает признание в отношении этих школ принцип гибкости программ и организации их, уже давно осуществлявшийся в городских вечерних и воскресных школах всех типов.

Значительное оживление вносит (состоявшийся в 1911 г.) Общеземский Съезд по народному образованию, признавший, что „внешкольное образование должно занять самостоятельное место в ряду мероприятий, направленных к поднятию культурного уровня населения“... и „преследовать задачи общего образования, воспитания и распространения приклад-

[1]) Особенно интересна система школ для взрослых, разработанная в 1908 г. Харьковским губ. земством.

[2]) Такие начинания можно отметить в Харьковской, Олонецкой, Воронежской, Костромской, Пензенской и др. губерниях.

[3]) См. доклад Э. Вахтеровой: „О сельских школах и курсах для взрослых“ в „Трудах I Всеросс. Съезда по вопросам нар. образования“, 1913—14 г., вып. IV, стр 184 и след.

[4]) Особенно интересным образцом такого рода курсов являются курсы, устроенные в 1909 г. Ярославским губ. земством на совместные с Департаментом Земледелия средства.

ных знаний, причем первые две задачи имеют первенствующее значение" [1]); а для правильного и успешного развития внешкольного образования необходимо широкое участие местного населения в организации и ведении мероприятий по внешкольному образованию и обеспечение всех слоев населения соответствующими их потребностям видами внешкольного образования, на условиях общедоступности их и коллегиальности в управлении ими.

Вопросы о планомерном обслуживании данного района и о принципах составления сетей школ взрослых элементарного и повышенного типа, а также об органах по заведыванию отдельными отраслями внешкольного образования и об их взаимоотношениях — составляют предмет уже дальнейшей разработки в соответствующих земских органах. Именно к этому времени относится установление нового взгляда на роль органов местного самоуправления, как органов публично-правовых, существенно отличающихся по своим заданиям от частно-правовых организаций и свободных объединений частной инициативы. Основная задача этих органов в области внешкольного образования—обеспечить всему местному населению необходимый минимум образовательных учреждений и планомерно распределить имеющиеся на это общественные средства между отдельными частями населения и территории. При такой постановке вопроса дело идет уже не о системе поощрения частной и общественной инициативы, как это было раньше. Признание обязательности для земства заботиться о равномерном распределении благ культуры побуждало итти с удвоенной помощью — помощью силами и средствами — именно туда, где население вследствие своей разбросанности и отсталости поставлено в худшие условия. Но в то же время местное самоуправление не должно было отказываться и от права проявлять инициативу в организации образовательных учреждений и в выработке новых, усовершенствованных типов их.

В этом направлении и развивалась деятельность земств, а отчасти и городов (главным образом столиц и крупных промышленных центров), во второе десятилетие XX века, и деятельность эта дала бы, вероятно, ощутительные результаты, если бы развитие народного образования не затормозила начавшаяся в 1914 г. мировая война.

* * *

[1]) См. постановления I Общеземского Съезда по народному образованию в Москве; 16—30 августа 1911 г.

Новой и по характеру и по своему значению в последние годы перед революцией является и работа по внешкольному образованию кооперации. Могучее развитие русской кооперации—явление предшествующего революции десятилетия, но в первое время говорить о серьезной работе кооперации по просвещению не приходится. Правда, во всех нормальных и образцовых уставах сельскохозяйственных обществ и товариществ и потребительных обществ отводилось место культурно-просветительной деятельности. Но политическая обстановка указанного периода нередко тормозила проявление инициативы демократической кооперации в деле просвещения, ибо снисходительное и даже благожелательное отношение власти и имущих классов к кооперации—как к средству временно смягчить остроту классовых противоречий—быстро изменялось, лишь только кооперация сходила с пути узкой специальности и начинала будить самосознание масс. В таких случаях работа ее объявлялась антигосударственной и подвергалась бдительному надзору, а иногда и совсем прекращалась под предлогом „вредной для общественного порядка и спокойствия деятельности“ [1]). Кроме того, развитие культурно-просветительной деятельности кооперации тормозилось сначала и скудостью средств, и малокультурностью большинства кооперированного населения, и общим состоянием народного образования в стране.

С ростом кооперации [2]) развивается и культурно-просветительная ее деятельность, и к 1913 г. деятельность эта проявляется уже во всех губерниях, причем в большинстве случаев кооперативы поддерживали чужие начинания—школы и библиотеки, и лишь немногие, главным образом сельские, вели общекультурную работу сами. Самостоятельная же культурная работа кооперативов носит в это время по преимуществу утилитарный характер и проявляется главным образом в распространении кооперативной печати и устройстве библиотек, так как лекции большею частью не разрешались [3]). II Всероссийский Съезд по кооперации 1913 года, поставивший в порядок дня вопрос о задачах культурно-просветительной деятельности кооперации, выявил два основных течения в решении этого вопроса: 1) предлагавшее все средства, ассигнуемые кооперативами на „неторговую“ деятель-

[1]) См. сб. „Общ. Дело“, вып. III, стр. 392, ст. Мошкина: „Культ.-просвет. деятельность сельских кооперативов“.

[2]) За время от 1-го Кооперативного Съезда 1908 г. до 1 января 1910 г. число кооперативов почти удвоилось, достигнув к указанному сроку до 12.000, из которых 85% падает на деревню (см. цитир. выше ст. А. Мошкина, стр. 383).

[3]) Об этом см. подробнее М. Хейсин, „Основы культурно-просветительной деятельности кооперативов“. Пгр. 1919 г.

ность, употреблять на кооперативное просвещение, т. е. на те мероприятия, которые могут создать дальнейший количественный рост кооперации; 2) выдвигавшее культурно-просветительную деятельность, как „важнейшую сторону жизни кооператива", и полагавшее, что начинания русской кооперации в этой области должны быть „столь же многообразны, как сама жизнь, начиная от простых бесед на кооперативные темы, раздачи брошюр, листков и книг по кооперации, переходя к содействию народным и иного вида и порядка школам, кончая лекциями общего и специального характера". Съезд принял вторую точку зрения, и после этого просветительная деятельность кооперации развивается быстрее и успешнее, главным образом в направлении общекультурном. Но нормальное развитие ее резко нарушается объявлением войны, отвлекшей вначале силы и средства кооперации от культурной работы.

Однако, в связи с огромным стихийным ростом кооперативных учреждений, в условиях разраставшегося продовольственного кризиса, кооперация на фоне общей политической реакции оказалась чуть не единственной демократической организацией, с которой правительство не могло не считаться. А с ростом финансовой мощи кооперации стала вновь быстро шириться и ее культурная работа. За 1915 г. отмечается всюду подъем этой работы. Наблюдается и тяга к объединению ее в смысле организации губернских культурно-просветительных комиссий при кооперативах. Кооператоры, появляясь на общих съездах по вопросам внешкольного образования, выдвигают и даже противопоставляют роль кооперации роли органов местного самоуправления в деле организации внешкольного образования. В последующие годы рост кооперации и ее культурной работы еще усиливается [1]).

Что же дала кооперация в деле обучения взрослых?

Беседы, чтения, лекции, как в целях кооперативного, так и в целях общего просвещения; временные, но периодически повторяющиеся курсы по кооперации, по счетоводству и по различным отраслям сельского хозяйства (напр., по травосеянию, маслоделию и т. п.) и кооперативные школы (в Вятке — одногодичная школа, в Харькове — 3-годичная, в Томской

---

[1]) Согласно таблице, освещающей просветительную деятельность потребительных обществ и их союзов за 1916 и 1917 гг., средние ассигновки на культурные цели возросли следующим образом:

в 1916 г. средняя ассигновка потребит. о-ва 159 р., союза 350 р.
„ 1917 „ „ „ „ „ 116 „ „ 4896 „

Приведенные данные представлены были на выставке Центр. Союза Потребит. О-в в Москве, в 1918 г. (см. журн. „Внешкольн. Образ.", изд. в Н.-Новгор., № 2—3 за 1918 г., стр. 52).

губ.—6-годичная средняя кооперативная школа и др.); высшая кооперативная школа для подготовки инструкторов по кооперации в Москве; общеобразовательные вечерние и воскресные классы для взрослых; наконец, различные разновидности культурно-просветит. кружков—вот главные виды деятельности отдельных кооперативов и их союзных объединений в этой области, осуществлявшиеся в дореволюционный период.

Развитие хозяйственно-кооперативного сознания, развитие новой кооперативной культуры в смысле проведения начал самодеятельности и сотрудничества и в смысле расширения духовных потребностей членов и участия в общепросветительной работе—вот те основные задачи, которые выдвигались идеологами русской кооперации. А если принять во внимание, что кооперативы, именно как объединения хозяйственные, бесчисленными нитями связаны были с подлинной народной жизнью, что они, как организации самодеятельные, могли будить местную инициативу и находить формы выявления ее и в области просветительной работы; наконец, если вспомнить, что в условиях русской деревни, при отсутствии мелкой земской и городской единицы и цензовом составе органов местного самоуправления, они являлись часто единственными демократически построенными объединениями на местах,—то станет ясно, какой своеобразный оттенок носили созданные кооперацией образовательные учреждения, какую роль она в этом деле играла. Особенно характерной и ценной является разработка новых типов образовательных учреждений, напр., различных кооперативных и инструкторских курсов и высших крестьянских школ, ставивших своей задачей „возвращать своих учеников в родную среду более приспособленными к ее запросам“ [1]). Местные запросы, местный почин, самодеятельная организация—вот что ставила кооперация во главу угла своей просветительной работы.

* * *

С объявлением войны сократились до минимума ассигнования местных самоуправлений на внешкольное образование; заняты для военных целей многие школьные здания и помещения внешкольных учреждений; заметно поредели ряды взрослых мужчин-учащихся, а отчасти и учащих, призываемых бесчисленными мобилизациями, а провозглашенный на Всероссийском Съезде по народному образованию (1913 г.) лозунг—„Все для народа, все через народ“ заглушен гремящим по всей стране лозунгом—„Все для войны!“.

---

[1]) Л. Арманд. Краткие указания по культурн.-просвет. работе кооперативов. М. 1917 г., 2-е изд. Всер. Центр. Союза Потреб. О-в, стр. 13.

При таких условиях трудно было бы ожидать дальнейшего развития просветительной работы в стране, не говоря уже о районах военных действий и прифронтовой полосы. И если не совсем заглохла эта работа, если чувствовалось еще биение пульса живой общественной мысли в культурных очагах и велось в прежнем духе, под сурдинку, иногда и с перерывами, обучение взрослых, то причиной этому была та острая, небывалая потребность в образовании, которая вызвана была войной, невольно втягивавшей широкие массы населения в гущу сложных событий мировой важности. Стремление хоть сколько-нибудь разобраться в происходящем, определить свое отношение к нему, примениться к новым условиям жизни и труда заставляло население самых глухих деревень искать сведущего человека, который разъяснил бы значение текущих событий, указал выход из создавшегося положения. Учить ребят, непременно посылать их в школу даже при тяжелых материальных условиях—стало постоянным заветом отрываемых от семьи и от мирного труда отцов; научиться писать и читать письма, получаемые с фронта и из дому на фронт, сделалось интимной, горячей мечтой оставшихся и ушедших. Женщина работница и крестьянка, несмотря на упавшие на нее всей тяжестью материальные и хозяйственные заботы, жадно стремится выучиться грамоте и прилагает все усилия; чтобы дать закончить школу своему ребенку. Под влиянием все растущих запросов населения оживляется на 3-й год войны и деятельность земств по внешкольному образованию, оказавшемуся в более благоприятных условиях благодаря запрещению продажи питей. А там, на фронте и в тыловых частях рядовой неграмотный крестьянин и рабочий, остро чувствуя при соприкосновении с более культурными войсками неприятеля свою неподготовленность к новым условиям жизни и борьбы, пользуется всеми случаями, чтобы хоть чему-нибудь научиться. Учатся, если возможно, пока находятся в тылу; учатся в прифронтовой полосе во время передышек; учатся в плену и в лазаретах.

Различные виды образовательной работы среди раненых, начиная с бесхитростного чтения им вслух художественных произведений и обучения их элементарной грамоте и счету и кончая 2—3-летними курсами повышенного типа для увечных, с целью подготовки их к той или иной профессии в будущем [1]), постепенно получают полное право гражданства за

[1]) См., например, брошюру, изд. Департаментом Земледелия, „Сельскохозяйственные курсы для увечных воинов“ (Петр. 1916 г.), где приведены примерные планы курсов по садоводству, огородничеству, пчеловодству, птицеводству, для подготовки счетоводов с.-хоз. кооперативов, конторщиков, с.-хоз. монтеров и мн. др.

годы войны. Живыми, движущими силами этой работы являются опять-таки частная и общественная инициатива, различного типа свободные союзы, а также самоуправления как в лице Общеземского Союза и Союза Городов, так и в лице местных их органов. Материальные средства на это дело в большей своей части притекают от перечисленных выше объединений и лишь в очень небольшой части от официозных и полуофициозных организаций.

Эта работа среди раненых, несмотря на отсутствие в ее организации общей продуманной системы, представляется весьма интересной и во многих отношениях поучительной. Возникшая в силу насущных запросов самих раненых и направляемая властными требованиями жизни, она вначале развивается стихийно, нося печать общественного подъема и увлечения; но вскоре не разрешенные этим стихийным процессом вопросы организационного и методического характера дают себя чувствовать и побуждают заменить кустарническую работу отдельных лиц и кружков организованной работой крупного общественного Союза (Просветительного Отдела Союза Городов). Много сделано было в ней промахов и ошибок, но и многое достигнуто. А по общим своим результатам работа среди раненых, несомненно, имела большое значение в подготовке масс к великой русской революции.

Сколько-нибудь точно учесть эту работу количественно не представляется в настоящее время возможным, но отметить ее особенности и ее значение в деле обучения взрослых безусловно необходимо.

* * *

Подводя вкратце итоги тому, что было сделано в смысле образовательных учреждений для взрослых в дореволюционный период, т.-е. до 1917 г., можно прийти к следующим выводам.

Количественное распространение школ, курсов и т. под. учреждений для взрослых и для работающих подростков по сравнению с имеющейся в них потребностью было ничтожно и распределение их крайне неравномерно. Только в немногих крупных центрах и в нескольких, более счастливых, в смысле более демократического и прогрессивного состава земств, губерниях и уездах названные учреждения насчитывались десятками; в то время как в целом ряде уездов и мелких городов об организации обучения взрослых не поднималось еще и вопроса.

При таких условиях говорить о существовании в России какой-нибудь общей, единой системы образовательных учреждений для взрослых за рассматриваемый период, ко-

нечно, не приходится. Возникавшие в различные политические моменты, на основании различных законодательных актов и распоряжений, различные по своим заданиям и рассеянные по разным ведомствам школы, классы и курсы для взрослых и подростков того времени представляют в общем нестройную, пеструю картину, в которой можно наметить лишь некоторые основные типы и разновидности их. Так, в отношении программ и связанных с ними общих задач обучения можно разделить названные учреждения на две основные группы: 1) общеобразовательных и 2) профессиональных, причем симпатии старой власти и имущих классов, в особенности промышленников, несомненно, клонятся в сторону школ профессионального типа, тогда как являющаяся живой организующей силой этих учреждений, демократическая интеллигенция сознательно гнет в сторону общего образования и „гражданского просвещения" взрослых учащихся. Само же население в более культурной своей части ясно сознает необходимость и того и другого типа знаний, а менее культурные его слои, выдвигая в первую очередь чисто-утилитарные запросы, постепенно расширяют свои требования, убеждаясь в течение процесса работы в значении общеобразовательных знаний для усвоения знаний специальных. В общем можно констатировать, что, ввиду огромного % неграмотных и низкого культурного уровня населения, большинство образовательных учреждений для взрослых—нередко вопреки первоначальному заданию и названию—имело общеобразовательный характер; профессиональное же образование взрослого населения находилось в зачаточном состоянии, не находя ни достаточно подготовленного контингента учащихся, ни соответствующего преподавательского персонала, ни учебных пособий и необходимого оборудования. Единственный вид профессионального образования, получивший за предшествующее революции десятилетие сколько-нибудь заметное распространение, были краткосрочные курсы и беседы по различным вопросам сельского хозяйства, далеко не удовлетворявшие, однако, наличной потребности в них крестьян.

Группу общеобразовательных учреждений можно, в свою очередь, разбить по ступеням, выделив: 1) школы элементарного типа, предназначенные заменить начальную школу и составлявшие наиболее многочисленную группу; сюда относится большинство воскресных школ, городских и деревенских, а также и многие вечерние и вечерне-воскресные школы; 2) повторительно-дополнительные классы и школы, ставившие своей задачей освежить, углубить и пополнить знания, полученные в начальной школе, но не выходящие за пределы так называемой 2-х-классной (т.-е.

5-ти или 6-ти-годичной) начальной школы; на практике этого типа школы, в особенности в больших городах, нередко расширяли программу приблизительно до размера 4-х-классных городских училищ или прогимназий; 3) народную среднюю школу, ставившую своей задачей дать учащимся образование приблизительно в размере гимназий или реальных училищ: таких школ было немного, и открывались они почти исключительно в крупных центрах; 4) народные университеты и соответствующие им по программам, хотя и не сходные по организации систематические курсы по различным отраслям знания, являвшиеся вольной высшей школой и стремившиеся сочетать научность в постановке предметов с доступностью изложения.

Приведенное выше деление является, однако, лишь приблизительным, так как можно указать ряд школ и курсов, не подходящих в целом ни под одну из указанных категорий и представлявших смешанный тип, или же сочетавших в себе несколько типов.

Такое разнообразие и пестрота образовательных учреждений в отношении заданий и программ не представлялись бы сами по себе явлением отрицательного порядка, если бы все эти столь различные и разнохарактерные программы отвечали запросам населения и являлись отдельными звеньями некоторой общей системы образования, на этих запросах построенной. Беда была именно в том, что власть, долгое время считавшая возможным заранее и по-своему определять, какие именно школы и курсы нужны для населения, пыталась ограничить их развитие определенными типами, совершенно не принимая во внимание действительных запросов этого населения, что лишь тормозило дело и обрекало многие учреждения на непроизводительную работу (достаточно вспомнить тип элементарной школы взрослых, всецело приравненной к начальной детской школе в отношении объема и характера сообщаемых сведений). Правда, под давлением требований жизни и в процессе работы программы эти нередко видоизменялись или даже заменялись другими. Но это возможно было лишь там, где руководители сознательно или бессознательно отклонялись от данных властью директив. Таким образом один из основных принципов внешкольного образования в применении к обучению взрослых — гибкость программ в зависимости от потребностей учащихся—властью не признавался, но в большинстве случаев все же проводился на местах школьными советами, в особенности в предшествующее революции десятилетие.

Приблизительно ту же картину борьбы двух начал видим мы и в отношении организационных принципов обу-

чения взрослых. Гибкость организации применительно к поставленным заданиям и выявившимся запросам, как основной принцип строительства, выдвигается передовыми общественными элементами, создававшими дело; формализм, буквоедство, мелочная регламентация и педантичный контроль характеризуют политику власти, стремившейся заковать живое, новое дело в неподвижные, изжитые формы. А жизнь, выбиваясь из поставленных ей законом рамок, находила новые пути и в области управления и в области контроля, заменяя единоличное заведывание через посредство назначенного сверху лица—различными формами школьного самоуправления с привлечением представителей от учащихся, начальственный надзор над учащими и учащимися через посредство правительственных чиновников — товарищеским контролем педагогической коллегии и коллектива учащихся и инструктированием молодых педагогов более опытными и подготовленными руководителями, причем формами общей методической работы были педагогические советы, предметные и другие педагогические комиссии и методические беседы.

Прежнее строгое подразделение школ и курсов для взрослых на мужские и женские постепенно вытесняется принципом совместного обучения взрослых, создающим общность интересов и благотворно влияющим как на ту, так и на другую часть учащихся [1]), между тем как практиковавшееся раньше в воскресных и вечерних школах смешение учащихся всех возрастов уступает место распределению их на 3 основные возрастные группы—детей, подростков и взрослых, которое и определяет выбор тех или иных педагогических и методических приемов [2]).

Наконец, правительственная опека над образовательными учреждениями взрослых с течением времени фактически заметно уменьшается, предоставляя больше простора частной и общественной инициативе, свободным общественным объединениям (кооперации, профессиональным союзам) и органам местного самоуправления, между тем как именно контроль над существующими учреждениями составляет чуть

---

[1]) См. об этом сводку анкетных данных в ст. Э. Вахтеровой „Ученица воскр. школы по данным анкеты“ и „Разработка анкеты, обращенной к учащимся в воскр. и вечерн. классах для взрослых“. „Общее Дело“, вып. III.

[2]) Можно указать случаи, когда подростки, составляя лишь небольшую часть класса, положительно не давали взрослым возможности спокойно и продуктивно заниматься, проявляя такую буйную шаловливость, нетерпение и отсутствие выдержки в занятиях, что внимание преподавателя и взрослых учащихся направлялось в значительной степени на подыскание соответственных воспитательных приемов по отношению к подросткам.

ли не единственную постоянную заботу государственной власти в области образования взрослых.

В частности, в вопросе о подведомственности образовательных учреждений для взрослых тому или иному правительственному органу и об источниках их финансирования можно констатировать полное отсутствие у власти какой-либо общей идеи и системы. Разноречивые, а порою и противоречащие один другому законодательные акты и административные распоряжения, не сведенные во-едино и подвергавшиеся в разных ведомствах и местных органах различному истолкованию, одновременное существование школ одного типа, подчиненных различным ведомствам (напр., общеобразовательные начальные воскресные школы духовного ведомства рядом с частными воскресными школами, классами Технического Общества и земскими воскресно-вечерними классами, подведомственными Министерству Народного Просвещения), со своими особыми правилами, органами управления и надзора и со своими бытовыми особенностями,— все это создавало невероятные затруднения, неразбериху и чрезвычайно тормозило рост и развитие образовательных учреждений для взрослых, подвергая судьбу этих учреждений всем капризам и случайностям начальственного усмотрения и ведомственных трений.

Что касается финансирования образовательных учреждений для взрослых, то ни в общей государственной росписи ни в смете Министерства Народного Просвещения не имелось до последних лет старого режима даже соответствующей статьи расхода, и лишь некоторые ведомства (напр., Министерство Земледелия) уделяли кое-какие крохи на отдельные мероприятия этого рода. Известную, хотя и небольшую долю общей суммы своих расходов на народное образование отпускали на это дело органы местного самоуправления, земские и городские, организуя свои школы и курсы или же выдавая пособия аналогичным учреждениям частной и общественной инициативы [1]). Сравнительно значительную часть средств на обучение взрослых вносят и кооперативные организации всех типов — потребительные, кредитные и сельскохозяйственные, со своей стороны поддерживавшие иногда даже и земские начинания. Наконец, некоторые

[1]) Например, школам, возникавшим по инициативе сельских обществ, мелких кооперативных объединений и т. п. В общем расходы земств на внешкольное образование в 1901 г. составляли 2% бюджета на народное образование уездных земств и 11%—земств губернских. В 1914 г. расходы земств 43 земских губерний на это же дело составляли около 3% общего их бюджета на народное образование (приводим данные, заимствованные у Б. Веселовского и Е. Звягинцева).

весьма скромные суммы отпускают из своих средств отдельные заводоуправления и крупные фабриканты на существовавшие при их предприятиях школы для малолетних и для взрослых рабочих, или же на аналогичные учреждения, обслуживавшие данный район и содержимые в значительной мере за счет частной и общественной благотворительности. Та же частная и общественная благотворительность—в форме ли единовременных пожертвований, сборов с концертов, лекций, постоянных взносов членов данного общества, или же в форме безвозмездного труда педагогического и административного персонала—являлась одним из основных источников содержания множества школ и курсов для взрослых, что создавало и неуверенность в завтрашнем дне и перебои в работе, а нередко и некоторую ненормальность в отношениях с учащимися, ясно ощущавшими в иные моменты всю тягость пользования филантропией. Стремление более сознательной части взрослых учащихся, а также и педагогов-общественников найти выход из этого положения и создать более прочную независимую фананеовую базу для существования этих учреждений побуждало некоторые организации вводить самообложение и устанавливать некоторую, хотя бы и весьма скромную плату за обучение, широко применяя, однако, освобождение от платы всех безработных или же не имеющих самостоятельного заработка. Собираемые таким образом суммы составляли в большинстве случаев лишь небольшую долю в бюджете данного учреждения; но самый факт участия учащихся в пополнении школьной кассы имел большое принципиальное значение, позволяя им чувствовать себя полноправными членами данной организации и более свободно высказывать свои суждения и пожелания относительно постановки дела.

Характерно, что принцип платности обучения взрослых встречал обычно—лишь за немногими исключениями — отрицательное отношение и деятелей-внешкольников, и учащихся, и массы населения [1]), считавших, что элементарные образовательные нужды взрослых должны быть обслуживаемы за счет государственных средств или местного самоуправления; но бесплатность преподавательского труда оценивалась, как явление ненормальное, как временное положение, вызываемое равнодушием или враждебностью государственной власти к образовательной работе среди взрослых [2]).

---

[1]) См. об этом ст. Э. Вахтеровой: „Разработка анкеты, обращенной к учащимся", в выпуске III „Общего Дела", а также доклад и прения по этому вопросу в „Трудах Общеземского Съезда по народному образованию" и в „Трудах 1-й секции 1-го Съезда по вопросам народного образования 1913 г.".

[2]) См. там же.

Таким образом мы видим, что вопрос о финансировании образовательных учреждений, на практике решавшийся в высокой степени ненормально, теоретически ставился правильно и ожидал лишь более благоприятных исторических условий для своего естественного разрешения. Ясно также, что скудость средств, уделяемых на обучение взрослых, чрезвычайно тормозила не только количественный рост соответствующих учреждений, но и качественное их развитие, не давая возможности создать нормальную обстановку учебной жизни. Тесные, не отвечавшие элементарным гигиеническим требованиям и плохо обставленные помещения, недостаток, а иногда полное отсутствие книг и учебных пособий, частая смена преподавателей и чрезмерное дробление преподавания—вот те внешние условия работы, которые являлись следствием этого ненормального положения.

Остается сказать еще о тех правах, которые давали образовательные учреждения для взрослых своим учащим и учащимся, и о тех требованиях, которые им предъявлялись.

Что касается учащих, то предъявляемые для допущения к преподаванию требования (за исключением лишь первого периода существования воскресных школ) были столь же разнообразны и противоречивы, как те многочисленные ведомства и представители власти, которые ведали этим делом на местах, и те законоположения, на которые они опирались; но общим и постоянным требованием власти было требование политической благонадежности всех лиц, которые руководили занятиями взрослых, в особенности же—административного персонала. В смысле образовательного ценза для большинства школ и курсов требовалась подготовка не ниже „домашней учительницы", т.-е. в объеме 7-классной женской гимназии, а в школах грамоты—не ниже „сельского учителя". Кроме того,—за исключением отдельных кратких периодов революционного подъема,—существовали вероисповедные и национальные ограничения. Фактически же в более крупных и организованных школах больших городов педагогические советы предъявляли к вновь вступающим педагогам свои негласные требования—повышенного, хотя бы и не удостоверенного официальным документом образования и общественной рекомендации вновь вступающего в педагогическую коллегию лица—и употребляли все меры, чтобы обойти стеснительные требования власти в этом отношении или временно отсрочить их применение [1]).

[1]) В некоторых школах подбирались преподаватели с цензом высшего учебного заведения, причем в столичных и университетских городах многие курсы обслуживались профессорами, приват-доцентами и ассистентами высшей школы, а также передовыми преподавателями частных гимназий

Но каких-либо прав, напр., прав государственной службы, права на пенсию и т. п., преподавание в школах для взрослых, как школах частных, за редкими исключениями не давало, как не давало большею частью и вознаграждения за труд.

Между тем большинство учащих по своему социальному положению принадлежало к трудящейся демократической интеллигенции, главным образом к педагогической среде, всегда плохо вознаграждаемой за труд, и, несомненно, весьма нуждалось бы и в дополнительном заработке и в социальном обеспечении.

Учащиеся в школах для взрослых по социальному составу делятся на 2 основные группы: 1) городские рабочие, ремесленники и торгово-промышленные служащие—в городских школах, 2) крестьяне и кустари-ремесленники—в деревенских; остальные группы, как-то: прислуга, канцелярские служащие и др., представлялись численно незначительными. Уровень подготовки учащихся даже в одной и той же местности и в одной школе—бесконечно-разнообразен, но можно отметить, что большинство неграмотных групп в городских школах составляли чернорабочие, с значительным преобладанием женщин-работниц, а в деревенских—более пожилые крестьяне; между тем как квалифицированные рабочие в городах и недавно окончившие начальную школу подростки в деревнях заполняли дополнительные классы и школы повышенного типа. В смысле распределения учащихся по возрасту можно определенно выделить, как преобладающую, возрастную группу 17—25 лет.

При поступлении в школу никаких требований, кроме заполнения краткой анкеты, к учащимся не предъявлялось и никакого предельного срока обучения обычно не ставилось. Учащийся оставался в школе и посещал занятия постольку, поскольку сам находил это нужным и возможным. И нередко бывало, что наиболее развитые и одаренные учащиеся, за неимением иных культурных центров, посещали школу в течение многих лет [1]), переходя из начальной воскресной школы в школу 2-й и 3-й ступени, слушая курсы по отдельным предметам или же участвуя в кружковых занятиях так называемых „групп для окончивших". Об окончании курса определенной ступени школы взрослых в некоторых школах

и училищ. Но нередко случалось, что тот или иной педагог, беспрепятственно работающий в средней или высшей школе, не допускался к преподаванию в школах взрослых, и бывали курьезы, когда профессора с европейской известностью, напр., проф. Сеченов, отстранялись от преподавания на курсах для рабочих.

[1]) Можно указать целый ряд случаев, когда ученик или ученица посещали школу 10, 12, 15 лет.

выдавались, после сдачи поверочных испытаний, официальные свидетельства, предоставлявшие учащимся-мужчинам ту или иную льготу по отбыванию воинской повинности. Но никаких других прав, в том числе и прав на поступление в правительственные учебные заведения, эти свидетельства не давали; в жизненном же обиходе фабричного рабочего, ремесленника, служащего они могли сыграть известную роль в смысле повышения служебного положения и заработка.

Но не эти микроскопические „права“ и гадательные выгоды привлекали в стены школы большинство взрослых учащихся,—привлекала их жажда знания, стремление разобраться в явлениях окружающей жизни, привлекала и надолго удерживала также и культурная, проникнутая уважением к человеческой личности атмосфера общественных школ, так непохожая на окружавшую рабочего человека атмосферу бесправия, беззастенчивой эксплоатации и невежества. Далеко недостаточно знаний давали в большинстве эти школы, часто не умели связать эти знания с жизненными запросами учащихся. Но они стремились подготовить учащегося-рабочего не к механическому заучиванию определенных правил и рецептов, а к сознательному усвоению законов физики, химии, механики и т. п., тем самым помогая ему разбираться в сложных вопросах производства. И учащиеся, рабочие и крестьяне, пройдя эту школу и ощутив на себе силу и значение знания, нередко являлись пионерами культуры в своей среде, участвуя в создании новых просветительных учреждений—культурно-просветительных кружков, обществ самообразования, школ и курсов для взрослых и для детей, отделений народных университетов и пр.,—организуя пропагандистские кружки, партийные ячейки, профессиональные объединения, являясь сознательными вожаками рабочего движения и ратниками освободительной борьбы [1]).

Наиболее ценным наследием дореволюционного периода в деле обучения взрослых является, несомненно, выработка и проверка на практике многих основных организационных принципов и методов этого дела, тот опыт, который был проделан в смысле построения общественной, демократической школы.

---

[1]) См. ст. В. Вахтерова: „Воскресные школы и повторительные классы“, в его книге „Внешкольное образование народа“, стр. 211 и след., а также воспоминания К. Лемберга, Горелова, Модестова, Андреева и др. в книге „К 25-летию Пречистенских рабочих курсов“ и Н. Спижарной, „Из воспоминаний учительницы рабочей школы“. „Просвещение“, сб. 2-й, стр. 174—176.

II.

„Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении говорить слишком трудно... Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика".

Ленин.

„Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества".

Ленин.

Наступил переломный 1917 г. В момент продовольственного кризиса, в разгар войны, с неожиданной стремительностью прорвалось наружу долго сдерживаемое революционное брожение. Под дружным натиском революционной демократии рухнуло русское самодержавие. Но окончательная победа над ним зависела от степени сознательности и организованности передовых ее слоев, от поддержки масс. И, сознавая это, учитывая политический опыт 1905—1906 гг., руководители движения спешат упрочить новые формы власти, влить новое содержание в самое понятие государства, создать новые общественные традиции. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов в городах и Крестьянских Депутатов в сельской России; комиссары и эмиссары, губернские и городские продовольственные комитеты и мн. др.,—сколько требовало все это новых, сознательных деятелей, сколько создавало новых, нуждавшихся в выяснении понятий. А ведь в то же время, почти с самых первых дней переворота, обозначились различные общественно-политические группировки, наметились основные разноречия в оценке совершившихся событий и в понимании стоящих перед новой властью государственных задач. И в дальнейшем предстояло провести широкую выборную кампанию в реформированные органы местного самоуправления, осуществить на местах мелкую земскую и городскую единицу; выдвигался вопрос и о выборах в Учредительное Собрание.

Естественно, что с первых же дней переворота, сначала в центрах, а затем и в провинции, выдвинулся вопрос о ши-

рокой агитационно-пропагандистской и просветительной работе среди масс; естественно, что работа эта в первое время выливалась в форму летучих и организованных собраний—митингов, докладов и дискуссий, а также лекций на социальные и политические темы [1]). Огромную роль играла и освобожденная от цензуры периодическая пресса и агитационная литература в виде лозунгов, плакатов, листовок и брошюр, нередко требовавших, однако, пояснений живым словом для неграмотных и малограмотных народных масс. Для организованной политическо-просветительной работы создается ряд политических и профессиональных клубов—рабочих, солдатских, студенческих и др., учреждаемых различными политическими партиями, профессиональными союзами, кооперативными и другими организациями [2]). Характерно, однако, что на ряду с задачами политического просвещения масс и агитацией, непосредственно связанной с нуждами текущего момента, сравнительно скоро выдвигается революционной демократией и вопрос об обучении взрослых, в частности—о школах для неграмотного и малограмотного населения, которые дали бы возможность этому населению более самостоятельно разбираться в политических вопросах и активно участвовать в выборах [3]). О создании школ грамоты в этот период говорят не только представители местных самоуправлений и специально-просветительных организаций—учительских и др., о них заботятся и профессиональные рабочие союзы, и рабочая кооперация, и культурно-просветительные ячейки воинских частей, и упомянутые политические клубы [4]). Ставится на очередь и вопрос о систематической образовательной работе среди грамотных взрослых, разрабатываются программы циклов лекций по социально-экономическим вопросам и си-

---

[1]) См. В. Буш, „Митинги, собрания, лекции в 1917—1918 г."

[2]) Так, в одном только Петрограде,—по словам журнала раб. кооперации и раб. клубов „Труд"—в течение первых 4-х месяцев революции создалось около 60 рабочих и солдатских клубов, ведущих свою работу в различных направлениях и подготовляющих массы „к вступлению в пролетарские организации, политические, профессиональные и иные" („Труд", № 1, 1917 г., стр. 36).

[3]) См., напр., резолюцию Всеросс. Учительск. Съезда (7—9 апр. 1917 г.) о работе учителей по подготовке Учред. Собрания и, в частности, об использовании остающегося срока для организации интенсивного обучения населения грамоте („Русск. Шк.", 1917 г., № 1, стр. 57); или воззвание Оренбургской солдатской группы „ко всем грамотным", призывающее их помочь массам неграмотных, дать им возможность „голосовать с пониманием той огромной ответственности, которая лежит на них" („Русск. Шк.", 1917 г., № 2-3-4, Пед. хрон., стр. 29).

[4]) Такие школы открыты были, напр., при нескольких петроградских рабочих клубах. См. „Труд", № 1, стр. 37 и след.

стематических курсов по общественно-гуманитарным наукам. Наблюдается, в отличие от 1905—06 гг., и стремление по возможности объединить эту чисто-просветительную работу, привести ее в систему, избегнуть ненужного параллелизма, приводящего к напрасной трате и без того недостаточных культурных сил: создаются межрайонные комиссии, межклубные объединения, уездные и губернские лекторские бюро и союзы, проектируется создание особых культурных центров, объединяющих работу пролетарских организаций [1]), и т. д. Все эти организации пытаются учесть текущую работу и создать новые культурные очаги там, где местная инициатива еще не пробудилась.

Но культурных сил для всей этой работы не хватает; и особенно ощущается это в провинции, в сельской России. Советы Крестьянских Депутатов, провинциальные рабочие организации, земские и городские самоуправления засыпают просветительные и партийные центры просьбами прислать лекторов, указать популярную литературу, командировать инструкторов по проведению выборов и т. п. Земства и города ассигнуют значительные суммы на оплату таких разъездных инструкторов и лекторов, на выписку из центров и издание на местах литературы, выясняющей смысл и значение происшедшего переворота, и в частности на местную периодическую прессу, на народные чтения [2]). Крупные кооперативные союзы организуют передвижные лекторские тройки „для политического просвещения своих членов", рассылают библиотечки, издают свои журналы и листовки на политические темы, устраивают книжные склады. Ряд областных и всероссийских съездов—советов рабоч. и солдатск. депутатов, крестьянского союза, кооперации, общеземское и общегородское совещание и др.—подчеркивая значение общего и политического просвещения взрослых в данный исторический момент, выдвигают необходимость подготовить в ближайший срок кадры квалифицированных работников для этой цели [3]).

---

[1]) См. резолюции Съезда Рабоч. Кооперации и I Всеросс. Конференции проф. союзов.

[2]) Лекционная работа в наиболее организованных формах и широком масштабе выдвинута была Нижегородским, Таврическим, Ярославским, Пермским, Екатеринославским, Саратовским, Вятским и некоторыми другими губернскими земствами.

[3]) См., напр., резолюцию Всеросс. Съезда Раб. и Солдат. Депут. по внешкольному образованию о необходимости „начать работу по подготовке специалистов" путем создания особого „Института Внешкольного Образования" и краткосрочных курсов по отдельным отраслям его, а также резолюцию Всеросс. Учит. Съезда „о работе учителей по подготовке Учредительного Собрания", где указывается, в числе других мер, необходимость „образовать группы пропагандистов с целью планомерно обслуживать уезды" и устройства курсов по политическим вопросам для самих учителей („Русск. Шк.", 1917, № 1, стр. 57 и след.).

В центрах спешно разрабатываются программы и подбираются руководители для ряда „агитаторских курсов“, подготовляющих лекторов и пропагандистов по отдельным социальным и политическим вопросам; Городским Университетом Шанявского в Москве, Лутугинским Народным Университетом в Петрограде организуются серии агитаторских и пропагандистских курсов в различных районах города. Учащаяся молодежь, прогрессивная интеллигенция на местах устраивают „лекционные“ и социалистические кружки для подготовки из своей среды лекторов и агитаторов. Земствами и кооперацией ассигнуются крупные средства и на организацию своих и на поддержку чужих начинаний этого рода и устраивается ряд курсов для учителей и других лиц из сельской интеллигенции в течение лета 1917 г. [1]).

Новым и характерным для рассматриваемого периода является и то исключительное внимание, которое уделяется просвещению армии, сыгравшей решительную роль в дни переворота и представлявшей крупную организованную силу. Агитация, пропаганда и общеобразовательная работа среди войсковых частей, как находящихся в тылу, так и на фронте, составляют с первых дней революции заботу и Советов Раб. и Солдат. Депутатов, и различных политических партий, и органов новой власти в лице „Политического Управления Военного М-ва“ и его Просветительного Бюро. Повсюду, начиная с отдельных полков, даже отдельных рот и батальонов, и кончая корпусами и целыми армиями—выделяются культурно-просветительные комиссии, организуются политические клубы, занятия с неграмотными и малограмотными; подготовляются и кадры руководителей для ведения этих занятий.

Большая культурная работа общеобразовательного и политического характера ведется среди взрослых и культурно-просветительными органами—участковыми, районными, узловыми—железнодорожных организаций.

Медлит, отстает от запросов жизни, да как будто даже и не спешит их удовлетворять лишь М-во Нар. Просвещения. Среди царящего вокруг лихорадочного возбуждения оно в течение нескольких месяцев сохраняет замкнутый, ведомственный характер работы, неторопливо подготовляя в недрах своих канцелярий проекты некоторых преобразований, совершенно не соответствующих требованиям коренной реформы всей системы народного образования, которые настойчиво выдвигались революционной демокра-

[1]) Такие курсы организуют в различных пунктах губернии земства Ярославское, Пермское, Таврическое, Смоленское и др.

тией [1]). Ряд неотложных, вопиющих нужд в области народного просвещения остается попрежнему неудовлетворенным, основные вопросы культурного строительства не получают сколько-нибудь соответствующего духу времени разрешения. Но вот, взамен проектировавшегося М-вом „съезда деятелей по народн. образованию", центральными демократическими организациями (Советом Раб. и Солдат. Депутатов, Учительским Союзом и друг.) выдвигается предложение об образовании при М-ве Нар. Просв. Постоянного Совещания с представительством этих организаций. И предложение это осуществляется в мае 1917 г. путем создания так наз. „Государственного Комитета по нар. образованию", в состав которого входят представители всех крупных всероссийских объединений демократического характера [2]).

Работу свою Государственный Комитет, призванный обосновать реформу народного образования на началах нового демократического строя, повел в двух направлениях: в смысле разработки общей системы народного образования, с одной стороны, и в смысле указания ближайших, очередных мероприятий М-ва по ликвидации наиболее ненавистных и стеснительных пережитков прошлого, с другой. В основу общей системы народного образования Госуд. Комитетом были положены начала широкой децентрализации, свободы частной и общественной инициативы, уравнения граждан всех сословий, национальностей и вероисповеданий в праве на образование, с установлением единой в своей основе общеобразовательной школы, разделенной на 4 ступени [3]).

Те же начала проводились Комитетом и при разработке законопроектов, касающихся внешкольного образования. „Непосредственное заведывание всем делом внешкольного образования,—гласит постановление Комитета,—должно принадлежать органам местного самоуправления, при условии обеспечения полной свободы в этом деле кооперативным, профессиональным, просветительным и др. общественным организациям, а также частной инициативе". Государству же должно

---

[1]) Ср. декларацию Министра Нар. Просв. проф. Мануйлова, и декларацию Петроградск. организованного учительства на собрании Петр. Учит. Союза 29 марта 1917 г. („Русск. Шк.", 1917, № 1, стр. 40 и след.).

[2]) А именно: Всеросс. Советов раб. и солдат. депутатов, Крестьянск. депутатов, Всеросс. организации проф. союзов, Совета всеросс. кооперат. съездов, Всер. Земского и Городского союзов, Всер. национ. организаций, Всер. Учительского и Академического союзов, Объединенной организации студенчества и Исполнит. Комитета Госуд. Думы.

[3]) См. „Временные правила об управлении школами и заведывании делом нар. образования в губерниях, уездах и городах" и „Временное положение о единой общественной общеобразовательной школе" и др. („Бюллетени Госуд. Комитета по нар. образов. при М-ве Нар. Просв". Пгр. 1917 г.).

принадлежать лишь „заведывание центральными учреждениями по внешкольному образованию, имеющими общегосударственный характер“, и издание органических законов по внешкольному образованию, которые обеспечили бы свободу и равенство граждан в области внешкольного образования и установили бы тот минимум развития общественной организации и внешкольного образования, пользование которым должно быть обеспечено каждому гражданину органами местного самоуправления [1]). Действовавшая до сего времени система выдачи М-вом Нар. Пр. пособий на внешкольное образование, лишенная какого-либо принципиального, выдержанного плана, должна быть ликвидирована и, впредь до коренной реформы местных финансов, заменена системой государственных ассигнований на нужды внешкольного образования, выдаваемых губ. земствам и выделенным в самостоятельные единицы городам [2]). При этом Комитет настаивал на необходимости возможно более крупных, во много раз превышающих существовавшие до тех пор, ассигнований из государственных средств на удовлетворение самых неотложных нужд внешкольного образования, какими являются в частности: различного типа школы для взрослых и подготовка работников внешкольного просвещения и деятелей волостных земств [3]).

Таковы общие положения, отражающие принципиальное отношение Комитета к вопросам организации внешкольного образования. Более детальной разработке подверглись лишь некоторые отдельные вопросы, в том числе вопрос о внешкольном воспитании подростков [4]).

На этом работа Государственного Комитета прервалась в виду событий, связанных с Октябрьским переворотом; и постановления его по внешкольному образованию, задержанные рассмотрением в М-ве Нар. Просв., за немногими исключениями, не успели получить надлежащего утверждения при Временном Правительстве и не были проведены в жизнь.

Единственное пожелание Гос. Комитета, которое отчасти осуществилось в рассматриваемый период, было учреждение впервые при М-ве особого „Отдела Внешкольного Образования“, с особым товарищем министра во главе [5]). Но ни новый

---

[1]) См. неопубликованные труды Гос. Комитета по нар. образов. при М-ве Нар. Просв. Пгр. 1917 г.

[2]) Там же.

[3]) Там же. Выработанные Комиссией по внешкольному образованию тезисы.

[4]) Там же.

[5]) Организация этого отдела была поручена новым министром нар. просвещения, С. Ф. Ольденбургом, известной деятельнице по внешкольному образованию, С. В. Паниной.

товарищ министра ни возглавляемый им Внешкольный Отдел не успели развернуть сколько-нибудь заметной деятельности за три месяца своего существования. Представляет интерес лишь созванное при Отделе (в конце сентября 1917 г.) Совещание внешкольных деятелей, выработавшее определенный план и нормы субсидирования М-вом местных организаций на мероприятия по внешкольному образованию, ввиду невозможности удовлетворить все поступающие ходатайства. В первую очередь выдвигались: 1) школы грамоты, которые предполагалось создать, в качестве экстренной меры, в каждом школьном районе, в среднем на 150 учебных часов, при 20-ти учащихся на школу; 2) начальная общеобразовательная школа для взрослых; 3) высшая крестьянская школа, которая ставила бы своей задачей—„подготовить интеллигентных общественных работников для деревни из среды земледельческого населения, не отрывая их от родной стихии—земли"; внутренняя жизнь школы должна строиться на началах самодеятельности учащихся, индивидуализации их работы и близком общении учащих и учащихся, что достигалось бы отчасти созданием при высшей крестьянской школе товарищеских общежитий. Школа эта рассчитывалась на 6—7 зимних месяцев, а учениками предполагались взрослые (не моложе 16 лет), окончившие начальную школу и командированные в высшую крестьянскую школу местными общественными учреждениями [1]). Совершенно неотложной признана и подготовка работников по различным отраслям внешкольного образования в форме постоянных и краткосрочных курсов, а также курсов для волостных работников. В смету М-ва на ближайший и следующий учебный год Совещание предлагало внести довольно значительные суммы в целях быстрого развития сети школ для взрослых и других учреждений внешкольного просвещения [2]).

Так намечались в этот первый период революции основные принципы реформы всей системы народного и, в частности, внешкольного образования и делались властью первые, нерешительные попытки ее осуществления. Понятно, однако, что общая обстановка революционного времени с его напряженной борьбой различных социально-политических течений,

---

[1]) Постановления Совещания см. в кн. Е. Медынского „Внешкольное образование, его задачи, организация и техника". Изд. 4-е. М. 1918 г., стр. 277—280.

[2]) По заявлению А. Луначарского, год спустя, „Временное Правительство незадолго до своего низвержения, через известную деятельницу внешкольного образования, графиню Панину, старалось сделать государственным это дело внешкольного образования, и внесена была в смету небольшая сумма, приблизительно треть той суммы, которая ассигнована при новом правительстве на это дело. Но это было только в плане дальнейших действий" (А. В. Луначарский, „Что такое образование". Пгр. 1918 г., стр. 3).

в условиях неликвидированной еще общеевропейской войны и вызванного ею продовольственного и финансового кризиса и расстройства транспорта, мало благоприятствовала проведению в жизнь новой системы народного образования в целом. Невольно, силою событий, выдвигались на первый план задачи общественно-политического просвещения масс; но неграмотность большинства населения и неподготовленность его в смысле элементарных общеобразовательных знаний, а также остро ощущавшийся недостаток квалифицированных работников в области просвещения значительно тормозили и эту работу, несмотря на небывалый ее размах.

* * *

События, последовавшие за Октябрьским переворотом, разумеется, еще усложнили положение дела. Сгущенная атмосфера ожесточенной политической борьбы, нередко выливавшейся в форму вооруженных столкновений, смена власти центральной и неизбежные перебои в управлении на местах, запутанное положение государственных и местных финансов, наконец самая неустойчивость общей политической конъюнктуры—все это делает конец 1917 г. и начало 1918 г. переходным периодом, когда органическая работа в области народного образования была почти невозможна ни для одной из борющихся сторон.

Однако новая власть почти с первых же дней выявила и подчеркнула свое отношение к внешкольному образованию, как к одному из могучих рычагов социально-политического строительства и борьбы [1]). В организации же внешкольного образования,—согласно официальному заявлению комиссара народного просвещения А. В. Луначарского,—принципы децентрализации и автономии провозглашаются еще с гораздо большей решительностью, чем в цитированных выше проектах Госуд. Комитета. Государственная Комиссия по нар. просв. отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления. „Самостоятельная работа самочинных классовых—рабочих, солдатских, крестьянских—культурно-просветительных организаций,—говорится далее,—должна обладать пол-

[1]) Декретом 19 ноября 1917 г. вместо прежнего М-ва Нар. Просвещения учреждена была „Государственная Комиссия по народному просвещению", и в числе отделов этой Комиссии намечены были: Отдел Внешкольного Образования и Отдел помощи классовым просветительным организациям пролетариата (см. офиц. орган Госуд. Комиссии по нар. просв. „Народное Просвещение". Пгр. 1918 г., № 1—2, стр. 9 и след.).

ной автономией как по отношению к государству, так и по отношению к центрам муниципальным. Дело Госуд. Комиссии—служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном масштабе" [1]). А месяц спустя заведующая Отделом Внешкольного Образования определенно подчеркивала, что „организация внешкольного образования должна быть делом самого населения, непосредственно в нем заинтересованного. Никакой опеки со стороны М-ва не должно быть. Смешно было бы думать, что из центра можно управлять культурной деятельностью многомиллионного населения". Дело вновь создаваемого Комиссариата Нар. Просвещения—„с одной стороны, явиться культурным центром, около которого сплачивались бы активные работники в данной области", с другой—издавать ряд законоположений, „которые облегчали бы работу местных культурных сил, расчистили бы путь деятельности". В первую очередь необходимо озаботиться о постановке просветительной работы среди рабочей молодежи, а затем разработать план различного типа школ для взрослого населения и других мероприятий по внешкольному образованию [2]).

Насколько широко понимались задачи внешкольного образования представителями новой власти, можно судить по заявлениям комиссара по просв. А. Луначарского, говорившего, напр: „Для нас внешкольное образование есть гигантский орган пропаганды ряда образовательных, т.-е. научных и художественных ценностей, гигантский аппарат культурного просвещения народа, который держали в темных подвалах... которому не давали возможности развернуть свои крылья, чтобы этот народ был в состоянии воспользоваться своей победой" [3]). „Вопрос о завоевании знаний ставится революцией общенародной во весь рост... Власть можно взять в свои руки военным переворотом. Богатство—рядом декретов. Но превратить эту власть в настоящее планомерно действующее государство, извлечь из этого богатства реальную пользу можно только в том случае, если обладаешь знанием... Иначе мы только все разрушим и ничего не создадим на место разрушенного. Внешкольное образование должно нам дать в кратчайший срок максимальное количество технических знаний... Нам нужно также граждански просветить „тьмы

[1]) „Нар. Просвещение" 1918 г., № 1—2, стр. 4.
[2]) Там же, стр. 19.
[3]) А. Луначарский, „Что такое образование". Пгр. 1918 г., стр. 16.

тем“ русских граждан. Никакая пропаганда и агитация в сфере чистой политики не смогут достаточно широко осветить путь перед крестьянами. Они достигнут этого только в связи со школьной и внешкольной культурой. Наконец, украсить жизнь человеческую, приблизить до сих пор далеких людей к источнику великих культурных ценностей— это тоже задача внешкольного образования“[1]).

„Только путем органической связи просветительной (общеобразовательной) работы с работой по улучшению местной культуры в области труда,—говорит автор другой статьи того же официального органа,—на началах самого активного вовлечения трудовой массы в непосредственное строительство как самих учреждений, так и всей совершаемой в них работы,—должна вестись внешкольная работа. Внешкольный Отдел явится тем центром, где скрещивается все многообразие местной практики и откуда будет распространяться здоровое руководящее влияние“ [2]).

Несколько иначе и в более разработанном виде намечается организация внешкольного образования в „Тезисах по вопросу о распределении и координировании работы по внешкольному образованию“, явившихся результатом нескольких совещаний, созванных при Внешкольном Отделе весною 1918 г., когда, по свидетельству руководителей Отдела, деятельность его приняла более планомерный характер.

„Организационные ячейки, вырастающие из самодеятельности масс, являются базисом всего дела внешкольного образования. Выше стоящие центральные органы имеют целью лишь содействовать работе этих ячеек“. Но „малочисленность достаточно подготовленных работников в области внешкольного образования диктует необходимость величайшей экономии в распределении наличных сил. Поэтому необходимо выработать общий план работы, который устанавливал бы целесообразное распределение функций между советскими, общественными, классовыми и частными организациями разных типов по внешкольному образованию“ [3]).

Таким образом уже с самых почти первых шагов новой власти намечаются, как и в предыдущий период, три основных задачи в области строительства внешкольного образования, являющиеся необходимым условием дальнейшего его развития: 1) выделение особого органа—Отдела в центре, который ведал бы специально вопросы внешкольного образования;

---

[1]) А. Луначарский, „Революция и внешк. образ.“ („Журн. Внешк. Образ.“. Пгр. 1919 г., № 2—3, стр. 3—5). Курсив мой.—А. Г.

[2]) См. ст. Г—на: „Очередные задачи“ („Внешк. Образ.“. Пгр. 1918 г., № 2—3, стр. 8).

[3]) См. „Нар. Просв.“, № 4—5 за 1918 г., стр. 79.

2) выработка известной государственной системы учреждений внешкольного образования для удовлетворения насущнейших нужд населения в этой области; 3) подготовка работников-специалистов по различным отраслям внешкольного образования. А в связи с этими основными задачами, для более полного выяснения целей внешкольного образования в условиях нового строя и ввиду недостатка в квалифицированных работниках, постоянно ощущалась потребность в коллегиальном обсуждении всех важнейших вопросов организации на разного рода совещаниях и съездах [1]), в создании „образцовых учреждений" и в подборе кадра разъездных инструкторов и лекторов для обслуживания внешкольных курсов и для инструирования местных организаций.

Вслед за организационными задачами выдвигались сами собою и вопросы методического характера, но пока лишь в виде отдельных опытов и попыток. Так, в 1918 г. составлена так назыв. „Грамота гражданина", представляющая собою схему лекций-бесед с неграмотными и малограмотными по основным вопросам естественнонаучных и общественно-гуманитарных знаний (вошедших впоследствии в программу так наз. политграмоты) и делались попытки ее применения.

Что же касается основной общей системы учреждений по внешкольному образованию, то на 1-м Всероссийском Съезде по народному образованию (в августе — сентябре 1918 г.) она намечалась „приблизительно" в виде сети народных домов, библиотек, школ для взрослых, чтений, лекций и бесед (причем особенное внимание уделялось различного типа учреждениям для обучения взрослых и подростков [2]).

Расходы на мероприятия местных органов по внешкольному образованию предполагалось покрывать как из средств

---

[1]) По данным Отдела съездов Наркомпроса, за 1918 г. было 245 съездов, касающихся вопросов нар. образования, причем в громадном большинстве случаев съезды эти так или иначе затрагивали и образование внешкольное („Народн. Просвещен.", № 30, стр. 21 и след.).

[2]) Из общей суммы в 40 миллионов, ассигнованной на внешкольное образование на 2-е полугодие 1918 г. по 33 губ. Европ. России, Кавказу, Сибири и Средне-Азиатским владениям, на специально-образовательные учреждения для взрослых и рабочей молодежи ассигновано было 11.040.000 руб., т.-е. 27,6%, причем большая часть, 7.440.000 р. предназначалась на школы и курсы для взрослых, 2.800.000 руб.—на организацию лекций и бесед и 800.000 руб.—на нар. университеты. Кроме того весьма значительная сумма—10 милл. руб.—предназначалась на содержание культ.-просветит. учреждений при национализированных фабриках и заводах или при профсоюзах и 10 милл. предполагалось внести в фонд на устройство и оборудование нар. университетов (см. „Объяснит. записку к проекту сметы расходов на 2-е полугодие 1918 г.").

государственного казначейства, так и местных органов управления; но „ввиду катастрофического состояния местных финансов“ было признано необходимым временно, впредь до урегулирования местных бюджетов, большую часть расходов отнести на средства государственного казначейства; при этом расходы по устройству чтений, лекций и бесед, по школам и курсам для взрослых и подростков и пролетарским университетам принимались на иждивение центра в полном размере [1]).

„Отсутствие у народных масс самых элементарных знаний и убогость внешкольного образования при старом строе,— гласит резолюция, определяющая роль внешкольного образования в новом строе,—настоятельно требует проведения ряда мероприятий, отвечающих широкому запросу народных масс в знании. Необходимо не только скорейшее открытие достаточного количества элементарных школ для взрослых, но и школ повышенных (народных университетов). Учитывая особенность методов преподавания в среде взрослого населения, Съезд указывает на необходимость широкого применения лекционной системы в форме передвижного народного университета. При этом необходима тесная связь занятий со взрослыми и других форм внешкольной просветительной работы и воздействие не только путем живого слова, но и „живого образа“—„передвижных просветительных выставок“ с широкой пропагандой знаний путем научно-популярного кинематографа“ [2]). „Имея в виду, что непосредственной задачей рабочего класса в настоящий момент является необходимость взять производительный аппарат в свои руки и соответствующим образом реорганизовать его... необходимо обратить особое внимание на внешкольное профессиональное образование рабочих масс“, причем обеспечение за пролетариями права на внешкольное образование возможно „путем проведения обязательств для предприятий отпускать на известное число часов в неделю рабочих для посещения школ и курсов для взрослых и включением этих часов в счет оплачиваемого рабочего времени, с обязательством посещения этих школ для подростков“ [3]).

Выдвинулся на съезде и вопрос о нормальной оплате труда внешкольных работников, и решено было приравнять труд учителя-внешкольника к труду учителя школы 2-й сту-

---

[1]) См. Резолюции Внешкольн. секции Всер. Совещания завед. Фин. и Внешкольн. Подотдел. Губ. О. Н. О., 20—27 ноября 1918 г. („Внешкольн. Образ“. М. 1919, № 1, стр. 95).

[2]) См. резолюции Внешкольн. секции I Всеросс. Съезда по просвещен. „Нар. Просв.“, № 4—5, стр. 100 и след.

[3]) См. там же, стр. 99 и след.

пени, а определение оплаты лекторского труда предоставить местным отделам народного образования.

Таковы были директивы и предположения центра.

На местах же проснувшаяся и остро ощущаемая потребность в знаниях вызывала к жизни ряд различного типа начинаний, нередко разобщенных в своей работе, хотя и выполняющих параллельно одни и те же задания и повторяющих те же ошибки. И если в городах, в особенности в крупных центрах, образовательная работа среди взрослых и подростков велась и некоторыми из прежних культурных очагов—школами, клубами, просветительными отделами союзов,—и вновь возникающими организациями совершенно нового типа, напр., пролеткультом, районными отделами совдепов и ячейками Р. К. П.,—то в сельской России, в большинстве своем не имевшей определенных, прочно установившихся форм и традиций культурной работы, эта тяга к просвещению выражалась главным образом в создании культурно-просветительных кружков и кружков самообразования, покрывших как бы молодой зеленой порослью всю сельскую Россию. Инициаторами таких кружков являлись обычно вернувшиеся с фронта или из плена солдаты, либо перешедшие на землепашество городские рабочие; но руководить образовательной работой своих товарищей они большею частью не могли и направлялись за указаниями, пособиями, руководством и за денежными средствами в местный Отдел народного образования, в кооперативный союз, в просветительное общество—словом, всюду, откуда можно было надеяться получить идейную или материальную помощь. А руководящий орган советской власти, в лице Комиссариата Народного Просвещения, расценивая самодеятельность масс, как базу всей системы внешкольного образования, и признавая за общественными, классовыми (партийными, профессиональными, кооперативными) и частными организациями „право на независимое существование“, предоставлял значительный простор деятельности существующих и вновь возникающих просветительных организаций. Полагая, что деятельность их может отчасти дополнять работу советских учреждений, а отчасти содействовать созданию новых типов учреждений, центральные и местные органы власти в случае надобности субсидировали такого рода самостоятельные организации по нормам, выработанным в общегосударственном масштабе“ [1]).

Особенно видная роль как в количественном, так и в качественном отношении в области культурной работы принадлежит в этот период кооперации, а также некоторым

[1]) См. там же, стр. 79.

профессиональным союзам и крупным общественным объединениям, которые в первое время работают раздельно, но впоследствии все больше и больше ощущают необходимость согласования и объединения направленных на просветительные цели разрозненных усилий.

Что касается организаций кооперативных, то культурно-просветительную и, в частности, внешкольную работу вели по преимуществу не кооперативы первой степени, и в этот период не имевшие в большинстве ни достаточных средств ни достаточно подготовленных работников, а более крупные кооперативные объединения (всероссийские, областные, некоторые губернские), выделявшие для этой цели особые культурно-просветительные комиссии или внешкольные отделы [1]). Такие отделы обычно начинали свою работу с обследования деятельности нужд кооперативов первой степени и более мелких союзов [2]), а затем организовали для них соответственно выяснившейся потребности кооперативные и профессиональные курсы [3]), съезды-курсы, лекции; создавали склады различного рода пособий и книг, библиотеки; субсидировали и инструировали через особых инструкторов возникавшие на местах культурно-просветительные кружки, школы и курсы для взрослых и т. п.

Деятельность их и в этот период имела своей задачей не только „кооперативное просвещение“ и распространение связанных с экономической деятельностью кооперации специальных знаний (напр., по сельскому хозяйству, маслоделию, кустарным промыслам и т. п.), но и общие задания внешкольного образования [4]). В этот переходный период постепенного вытеснения и разрушения прежних и введения новых форм самоуправления на местах, кооперация,—по мнению некоторых культурных ее деятелей,—должна была „развернуть свой фронт, свои силы и средства для целей общественного и культурного строительства России“, „немедля взять на свое попечение многие из земских мероприятий, чтобы не дать им окончательно погибнуть“ [5]). И действительно, кооперация на

[1]) Особенно широко и интересно была поставлена эта работа в культ.-просвет. отделах Всеросс. Союза Потреб. Об-в (Центросоюза) и Всер. Совета Кооперат. Съездов, а также в союзах Пермском, Алтайском, Нижегородском, Вологодском, Костромском и некот. др.

[2]) Н. Иорданский, „Культурно-просветительная деятельность кооперации“ (Результаты анкетного обследования кооперат. союзов и объединений в 1917 г.), изд. Сов. Всер. Коопер. Съездов.

[3]) Так, за время с 1917 по август 1918 г. имеются сведения о 20 с лишним краткосрочных курсах в губерниях Европ. России, не считая Украйны.

[4]) Основные положения организации культ.-просв. деятельности при кооперат. союзах и объединениях. Изд. Совета Всеросс. Кооперат. Съездов. М. 1918.

[5]) Ф. Я. Дьяков, „Кооперация и просвещение“. Изд. 2-е, М. 1918 г., стр. 22, 23 и 26.

местах пытается в эту пору направить свою культурную работу „по пути создания и осуществления намеченной кой-где земством районной просветительной организации“ [1]), обслужить эти организации кадрами районных и даже участковых инструкторов.

Во второй половине 1918 г., в связи с переобременением кооперативов хозяйственной работой, с одной стороны, и многочисленными затруднениями в развитии просветительной деятельности их, с другой, стало нарастать в кооперативных центрах течение за ограничение культурной деятельности кооперации областью чисто-кооперативного просвещения. Но собравшийся в феврале 1919 г. „Всероссийский Съезд по кооперативному просвещению и культурно-просветительной деятельности кооперации“ отверг намечавшуюся было в центрах точку зрения. Съезд признал, что кооперативное просвещение и воспитание, составляющее органическую часть кооперативного движения, связано с общепросветительной работой кооперации, и что существование специальных культурно-просветительных организаций не снимает с кооперации обязательства вести эту работу. В частности, в деле организации взрослых, на ряду с просветительной работой среди широких масс населения — чтений, лекций — признано необходимым развитие интенсивных, углубленных форм внешкольной работы; а такими формами являются кружки саморазвития, курсы и школы повышенного типа и, в частности, высшая крестьянская школа. В отношении же кооперативного просвещения съезд признал необходимым переход от отдельных курсов—к системе курсов и к созданию широкой сети кооперативных школ различного типа, причем особенно подчеркивалось значение сельскохозяйственных знаний. На одно из первых мест выдвигались кружки, построенные на самодеятельности членов и имеющие целью, с одной стороны, развитие практических навыков к разумной хозяйственной деятельности, с другой—воспитание нравственного самосознания и действенной взаимопомощи. Такими явятся не только кружки самообразования, но и кружки активных кооператоров, по изучению местного края, сельскохозяйственные и др., объединяющие своих членов на почве какого-нибудь реального дела.

Несколько обособленное место среди кооперативных объединений занимала кооперация рабочая, выделившаяся еще в первый период революции, в смысле формулировки своих задач и своих взаимоотношений с другими проле-

[1]) Такого рода районные организации создавались, напр., Екатеринбургским, Пермским, Вологодским и др. союзами.

тарскими организациями. Профессиональные союзы и рабочие кооперативы, по мнению I-го Съезда рабочей кооперации—только ветви рабочего движения, конечная цель которого—достижение социализма [1]). Поэтому для организации культурно-просветительной деятельности необходимо образование на местах особых культурно-просветительных рабочих центров, в ведении которых и должна находиться вся культурная и просветительная работа в данной местности [2]). Основная ближайшая задача культурно-просветительной деятельности рабочей кооперации, как и других форм рабочего движения—„подготовить и противопоставить интеллектуальным силам, стоящим на стороне господствующих классов, свои собственные силы, борющиеся за идеалы рабочего движения". А в качестве конкретных задач в области образовательной работы среди взрослых выдвигаются те же типы школ, кружков, курсов для рабочих, что и для кооперации общей, причем работу эту предполагалось согласовать в соприкасающихся областях с работой государства, органов местного самоуправления и других демократических организаций [3]).

Однако создание на местах культурно-просветительных рабочих центров в том виде, как они проектировались первоначально, осуществить не удалось. Профессиональные союзы и рабочая кооперация создают сначала свои обособленные центры: Всероссийский Совет рабочих кооперативов, являвшийся центром неторговой их деятельности, и Совет профессиональных союзов, при котором выделяется так называемый культурный отдел, руководящий просветительной деятельностью входящих в его состав организаций. Но сравнительно значительная финансовая мощь кооперации давала ей возможность вести культурно-просветительную работу в более широком масштабе, беря на себя содержание старых культурных очагов и создавая новые [4]).

Между тем профессиональные союзы, ввиду происходившей в них в этот период партийной борьбы и связанной с нею организационной ломки, а также ввиду недостатка материальных средств, не могли уделять культурной работе должного внимания и по большей части предоставляли своим членам использовать соответственные мероприятия рабочей

---

[1]) См. I Всеросс. Съезд по коопер. просв. и культ.-просв. деят. кооперации. Изд. Сов. Всеросс. Кооп. Съездов. М. 1919 г., стр. 15.

[2]) См. „Резолюции I Всеросс. Съезда рабочей кооперации". М. 1917 г.

[3]) Там же.

[4]) Так, Петроградский Союз рабочей кооперации взял на себя поддержку одного из крупнейших просвет. очагов Петрограда—Лиговского Народного Дома со всеми его курсами и чтениями и т. п. и широко развил свою деятельность по организации лекций.

кооперации и других организаций [1]). Лишь некоторые крупные „старые“ союзы [2]) продолжают вести эту свою работу более самостоятельно, выдвигая и некоторые новые ее формы, например, лекции с передвижным научным кинематографом, различного рода специальные и технические курсы, „Дни просвещения“, „Дома культуры“ и др. Выдвигаются союзами и новые задания общего характера, как подготовка кадра пролетарских руководителей, создание профессионального рабочего университета, подготовка инспекторов труда и друг.

Неизбежный параллелизм в работе пролетарских культурных организаций при ясно ощущаемом ими недостатке материальных средств и сил—с одной стороны, и стремление подойти к разрешению выдвинувшегося ранее вопроса о создании очагов пролетарской культуры [3])—с другой,—побуждают искать новых форм объединения культурно-просветительной их деятельности. Уже с осени 1917 года намечается особый тип организации, так называемой „Пролеткульт“. I-я Конференция пролетарских культурно-просветительных организаций, состоявшаяся в Петрограде незадолго до Октябрьского переворота, определенно заявляла, что „движение культурно-просветительное должно занимать место рядом с политикой, профессиональным движением и кооперацией“ [4]). „Приступая к осуществлению социалистического преобразования общества, — подтверждает Моск. Конференция в феврале 1918 г.,—пролетариат должен немедленно закладывать основы новой классовой социалистической культуры“. Для этого он должен овладеть всем культурным достоянием старого буржуазного мира, но должен отнестись к нему критически, воспринимая эту культуру не только как ученик, но и как строитель, воздвигающий новое здание, используя жизнеспособные элементы старого. „Пролеткульт,—говорит Керженцев,—стремится пробудить пролетарское творчество в области научной и художественной и помочь его выявлению, он хочет найти и оберечь те творческие ростки новой культуры, которые уже пробились сквозь толщу старого... Творческую самодеятельность масс он ставит в основу своей деятельности... Он должен будет создать для пролетариата ту обстановку, при которой всякий, желающий проявить свой

---

[1]) См., напр., отчет Петроград. Совета проф. союзов с конца апреля по декабрь 1918 г.

[2]) Напр., Союз металлистов, печатников, железнодорожников и др.

[3]) См. А. Луначарский, „Культурные задачи рабочего класса“. I. „Культура общечел. и классовая“. Изд. „Социалист“. Пгр. 1917 г., стр. 24.

[4]) Цит. по ст. „К созыву Всеросс. Культ.-Просв. Конференции раб. организ.“. „Пролетар. Культ.“, № 1, стр. 26.

творческий инстинкт в сфере науки, литературы, театра, школы и т. д., сможет найти полную возможность свободно творить и работать в дружеской и товарищеской среде" [1]).

Несмотря на чрезвычайность и остроту политических событий, которые то и дело ставят тревожный вопрос: быть или не быть,—рабочий не перестает проявлять жгучий интерес к вопросам пролетарской культуры и всюду строит ее ячейки [2]),—говорится в обращении Организационного Бюро Всероссийской Конференции культурно-просветительных рабочих организаций.

Задачи рабочего класса в отношении современной науки определяются в докладе А. Богданова, как „пересмотр ее с пролетарской точки зрения как по содержанию, так и по форме изложения; создание новой организации, как разработки ее, так и распространения в рабочих массах". При этом дело распространения знаний и научной работы неразрывно связаны: их жизненным воплощением должен явиться Рабочий Университет и Рабочая Энциклопедия. Рабочий Университет должен представлять систему культурно-просветительных учреждений, ступенями восходящих к одному центру формирования и организации научных сил. В этой системе на каждой ступени ее курсы общеобразовательные должны дополняться специальными, социально-практическими и научно-техническими [3]). Сочетать науку и труд, построить гармоническую культуру на основе трудового опыта и показать великое трудовое и практическое содержание так называемой „чистой науки"—вот основное стремление Пролеткульта по мнению его организаторов и работников. Задачей школы-мастерской, построенной на этих основаниях, является „создание гармонического специалиста, т.-е. человека, в совершенстве владеющего техникой своего дела—с одной стороны, и в совершенстве уяснившего связь своей специальности с общими культурными завоеваниями современной науки—с другой" [4]).

В действительности наиболее типичными формами деятельности пролеткультов были студии и кружки, преимущественно в области художественного образования. Объединяя рабочих на почве интереса к той или иной отрасли искус-

---

[1]) В. Керженцев, „Пролеткульт—организация пролет. самодеятельности". „Пролетар. Культура", № 1, стр. 7 и 8.

[2]) К созыву Всеросс К.-Пр. Конфер. раб. орг. „Пролетар. Культ.", № 1, стр. 27.

[3]) См. А. Богданов, „Наука и раб. класс". „Пролет. Культ.", № 2 стр. 21 и след., или же одноименная брошюра того же автора.

[4]) См. Отчет о деятельности Петроград. Пролеткульта („Журн. Внешк. Образования". Пгр. № 4—5, стр. 70).

ства или науки и повышая культурный уровень их в этой области, пролеткульты содействовали выявлению самостоятельного творчества своих членов и выдвинули ряд талантливых поэтов и газетных работников из пролетарской среды.

Вопрос об удовлетворении запросов и нужд пролетариата в области специальных знаний также выдвигается рабочими организациями с самого начала в числе первоочередных задач. Професиональное образование,—по мнению 2-го Съезда Професс. Союзов, — „как одно из могущественнейших средств в общей системе культурно-промышленного социалистического воспитания рабочего класса, может достигнуть своей цели... если на ряду с обучением рабочего класса квалифицированному труду оно будет давать ему и общее промышленное воспитание, знакомя с общими вопросами состояния техники и промышленности, экономической политикой, экономической географией, а также с вопросами административно-технического управления предприятием“ [1]).

Формулируя таким образом свои задачи, ячейки Пролеткульта и некоторые другие рабочие организации в течение 1918 г. ведут энергичную работу по объединению всех типов культурно-просветительных организаций пролетариата—просветительных отделов и комиссий Советов Р. и С. Д., партий, профессиональных союзов, рабочей кооперации, а также отдельных просветительных обществ и кружков,—путем созыва общегубернских, областных [2]) и всероссийских конференций.

Параллельно с этими объединениями, иногда вступая в контакт с ними, иногда же ведя свою работу отдельно, возникает по инициативе общей кооперации ряд культурно-просветительных объединений, стремящихся координировать культурно-просветительную работу обще-демократических организаций, как-то: органов местного самоуправления, различного рода просветительных обществ и кружков, учительских и других профессиональных организаций, а в некоторых местах и Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и партийных ячеек с.-р. и с.-д. Такие объединения, ставящие своей задачей разработку вопросов культурно-просветительной деятельности, создание образцовых учреждений, подготовку инструкторов по различным отраслям внешкольного образования и т. п., создаются в конце 1917 й в течение 1918 г. во

---

[1]) См. резолюцию культ.-просв. секции 2-го Всеросс. Съезда Профсоюзов 16—25 янв. 1919 г.—„Нар. Просв“, № 29, стр. 54 и след.

[2]) См., напр., „Тезисы и резолюции 1-й Моск. Конференции 23—28 февраля 1918 г.“ (изд. Моск. Пролеткульта), отчет о II Петроградск. Конференции 5—8 июня 1918 г. („Пролетар. Культ.“, № 2, стр. 32 и след.). Конференция Пролеткульта Западного края в Смоленске и др.

многих местах Европейской России и Сибири (напр.: Екатеринбургский уездный совет по внешкольному образованию, Союз культурно-просветительных учреждений Тверской губернии, Культурно-просветительный союз Алтайского края, Союз просветительных организаций Нижегородского края и др.). Одним из наиболее действительных средств объединения и согласования работы являются и в этом случае совещания и съезды, дающие возможность входящим в контакт организациям ознакомиться с многообразной практикой на местах, поставить на обсуждение возникающие в процессе работы вопросы и наметить наиболее целесообразные пути для их разрешения. Ряд таких съездов—уездных, губернских, областных—созывается в указанный период по инициативе кооперативных организаций и культурно-просветительных объединений и в центрах и на местах. А затем выдвигается проект создания Всероссийского Союза просветительных организаций, поддержанный и Всероссийским Кооперативным Съездом по просвещению. Культурно-просветительная работа общественных организаций в России, в том числе и кооперации,—говорится в соответствующей резолюции этого съезда,—не имеет общего объединяющего центра, идет разрозненно, вследствие чего напрасно тратится много сил и средств, наблюдается параллелизм в работе и не достигается то, что могло бы быть достигнуто при согласованности этой работы. Поэтому желательно „создание Всероссийского Союза просветительных организаций, построенного на началах организованной самопомощи, исключающих всякий элемент благотворительности, и объединяющего все общественные организации, ведущие культурно-просветительную работу“ [1]).

Та же мысль об объединении разрозненных культурных сил для совместной работы в области внешкольного образования выдвигается и частной инициативой; так, в начале 1918 г. возникают в Петрограде О-во „Культура и Свобода“, ставившее своей задачей „насаждать среди широких кругов населения основы культуры и знаний в духе свободы и самостоятельности, объединяя разрозненные усилия всех действующих в России организаций в деле просвещения и гражданского воспитания народных масс“ [2]), и „Союз обществ, учреждений и деятелей по внешкольному образованию“, имевший целью содействовать развитию внешкольного образования и объединять деятельность работавших в этой области организаций и отдельных лиц (преимуще-

---

[1]) См. „Резолюции Съезда“, стр. 5.

[2]) См. издавав. О-вом Журн. „Вестник Культуры и Свободы“, № 1, стр. 48 и след.

ственно в пределах Петрограда и его окрестностей) [1]). Пути, намеченные названными организациями для осуществления своих целей, в значительной мере совпадают с формами деятельности указанных выше просветительных объединений; в практической же деятельности этих обществ интересно отметить лишь новые начинания в области обучения взрослых, отвечающие насущной потребности момента: 1) краткосрочные общественно-политические курсы О-ва „Культура и Свобода"; 2) первые в Петрограде курсы по внешкольному образованию для подготовки инструкторов по различным отраслям внешкольной просветительной работы, организованные Внешкольным Союзом [2]).

Таким образом, на ряду с жаждой общеобразовательных знаний, выдвигаются в эту пору и запросы населения на профессиональное и специальное образование и на практическую подготовку к разным видам деятельности в обстановке нового строя. Ясно ощущаемая всеми группами демократии необходимость просвещения взрослого населения, призванного быть строителем новой жизни в беспримерно трудных условиях, толкает все более активные и более сознательные элементы к культурной работе, и эту работу ведут параллельно и государственные органы, местные и центральные, и кооперация общегражданская и рабочая, и профессиональные союзы, и Пролеткульт, и партийные ячейки, и различные общественные и частные организации, и союзы просветительных организаций. Недостаток сил и средств, несогласованность усилий тормозит работу и побуждает искать выхода в объединении, взаимопомощи и координировании сил, поскольку позволяет это общность цели и единство методов работы. Разрешение вопроса начинает вырисовываться в виде установления единой стройной системы и правильного разграничения функций в области просветительной работы.

* * *

Такой попыткой наметить единую общую систему учреждений по внешкольному образованию на основании учета многообразного опыта просветительной работы революционного периода, выявить и отчетливо формулировать особенности этой работы в условиях нового государственного строя, и является I Всероссийский Съезд по внешкольному образованию, созванный на 6—19 мая 1919 г. Съезд этот, долго подготовлявшийся не только путем работы во Внешкольном

[1]) См. Устав Союза.
[2]) См. „Вестник Культуры и Свободы", №№ 1 и 2.

Отделе Комиссариата, но и путем ряда совещаний и съездов в центре и на местах [1]) и собравший около 800 представителей местных и центральных организаций, ведших внешкольную работу, подошел вплотную к вопросу об идейном и организационном объединении ее в дальнейшем. Эти задачи подчеркиваются как в речах А. В. Луначарского, В. И. Ленина и Н. К. Крупской, давших тон общей работе съезда, так и в статьях и отчетах ответственных работников, подводивших итоги этой работе.

Характерной чертой в отношении к науке, к знанию со стороны народных масс было всегда стремление как-то связать их со своей жизнью. Но если так было всегда, то „теперь, после войны, после революции массы неотступно, даже ожесточенно требуют знания",—говорит Н. Крупская, подводя итоги съезда [2]). Между тем „старые формы внешкольного образования мало применимы при новых условиях". „Необходимо разрушить предрассудок, будто есть какая-то чисто-культурная работа, не связанная со злобами дня". „Интерес к политике сейчас самый острый" [3]). При этом политика рождает такую массу вопросов во всех областях знания, что внешкольнику нечего бояться, что его работа перестанет быть культурной [4]).

Внешкольная работа,—по словам В. И. Ленина,—получила после Октябрьской революции огромный размах, и работники этой отрасли могли строить ее свободно. Но нет достаточно подготовленных работников-внешкольников; не разрешен и вопрос о привлечении к организации этого дела широких рабочих масс. Подготовить культурных работников из среды пролетариата и трудового крестьянства—очередная задача громадной важности.

Примыкая в большинстве ко взглядам своих руководителей, съезд после долгих и горячих прений определенно высказался за тесную связь культурной работы с работой политической и уже с этой новой точки зрения пересмотрел все

---

[1]) Для выбора делегатов и обсуждения поставленных в программу съезда вопросов проведены были по всем губерниям, входившим в то время в Р. С. Ф. С. Р., погубернские съезды, которым в свою очередь предшествовали почти везде съезды уездные, а иногда и волостные.

[2]) Представительство должно было быть почти вдвое больше, причем 60% делегатов являлись представителями центральных и местных органов управления и лишь около 12%—от профессиональных, классовых, кооперативных и частно-общественных организаций (см. полож. о съезде, разд. II); но произведенная перед съездом мобилизация коммунистов отвлекла многих. Несмотря на это коммунисты вместе с сочувствующими составляли, по сообщению Н. Крупской, две трети всего числа делегатов.

[3]) Н. Крупская, „К итогам I Всер. Съезда по Внешк. Образ.". „Нар. Просв." 1919 г., № 35—36, стр. 4.

[4]) См. там же.

виды внешкольного образования и, в частности, образовательной работы среди молодежи и взрослого населения. „В роковой час последнего решительного боя со старым миром вся культурно-просветительная работа в глазах съезда приобретает боевой характер“ [1]). „Внешкольное образование имеет целью содействовать созданию всесторонне развитого члена коммунистического коллектива“ [2]), а потому „основная задача работы по внешкольному образованию состоит в создании очагов социалистической культуры“ [3]). „Школы для взрослых всех типов, начиная с элементарной и кончая высшей школой, ставят себе целью пробуждение и развитие классового самосознания трудящихся, подготовляя из них активных работников социалистического строительства и сознательных борцов за мировой коммунизм“ [4]). Цель пролетарского университета—„введение пролетариата в сферу научного творчества и создания стойких и сознательных работников... разрабатывающих научные проблемы в духе коммунизма“ [4]). Задачей школ-клубов для рабочей и крестьянской молодежи является, по мнению съезда, „осветить светом знания бессознательные еще навыки молодого рабочего, превратить его из придатка машины в творца и провести через сознание идеи коммунизма, воспринятые из условий жизни“ [4]). Лекционное дело съезд признает имеющим „общегосударственное, не только просветительное, но и политическое значение, а потому и требует регулирования его государственной властью“. При этом вся работа, на каком бы языке она ни велась, должна быть проникнута духом революционного интернационализма [4]).

Особенное внимание уделил съезд вопросу о борьбе с массовой безграмотностью взрослого населения. За истекшие со времени февральской революции два бурных года распространение среди взрослых грамотности шло далеко не достаточно быстрым темпом. А между тем темнота и невежество народа, по мнению докладчиков, являются серьезной опасностью для нового строя, который не может считаться прочным, пока основы его не будут закреплены в сознании масс. Таким образом и вопрос о так наз. ликвидации неграмотности рассматривается не только как одна из мер общекультурного характера, но выдвигается на первый план, как задача первостепенной важности в общем плане государственного строительства.

---

[1]) Резолюция по текущему моменту. „Внешк. Образ.“, Пгр. 1919, № 6—8, стр. 22.

[2]) См. там же, стр. 18.

[3]) Там же, стр. 13.

[4]) Там же, стр. 14—17 и 21—22.

При этом обучение грамоте вводится немедленно на началах обязательности для подростков и для красноармейцев, а установление обязательности для прочего населения предполагается предоставить, под контролем центра, местным Отделам Нар. Образ., также как и определение размеров, форм и способов социального обеспечения подлежащих обязательному обучению подростков и взрослых. Для изыскания соответствующего потребности количества учителей предлагается провести во всероссийском масштабе мобилизацию некоторых групп грамотных граждан.

В частности, относительно занятых производительным трудом подростков до 17 лет (включительно) провозглашается „необходимость немедленного проведения в жизнь принципа всеобщего, обязательного, бесплатного обучения их по программе не ниже программы единой трудовой школы", в план которой вводится „знакомство со всеми важнейшими видами производительного труда". В целях осуществления обязательности обучения, рабочий день подростков должен быть ограничен 4-мя часами, с сохранением оплаты его, как за полный рабочий день. Школы подростков и взрослых намечаются, сообразно местным потребностям, двух основных типов: 1) элементарные, ставящие своей задачей обучить общей и политической грамоте и дать учащимся необходимые для дальнейшей самообразовательной работы элементарные знания, уменья и культурные навыки, и 2) школы повышенного типа, имеющие кроме того задачей— способствовать выработке цельного социалистического мировоззрения и расширить общее образование. Школой 3-й ступени для взрослых являются крестьянские и пролетарские университеты, имеющие целью введение слушателей в научную систему знаний, демократизацию самого знания и приобщение учащихся к научному творчеству на основе стройного социалистического мировоззрения [1]).

Полагая, что в конечной цели „образование должно помочь рабочим и крестьянам овладеть процессом производства, чтобы стать хозяевами жизни", съезд считает необходимым строить его на „широком использовании столетиями накопленного профессионального опыта трудового населения, углубленного научными знаниями и опытом", и потому ни один слой населения не должен оставаться без влияния профессиональных знаний.

---

[1]) См. там же резолюции о ликвид. неграмотности, о школах для взрослых, о работе среди раб. и крест. молодежи и о принципах составления сетей государственных учреждений внешкольного образования.

Вырабатывая принципы основной государственной системы учреждений внешкольного образования [1]), съезд признал, что система эта должна обнимать собою наиболее необходимые для широких народных масс виды этих учреждений и являться тем минимумом внешкольного просвещения, который может и обязано дать государство и который содержится всецело на государственный счет. Составление особых сетей школ для взрослых, народных аудиторий и других отдельных видов внешкольного образования „должно быть признано несоответствующим сущности его, как единой цельной системы". При построении сети, основной неделимой ячейкой внешкольного образования, организуемой в каждом нормальном школьном районе, должна быть признана такая, которая включает в себе различные виды внешкольных учреждений, а именно: народный дом или аналогичную ему ячейку со школой для взрослых, библиотекой-читальней и аудиторией-чайной. В просветительные ячейки второй и третьей ступени, рассчитанные на более обширные районы, предполагалось включить и другие виды внешкольных учреждений, как-то: учебные мастерские—для промышленных районов и опытные показательные участки—для сельских местностей, народные университеты, студии и т. п. Самое составление сетей, по мнению съезда, не может быть предоставлено усмотрению местных органов, а должно быть декретировано центральной властью, как в отношении основных принципов и формы, так и в смысле срока их составления и осуществления.

Параллельно с разработкой сетей, Внешкольный Отдел Комиссариата должен был осуществить ряд мероприятий по планомерной подготовке персонала, необходимого для обслуживания намечаемой государственной системы учреждений по внешкольному просвещению, и подготовить соответственный „просветительный инвентарь" для них.

Подтверждая право каждого получать образование на родном языке, съезд считает необходимым оказывать государственную поддержку культ.-просвет. учреждениям национальных меньшинств, устраивать такие учреждения на языках местного населения, заботиться о подготовке работников для них и снабжать их соответствующей литературой и пособиями [2]). А подготовку персонала для внешкольных учреждений признавалось желательным поставить солидно, создавая в более крупных центрах специальные институты внешкольного образования, но

---

[1]) См. соотв. резол. съезда и приложение к ней: „Принципы составления сетей госуд. учреждений внешк. образования". Там же, стр. 22—25.

[2]) См. резолюцию „О задачах внешк. образов. национ. меньшинств". Там же, стр. 21—22.

не отказываясь от устройства краткосрочных инструкторских курсов там, где иных устроить невозможно.

В смысле координирования работы Наркомпроса в области внешк. образования с другими ведомствами наиболее сложными являлись взаимоотношения с Пролеткультом и с Просветительным Управлением Красной Армии, которые вели на местах широкую просветительную работу среди населения, иногда фактически замещая отделы нар. образования. В отношении Просвет. Управления Красн. Армии съезд, принимая во внимание особенности военного времени, определяющие характер образовательной работы среди красноармейцев, признал целесообразным существование специальных учреждений и специального аппарата по заведыванию этой работой, при условии постоянного контакта между ним и органами Наркомпроса как в центре, так и на местах.

Что же касается взаимоотношений с Пролеткультом, то тут вопрос оказался значительно сложнее, а при обсуждении его на съезде выявились два резко обособившихся течения. Представители Пролеткульта [1]), исходя из того, что именно Пролеткульт—как классовая организация пролетариата, тесно связанная с пролетарской массой—призван творить новую пролетарскую культуру, считали, что признание этого положения предопределяет как ближайшие задачи и сферу работы Пролеткульта, так и его роль в общей системе просветительных учреждений. Государственные же органы, представляющие, по их мнению, интересы не одного класса и обязанные обслуживать культурные нужды и запросы всего населения, в том числе и мелко-буржуазные элементы и широкие массы крестьянства — естественно в известной мере отвлекаются от создания чисто-пролетарской коммунистической культуры и должны распространять среди населения основные достижения старой культуры, конечно, исключая из нее все то, что для данного времени является балластом. Отсюда представители Пролеткульта выводили необходимость известного разделения функций между Комиссариатом Нар. Просвещ. и Пролеткультом. Коммунистическая фракция съезда, как таковая, выступила с иным освещением этого вопроса. Представители фракции [2]) указывали, что самое возникновение Пролеткульта относится к последним дням существования Временного Правительства и вызвано было необходимостью противопоставить задачи новой пролетарской культуры—культуре буржуазной; между тем как к моменту съезда, $1^1/_2$ года спустя после

[1]) Пролеткультом были выдвинуты три оратора: А. Богданов, В. Керженцев и В. Лебедев-Полянский.

[2]) Фракция выставила своими официальными ораторами Н. Крупскую, Л. Менжинскую и В. Смидовича.

Октябрьской революции, имеется полная возможность осветить все вопросы общественной жизни с точки зрения революционного марксизма, что и является задачей не только Пролеткульта, но и органов Комиссариата Нар. Просв. Поэтому деятельность этих 2-х организаций нужно объединить, введя Пролеткульт, как секцию, во Внешкольный Отдел Комиссариата и оставив за ним его студийную работу, которая является весьма ценной его особенностью. В момент борьбы, когда все силы должны быть строго учтены и целесообразно использованы,—говорили представители фракции,—было бы крупной ошибкой вести работу несогласованно.

Вопрос этот, связанный с вопросом о формах и границах самодеятельности общественных и, в частности, классовых просветительных организаций, вызвал живой отклик среди членов съезда, тем более, что организация Пролеткульта, построенная на началах выборности с самых низов, казалась некоторым более демократичной и вызывающей большее доверие масс. Но большинство съезда присоединилось к точке зрения фракции, и организационная самодеятельность учреждений Пролеткульта была отвергнута [1]).

Было бы, впрочем, ошибочно думать, что съезд отказался от провозглашенного ранее принципа самодеятельности населения. „Основным началом работы,—по мнению съезда,—является самодеятельность рабочих и трудового крестьянства, организующихся вокруг своих внешкольных учреждений или создающих свои ячейки для внешкольной работы“, а задачей вышестоящих органов (различных наименований и ступеней) должна быть лишь помощь в организации этой самодеятельности. При этом в работе государственных органов провозглашаются, как основные начала: трудовой метод, общедоступность и бесплатность пользования различными учреждениями внешкольного образования. Так, в учреждениях для рабочей молодежи съезд считает необходимым положить в основу, как метод, „широко развитую клубную организацию молодежи на почве самодеятельности и удовлетворения разнообразных ее запросов“ [2]). То же и применительно к школам взрослых и другим учреждениям.

Естественно, однако, что, создавая впервые основную государственную систему учреждений внешкольного просвещения, в основу которой было положено определенное, ясно формулированное понимание задач внешкольного образования, как строительства очагов социалистиче-

---

[1]) См. докл. Л. Менжинской, „Внешк. Образов.“, Пгр. 1919, № 6—8, стр. 8—10.

[2]) См. цит. выше резолюции, там же, стр. 14 и 15.

ской культуры, воспитывающих коммунистическое мировоззрение масс, и стремясь объединить на этих началах всю работу внешкольного просвещения в республике, съезд тем самым должен был в известной мере ограничить самодеятельность населения в этой области. Работа каждой всероссийской организации и ее местных органов должна в дальнейшем вестись „по определенному плану", причем планы эти должны быть частью объединены между собою, частью согласованы, а самое объединение работы должно производиться „вокруг внешкольных органов Народного Комиссариата Просвещения" [1]). Таким образом власть поддерживает и санкционирует своим авторитетом лишь те формы и те начинания местной инициативы, которые как по своим заданиям, так и по принципам организации не расходятся с принятой съездом исходной точкой зрения. Стремление же к объединению работы и использованию всех имеющихся в наличности средств и сил побуждает Комиссариат во многих случаях брать на себя руководящую роль с тем, чтобы направить деятельность тех или иных учреждений, организаций и даже целых отраслей внешкольного просвещения в желательную сторону. Так, вновь учрежденный „Центральный Лекционный Комитет", представляющий собою союз организаций, ведущих лекционную работу, должен был войти в состав Внешкольной секции Комиссариата в целях объединения всего лекционного дела и направления его в соответствии с интересами общегосударственной культурно-просветительной политики.

Принятое съездом „Положение об организации внешкольного образования в республике" подтверждало необходимость контроля со стороны пролетариата и трудового крестьянства (в лице представителей профсоюзов и заводских комитетов в городах и комитетов бедноты в деревнях) над постановкой всей культурно-просветительной работы района и устанавливало разграничение функций между центральными и местными органами власти в этом деле. Но стремление дать этой работе определенное направление, с одной стороны, и весьма своеобразное, подчас превратное понимание „власти на местах"—с другой, побуждало центральные органы вводить местную самодеятельность в известное русло и централизовать дело [2]). На этот путь и вступил съезд мно-

[1]) Там же, стр. 16.

[2]) В эпоху диктатуры пролетариата,—говорил А. Луначарский на 2-м совещании заведующих губернскими внешкольными подотделами в ноябре 1918 года,—государство вынуждено взять на себя создание благоприятной атмосферы для развития взрослых людей. „Чтобы это сделать, нужно централизовать внешкольную работу".

гими своими постановлениями, и дальнейшая деятельность Внешкольного Отдела Комиссариата Народного Просвещения была осуществлением и развитием постановлений этого первого съезда.

Так, „в целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны", 26 декабря 1919 г. издан был декрет, обязывающий все население в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обучиться грамоте на русском или на родном языке в государственных школах. Дальнейшими распоряжениями [1]) предписывалось произвести учет грамотного и неграмотного населения в каждой губернии и начинать обучение неграмотных с младших возрастов (с 14 лет) с тем, чтобы постепенно захватывать и старшие. Руководство всей работой в этой области поручалось специально созданным для этой цели органам: „Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности" в центре и соответственным губернским и уездным комиссиям на местах.

Таким образом центральная власть, в видах скорейшего осуществления всеобщего обучения взрослых и подростков, берет на себя установление обязательных, одинаковых для всего населения Российской республики возрастных норм, причем обязательность эта декретируется, не ожидая проявления местной инициативы, и раньше, чем произведен был учет лиц, нуждающихся в обучении, и потребного числа школ для них.

Самые же школы для обучения неграмотных организуются отныне в виде двух основных типов: 1) „школы грамоты" или „ликвидационные пункты" (лик-пункты) продолжительностью от $1^1/_2$ до 3 месяцев—для взрослых и 2) „школы-клубы рабочей молодежи", предназначенные заменить единую трудовую школу—для работающих подростков, низшие группы которых проходили—конечно, с некоторыми вариантами—программу школ грамоты [2]). Организация этих школ поручается соответственным государственным органам и проводится по директивам и под контролем центра.

Другим интересным видом обучения взрослых, широко применявшимся в первые годы после революции, но лишь с 1919 г. получившим более определенные формы, были гимназии для взрослых и различные курсы, подготовлявшие в сравнительно короткий срок к поступлению в высшие

[1]) См. декрет о ликвидации безграмотных республики 26 дек. 1919 г., инструкцию 21 янв. 1920 г. и декрет 19 июня 1920 г.

[2]) Определение задач и характера школ рабочей молодежи—см. в соответствующей резолюции съезда, вкратце переданной выше.

учебные заведения. Настойчивое стремление наиболее активных рабочих элементов к высшему образованию, побудившее Советскую власть еще осенью 1918 г. открыть двери высшей школы для всех желающих,—без представления каких-либо удостоверений об образовательном цензе и без предварительной проверки знаний,—оказалось неосуществимым, так как новые студенты, ввиду недостаточной подготовки, фактически не могли следить за преподаванием. Это неудовлетворенное стремление дало толчок к созданию нового типа образовательных учреждений, так называемых „рабочих факультетов" (рабфаков), как постоянных подготовительных курсов, непосредственно связанных с тем или иным высшим учебным заведением и дающих возможность обучающимся на них рабочим и крестьянам получить более систематические и солидные знания, которые обеспечили бы им возможность работать в высшей школе. Постановлением Наркомпроса от 11 сент. 1919 г. всем высшим учебным заведениям вменялось в обязанность открытие рабочих факультетов не позднее ноября того же года [1]).

Характерным для нового революционного строительства видом образовательных учреждений для взрослых, тесно связанным с общим направлением работы I-го Внешкольного Съезда, являются и так называемые советско-партийные школы, возникшие в 1919 г. из разного типа агитаторских и агитационно-инструкторских курсов. Школы эти ставили своей задачей, с одной стороны, заложить основы марксистского миропонимания слушателей, а с другой—подготовить кадры сознательных советских работников-коммунистов.

Еще очевиднее связь пожеланий и лозунгов I Внешкольного Съезда с последовавшим летом 1920 г. преобразованием Внешкольного Отдела Комиссариата в Главный Политико-Просветительный Комитет (Главполитпросвет), имеющий целью „объединение всей политико-просветительной, агитационно-пропагандистской работы и сосредоточение ее на обслуживании политического и экономического строительства страны" [2]).

1—8 ноября 1920 г. состоялось уже I всероссийское совещание (1-й съезд) политпросветов, на котором цели и мотивы этого преобразования были отчетливо формулированы. „Мы не стоим на точке зрения утопической, будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу,—заявляет в своей речи В. Ленин. — Основной задачей Ком-

[1]) Об этом см. подробнее ст. Н. Вихирева, В. Образцова и др. в № 4—5 журн. „Знамя Рабфаковца" и ст. А. Луначарского, К. Льдова и др. в №№ 1 и 2—6 журнала „Вестник Рабфаков".

[2]) Соответств. декрет Совнаркома издан позднее—12 ноября 1920 г.

мунистической партии, как авангарда в борьбе... должна быть помощь в деле воспитания и образования трудовых масс, чтобы преодолеть старые привычки, навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя"... В работе Главполитпросвета „должно быть открыто признано главенство политики Коммунистической партии". Хотя в декрете „прямого заявления об отношении к партии нет, но мы должны знать, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу,—чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать его своим духом, подчинить его себе..." [1]).

В основу организации Главполитпросвета,—поясняет А. В. Луначарский на том же съезде,—положены две идеи: 1) объединение и соподчинение как отдельных органов Наркомпроса, так и всех ведомств, ведущих просветительную работу, 2) придание этой работе резко определенного политического характера.... „Наше политическое просвещение должно стать всеобъемлющим, пропитанным революционным духом самого боевого направления творческой воли. Партия большую часть своей работы и своих сил в области просвещения передает Главполитпросвету".

Съезд, присоединившись к этим положениям, зафиксировал их в своих резолюциях и дополнил указаниями на необходимость разграничения функций между центральными и местными органами политпросветработы и централизации этой работы: „центр должен давать местам определенные задания, а места—проводить их в жизнь и давать точный отчет о выполнении их". „Вся работа Главполитпросвета должна быть поставлена под руководство Центрального Комитета Р. К. П., а работа Политпросветов—под руководство местных парткомов"... Поэтому необходима реорганизация внешкольных учреждений, которая в деле обучения выразится в следующем: „Программы школ должны быть построены таким образом, чтобы в основе их лежало изучение программы партии, вопросы экономического строительства, вопросы, посвященные очередным кампаниям; с этими вопросами должны быть связаны и прохождение математики, географии, истории, занятия по родному языку. Для сосредоточения внимания на очередном вопросе устраиваются краткосрочные курсы, агитшколы и проч. Кружки самообразования получают темы для самостоятельной работы в этом направлении от школ". То же в лекционном деле и в народных чтениях. „Такое со-

[1]) См. Бюллетень 1-го Всероссийского Совещания Политпросветов, стр. 1—6.

средоточение внимания всех внешкольных учреждений на одних и тех же вопросах чрезвычайно усилит значение их работы“ [1]).

Но так как без поднятия уровня сознательности трудящихся невозможно строительство коммунизма, то работа внешкольных учреждений должна сосредоточиться на обслуживании рабочих, крестьян и красноармейцев. „С этой точки зрения должны быть пересмотрены сети внешкольных учреждений: отодвинуты на задний план или вовсе даже закрыты учреждения, обслуживающие целиком обывателя и интеллигенцию“,—к таким учреждениям относятся, например, большинство народных университетов, куда не ходит рабочий,—на первый же план выдвигаются учреждения, непосредственно обслуживающие массы: пункты по ликвидации неграмотности и для чтения вслух, школы взрослых, народные дома с их художественной пропагандой и т. п. Особое значение при такой постановке вопроса приобретают фабрично-заводские культурно-просветительные ячейки, а также ячейки в совхозах, в армии.

Приближение учреждений внешкольного образования к массам ведет за собою изменение и в методах работы. Для еще не пробудившихся к сознательной жизни первенствующее значение имеет агитация, причем агитация не чисто-словесная, но и художественная, при помощи определенных художественных образов. Для масс сознательных важна правильная постановка углубленной работы: тут нужна работа самодеятельная, студийная, кружковая. Важно, чтобы учащиеся „научились учиться“. Задача Политпросветов—помогать всем активным работникам в этой области путем снабжения их инструкциями, программами, литературой.

В соответствии с этими принципиальными постановлениями, естественно, изменилась и структура центральных и местных органов, ведущих политпросветительную работу. Заменивший прежний Внешкольный Отдел Комиссариата Нар. Просв. Главполитпросвет разделил всю работу между тремя отделами: 1) Агитационным, сосредоточившим у себя все виды агитации, 2) Пропагандистским, куда входили в числе других и подотделы: курсов и партшкол, ликвидации неграмотности, лекционное бюро, 3) Организационным. Кроме того, была выделена особая секция национальных меньшинств. Местные же внешкольные подотделы превратились в губернские и уездные политпросветы с соответственным делением на подотделы и с секциями военной и профессиональной.

---

[1]) См. резолюции в упомянутом выше Бюллетене.

Таким образом вся просветительная работа и, в частности, образовательная работа среди взрослых и подростков рассматривается и организуется отныне в совершенно ином разрезе; из всех видов ее выделяются, как первоочередные,— так называемая производственная агитация и пропаганда, организация коммунистических союзов молодежи, их клубов, курсов и кружков, содействие работе среди женщин (женотделы для работниц и крестьянок), ликвидация неграмотности, в особенности среди рабочей молодежи и среди красноармейцев, работа совпартшкол и, в частности, их практических отделений, и, наконец, укрепление существующих и создание правильной сети новых рабочих факультетов.

Коренные изменения в организационном плане и в самой постановке работы, внесенные съездом 1920 г., неизбежно повлекшие за собою значительную ломку организационного аппарата, потребовали в дальнейшем большой затраты времени и сил: „Этот год,—говорит Н. Крупская, подводя итоги за 1921 г.,—прошел под знаком организации... $^3/_4$ работы было организационной“ [1]). А необходимость находу реорганизовать весь аппарат и приступить к осуществлению вновь поставленных задач в условиях переходного времени требовала большого количества хорошо подготовленных работников в центре и на местах и побуждала снова выдвинуть вопрос о срочной подготовке этих работников, для чего выработан был план „единых политпросветительных курсов“.

Однако, несмотря на все трудности, количество разного рода просветительных учреждений,—в том числе школ для неграмотных и малограмотных, школ для взрослых повышенного типа, совпартшкол и рабочих факультетов,—до осени 1921 г. продолжает быстро расти; пользуясь широкой поддержкой из средств государственного казначейства, они лишь в редких случаях и в небольшой доле прибегают к местным источникам. Но с осени 1921 г., в связи с растущими финансовыми и продовольственными затруднениями, вынудившими Советскую власть перейти к новой экономической политике и значительно сократить расходы по различным отраслям государственного хозяйства, как количественный рост, так и внутреннее развитие политпросветительных учреждений заметно тормозится, и работа в целом вступает в полосу серьезного кризиса.

* * *

[1]) См. докл. Крупской в Бюллет. 2-го Всер. Съезда Политпросветов, № 1.

Собравшийся в октябре (17—22) 1921 г. 2-й Всероссийский Съезд Политпросветов и должен был наметить план дальнейшей работы в условиях мирного времени и новой экономической политики [1]).

Указав на неизбежную связь новой экономической политики с частичным восстановлением капитализма, В. И. Ленин в своей речи с особенной настойчивостью подчеркивает необходимость поднятия общей культуры [2]).

„Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи,—говорит он,—прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может создаться, чтобы переворот не остался только политическим,—иначе он погибнет неминуемо". Под политические завоевания необходимо подвести экономический фундамент, а для этого поднять культуру среди широких пролетарских и крестьянских масс и прежде всего повысить грамотность. „Пока у нас в стране есть такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении говорить слишком трудно" [3]). С другой стороны, необходимо учесть, что новая экономическая политика, обозначающая возврат к свободе торговли и к развитию промышленного производства, создает внутри Советской России „капиталистическое окружение", в борьбе с которыми Коммунистической партии, и Наркомпросу и, в частности, политпросветам придется напрячь все свои силы. „Наркомпрос,—говорит А. Луначарский,—как раз принадлежит к коммунистическому острову. Наши враги рассчитывают на то, что наше отступление в экономической области означает отступление и в области политической, в области культурной. Но мы сказали: „в политической области остается непреклонная диктатура!"... и к этому можно добавить: „что касается культуры—никакого ослабления той коммунистической линии, которая велась до сих пор". „Ни о каких частных школах, ни о каких частных учреждениях, которые бы выдвигали какие-нибудь вожделения мещанских рядов—не может быть и речи. Мы не можем делать исключения даже для кооперативов, ибо кооператив может оказаться нашим конкурентом... Наша работа в общем при этой новой экономической ситуации будет, пожалуй, больше

---

[1]) См., напр., речи В. Ленина, Л. Троцкого и А. Луначарского в Бюллет. 2-го Съезда Политпросветов, №№ 1, 2 и 5.

[2]) На съезде были представлены по преимуществу центральные и местные административные органы, ведущие политпросветительную работу, а по партийному составу съезд был больше, чем на $^{9}/_{10}$, партийным (281 коммунист из 307 делегатов).

[3]) См. речь В. Ленина, Бюллет. № 2, стр. 2 и 3.

затруднена, чем это было до сих пор". Но при помощи трезвой, плановой работы и максимального энтузиазма все препятствия можно преодолеть [1]).

Приведенные положения основных программных речей, к которым примыкают по существу и доклады руководителей Главполитпросвета—Н. Крупской и т. Максимовского, встретили в общем полное сочувствие большинства съезда. Признав линию работы Главполитпросвета за предыдущий период в общем правильной, съезд подчеркивает необходимость дальнейшей централизации и координации этой работы и „самым решительным образом осуждает попытки и стремления к раздроблению политико-просветительной работы", проявившиеся в связи с новой экономической политикой и усилением мелкобуржуазной стихии. Характер работы должен быть изменен лишь в смысле углубления ее в области методологических вопросов, подготовки материалов и, особенно, в деле подготовки работников. Основными отраслями работы в условиях данного исторического момента признаются: совпартшколы, агиткампании по злободневным социально-политическим вопросам, ликвидация неграмотности, а также библиотечная работа и некоторые другие. В целях обеспечения идейного руководства всей политпросветительной работой за партийными органами и закрепления постоянной связи с ними, предлагается установить совмещение в одном лице должностей заведующего агитационно-пропагандистским отделом местной партийной организации и заведующего местным политпросветом. С другой стороны, в интересах централизации роль профсоюзов и их объединений в деле политпросветительной работы заметно умаляется и культ-отделы их отстраняются от непосредственной работы в этой области, превращаясь в органы содействия политпросветам и контроля над их деятельностью [2]).

В области образовательной работы, отнесенной к ведению Пропагандистского и отчасти Агитационного отдела, съезд отметил своевременность перехода к более систематическим, рассчитанным на более длительный срок формам работы, стремясь сделать агитацию „более содержательной, менее упрощенно-тенденциозной, действуя хотя и медленнее, но глубже". В частности, в работе среди крестьянства выдвигается производственная сельскохозяйственная агитация и пропаганда с привлечением к работе не-партийных деловых элементов. В отношении же рабочих отмечаются две категории заданий: среди рабочих государственных предприятий должно

---

[1]) См. речь А. Луначарского, Бюллет. № 1.
[2]) См. резол. по докл. Главполитпросвета, Бюллет. № 7.

стремиться создать основные ячейки социалистического строительства и пролетарской культуры, между тем как в среде рабочих, занятых на арендуемых предприятиях, необходимо позаботиться о развитии классового самосознания масс и создания устойчивой пролетарской психологии, для чего необходимо обратить особое внимание и на распространение среди рабочих масс естественнонаучных знаний, являющихся основой марксистского мировоззрения. Формами такой более углубленной работы среди масс могут быть студии и различного типа агитационные и общеобразовательные кружки, ведущие лабораторную работу. А в целях правильного руководства ими необходимо усилить методическую работу в центре [1]).

Некоторые особенности представляет попрежнему работа по ликвидации неграмотности. Считая необходимым сохранить за нею характер ударности, съезд признал, однако, возможным на ближайшее время несколько сократить масштаб работы, в первую очередь привлекая в школы грамоты организованных рабочих и ограничивая принудительность обучения возрастом до 30 лет.

Таким образом на 2-м съезде обозначается определенный поворот в направлении работы в связи с новыми социально-политическими условиями и намечается переход к более систематическим формам и более углубленным методам этой работы. Но все эти постановления встретили весьма серьезное препятствие в новой постановке вопроса о финансировании и снабжении политпросветительных учреждений и мероприятий при новой экономической обстановке [2]). Ввиду необходимости строжайшего учета и экономии государственных средств в связи с продовольственными и финансовыми затруднениями государства и значительного сокращения ассигновок, учреждения Наркомпроса и, в частности, Главполитпросвета должны были частью перейти на местные средства, частью ввести плату за право пользования. Но для того, чтобы переход этот провести организованно и с сохранением принципа бесплатности в наиболее важных отраслях работы, все учреждения были распределены на 4 категории, причем 1-я оставалась на государственном снабжении, 2-я должна была получать от государства оплату персонала и политпросветительного имущества (т.-е. пособий, учебников и т. п.), покрывая хозяйственные расходы из местных средств, 3-я переходила полностью на местные

---

[1]) См. там же резолюции по докл. т. Шапиро и т. Яковлева.

[2]) См. одноименный доклад Максимовского (Бюллет. № 7) и резолюцию по докладу (Бюллет. № 8).

средства, а 4-я должна была превратиться в платные предприятия, содержимые на хозяйственном расчете. Из образовательных учреждений, согласно постановлению съезда, в 1-ю категорию включены были: совпартшколы, рабоче-крестьянские университеты, единые политпросветительные курсы и ликвидационные пункты Грамчека (ликвидации неграмотности). Существование других видов образовательных учреждений ставилось в зависимость от инициативы и энергии местных органов, не проявлявших до тех пор особенной заботы о привлечении местных средств к этому делу.

Действительность в этом отношении оказалась, однако, еще печальнее, чем можно было ожидать. „И если необходимость сокращения штатов,—говорит Н. Крупская,—очевидна была для всех, то много хуже было с кредитами. Отчаянные телеграммы и письма посылались в Главполитпросвет. Местами сокращение кредитов повело чуть не к повальному закрытию школ для взрослых, клубов (и других учреждений, переведенных частично или полностью на местные средства)—их как ветром смело. И здесь особенно резко сказалась недостаточная связь полит-учреждений с населением“ [1]). В некоторых местах исполкомы, сокращая под давлением центра свои расходы, считали возможным закрывать все бездоходные политпросвет-учреждения; в других они считали, что „работу политпросветов нужно просто передать в партию, или же что ее должны вести среди пролетариата только культотделы профсоюзов, а в деревне—частные организации, кооперативы и проч.“ [2]). В некоторых местах наблюдается тенденция заместить партийного политпросветчика обыкновенным учителем „по совместительству“. Смена в течение года 5—6 руководителей губернских и уездных политпросветов—по утверждению 3-го Съезда Политпросветов—есть явление постоянное. Но были случаи, когда за год сменялось 12—13 заведующих. Словом — по свидетельству Главполитпросвета — условия работы значительно ухудшились, а самый объем работы увеличился... вследствие необходимости „противодействия разлагающему влиянию возрождающейся и возродившейся буржуазной идеалогии“ [3]).

Лишь немногие образовательные учреждения,—как совпартшколы, политико-просветительные курсы для подготовки

---

[1]) См. ст. Н. Крупской, „Перспективы политпросветработы“ („Коммунист. Просвещ.“ Январь 1922 г., № 1, стр. 6).

[2]) См. руковод. ст. Главполитпросвета „Итоги и перспективы работы Политпросветов“ в сб. „Политпросвет. работа в условиях НЭП'а“. 1922, стр. 5 и след.

[3]) См. материалы к XII съезду Партии „Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета“, Изд. Г. П. Ц. 1923 г, стр. 4.

работников,—оставшиеся целиком на государственном снабжении, сравнительно мало испытали на себе перемену общего положения; большинство же из них—ликпункты, школы для малограмотных, общеобразовательные курсы для взрослых, культурно-просветительные кружки и различного рода кружки и студии при клубах и народных домах—получая сначала от центра лишь оплату штатного персонала да кое-какие крохи на учебные пособия, а с апреля 1922 года не получая ничего, оказались в полной зависимости от местных средств, в то время как на местах средств еще не было. Работа по необходимости сузилась, но и в дальнейшем расширение и углубление ее, даже более—самое ее существование оказалось в зависимости от заинтересованности в ней населения. И Главполитпросвет, учитывая действительное положение вещей, открыто ставит вопрос о пересмотре сетей, предвидя, что при новой системе работы, основывающейся на самодеятельности населения, нельзя рассчитывать на равномерность ее: сети придется индивидуализировать в зависимости от местных условий, сообразно потребностям отдельных производственных районов. А для втягивания населения в политпросветработу, для пропаганды ее необходимо восстановить местные „советы народного образования", которые способствовали бы выявлению местной инициативы и организовали ее. „Так дело будет куда прочнее,—говорит Н. Крупская в руководящей статье „Коммунистического Просвещения". — Существование учреждений не будет зависеть от количества рублей, имеющихся в центре. А жажда знания в населении сильна, и теперь самое время втянуть его в дело".

Возбуждение, поддержание и организация этой заинтересованности местного населения и становится таким образом первоочередной задачей органов политпросветработы. Самый аппарат политпросветов должен сделаться в организационном отношении возможно более гибким, а неизбежная децентрализация работы, при недостатке подготовленных руководителей на местах, диктует усиление идейной помощи центра.

И действительно, освещение организационных и методических вопросов политпросветительной работы в общей прессе и в специальном журнале („Коммунистическое Просвещение"), составление учебных планов, программ, списков пособий для различного типа школ, издание методических руководств и пособий [2]), создание показательных учреждений в центрах, как-то: образцовых школ грамоты, общеобразовательных кур-

[1]) Н. Крупская, „Перспективы полит.-просв. работы". „Коммун. Просвещ." 1922, № 1, стр. 8.

[2]) См. „Коммунистическое Просвещение" 1922 г., № 1, а также ряд пособий, указанных в перечне литературы.

сов, совпартшкол и т. д., созыв специальных съездов и методических конференций [1]) и подготовка квалифицированных работников—вот что является центром внимания руководящих органов за 1922 г.

А на местах, куда лишь медленно и неравномерно проникают новые веяния из центра и с большим запозданием доходят плоды его трудов, происходит своего рода „естественный отбор“ жизнеспособных учреждений, которые, продолжая работу в самых неблагоприятных условиях,—иногда почти без всяких пособий, в неотопленных помещениях, месяцами не получая кредитов для оплаты своих преподавателей и руководителей [2]),—сумели, однако, завоевать симпатии населения и добиться признания со стороны местных властей и которые в новый (1922—23) учебный год вступили с твердой верой в возможность дальнейшего своего существования и развития. Так было, например, с некоторыми школами для неграмотных и малограмотных, кружками и общеобразовательными курсами для взрослых,—преимущественно в городах и в поселках с фабрично-заводским населением; между тем как крестьянство в общем оказалось гораздо менее связанным с организованными для него, но большею частью без активного его участия, образовательными учреждениями.

В общем, ни одна из отраслей народного просвещения не пострадала за 1922 г. так сильно, как политпросветительная (сократившаяся в общем на 84% по всем видам учреждений), а из видов политпросветительной работы сильнее всего сократились общеобразовательные школы взрослых (на 91%) и ликпункты (на 93½%) [3]). Таким образом сохранилось всего 9% школ повышенного типа и 6½% школ грамоты. И не потому ли школы повышенного типа, несомненно, требующие более значительных затрат, выжили все же в большем %, что школы эти никогда не имели характера принудительности обучения и заполнялись более сознательным элементом добровольно.

Не имея возможности сделать школы доходными, местные органы—исполкомы и Губоно—безоглядно осуществляли на них необходимую „экономию“, и если сохранилась хоть часть этих учреждений, то, по словам официального отчета, это является в главной мере заслугой тех учителей и других

---

[1]) Таковы, например, I Всеросс. Конференция работников совпартшкол 15—21 дек. 1921 г., Методич. Конференция по ликвидации безграмотности и I Всеросс. Съезд по ликвид. безграм. (в апреле 1922 г.) и др.

[2]) Сметы на октябрь—декабрь 1921 г. утверждены в конце марта 1922 г., а на январь—март 1922 г. в июле того же года.

[3]) См. цит. выше Материалы к XII съезду партии, стр. 6, 7 и 8. Данные касательно школ взрослых подсчитаны по 19 губ., по лик-пунктам—по 20 губ.

работников просвещения, чьи „героические заслуги“ отметил „пред лицом всей страны X Всероссийский Съезд Советов“ [1]).

Как бы то ни было, перед собравшимся в конце 1922 г. (26 ноября—2 дек.) 3-м Съездом Политпросветов стал во всей остроте трудно разрешимый вопрос: с одной стороны, руководящий циркуляр Центрального Комитета партии требовал, чтобы „в условиях теперешней экономической обстановки государственная пропаганда коммунизма, осуществляемая политпросветами, была усилена“ [2]), а с другой—становилось ясным, что политпросвещение среди различных слоев населения, как по своим задачам, так и по характеру не одинаково, а потому „необходимо точнее учесть значение каждого из политпросветительных учреждений для окружающего населения“, непосредственно заинтересовать его в политпросветительной работе. Так, в связи со снятием с государственного снабжения многих политпросветительных учреждений, профсоюзам—по свидетельству Культотдела В. Ц. С. П. С. — пришлось в том же 1922 году взять на себя материальное обеспечение многих из этих учреждений как путем специальных соглашений с хозяйственными органами (рабочей кооперацией, отделами В. С. Н. Х. и др.), так и путем втягивания в это дело рабочих масс. И первым шагом союзов была переброска всей практической работы в низовые культ-ячейки, реорганизация рабочих клубов с их студиями и кружками на началах добровольного членства и группировки вокруг них остальных видов культдеятельности,—лекций, общеобразовательных и профессиональных курсов, школ грамоты и др.,—удовлетворяющих бытовые и общекультурные запросы рядового рабочего. А главным содержанием работы в этих ячейках намечалось производственное и профессиональное просвещение массы, т.-е. выяснение вопросов, связанных с бытом и условиями производства, с одной стороны, и задач профдвижения, с другой [3]).

Сильно пострадала и работа среди союза молодежи. Происшедшее в связи с переходом к НЭП'у сокращение штатов на заводах и в предприятиях больше всего ударило по неквалифицированным рабочим-подросткам и вызвало массовую безработицу среди них, между тем как вся обстановка НЭП'а оказывала на эту молодежь свое развращающее влияние. Между тем просветительная работа союзов молодежи, лишенная материальной поддержки, значительно упала.

---

[1]) См. там же, стр. 5.

[2]) См. ст. Н. Крупской, „Перспективы Политпросветработы“ („Ком. Просв.“ № 1) и доклады ее и друг. ответств. работников Главполитпросвета на 3 съезде. Бюллет. №№ 1—3 и приложение к ним.

[3]) См. там же докл. Культотдела В. Ц. С. П. С.

И нужно было бы обратить серьезное внимание на постановку просветительной и воспитательной работы среди этой молодежи, чтобы закрепить и расширить идейное влияние на нее. Еще хуже обстоит дело и еще больше усилий требуется в работе среди молодежи деревенской, лишенной теперь и тех немногочисленных культпросветительных учреждений, которые существовали в деревне до снятия их с государственного снабжения [1]). И здесь предстоит огромная работа по изысканию методов и приемов подхода к крестьянской массе.

Внешкольная агитация и пропаганда,—как говорит в своем докладе заведующая этим отделом т. Колесникова,—должна способствовать успеху пропаганды школьной. Так, через организацию кружков нужно подводить население к школам повышенного типа, агитировать за проведение ликвидации неграмотности, питать книгами школы для взрослых. „Мы знаем, что у нас недостаточно школ; нужно, чтобы клубная кружковая работа удовлетворяла тех, кто не нашел места в школе“ [2]).

В массах ощущается огромная тяга к самообразованию. Программно-библиографическим подотделом сделана попытка создать центр для руководства самообразованием на местах, и среди получаемых „Комиссией по самообразованию“ писем и запросов настойчиво повторяется один и тот же мотив: „...Нет книг, нет руководства, не у кого спросить“ [3]). В некоторых местах (Черниговская губ.) делаются попытки содействовать самообразованию масс путем устройства курсов-съездов, на которые вызываются представители волостных ячеек, политически неграмотные; а таких масса не только в деревне, но и в городах [4]). Надо прежде всего научить их грамоте, поднять их общеобразовательный уровень. Необходимо создать для руководства самообразованием центр, который путем составления программ и списков литературы для самостоятельного чтения и путем постоянного корреспондирования на местах фактически осуществлял бы заочное обучение наподобие американских корреспондентских

---

[1]) Там же, докл. Мениса: „Политпросветработа Р. К. С. М.“ и соответ. резолюция.

[2]) См. докл. Колесниковой: „Задачи агитации и пропаганды“, Бюллет. № 3, стр. 20—21.

[3]) Типичным является следующее: „Я хочу учиться. Бился на всех фронтах и сейчас в армии, все в школу попасть не могу: меня не отпускают; остается путь самообразования, но у меня нет книг, нет руководства, не у кого спрашивать“. См. Бюллет. № 3, стр. 9.

[4]) По учету политической грамотности среди членов партии, произведенному во многих губерниях и областях, „60—70% состава организаций политически неграмотны“ (см. „Комм. Просв.“, 1923 г., № 4—5, стр. 30).

университетов. А вырабатывая эти программы и списки, необходимо руководствоваться данными психологии того круга, который имеется в виду, ибо „мы часто забываем основные истины, давая единообразные программы". Обсуждая вопрос о воспитательной работе партии, последний конгресс Коминтерна постановил создать особое Бюро для сбора материалов по вопросам методики этой работы в различных странах; другим же вспомогательным средством мог бы явиться специальный журнал, на страницах которого можно было бы вести переписку с читателями и соответственный обмен мнениями [1]).

Центром школьно-курсовой работы в 1922 году было прикрепление ликпунктов и школ для малограмотных к фабрично-заводским предприятиям, избам-читальням и другим учреждениям для возможного объединения работы и отвоевание необходимых средств из местного бюджета [2]). В смету на 1922/23 учебный год внесено содержание 750 опорных ликпунктов и такого же числа школ для малограмотных, что, конечно, недостаточно, а потому необходимо самым энергичным образом изыскивать средства на содержание этих школ из местных источников, обслуживая в первую очередь организованные группы населения в возрасте от 18 до 30 лет. Что касается школ повышенного типа, то потребность в них среди рабочих несомненно растет. Растет, в частности, и потребность в воскресных школах и курсах, а в среде профсоюзов поднимается и вопрос о воскресных пролетарских университетах.

Ударной остается попрежнему работа совпартшкол, причем новым в этой области является окончательная разработка положения и программ школ политграмоты, предназначенных для ознакомления крестьян с историей Октябрьской революции и Советским строем с марксистской точки зрения.

Таковы итоги проделанной за год образовательной работы среди взрослых и среди молодежи в новых условиях, выяснившиеся из докладов ответственных работников Главполитпросвета и сообщений с мест на 3-м Съезде Политпросветов в конце 1922 г. Признавая, что „снятие с государственного бюджета массовых учреждений политпросветработы привело эту работу к громадному развалу", причем особенно пострадали деревенские учреждения и почти приостановилась работа по ликвидации неграмотности, съезд тем не менее констатировал, что период развала в школьно-курсовой работе уже изжит, и что

---

[1]) Там же.

[2]) См. докл. Кравченко: „Школьно-курсовая агитация и пропаганда" и прения по нему.

„в связи с укреплением местного бюджета—и в меру этого укрепления—является возможность установить твердую минимальную сеть учреждений политпросветработы". Главной задачей ближайшего будущего и является, по мнению съезда, укрепление и развитие следующих видов и типов школ: ликпунктов, школ малограмотных, школ взрослых повышенного типа, школ политграмоты, совпартшкол I и II ступени и коммунистических университетов, причем необходимо точно определить взаимоотношения всех этих школ между собою. Ввиду ясно выразившейся потребности в школах для взрослых повышенного типа нужно изыскать местные средства для их развития. Положение, учебный план и программы для них, выработанные Главполитпросветом, положить в основу занятий, подвергая их проверке в процессе практической работы.

Необходимо также обратить усиленное внимание на воспитательную работу в совпартшколах, усилить разработку методов преподавания в них и повысить квалификацию „групповодов" этих школ путем устройства для них дополнительных летних курсов и других мероприятий. Кроме того, „ввиду катастрофического состояния дела с подготовкой работников", необходимо приступить к созданию Центрально-Методических курсов политпросветработы, отнеся содержание их на государственные средства.

Что касается внешкольной агитации и пропаганды, то 3-й Съезд, признавая ее могучим средством политического воспитания масс, полагал необходимым все виды и формы ее объединить как в организационном, так и в методическом отношении путем осуществления единой сети политпросветучреждений с точной фиксацией общего числа учреждений для данного района, взаимно дополняющих работу друг друга.

Относительно же выявления самодеятельности населения съезд еще раз подтвердил, что „только путем тесного делового объединения внешкольной агитации и пропаганды с соответствующей работой Агитпропа (Агит.-пропагандист. отдела партии), Р. К. С. М., Культотделов Профсоюзов, Женотделов и Пур'а возможно направить работу внешкольного характера на путь самодеятельности масс, без чего немыслимо существование внешкольных учреждений как с организационной, так и с материальной стороны" [1]).

* * *

Оглядываясь назад, на быстро протекшие, но богатые событиями 6 лет революционного строительства, можно ска-

[1]) См. резолюции съезда в Бюллет. № 3.

зать, что в области внешкольного образования вообще и образовательной работы среди взрослых и среди молодежи в частности мы подошли вплотную к разрешению основных проблем, уже намечавшихся, но не находивших сколько-нибудь удовлетворительного решения в предреволюционный период. Такими проблемами являлись: 1) выработка общей системы образовательных учреждений для взрослых и определение ее места в общей системе народного образования; 2) создание особого государственного органа, ведающего этой отраслью культурно-просветительной работы и ведущего учет ее; 3) разграничение компетенции центральных и местных государственных органов и частно-правовых организаций в области этой работы; 4) подведение определенной материальной базы для осуществления образовательных мероприятий; 5) подготовка работников-специалистов для соответствующих учреждений и связанная с нею систематическая разработка выдвигаемых в процессе работы методических вопросов обучения взрослых.

Что касается особого органа, ведающего внешкольным образованием и, в частности, образовательными учреждениями для взрослых, то создание его относится, как уже указывалось, еще к 1917 г., в виде Внешкольного Отдела, преобразованного в 1920 г. в Главный Политико-Просветительный Комитет (Главполитпросвет), имевший полномочия объединить и направлять деятельность в с е х учреждений и ведомств в области политпросветительной работы. И хотя объединение это в условиях новой экономической политики и не вполне достигнуто, а разграничение компетенции между центральными и местными органами в деле образования взрослых фактически подвергается пересмотру в связи с отнесением большинства образовательных учреждений на местные средства, но руководящая роль в области этой работы, несомненно, принадлежит Главполитпросвету, который ведет и постоянный учет ее. Главполитпросвету принадлежит и право утверждения существующих и издание новых учебных планов, программ, учебных пособий, инструкций и циркуляров в области политпросветительной работы, причем, согласно постановлениям последнего съезда политпросветов и действующему законодательству, существование частных или независимых общественных организаций, ведущих эту работу, в настоящее время не предусматривается. А характер и направление государственных политпросветительных учреждений и мероприятий определяются как самым понятием п о л и т и к о - п р о с в е т и т е л ь н о й деятельности, так и связанными с нею очередными заданиями, намечаемыми органами власти и директивами партийного центра.

Непосредственное руководство и управление отдельными отделами образовательной работы в пределах самих полит-

просветов распределено между различными комиссиями и подотделами: Грамчека, П.-О. школ и курсов повышенного типа, совпартшкол, лектбюро и др.

Вне компетенции Главполитпросвета, а потому не подотчетными ему, оказались лишь 3 вида образовательных учреждений для взрослых и для молодежи, а именно: рабочие факультеты, различного типа школы для подростков и профессионально-технические школы и курсы, отнесенные в смысле подведомственности к другим отделам Наркомпроса, но, несомненно, тесно примыкающие к основным типам внешкольной образовательной работы. Поэтому, говоря о системе образовательных учреждений для взрослых, будет правильнее включить в нее и эти учреждения для того, чтобы дать более полную картину организации этого дела в настоящий момент. Кроме того, необходимо, конечно, иметь в виду, что система эта не представляется и по настоящее время вполне законченною; установлены только главные вехи, наметились основные ее ступени и их соотношение с общей системой образовательных учреждений в стране.

Но обучение взрослых и той рабочей молодежи, которая раньше времени оказалась на положении взрослых, и не должно, по существу своему, быть закрепленным в окончательно установленную, неподвижную систему: формы его должны быть многообразны, как многообразны запросы и потребности многоликой его аудитории, а организация его должна быть гибкой, чтобы без излишней ломки применяться к новым требованиям жизни. Запросы народных масс в охваченной революционной бурей стране выявляются не сразу и не равномерно. Интересы политики в широком смысле этого слова, т.-е. вопросы государственного строя и социальные реформы, вначале неизбежно выступают на первый план, временно заслоняя и оттесняя остальные, а революционная власть и те общественные группы, которые заинтересованы в завоеваниях революции, вынуждены уделять этим вопросам преимущественное внимание.

Но подлинное политическое просвещение невозможно без поднятия общего культурного уровня. В стране, где более 68% населения неграмотно [1]), завоевания революции не могут считаться прочными до тех пор, пока не будут достигнуты значительные успехи в области элементарного образования масс. И сознание этой связи, стремление немедля, в самых трудных условиях, поднять культурный уровень населения

[1]) По данным Центр. Статист. Управления за 1920 г., во всей Европейской России вместе с Украйной, Сев. Кавказом и Западн. Сибирью число грамотных составляло лишь 31,9% всего населения.

ясно сказывается даже в самые бурные годы русской революции, начиная с первых дней после свержения самодержавия и получая особенно широкий размах после Октябрьского переворота. В целях скорейшего осуществления этой культурной задачи намечаются еще в 1917 г. основные типы образовательных учреждений для взрослых: 1) школа грамоты, 2) начальная общеобразовательная школа, 3) высшая крестьянская школа и школы повышенного типа в городах, 4) высшая народная школа в виде народных университетов и политехникумов, 5) школы для рабочих-подростков, 6) различной длительности курсы по отдельным отраслям общеобразовательных и профессиональных знаний и, наконец, 7) эпизодические и цикловые чтения, лекции и образовательные беседы. А рядом с общеобразовательной работой и нередко подчиняя ее себе, идет работа по политическому просвещению и воспитанию массы взрослого населения путем собраний, митингов, лекций, дискуссий, кружков и политических курсов, и создаются специальные организации и новые формы этой работы.

Непрестанно изменяющаяся социально-политическая обстановка революционного периода выдвигает, как первоочередные задачи просветительной работы среди взрослых, то одни, то другие виды ее и заставляет много раз пересматривать и ломать организационный ее план. Центром внимания оказываются то малодоступные раньше виды высшей общеобразовательной школы—народные университеты, то ликвидация неграмотности; то широкая агитация среди масс, то подготовка партийных работников и советских служащих; то повышение квалификации рабочих, то ликвидация политической неграмотности.

В настоящий момент [1]) образовательные учреждения для взрослых и для работающей молодежи, не прошедшей через нормальную общеобразовательную школу, можно разбить на следующие основные группы:

I. Образовательные школы: 1) для неграмотных и малограмотных, продолжительностью в 3 и 6 месяцев; 2) курсы повышенного типа для уже получивших начальное образование, рассчитанные на 2 года и представляющие, согласно последнему проекту учебного плана, 2 разновидности: с индустриальным уклоном—в городах и сельскохозяйственным—для деревни; 3) рабочие факультеты с 3-летним курсом и соответствующие старшие группы курсов повышенного типа (большею частью продолжительностью в 2 семестра), подготовляющие в высшие учебные заведения.

[1]) Весною 1923 учебного года.

При этом необходимо иметь в виду, что последнее время школы для неграмотных и малограмотных по возможности объединяются организационно и сближаются в смысле методических принципов, образуя собою 1-ю ступень, или начальную школу для взрослых с годичным курсом; но в то же время при образовательных курсах для взрослых нередко открываются для малограмотных так называемые подготовительные группы, организационно связанные с этими курсами. Существовавшие в 1917—1919 гг. многочисленные народные университеты—пролетарские, крестьянские, красноармейские—в настоящее время уже не существуют: поскольку они являлись систематической школой взрослых повышенного типа (как это в большинстве случаев и было фактически), они заменены общеобразовательными курсами и рабфаками; высшее же образование, как таковое, предлагается в нормальных высших учебных заведениях, общеобразовательных и специальных, доступ в которые для лиц из рабочей и крестьянской среды юридически открыт и фактически проложен через соответствующие рабочие факультеты, организационно связанные с высшими учебными заведениями того или иного типа. Лишь в самое последнее время в среде профсоюзов выдвигается вновь мысль о создании воскресных народных университетов, как вольной высшей школы для тех, кто и при настоящих условиях, в силу ли личных обстоятельств, или по недостатку вакансий, не имеет возможности поступить в высшую школу, но желал бы пополнить свое образование в той или иной области, не отрываясь от своей среды и не беря на себя никаких обязательств. Обсуждается вновь в периодической печати и вопрос о высшей крестьянской школе, „которая дала бы учащемуся возможность... выработать известное миропонимание, поднять образовательный уровень, подготовить к общественной работе и, главное, развить интерес к образованию“ [1]).

II. Советско-партийные школы, имеющие целью политическое просвещение и воспитание и практическую подготовку советских и партийных работников в области революционного строительства [2]), а именно: 1) школы по-

[1]) См. ст. В. Дмитриева „К вопросу о высш. крест. школах“ („Комм. Просв.“ 1923, № 4-я) и ст. Н. Колесниковой „О высш. крест. школах и о совпартшколах“ („Комм. Просв.“ 1924, № 1), напечатанные в дискуссионном порядке.

[2]) „Совпартшколы,—гласит резолюция 2-го Всероссийского Съезда Совпартшкол, состоявшегося 10 апреля 1923 г.,—ставят себе задачу подготовки революционного марксиста-практика, могущего ориентироваться в окружающей обстановке и стать активным руководителем масс в той или иной конкретной области революционного строительства пролетариата, ставшего у власти“. См. Резолюции Съезда, изд. „Красн. Новь“, 1923 г., стр. 15.

литграмоты для ликвидации политической неграмотности, т.-е. для элементарного политического просвещения как членов Коммунистической партии, так и массы беспартийных граждан,—с 6-ти-месячным курсом [1]); 2) совпартшколы I и II ступени, готовящие самостоятельных работников различной квалификации и вместе с тем подготовляющие своих слушателей для школы следующей ступени; курс этих школ I ступени, согласно постановлению последнего Съезда Совпартшкол, предполагается удлинить до 1 года, 2-й ступени—до 2-х лет [2]); 3) коммунистические университеты, составляющие 3-ю, высшую ступень совпартшколы и ставящие своей задачей подготовку образованных марксистов-революционеров не только в области практики, советской и партийной работы, но и в области теории, путем основательной, построенной на самодеятельности учащихся, проработки всех основных предметов на основе диалектического материализма [3]). Курс коммуниверситетов определяется в настоящее время в 3 года, а на ряду с задачами образовательного характера все больше выдвигаются в них вопросы партийно-воспитательной работы.

Содержание программ и методы учебной работы совпартшкол меняются в соответствии с конкретными задачами различных периодов пролетарской революции. Так, в период своего первоначального развития, особенно в обстановке гражданской войны, совпартшколы служили, главным образом, выработке агитатора-практика; но по мере ликвидации военных фронтов центр внимания переносится и в этих школах на подготовку „практических строителей пролетарского государства, вооруженных теорией марксизма". Вместе с тем учебный план приобретает большую цельность и стройность, постепенно освобождаясь от многопредметности; требуемая от поступающих общеобразовательная подготовка повышается, общеобразовательные предметы и в самом курсе занимают более видное место, а срок обучения чуть ли не с каждым новым приемом слушателей увеличивается [4]). В общем, в настоящее

---

[1]) Определение продолжительности курса этих школ см. там же, стр. 17. В самое последнее время Агитпроп'ом ЦК РКП выдвинут новый тип краткосрочной школы политграмоты (по основам ленинизма) „в целях скорейшего приобщения к партийной работе и ознакомления вновь поступающих в РКП рабочих и работниц с основами ленинизма". Школы эти организуются дополнительно к существующей сети школ политграмоты и рассчитаны на $1^1/_2$ месяца, при 4-х часах занятий в неделю. Положение и программу названных школ см. в № 1 „Комм. Просв." за 1924 г.

[2]) См. там же.

[3]) См. там же, стр. 15.

[4]) Сравн., например, первоначальные учебные планы 2 — 3-недельных агитационно-пропагандистских курсов, из которых выросли Свердловский

время в отношении совпартшкол всех ступеней Главполитпросветом намечается определенная задача—„не столько количественное расширение, сколько качественное укрепление хотя бы весьма небольшой сети“ [1]). Но укрепление это зависит не только и не столько от улучшения материального положения совпартшкол и учебного оборудования их, уже в значительной мере упрочившегося, сколько от правильного методического руководства учебной и воспитательной стороной дела, которое может быть осуществлено лишь путем долгой и систематической работы и одним из средств которого является периодический созыв съездов и конференций по данной отрасли [2]). Характерной особенностью совпартшкол всех ступеней, связанной с воспитательными задачами, является устройство при них общежитий для учащихся, создающих более тесное общение между ними и представляющих, по мысли организаторов этих школ, своего рода коммуны, где учащиеся, под руководством старших товарищей-учащих, принимают непосредственное участие в устроении жизни и управлении школьным коллективом.

III. Школы для рабочих-подростков, т.-е. для тех, кто перерос нормальный школьный возраст, не получив общеобразовательной подготовки в нормальной школе, и для тех, кто не может посещать нормальной школы, будучи занят в производстве или на службе. Разновидностями таких школ являются: 1) 2-х-годичная элементарная школа для подростков с мастерской при ней, заменяющая 4-х-годичную детскую школу I-й ступени и знакомящая с простейшими формами труда [3]); 2) вечерние школы рабочей молодежи, имеющие целью дать учащимся в возможно краткий срок познания в объеме II-й ступени единой трудовой школы, причем в старших группах вводится ряд предметов и занятий, придающих школе тот или иной специальный уклон наподобие техникума; 3) школы фабрично-за-

коммун. университет в Москве и Зиновьевский в Петрограде, с последующими их планами и программами (см. ст. В. Невского и П. Равич в „Коммун. Интернационале“ № 10 и отчеты названных университетов за последний 1922—23 учебн. год). См. также доклад Двойлацкого о работе Программно-Библиографич. Отдела на 3-м Съезде Политпросветов (Бюллет. № 3).

[1]) Агит-проп. работа Главполитпросвета, стр. 17.

[2]) См. Бюллетени I-го Всероссийского Съезда Совпартшкол, состоявшегося в декабре 1921 г., резолюции и постановления II-го Съезда в апреле 1923 г. и методических конференций весной и зимой 1922 г.

[3]) З. Лилина, „Система школ для подростков“, и З. Л., „Дело, не терпящее отлагательства“ („Труд. Школа“, 1922 г., № 1). В 1923 г. Губсоцвосам предложено срочно разработать сеть и приступить к открытию этого типа школ для подростков, развертывающихся, где возможно, в школу 4-х-летнюю, соответствующую по объему знаний нормальной семилетней школе („Еженед. Наркомпроса“, 1923, № 13).

водского ученичества (фабзавуча), созданные лишь недавно [1]), как временный тип школы, имеющей целью удовлетворить насущные хозяйственные нужды страны в квалифицированных рабочих и подсобном административно-техническом персонале и заменить собою старое заводское ученичество [2]). Эти школы, организуемые при фабриках и заводах с целью обучить определенному производству, берут преимущественно „свою", работающую в данном предприятии или в данной отрасли промышленности молодежь (14—18 лет), большею частью не получившую начального образования, а иногда и неграмотную; поэтому к основному 4-х-годичному курсу школ фабзавуча приходится пристраивать так называемые подготовительные группы, дающие элементарную грамотность и сведения в пределах первых 2-х классов I-й ступени. В дальнейшем же обучение ведется частью (половину учебного времени) в виде классных занятий, частью в виде занятий в лабораториях и мастерских, и таким образом учащиеся получают и общеобразовательные знания и теоретическое освещение своей повседневной работы, причем и общеобразовательные предметы проходятся в известной мере на материале и иллюстрируются примерами, почерпнутыми из трудовой практики данной отрасли производства. Из разнокалиберной толпы рабочей молодежи, различной по возрасту, развитию, подготовке, социальным навыкам, „сбить учебные коллективы и объединить их в стройную школьную организацию со строго систематизированным, экономно и насыщенно-построенным планом обучения,—таковы трудно разрешимые задачи школ для рабочих подростков. „Из неграмотного, малокультурного, деморализованного условиями быта подростка приготовить в 4—5 лет рабочего-специалиста" — вот специальное, еще более трудное задание школ фабрично-заводского ученичества [3]).

Созданные первоначально, как временный тип, школы фабзавуча за последнее время значительно растут численно и все больше получают признание как органов власти, так и хозорганов и профсоюзов [4]).

Ценной особенностью школ для рабочей молодежи за революционный период является организация при них учени-

[1]) Первые попытки организации этого типа школ относятся к 1922—1923 учебн. году.

[2]) З. Л., „Дело, не терпящее отлагательства", стр. 4.

[3]) Р. Л., „Школы фабрично-заводского ученичества". „Просв.", № 2, стр. 170.

[4]) Согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 20 авг. 1923 г., предполагается „в дальнейшем в первую очередь признать подлежащей расширению сеть школ фабзавуча с тем, чтобы к 1 сент. 1925 г. она охватила всех подростков, занятых в производстве, а также обратить особое внимание

ческих клубов, дополняющих путем кружковой и экскурсионной проработки те знания и навыки, которые стремится дать им школа посредством классных занятий.

IV. Профессиональные и технические школы и курсы как для занятых в производстве, так и для готовящихся к той или иной профессии взрослых и юношей [1]), представляющие следующие разновидности: 1) годичные курсы по различным специальностям (например, кооперативные, счетоводные, по уходу за детьми раннего возраста, по домоводству, сельскому хозяйству и т. п.) и по ремеслам (переплетному, кройки и шитья и др.), предполагающие предварительную подготовку в размере начальной школы—детской 4-х-годичной или элементарной для взрослых; 2) учебные мастерские, предназначенные для нужд кустарной и сельскохозяйственной промышленности, преимущественно в сельских местностях, и рассчитанные на 2—3 года при предварительной подготовке в объеме 2-х—3-х классов I ступени; 3) профессионально-технические школы, дающие при подготовке учащихся, равной 1-й ступени, квалифицированных рабочих (мастеров, монтеров и пр.) с общим образованием несколько ниже 2-й ступени трудовой школы; 4) аналогичные по заданиям вечерние профессиональные курсы сроком в 4—9 месяцев, предназначенные для рабочих, занятых в производстве и имеющих элементарную подготовку; 5) техникумы дневные, выпускающие специалистов и квалифицированных техников узкой специальности с общеобразовательными знаниями несколько выше 2-й ступени трудовой школы (при условии предварительной подготовки в объеме 7-летней нормальной школы); 6) техникумы вечерние, дающие занятым в производстве рабочим возможность получить теоретические специальные знания; техникумы этого типа делятся обычно на годичные, концентрически построенные курсы, расположенные в порядке преемственности; 7) практические институты, требующие предварительной подготовки в объеме 2-й ступени трудовой школы и отличающиеся от высших учебных заведений тем, что при 3-х-лет-

---

на организацию школ для деревенских подростков по типу школ фабзавуча (А. Луначарский, „Просвещение в Сов. России", стр. 14).

Основной задачей школ крестьянской молодежи,—согласно последнему руковод. циркуляру Наркомпроса,—должна быть „подготовка культурного работника земли, нового советского крестьянина-кооператора", причем „учебная работа школы должна строиться в строгой приложенности к нуждам крестьянского хозяйства, давать практический, реально-осуществимый ответ на его больные вопросы" („Еженед. Наркомпроса", 1923, № 13).

[1]) Школы фабзавуча, как предназначенные только для подростков, сюда не включены.

нем курсе выпускают инженеров и других специалистов-практиков узкой специальности.

Руководящим принципом в построении всей системы профессионального образования за революционный период является стремление приблизиться к практике, к производству, по возможности даже организовать обучение в самом производстве. Другим руководящим принципом в этой области было первоначально требование, чтобы профессиональное образование для юношества начиналось не раньше 17 лет и строилось на основе общего образования в объеме нормальной трудовой школы 1-й и 2-й ступени. Однако суровые условия революционной действительности уже с 1919/20 г. заставили Нар. Ком. Просвещения отказаться от этого принципа в интересах повышения квалификации труда и поднятия промышленности и, понизив возраст для учащихся профшкол до 14 лет, сохранить лишь требование об обязательности общеобразовательных предметов во всех профессиональных школах для юношества, не прошедшего трудовой школы [1]).

Такова в самых кратких чертах система образовательных учреждений для взрослых и рабочей молодежи, как она сложилась к весне 1923 г. Новыми для России видами работы являются, несомненно, все типы советско-партийных школ, школы фабрично-заводского ученичества и рабочей молодежи, техникумы, практические институты и рабочие факультеты, а также проектируемые в самое последнее время „школы крестьянской молодежи".

Выключенными из современной внешкольной практики оказались все разновидности вольной высшей школы—народные университеты—и многие разновидности общеобразовательной школы взрослых повышенного типа, в том числе высшие крестьянские школы, заменяемые ныне для деревни однотипными курсами с сельскохозяйственным уклоном. Однако названные типы школ, напр., народные университеты и высшие крестьянские школы,—как уже указывалось выше,—вновь выдвигаются на очередь и обсуждаются в печати, хотя еще и не получили официального признания власти.

Число существующих образовательных учреждений для взрослых, несмотря на ярко выраженный интерес к ним и на значительные средства, отпускавшиеся на это дело Советской властью, далеко не достаточно. Существующая сеть как общеобразовательных, так и специальных курсов и школ для

[1]) В самое последнее время, во второй половине 1923—24 учебн. года программы всех типов индустриально-технических и профессиональных школ подвергаются пересмотру в видах наиболее целесообразного их построения, учитывающего опыт предыдущего периода.

взрослых безусловно не может удовлетворить потребности населения в образовании и потребности государства в культурных и квалифицированных в области своей специальности работниках. Особенно гибельной признается, все еще тяготеющая над большинством крестьянства и частью городского населения, безграмотность. Сравнивая % грамотных в 1897 и в 1920 году, В. И. Ленин определенно указывает, что „прогресс наш... оказался слишком медленным“ [1]). Еще в 1920 г. 47,3% трудоспособного населения (от 16 до 50 лет), т.-е. около половины его нуждалось в самом элементарном обучении [2]). Количество обученных за 1919—1922 гг.—приблизительно $6^1/_2$ милл. чел. [3])—сравнительно не велико. И нужны поистине гигантские усилия, чтобы осуществить намеченный Главполитпросветом план—полной ликвидации неграмотности взрослых к 10-летию Октябрьской революции [4]).

Что касается школ для взрослых повышенного типа, то при той отсталости в этой области, которая наблюдалась у нас до революции, и при той огромной жажде знания, которая особенно ярко проявилась уже в период войны (1914—1917 гг.) и еще возросла за время революции, количество их также не может удовлетворить потребности населения. А между тем начавшееся с половины 1921 г. значительное сокращение расходов на народное образование и в частности на образовательную работу среди взрослых заставило заметно сократить сеть этого рода школ и курсов на ближайшие годы.

О росте и сокращении образовательных учреждений для взрослых и молодежи за 1919—1922 г. можно в известной мере судить по следующим данным, заимствованным из отчета Главполитпросвета, а также и из других официальных источников к XII Съезду партии и изображенным в виде следующей таблички:

---

[1]) В. Ленин, „Странички из дневника“.

[2]) И теперь „в самом цветущем, зрелом возрасте от 18 до 36 лет страна наша насчитывает неграмотных 17 миллионов человек“,—говорится в обращении ВЦИК ко всем губ-, у- и волисполкомам, к профессиональным и общественным организациям (см. брош. „О-во Долой Неграмотность“, стр. 3).

[3]) Сведения за 1922 г., по свидетельству Главполитпросвета, очень неточны: „аппарат разрушился, и считать было некому“. В 10 губ., по сведениям Информационн. Отд. Наркомпроса, за 9 месяцев 1922 г. прошло через ликпункты свыше 35 тысяч человек, но эти данные не дают возможности сделать какие-нибудь общие выводы, так как работа по различным губерниям очень неравномерна (см. „Материалы к XII Съезду партии“).

[4]) План этот, оформленный декретом Сов. правительства от 14 августа 1923 г. и подтвержденный XI Съездом Советов, является в настоящее время боевым лозунгом Наркомпроса и всего Совнаркома, и для осуществления его изыскиваются всевозможные меры (см. сб. „Все на борьбу с темнотой“ и брош. „О-во Долой Неграмотность“).

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ.	1919 и 1920 гг.	1 октября 1921 г.	Число учреждений на 1-е окт. 1922 г. по всем губ. Р.С.Ф.С.Р.	Минимальная сеть по Р.С.Ф.С.Р., утвержденная в феврале 1923 г.
1	Пункты по ликвидации неграмотности и школы для малограмотных . . .	11.516	17.462	2.287	23.400
2	Школы взрослых (повышенного типа)	1.955	2.774	469	400
3	Школы политграмоты .	не было.	—	288	350 [1])
4	Совпартшколы 1-й и 2-й ступени.	134	255	205	205 [1])
5	Коммуниверситеты. . .	не было.	3	6	6 [1])
6	Раб. фак-ты дневные [2])	к сентябрю 23	74 } 89	69	сведений нет [3]).
	» » вечерние .		15		

Приведенные цифры рисуют как будто невеселую картину снижения работы массовых общеобразовательных школ для взрослых за 1922 г.,—снижения, причины которого выяснены были выше, при подведении итогов на 3-м Съезде Политпросветов. Но есть все основания полагать, что конец 1922 г. является именно моментом кризиса, после которого начинается новый, хотя и медленный рост числа этих школ. Так, если к 1 ноября 1922 г. число ликпунктов (без школ малограмотных), учтенных по всей России, равнялось 1012 с 25 тыс. учащихся, то к 1 апреля 1923 г. их насчитывается уже 3607 с 104 тыс. учащихся [4]).

[1]) Согласно постановлению Совнаркома от 20 августа 1923 г., сеть учреждений партпросвещения несколько изменена: на 1923—24 уч. год утверждено число школ политграмоты—642, совпартшкол—169, коммуниверситетов—8 (см. брош. А. Луначарского „Просвещение в Совет. России". 1924, стр. 73).

[2]) Данные о рабфаках заимствованы из ст. Н. Вихорева и В. Образцова, помещен. в журн. „Знамя Рабфаковца" за 1922 г., опубликован. к 3-х летней годовщине рабфаков.

[3]) Сеть рабочих факультетов на 1923—24 г.,—согласно постановлению Совнаркома от 20 августа 1923 г.,—утверждена в числе 70, причем на госбюджете считаются только 60 (там же).

[4]) См. „О-во Долой неграмотность", стр. 3.

Соответственных данных по школам для подростков и профессионально-техническим школам для взрослых в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется, но несомненно, что число как тех, так и других также далеко отстает от действительной потребности в них, ибо начальная детская школа, слабо развитая в дореволюционное время и качественно и количественно, и за годы революции развивалась и функционировала далеко не нормально, оставляя за бортом значительное число детей и подростков, нуждающихся теперь в элементарном обучении. Профессиональное же образование в старой России стояло так низко, что нужно было бы затратить много лет упорной работы и огромное количество средств и сил, значительно поднять общий культурный уровень населения и подготовить целые кадры специалистов-руководителей, чтобы поставить его на должную высоту.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что и в области профессионального образования сделанное за эти годы является лишь началом, и предстоит еще,—как указал В. Ленин,—огромная работа, „чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы“ [1]). Но интересно отметить, что самый характер запросов народных масс в области образовательной работы постепенно меняется. И если в период, непосредственно следовавший за свержением старого режима, и в первый период Советской власти чувствовалось горячее, жадное стремление народных масс к тому, чтобы овладеть недоступными раньше рассадниками знания, высшей школой, то за последнее время, пережив тяжелые годы гражданской войны, голодовки, экономической разрухи и вступая в период мирного строительства, рабочие массы ощущают настоятельную потребность в более основательном, более систематическом образовании. Раз прикоснувшись к источнику научных знаний, они хотят использовать его по-настоящему, не на спех, не мимоходом. Какую бы область образовательной работы мы ни взяли, мы видим ту же картину: взрослые учащиеся школ повышенного типа и рабочих факультетов настаивают на удлинении срока обучения, на введении большего количества общеобразовательных предметов, на более углубленных методах работы семинарского и лабораторного типа; от эпизодических лекций они стремятся перейти к систематическим, от краткосрочных курсов к долгосрочным, от злободневных вопросов и политических тем к обоснованию тех или иных программных лозунгов путем изучения многообразной и сложной действительности и выяснения места человека в обществе и в природе.

---

[1]) Ленин, „Странички из дневника“—„Петр. Правда“ 4 января 1923 г.

В соответствии с изменившимися условиями, значительно изменяется за последнее время и характер работы Главполитпросвета. Снятие с госбюджета большинства курсов и школ для взрослых и передача их на местные средства побуждает центральные органы уделять больше внимания методическому руководству ими в целях сохранения своего влияния на направление работы этих школ. Уменьшение количества школ подсказывает необходимость позаботиться о повышении качества их. А сознание важности тесной связи школ с населением заставляет внимательнее прислушиваться к пожеланиям учащихся и к нуждам данной социальной группы.

Говоря о запросах и нуждах учащихся взрослых, необходимо учитывать и соцальный состав их. Общедоступность образовательных учреждений первого периода (1918—19 гг.) отошла ныне в область преданий, заменившись принципиально проводимым отбором учащихся по классовому и партийному признаку [1]). Этот отбор, представляющий по существу явление временного порядка, связанное с недостаточным количеством школ и курсов для взрослых и нередко вызывающее требование особых рекомендаций или командировок для поступления в школу, несомненно, неблагоприятно отражается на отношении широких масс населения, в особенности крестьянства, к политпросветительным учреждениям, которые оказываются для многих недоступными, а потому чуждыми, не врастающими в толщу народной жизни. С другой стороны, недоступность образовательных государственных учреждений вызывает вновь и вновь потребность в частных и общественных школах для остающихся за бортом элементов.

Та же отчужденность, неуменье нащупать жизненные потребности местного деревенского населения и заинтересовать его просветительной работой является часто главным тормозом развития образовательных учреждений на местах. И если в строительстве пролетарской рабочей школы правильно избран лозунг сближения с производством и с бытом рядового рабочего, то еще более необходимо найти правильный подход к крестьянину, гораздо более далекому от современной

[1]) См. резолюции 3-го Съезда Политпросветов (Бюллет. Съезда, № 3), а также резолюции Совещания Завгубполитпросветами (6—12 дек. 1923 г. „об основных моментах работы в школьном курсовом деле". „Школы для взрослых,—говорится в резолюции,—как по социальному составу своих слушателей, так и по своим учебным планам и программам должны оставаться аудиторией для рабочих и крестьян"... А политпросветам вменяется в обязанность „решительно бороться с намечающейся уже тенденцией превратить эти школы в лазейку для буржуазной и мелкобуржуазной молодежи, через которую они пытаются проникнуть в ВУЗ'ы (см. Информационное письмо Главполитпросвета, № 2, стр. 21).

идеологии и по социальным основам быта и по психологическому своему укладу. За последнее время сознание недостатка этой спайки с крестьянством в области политпросветительной работы и необходимости создать ее все чаще и настойчивее звучит и в руководящих указаниях центра и в откликах с мест [1]). Только близкая, основанная на самодеятельности населения школа взрослых даст действительно ощутительные результаты в деле поднятия культурного уровня страны.

И кто из искренне преданных делу „внешкольников" или „политпросветработников" не согласится со словами Н. Крупской: „Только выслушав население, только узнав его точку зрения на данный вопрос, может Отдел Нар. Образ. взять правильную линию... Только тогда, когда эта линия соответствует желаниям и потребностям населения, начинания его могут быть проведены в жизнь и привиться" [2]).

Образовательной работы среди взрослых нам предстоит еще очень, очень много. Но при той жажде, которая так бурно прорывалась в революционные годы, эта работа может и будет развиваться быстро и успешно. Только бы была взята „правильная линия".

Анна Гуревич.

P. S.

За время, протекшее с момента сдачи этой статьи в печать (в июне 1923 г.) до получения ее в набранном виде (в апреле 1924 г.), произошло немало перемен в области политпросветительной работы вообще и в положении отдельных ее видов в частности. Наиболее существенные изменения в работе отдельных типов школ отмечены вкратце в примечаниях, главным образом в последней главе. Что же до общих директив, имеющих особо важное значение, то необходимо отметить следующее: „Вопрос об установлении нормальных взаимоотношений между культотделами профсоюзов и политпросветами наконец получил свое разрешение, по крайней мере, в его формальном виде",—говорит Н. Крупская. „Подписанная ВЦСПС и Главполитпросветом инструкция

---

[1]) См. Резолюции 3-го Съезда Политпросветов и Резолюции Совещания Завгубполитпросветами (в декабре 1923 г.).

[2]) Н. Крупская, „Контроль сверху и контроль снизу в деле народн. образов.". См. сб. „Вопросы нар. образов.", изд. Главполитпросвета. М. 1922, стр. 35.

устанавливает твердые нормы взаимоотношений по линии методического руководства за политпросветом и организационного—за профсоюзами... Культшефство—также база для совместной большой работы политпросветов с профсоюзами"... „Взаимодействие внешкольной работы в городе и в деревне" представляет задачу, в разрешении которой заинтересованы обе организации [1]).

Другим заслуживающим внимания явлением последнего времени представляется „мобилизация сил и средств советской общественности на борьбу с неграмотностью" путем организации, по инициативе ВЧКлб, Общества „Долой Неграмотность", ставящего себе целью „содействовать делом и словом задаче ликвидации неграмотности к 10-летию Октябрьской революции" [2]).

„Для ликвидации мало горячего порыва, энтузиазма, готовности к жертвам,—говорит по этому поводу Ю. Стеклов,—требуются крупные денежные затраты. Уже теперь ясно, что выполнить эту грандиозную задачу нельзя иначе, как путем привлечения широких масс советской общественности... т.-е. широких масс интеллигенции (в частности учительства), рабочих и в особенности самого крестьянства, в частности крестьянской интеллигенции" [3])...

Таким образом в политпросветработу вовлекается новый элемент „широких масс советской общественности" и неоднократно подчеркивается и выдвигается роль рядового сельского учителя и ликвидатора неграмотности, являющихся одной из главных пружин проведения грамоты и других видов общественно-культурной работы в деревне [4]). А вопрос о том, чтобы заинтересовать малокультурного крестьянина или иного гражданина Советской республики политпросветработой, привлечь и удержать до конца обучение—в настоящий момент выдвигается жизнью на первый план.

А. Г.

---

[1]) См. записку Н. Крупской о работе Главполитпросвета. Цит. по брош. А. Луначарского „Просвещение в Совет. России", стр. 39—40.

[2]) См. брош. „О-во Долой Неграмотность", стр. 4.

[3]) Там же, стр. 5 и след.

[4]) См. циркулярн. письмо ЦК РКП о „привлечении сельского учительства к политпросветработе" („Нар. Учит.", 1924, № 3) и ст. А. Курской „Долой неграмотность"—там же, стр. 5.

Литература по вопросам образовательной работы со взрослыми [1]).

1. **Е. Н. Медынский.** Энциклопедия внешкольного образования. Т. I и II. Госиздат, М.-П., 1923, стр. 134—167. (См. т. I, гл. I—XIII; т. II, гл. V, VIII и IX).
2. **Е. Н. Звягинцев.** Принципы внешкольного образования и его живые силы. Изд. Мор. Воспит. М. 1918, стр. 76.
3. **В. И. Чарнолуский.** Основные вопросы организации внешк. образования. Изд. Т-ва „Знание". Спб. 1909.
4. **В. И. Чарнолуский.** Земство и народное образование. Ч. II. Изд. Т-ва „Знание". Спб. 1911. (См. гл. XII, XIII, XIX и XXIV).
5. **В. П. Вахтеров.** Внешкольное образование народа. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1896. (См. очерк „Воскресные школы и повторительные классы", стр. 147—371).
6. Частный почин в деле народного образования. Сб. стат. Изд. Моск. Комитета Грамотности. М. 1894.
7. **Общее Дело.** Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения, сост. под ред. В. С. Костроминой. М. Вып. I. Изд. 2-е, испр. и доп. 1905. (См. ст. Я. Абрамова, Э. Вахтеровой, В. П. Вахтерова и др.); вып. II, 1902 (ст. В. П. Вахтерова и Э. Вахтеровой); вып. III, 1912 (почти все ст.); вып. IV, 1912 (ст. В. Костроминой, С. Сероплолко, Е. К. и др.).
8. **Я. В. Абрамов.** Частн. воскресн. школа в Харькове и воскресн. школы вообще. 4-е дополн. изд. Спб. Акционерн. О-ва „Издатель". Спб. 1897, стр. 123.
9. **Е. Медынский.** Методы внешкольн. просветительн. работы. Изд. „Наука". М. 1918. Изд. 3-е. (См. особенно гл. IV „Народные чтения" и гл. VII „Курсы и школы для взрослых").
10. **Народный Дом.** Сб., сост. сотрудниками Лиговск. Народ. Дома. Изд. сотрудн. Лиговск. Нар. Дома С. В. Паниной. Пгр. 1918. (См. ст. В. Тихомировой „Вечерние курсы для взрослых в народном доме", С. Паниной „Чтения с туманными картинами", А. Якобсон „Лекционный зал нар. дома").
11. Экономическая оценка народн. образования. Изд. 2-е, испр. и доп., Рус. Технич. О-ва. Спб., 1899, стр. 161. (См. ст. И. Янжула, А. Чупрова, В. Вахтерова и др.) или Труды 2-го Съезда деятелей по технич. и профессиональному образованию. Секция „Общих вопросов", под ред. В. Вахтерова, ч. I и II, Моск. 1898. (См. особ. докл. А. Горбунова, Ф. Данилова, Л. Гавришева, П. Шестакова, А. Быкова, А. Гатлиха, Я. Абрамова, Э. Кислинской, О. Кайдановой, С. Григорьева, Н. Тулупова, В. Вахтерова).
12. Труды I Всеросс. Съезда Нар. Университетов и друг. просвет. учреждений частной инициативы. Спб. 1908, стр. 526.
13. **В. Невский.** Освободительное движение и методы внешкольной просветительной работы. Журн. „Русск. Школа", 1917, №№ 5—8 и 9—12.
14. К 25-летию Пречистенск. рабочих курсов. 1897—1922. М. 1922, стр. 64.
15. **М. Хейсин.** О-ва самообразования среди рабочих (их сущность и организация). „Библ. на очереди". Спб. 1908, стр. 40.
16. **В. Майский.** Культур-просветит. деятельность среди пролетариата. Изд. „Книга". Спб. 1918. Изд. 2-е, стр. 42.

[1]) В настоящем перечне указываются только наиболее ценные или наиболее новые книги и статьи, а отнюдь не вся литература, которая представляет интерес и которой пользовался автор.

17. Доклады 1-му Общеземскому Съезду по нар. образованию 1911. Изд. Московск. губ. земства. М. 1911, т. I и II, стр. 825+821. См. докл. о народн. чтениях и о курсах для взрослых, в особ. докл. Харьков. губ. зем. управы и М. Обухова).
18. **В. Чарнолуский**. Вопросы нар. образования на 1 Общеземском Съезде. Спб. 1912.
19. Доклад подготовительной комиссии по разработке плана внешкольного образования в Петрограде. Изд. Гор. Думы. Спб. 1914.
20. **А. Луначарский**. Культурные задачи рабочего класса. (Культура общечеловеческая и классовая). Изд. „Социалист". Спб. 1917.
21. Всеросс. Съезд Союзов рабоч. и крестьянской молодежи в Москве 24/X—4/XI 1918. Изд. Р. К. С. М. Пгр. 1919, стр. 86.
22. Основные положения организации культ.-просветит. деятельности при кооперативных союзах и объединениях. Изд. Сов. Всер. Кооперат. Съездов. М. 1919, стр. 12.
23. **Ф. Дьяков**. Кооперация и просвещение. Изд. „Нар. Учит.". М. 1918, стр. 111.
24. **М. Хейсин**. Основы культурно-просветит. деятельности кооперативов. Изд. „Книга". Пгр. 1919, стр. 72.
25. **К. И. Львов**. Своими силами (Как организовать просветительную работу в городе и деревне без денежной помощи от государства). Кооперат. Т-во „Сеятель". М. 1922, стр. 72.
26. **М. Шишкин**. О роли, принципах деятельности и практике кооперативных просветительных кружков. (См. „Труды Харьков. съезда разумн. развлеч.". Харьков, 1915. Т. II).
27. Резолюции I Всеросс. Съезда по кооперативн. просвещению и культ.-просвет. деятельности кооперации. Изд. Сов. Вс. Кооперат. съездов. М. 1919, стр. 15.
28. **В. Кильчевский**. Организация местных кооперативных курсов. Т. I. Изд. „Мысль". Спб. 1918, стр. 100.
29. **А. Луначарский**. Революция и внешкольное образование. (Журн. „Внешк. Образ.". Пгр. 1919, № 2—3).
30. **Его же**. Что такое образование. Изд. Лит.-Издат. Отдела. 1918, стр. 22.
31. **Н. Крупская**. Внешкольн. образование в нов. строе. „Нар. Просвещение". М. 1918, № 4—5.
32. **В. Керженцев**. Культура и Советская власть. Изд. В. Ц. И. К. Совета Р. С. К. и К. Деп. М. 1919, стр. 36.
33. Об общеобразовательных и профессионально-технических задачах внешк. дела. Вып. I. „Библиот. Внеш-ка". Гос. издат. М. 1920, стр. 31.
34. Резолюции I Всеросс. Съезда по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Журн. „Внешк. Обр.". Пгр. 1919, № 6—8.
35. Бюллетень Всеросс. Совещания Политпросветов 1—8 ноября 1920 г.
36. Бюллетени 2-го Всеросс. Съезда Политпросветов 17—22 окт. 1921 г. М. 1921, №№ 1—8.
37. Бюллетени 3-го Всероссийск. Съезда Политпросветов 26/XI—2/XII 1922 г., № 1—3 и приложение к ним. М. 1922.
38. Политико-просветительная работа в условиях Нэп'а (Итоги и перспективы), под общ. ред. Н. Ульяновой-Крупской. Изд. „Красн. Новь" при Главполитпросвете. М. 1922. (См. особ. гл. 1—5, 9 и 10).
39. 2-ой Всеросс. Съезд Совпартшкол. В. 2-й. Резолюции и постановления. Изд. „Красн. Новь". М. 1923, стр. 37.
40. Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. (Материалы к XII Съезду партии). Изд. „Красн. Новь". М. 1923, стр. 43.
41. Проф. **Е. Медынский**. Внешкольное образование в Р. С. Ф. С. Р. Изд. „Красн. Новь". М. 1923, стр. 72.
42. **Главполитпросвет**. Спутник политпросветработника. Изд. „Красн. Новь". М. 1923, стр. 106. (Постановления, указания и инструкции по политпросветработе, сохранившие свое значение к 1923 году).

43. **Н. Крупская.** Система нар. образования в Р. С. Ф. С. Р. и место политпросветработы в ней. Журн. „Коммунист. Просвещ." 1923 г., № 1 (7), стр. 12—17.
44. **Центральное Статистическое Управление.** Грамотность в России. М. 1922.
45. **Тумим.** В помощь учителю грамоты. Гос. издат. Пгр. 1920, стр. 52.
46. **Всеросс. Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности при Главполитпросвете.** Программы для занятий со взрослыми на ликпунктах и в школах малограмотных. С кратк. объяснительной запиской и библиографией. Изд. „Красн. Новь". М. 1923, стр. 37.
47. **Той же комиссии.** Руководителям занятий. Сб. №№ 1—4. Изд. „Красн. Новь". М. 1923 (См. особ. сб. № 3. „Основные принципы обучения неграмотных" и „Практика Ликпункта" и № 4. „Вехи нового пути в работе с малограмотными"). (По матер. 2-й Всеросс. конференции методистов-практиков. М. 7—12 сент. 1922 г.).
48. **Спутник делегата.** (Сб. тезисов и докладов к I Всеросс. Съезду по ликвидации неграмотности). Изд. „Красн. Новь". 1923 г., стр. 32.
49. **Главполитпросвет.** Сборник программ для школ взрослых повышенного типа. Изд. „Красн. Новь". 1923, стр. 196.
50. **Главполитпросвет.** В помощь школе взрослых повышенного типа. Сб. под ред. Н. Крупской. Вып. I. Изд. „Красн. Новь". М. 1923 г., стр. 78.
51. **В. И. Невский** и **С. Равич.** Рабоче-крестьянские универ-ты в Советской России. („Коммунист. Интернационал" 1920 г., № 10, стр. 1500—1511).
52. Отчет Коммунистического Универ-та им. т. Г. Зиновьева. 1921—1923 учебн. годы. Ч. I. Пгр. 1923, стр. 198.
53. Программа для советско-партийных школ I и II ступени. Вып. I—V. Изд. „Красн. Новь". М. 1922 и 1923.
54. Опыт руководства по методике политпросветработы. Ч. I. Методика политзанятий. Изд. Политупр. Петр. Воен. Окр. Пгр. 1923, стр. 135.
55. **Г. Окулов.** К итогам 5-летия работы по политическому просвещению. „Вестн. Просв. Моно". 1922, № 9, стр. 220—227.

Дополнительный список литературы по образовательной работе среди взрослых, появившейся за 1922—1924 гг.

1. **Н. Ленин—В. Ульянов.** Социальная революция и задачи просвещения. (Статьи и речи). Изд. „Кр. Новь". М. 1923, стр. 84.
2. **А. В. Луначарский.** Проблемы народного образования. Сб. ст. Изд. „Раб. Просв.". М. 1923.
3. **Н. К. Крупская.** Политико-просветительная работа. Сб. ст. Изд. „Раб. Просв.". М. 1924, стр. 125.
4. **Л. Троцкий.** Задачи коммунистического воспитания. (Речь на 5-летн. юбилее комм. унив-та им. Я. М. Свердлова). Изд. „Кр. Новь". М. 1923, стр. 29.
5. **А. Бубнов.** Итоги и перспективы коммун. просвещения. Изд. „Кр. Новь". М. 1923, стр. 32.
6. **К. И. Львов.** Организация просветительной работы. Изд. „Раб. Просв.". М. 1924.
7. **И. Ходаровский.** Основные черты современного состояния нар. просвещения в Р. С. Ф. С. Р. Журн. „Кр. Новь". 1923, № 7.
8. **А. В. Луначарский.** Просвещение в Советской России. Изд. „Раб. Просв.". М. 1924, стр. 47.
9. **Главполитпросвет.** Информационное письмо Главполитпросвета. Изд. „Кр. Новь". М. № 1, 1923 г.—№ 2, 1924 г.
10. **А. Я. Подземский.** Справочная книга по народному просвещению.

11. **В. А. Зеленко.** Практика внешк. образования в России. Изд. 3-е, доп. и пересм. Госизд. М.—П. 1923.
12. **Все на борьбу с темнотой.** Сб. ст. по ликвидации неграмотности среди населения Р. С. Ф. С. Р. Вып. 1. Изд. „Кр. Новь". 1923, стр. 110.
13. **Всеросс. Чрезв. Комиссия ликв. безгр.** Руководителям занятий. Пути к поднятию квалификации работников по материалам 2-й Всер. конференции методистов-практиков. М. 7—12 ноября 1922. Изд. „Кр. Новь". М. 1922, стр. 14.
14. **О-во „Долой Неграмотность".** (Устав о-ва и инструктивный материал). Изд. „Кр. Новь". М. 1924, стр. 27.
15. **Главполитпросвет.** В помощь совпартшколам и школам взрослых. Сб. под общ. ред. Н. К. Крупской. Изд. „Кр. Новь". М. Вып. 2-й, 1923. Вып. 3-й, 1924. (См. особ. в сб. III ст. Л. Лойко: а) об оценке совпартшкол слушателями и преподавателями и б) о конференции преподавателей школ для взрослых повыш. типа).
16. **Задачи** и организация совпартшкол. Сб. под ред. Н. К. Крупской. Вып. 1. Изд. „Кр. Новь". М. 1923, стр. 154.
17. **Сборник** по вопросам партпросвещения. Изд. комм. университета им. Я. М. Свердлова. М. 1924, стр. 266.
18. **Высшие** учебные заведения и рабочие факультеты. Прилож. к кн. „Высшая школа в РСФСР и новое студенчество". Справ. книжка. М. 1923, стр. 54.
19 **Л. Яковлева.** Общее положение проф. образования в Р. С. Ф. С. Р. Госиздат. 1922.
20. **Главпрофобр.** Материалы по професс.-технич. образованию. Вып. 13. Техникумы и практич. институты. Госизд. 1922.
21. **Н. К. Крупская.** Организация самообразования. Изд. „Мол. Гвардия". М. 1922, стр. 55.

Кроме того, см. журналы и педагогические сборники:

1. **Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Н. К. Пр.** С дек. 1922 г.—1923 г.
2. **Вестник Просвещения Моск. Отд. Нар. Обр.** М. 1922 и 1923 г.
3. **Вестник Рабочих Факультетов.** Орган Отдела Рабфаков и Главпрофобра. М. 1922—1923 г.
4. **Внешкольное Образование.** Изд. Внешкольн. Отд. Комиссии Народн. Просвещения Союза Коммун Сев. Обл. Пгр. 1918—1919 г. №№ 1—8.
5. **Внешкольное Образование.** Изд. Отд. Внешкольн. Образования Нар. Комиссариата по Просвещ. М. 1919 г.
6. **„Долой Неграмотность".** Изд. Всеросс. Чрезв. Комиссии по ликвидации безграмотности. М. 1921—1923 г.
7. **Еженедельник Н. К. Пр.** С июня 1923 г.
8. **Знамя Рабфаковца.** Ежем. журн. Отд. и студенчества рабфаков. М. 1922 г.
9. **Информационный Бюллетень Ленинградск. Губ. Отд. Нар. Обр.** Л. 1924.
10. **Коммунистическое Просвещение.** Орган Главполитпросвета. М. 1922 г. №№ 1—6, 1923 г. № 1, 1924 г. № 1.
11. **Народное Просвещение.** Социалистический орган общественно-полит., педагогич. и научный Госуд. Комиссии по Нар. Просвещ. Пгр. 1918 г. и М. 1918—1922 гг.
12. **Народный Учитель.** Ежем. журнал под ред. А. Виголок, Н. Иорданского, Ф. Кипарисова, А. Коростелева, Н. Крупской, А. Луначарского и Я. Яковлева. М. 1924.
13. **Педагогическая Мысль.**

14. **Пролетарская Культура.** Журн. изд. Орган. Бюро по Созыву Всеросс. Конференции пролеткульт.-просвет. организаций. М. 1918 г.
15. **Просвещение.** Педаг. сб. Гос. издат. Пгр. 1922, №№ 1—2.
16. **Путь Просвещения.**
17. **Трудовая Школа.** Педагогич. Листок. Изд. Сект. Соц. Воспит. Петр. Губ. Отдела Нар. Образ. С 1922 г.

Коммунистическое юношеское и детское движение в СССР.

I.

Сборник, посвященный вопросам внешкольного образования и политико-просветительной работы в республике, оказался бы не полон, если бы в нем не была отражена та большая и серьезная работа, какая идет среди рабочей и крестьянской молодежи и среди детей. Эта работа имеет значение не только, как лишний яркий показатель глубины совершившегося перелома,—она имеет величайшее значение для всего будущего нашей страны. В сумме факторов, предрешающих судьбу русской революции, удельный вес такого фактора, как юношеское движение, чрезвычайно высок. От того, какова будет „смена", которая заступит нынешних вождей на их постах, зависит все. Постольку же, поскольку русское юношеское движение является лишь частью международного движения, но той его частью, на которую сейчас обращены взоры,—и судьба мировой революции зависит от его судьбы.

Т. Ленин, определяя задачи Союзов молодежи, сказал: „Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества".

Вот это-то коренное преобразование содержания и методов воспитания и образования, это коренное преобразование всей организации жизни детей и юношей и составляет цель и смысл юношеского и детского движения в эпоху революции. Оно является и естественным рефлексом на новые окружающие условия, столь отличные от прежних, и сознательно-волевым ответом на великие события, совершающиеся на глазах у детей и подростков и заставляющие их задумываться над проблемами, которые весьма мало волновали массовое юношество в прошлом.

II.

Широкое юношеское движение поднялось в России лишь после февральской революции 1917 г., которая выдвинула перед молодежью с небывалой еще остротой задачи поли-

тической и экономической борьбы, а также и задачи образования. Уже весной 1917 г. на фабриках и заводах Петрограда одно за другим организуются объединения рабочей молодежи, включающие многие десятки тысяч членов. Создается Всерайонный Совет петроградских пролетарских юношеских организаций, в августе созывается общегородская конференция рабочей молодежи Петрограда, члены которой представляли 16.000 человек.

Этой конференцией был создан „Социалистический Союз рабочей молодежи Петрограда". Союзу сразу пришлось окунуться в политическую борьбу и революцию.

Движение рабочей молодежи развивалось и крепло независимо от партии, занятой в то время гораздо более неотложными задачами. Однако внутри юношеских объединений быстро нарастала потребность в политическом лице, в оформлении своей политической сущности. И ощущавшая на себе в первое время разнообразные идейные влияния, организованная молодежь Петрограда уже к осени 1917 г. решительно примкнула к большевикам.

В Москве Союз Молодежи образовался иным путем—при Комитете партии, из марксистского кружка. Он включал в свой состав только членов партии и сочувствующих. Московский Союз рабочей молодежи получил название „Третий Интернационал" [1]).

В провинции организации молодежи строились под влиянием столичных, также под лозунгами борьбы за утверждение революции и самообразования. Постепенно они превращались в коммунистические организации и почти все приняли активное участие в гражданской войне и в отражении наступавших на Советскую Россию армий, поддержанных Антантой.

На ряду с движением среди рабочей молодежи, еще задолго до него, развивалось буржуазное юношеское движение, которое объединяло учащихся и являлось прежде всего протестом против гнета средней и высшей школы. С конца XIX века всю страну покрыли комитеты, союзы, кружки учащихся, из коих некоторые имели социал-демократический характер, некоторые же являлись чисто-культурническими.

Социал-демократия зорко присматривалась к движению среди учащейся молодежи и старалась влиять на него. Вторым Съездом партии была принята резолюция, предложенная В. И. Лениным, в которой Съезд приветствовал „оживление революционной самодеятельности среди учащихся" и предлагал всем партийным организациям оказывать поддержку молодежи. В качестве цели объединений резолюция выдвигала

[1]) См. „История РКСМ". Изд. „Молодая Гвардия", 1924. См. также „Коммунистическое движение молодежи в России". Сборник. Госизд. М. 1920.

„выработку социалистического мировоззрения и серьезное ознакомление с марксизмом“.

Из недр объединений учащихся, хотя они в массе и носили мелко-буржуазный и культурнический характер, вышли многие деятели Октябрьской революции.

Движение среди деревенской молодежи до Октябрьской революции имело форму разрозненных кружков с культурническими заданиями. Возникали они главным образом под влиянием местной интеллигенции или солдат, вернувшихся с фронта. Объединениями была захвачена лишь часть крестьян—дети наиболее зажиточного слоя. Но после революции, когда началось расслоение крестьянства, началось расслоение и в среде организованной крестьянской молодежи. Кружки стали все больше примыкать к большевикам, и на них опирались бедняцкие элементы деревни в своей борьбе с кулаками.

На почве политической ориентации произошла смычка между рабочими и крестьянскими Союзами Молодежи, и после ряда местных съездов 29 октября 1918 г. был созван первый Всероссийский Съезд союзов рабоче-крестьянской молодежи. На Съезд съехалось 175 делегатов от 120 организаций, объединявших 22.000 человек.

Съезд организовал Всероссийский Коммунистический Союз Молодежи и „тем заложил прочные основы коммунистического юношеского движения. В этом коренное значение Съезда“ [1]). Съезд объявил Союз солидарным с РКП, хотя и независимым в своей организации. Цель Союза Съезд формулировал, как „распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России“ [2]).

Согласно постановлению Съезда, ЦК Союза подчиняется ЦК партии. И потому „независимость“ его организации следует понимать в том смысле, что в Союз „входит беспартийная молодежь, которая учится коммунизму“ [3]).

III.

Ровно через год, 5 октября 1919 г., в самый разгар гражданской войны, когда Деникин подступал к Туле, а Юденич—к Петрограду, собрался II Съезд, на который, несмотря на крайне тревожный момент, съехалось около 350 делегатов

[1]) См. „История РКСМ“. Изд. „Молодая Гвардия“. 1924.

[2]) См. „Первый Всероссийский Съезд Союзов рабочей и крестьянской молодежи“. Пгр. 1919.

[3]) „История РКСМ“. 1924.

представлявших 96.000 членов. Съезд вынес постановление относительно участия Комсомола в мобилизации юношеских сил на борьбу с Деникиным, о работе в деревне и др.

Принципиально наиболее важным был вопрос, вокруг которого развернулась на Съезде длительная дискуссия: допустимы ли или нет беспартийные объединения молодежи. Съезд обсуждал предложение организовать массовые объединения рабочей молодежи в виде секций при профсоюзах. Съезд решительно отклонил это предложение, считая необходимым самый Комсомол превратить в массовую организацию, долженствующую централизовать и спаять всю пролетарскую молодежь Советской России[1]). Это решение окончательно и твердо определило структуру Комсомола и его роль в революции.

После Съезда, все еще на фоне гражданской войны, работа Комсомола идет главным образом в направлении, предуказанном данным постановлением II Съезда. Комсомол стремится стать „массовой организацией", ведет для этого энергичную пропаганду среди беспартийной молодежи—на фабриках, в деревне, на беспартийных конференциях. Работу объединяли уездные, губернские и областные съезды РКСМ. Когда в конце 1918 г. появились объединения учащихся под названием „Союз коммунистов учащихся", РКСМ поспешил воздействовать на этот Союз в направлении слияния. Весной 1919 г. на единственном Съезде этого Союза выступил В. И. Ленин. Под влиянием его убедительной длинной речи Съезд решил слиться с Комсомолом.

РКСМ принимал в то же время самое активное участие в военной обороне страны. Члены его бились с Колчаком, с Деникиным, на польском фронте. Наибольший процент мобилизовавшихся давали организации прифронтовой полосы. В общем, их были, по меньшей мере, десятки тысяч[2]). Особенно деятельным было участие Союза в организации Красной армии на Украйне после освобождения края.

1918—20 гг. были годами, когда наиболее часто и продуктивно выявлялась связь РКСМ с крестьянством. „Работа в деревне отнимала за этот период $^3/_4$ сил и энергии Союза"[3]). Работа шла главным образом в плоскости агитации, пропаганды и мобилизации.

К этому же периоду относятся первые шаги Комсомола в той области, которая впоследствии была важным элементом его деятельности. Он выступает на защиту труда подростков и агитирует за школу рабочей молодежи. В числе

[1]) См. „Второй Всероссийский Съезд РКСМ". Госиздат. Пгр. 1920 г.
[2]) См. „История РКСМ", 1924 г., стр. 31.
[3]) Там же.

достижений были такие, как 4-х- и 6-ти-часовой рабочий день для подростков, постановления об обязательном обучении рабочих подростков от 14—18 лет, введение института ассистентов инспекторов труда, организация многочисленных школ-клубов, из которых впоследствии выросли школы фабзавуча.

Вообще, во всех вопросах организации труда подростков и их образования Комсомол сыграл видную роль. Возможность влиять на различные инстанции сильно окрепла с 1920 г., когда было установлено представительство Союза Молодежи в профсоюзах и госорганах.

IV.

Свое окончательное идеологическое оформление Комсомол получил на III Съезде, собравшемся в 1920 г. Момент был трудный, переходный: военная гроза затихала, и надо было перестраивать работу. Молодежь от начала до конца пересмотрела цели, задачи и пути своего Союза и при помощи и под руководством таких вождей, как тов. Ленин и Бухарин, благополучно разрешила все трудности.

В своей большой речи, обращенной к юным членам Съезда, тов. Ленин, как всегда, поставил вопрос чрезвычайно широко: он говорил не только о задачах Комсомола—он говорил о задачах „организаций молодежи в социалистической республике вообще". Как всегда, он заглянул и в этой своей речи далеко вперед и так определил эти задачи, что его определение актуально и доныне.

Как известно, Владимир Ильич с глубоким вниманием относился к молодежи — относился серьезно и глубоко-дружественно, видя в этой молодежи „смену", тех работников, кому „предстоит настоящая задача создания коммунистического общества" [1]). Ему было ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет уничтожить основы этого общества и создать такие условия, при которых пролетариат удержит власть в своих руках. Но только новое поколение, теперешний „подрост", сумеет создать истинно-коммунистическое общество [2]). Поэтому вопрос о задачах молодежи—вопрос глубочайшей, кардинальной важности, от постановки и решения которого зависят ближайшие судьбы социалистического строя.

---

[1]) См. Н. Ленин. „Задачи Союзов Молодежи" (Речь на III Съезде Комсомола). Б-ка Главполитпросвета № 1. 1920. — То же в „Собрании сочинений В. И. Ленина", т. XVIII.

[2]) Об отношении т. Ленина к молодежи см. брошюру: „Ленин и комсомольцы", изд. „Мол. гвардия", 1924, а также многочисленные воспоминания"

Ленин выдвигает перед молодым поколением следующие основные задачи:

Первая задача — образовательная. „Коммунизм можно строить только из той суммы знаний, организаций и учреждений... которые остались нам от старого общества". Но дело учения должно быть коренным образом преобразовано. Прежде всего молодежь должна учиться коммунизму—не из одних книг и брошюр, а связывая книжное знание с окружающей действительностью. Коммунизм должен быть не чем-то заученным, а продуманным выводом из всей суммы современных знаний.

Вторая задача — действенная помощь партии в строительстве нового общества. Ибо, если у предыдущего поколения задачей было свержение буржуазного общества, перед новым поколением стоит задача созидательная. И именно ему, этому молодому поколению, придется превратить коммунизм из формул, рецептов, предписаний и программ в руководство для практической работы. В этой практической работе, в свою очередь, главная задача—суметь все подчинить интересам классовой борьбы пролетариата, которая продолжается, лишь изменив у нас свои формы. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. В этом и основа коммунистического воспитания и образования.

Отсюда третья задача Союза—„каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывать с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплоататоров". Союз Коммунистической Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Во всякой работе молодежь должна соединяться с трудом рабочих и крестьян.

Из этих задач вытекает четвертая—воспитывать себя с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде.

В „Программе" Союза, принятой на том же III Съезде, задачи трудящейся молодежи формулированы так: а) защита новых форм социалистической жизни, б) создание новых условий труда для рабочей молодежи, в) перевоспитание ее, а также и молодежи крестьянской, в коммунистическом духе, г) подготовка кадров строителей коммунистического общества, д) выработка сильного и здорового физически и духовно поколения [1]).

Самодеятельность молодежи является основой ее революционного воспитания. Поэтому, а также вследствие возраст-

[1]) Программа Российского Коммунистического Союза Молодежи. Изд. Союза. М. 1920.

ных особенностей и наличия особых задач в области труда и воспитания, должны существовать особые юношеские организации.

Единственной и массовой организацией молодежи в РСФСР является Коммунистический Союз Молодежи, объединяющий молодежь всех национальностей в единую братскую семью. Он сплачивает под своим знаменем широкие массы юных пролетариев и крестьян, принимая в свои ряды и лучшую, наиболее преданную коммунизму и активную часть интеллигентной молодежи [1]).

Так как юношеское движение является частью общепролетарского движения, а вождем и руководителем пролетарской революции и Советской республики является РКП (б.),— РКСМ признает программу и тактику РКП и, обсуждая общие вопросы жизни Советской республики, подчиняется ее политическим директивам. Работая под контролем РКП, РКСМ является организацией автономной. ЦК Союза непосредственно подчинен ЦК партии.

Программа Союза предусматривает еще один важный организационный момент—роль РКСМ, как передового отряда в международной армии пролетарского юношества, коммунистические организации которого из разных стран объединяются в Коммунистический Интернационал Молодежи, являющийся частью III-го Интернационала [2]).

В заключение, программа намечает работу РКСМ в областях: политико-просветительной, хозяйственной, в области защиты республики, социалистического образования, охраны труда, улучшения жизни и быта молодежи, строительства милиционной армии и физического развития.

Основной формой организации молодежи Съезд признал ячейки КСМ при предприятиях, а также делегатские собрания рабочей молодежи, признавая однако, как форму связи с широкими массами, беспартийные конференции молодежи.

III-м Съездом был принят и Устав РКСМ, согласно которому членом Союза считается всякий в возрасте от 14 до 23 лет, признающий программу и устав Союза, активно участвующий в одной из организаций, подчиняющийся всем постановлениям органов Союза и платящий членские взносы. Рабочая и крестьянская молодежь принимается в Союз без всяких рекомендаций, вся остальная молодежь—по рекомендации двух членов РКП и РКСМ.

---

[1]) Там же.

[2]) См. Л. Шацкий. „Коммунистический Интернационал Молодежи". Доклад на III Съезде. Пгр. 1920. Б-ка Юного пролетария.

V.

Период между III и IV Съездами совпал с тяжелой полосой перехода к новой экономической политике, сокращения штатов и массовых увольнений молодежи. Этот период прервал широко было-развернувшуюся работу молодежи по проведению ликвидации полит-неграмотности. Пропаганда приняла новый характер: она превратилась в разъяснения Нэп'а, долго не воспринимавшегося правильно рабочей молодежью. Союз добился и некоторой регулировки сокращения штатов. Этот период ознаменован также созданием при Главпрофобре отдела школ рабочих подростков и появлением большого числа школ фабзавуча.

Новая экономическая политика выдвинула перед РКСМ серьезнейшие вопросы в области экономического положения рабочей молодежи, и работой в этой области, главным образом, характеризуется период между IV и V Съездами. Союз боролся за сохранение молодежи в производстве, экономическая борьба шла на фабриках и заводах, возникавших в качестве частных предприятий.

Очень значительным для Союза оказался XI Съезд партии, который дал Союзу точные указания для работы в новых условиях. Резолюция Съезда говорит: „Нужно всю внутреннюю работу Комсомола изменить. Нужно будет в двадцать раз больше, чем до сих пор, приспособиться к психологическим особенностям рабоче-крестьянской молодежи". Этот же Съезд постановил, что вся молодежь до 20 лет включительно, за исключением красноармейцев, вступает в партию только через РКСМ.

Съезд повлиял и на дальнейшее упорядочение положения молодежи в производствах. Союз добился установления так называемой „брони"—т.-е. минимального твердого процента молодежи в производствах. Броня позволяет вливать в производство ежегодно новые кадры молодежи взамен переходящих, по возрасту, на положение взрослых рабочих. К началу 1924 года в производстве Советской России находилось около 200.000 рабочих подростков. Из них в школах фабзавуча обучалось около 80.000 человек [1]).

К этому периоду относится организация в Москве Центрального Дома коммунистического воспитания рабочей молодежи, в котором проводится цельная система воспитания, начиная от школы-семилетки, через школу фабзавуча и до института инструкторов школ фабзавуча. Впоследствии такие же дома были открыты в Ленинграде и в Тифлисе.

---

[1]) См. „История РКСМ", стр. 49 и 50.

Ко времени V-го Съезда РКСМ „окончательно оформился, как массовая коммунистическая организация молодежи, работающая в полном контакте и под непосредственным руководством РКП“. Съезд прошел с исключительным единодушием. Основным вопросом был вопрос о коммунистическом воспитании (доклад Бухарина). Съезд принял шефство РКСМ над Красным флотом, где уже давно велась работа.

Выше было отмечено, что программа РКСМ предусматривает участие Союза в международном юношеском движении. Это участие было признано необходимым еще на I Съезде Союза, когда русская молодежь не имела отчетливого представления о юношеском движении за рубежом. Союз, несмотря на оторванность России от Запада, приступил немедленно к собиранию материалов и уже в 1919 году принял участие в Международном юношеском конгрессе в Берлине. С этого момента РКСМ фактически вошел в Интернационал Молодежи, что в своих резолюциях утвердил III Съезд.

В то время, как на I конгрессе Интернационала роль русской делегации была по преимуществу информационной, начиная со II конгресса РКСМ играет руководящую роль. Исполком Интернационала был перенесен в Москву. Во всех постановлениях была проведена линия РКСМ.

За истекшие годы РКСМ оказал влияние на развитие юношеского движения на Востоке, организовал действенную помощь Германии в 1923 году и повлиял на выработку нового, приближающегося к нашему типа организации молодежи на Западе [1]).

Связь с иноземными Союзами поставила перед РКСМ новую задачу интернационального воспитания, долженствующего ориентировать молодежь в международном движении и подготовить ее к участию в мировой революции.

VI.

Таким образом, за 5 лет своего существования, РКСМ развился в мощную организацию, на 1 марта 1924 г. насчитывающую в своих рядах 472.000 членов (41,3% рабочих, 40,6% крестьян, 18,1% остальных). За последние 2 года Союз почти удвоился. Распределение членов между городом и деревней выражается в следующих цифрах: в городах около 230.000, в деревнях около 200.000 [2]).

---

[1]) Бюллетень IV Съезда РКСМ.

[2]) Цифры взяты из доклада т. Зиновьева на собрании РКСМ Ленинградской организации в мае 1924 г.

Какие же задачи выдвигает жизнь перед РКСМ в настоящее время?

Эти задачи очерчены в речи т. Зиновьева, обращенной к собранию РКСМ в Ленинграде 23 мая т. г.

Т. Зиновьев отметил количественную слабость Союза, особенно бедно представленного в деревенской России. Являясь, по определению докладчика, и резервом партии, из которого поступает в нее свежий материал, и ее инструментом, и школой коммунистического воспитания,—РКСМ, хотя и просуществовавший целое пятилетие, только начинает свою настоящую работу, только еще пробивается в массу. Огромная масса населения Сов. России—масса крестьянская. Поэтому первоочередной задачей Комсомола является расширение своей базы в деревне. Работа в деревне недооценена Комсомолом. РКСМ должен смелей, шире вербовать в свои ряды крестьянские элементы, чем это делает РКП, еще шире должны их вербовать пионеры,—ибо перед нами необъятная задача перевоспитания целого поколения. РКП, управляющая государством, должна быть четкой организацией. РКСМ государством не управляет, и потому он может и должен быть организацией классово-массовой, авангардом в деле смычки с крестьянством. Основой этой массовой организации, базой ее остается пролетарская молодежь на фабриках и заводах. Второй многочисленной прослойкой должна быть крестьянская молодежь, третьей—городская мелко-буржуазная молодежь, учащиеся [1]).

Вторая задача—систематическая работа в армии и флоте, которые омолаживаются и превращаются в вооруженный Комсомол.

Третья задача—борьба с беспризорностью детей.

Четвертая—борьба с безработицей у молодежи.

Далее стоят перед РКСМ—борьба с алкоголизмом, с безграмотностью, с политбезграмотностью.

И, объединяя и в один узел увязывая все эти задачи, стоит перед молодежью во весь рост основная и первая задача, указанная т. Лениным,—работая учиться и учась работать...

Ближайшие задачи Союза будут предметы обсуждения готовящегося съезда РКСМ, на котором предполагается вынести постановление о переименовании Союза в „Ленинский“.

Коммунистическое воспитание детей и юношей предполагает высокое развитие условных рефлексов, развитие приспособляемости к существующим условиям, среде, времени, кото-

[1]) О работе Комсомола в деревне см. интересные материалы в брошюре „Наш опыт“. Сборник. Б-ка рабоче-крест. молодежи под ред. ЦК. РКСМ. 1924 г.

рые диктуют разные методы и формы работы. На ряду с героической борьбой на фронтах, с участием в госорганах, с политпропагандой, активным участием в празднествах, словом, на ряду с большими делами комсомольцы в изменившейся теперь обстановке предстоящего нам упорного строительства страны должны перейти к мелкой повседневной работе окультурения себя и других вокруг себя. Т. Крупская, в своей книжке „РКСМ и бой-скаутизм“ справедливо указывает на то, что со сменой исторической обстановки изменили свой смысл и некоторые лозунги. „Звучавший на фоне 80-х годов величайшей пошлостью реакционный лозунг „малых дел“ превратился в лозунг революционный“. От внимания к мелочам, от небрезгливого, вдумчивого к ним отношения зависит судьба больших дел и ярких лозунгов. „И тот призыв к самоперевоспитанию масс, который раздается из уст вождей, относится всецело и к РКСМ“.

VII.

Картина нашего юношеского движения была бы не полна, если бы в ней не было представлено, на ряду с комсомольским, и пионерское движение.

Подобно тому, как Комсомол является авангардом партии, так и пионеры являются авангардом Комсомола. Пионеры—явление новое, первые группы их возникли два года тому назад (в феврале 1922 г.). Однако во всей Советской России детское движение охватывает уже свыше 100,000 пролетарских детей.

РКСМ, как политическая организация, руководит пионерским движением, работая в контакте с госорганами, ведающими воспитанием детей.

Цель пионерства — воспитать ребенка в духе классовой борьбы, воспитать в нем пролетарскую идеологию и волю к борьбе,—словом, давать коммунистическое воспитание. Пионерство особенно стремится захватить детей не школ и детучреждений, которым уже обеспечено политическое воспитание, а детей рабочих, остающихся вне учреждений. Комсомольцы вырабатывают в себе руководителей этими группами детей в возрасте 9—14 лет.

Внешняя организация пионеров—форма и некоторые методы работы—заимствована от скаутизма. Пионерство также использует метод длительной игры, отвечающий психологии данного возраста. Пионеры также делятся на мелкие отряды (звенья), пионеры также имеют руководителей отрядов (вожатых), имеют значок и носят красный галстук. Но, вследствие того, что основная цель коммунистического пионерства и бур-

жуазного скаутизма совершенно различна, отлично и все содержание, символизируемое этими внешними формами. В пионерстве все построено на воспитании коллективистических чувств и навыков. Руководители являются лишь старшими товарищами. Отметены всякие знаки поощрения отдельных членов, формы индивидуального поощрения. Меняет свой характер и трудовая деятельность пионеров: труд для пролетарского ребенка—не игра и не забава, трудовая деятельность имеет значение серьезной подготовки к труду, воспитывает трудовое настроение и дает трудовое образование. Пионерское движение, объединяя девочек в звенья, не выделяет их, однако, в самостоятельные отряды, не делая между мальчиками и девочками никакого различия, кроме как в некоторых видах труда и физических упражнений [1]).

Самодеятельные, всегда активные, пионеры, эти „верные рабочему классу" братья комсомольцев, должны получать, как и сами комсомольцы, также интернациональное воспитание. Детское коммунистическое движение, стихийно возникшее в Германии в 1920 г., охватило теперь и Францию, и Англию, и Италию, и Норвегию, и Финляндию, и стало уже движением интернациональным в буквальном смысле. И задачи его—интернациональные.

Пионерские группы организуются при фабриках, заводах, детучреждениях социального воспитания. Обычно отряды формируются при коллективе КСМ. Отряд в среднем представляет группу человек в 60—100 и больше. Отряд делится на 2—3 отделения, отделение—на 4—5 звеньев. В звено входит по 8—10 человек. Все отряды района или уезда образуют дружину с уполномоченным от районного или уездного комитета РКСМ во главе.

Программа занятий с пионерами рассчитана на 96 собраний или „сборов" в год (около 326 часов) и включает такие отделы, как ознакомление с законами и обычаями пионеров, беседы по социально-политическим и экономическим вопросам, трудовое воспитание (история труда, ремесленный и сельскохозяйственный труд, экскурсии по фабрикам и заводам и т. д.), физическая культура, эстетическое воспитание, организация праздников [2]).

В настоящее время ударным вопросом детского движения является вопрос о взаимоотношениях между пионерами и школой. Ясно, что, имея один и тот же объект воздействия—пролетарского ребенка, школа и пионерский отряд должны

---

[1]) Подробнее по вопросу о взаимоотношении между пионерством и скаутизмом см.: Н. Крупская, „РКСМ и бой-скаутизм". „Красная Новь". М. 1923.

[2]) См. В. Сорокин. „Юные пионеры". „Прибой". Пгр. 1924.

постоянно сталкиваться в своей работе. Не менее ясно, что единая трудовая школа и коммунистическая детская организация идут к одной и той же цели. Между ними не может быть борьбы, но не может быть и индифферентизма. Работа должна быть общей, как общи ее цели. Но для того, чтобы объединить работу школы и отрядов, надо наметить пути и формы сотрудничества.

К этому вопросу подходит одна из статей в № 1 журнала „На путях к новой школе“ за текущий год [1]).

Пионеры различных отрядов, учась в школе, составляют некую организованную группу (форпост юных пионеров), которая через представителей входит в общение с педагогическим коллективом школы и служит связью между отрядами и школой.

Из отрядов дети приносят повышенную общественную и умственную активность, классовое самосознание.

Для того, чтобы школа отвечала запросам пионеров и Комсомола, она должна слиться с современностью. Революционное настроение в школе—непременное условие для создания общего языка и общей работы школы с юношескими организациями.

Второе условие—это не на словах только, а на деле осуществление трудового начала. Общественно-полезный труд осуществляется в пионерских клубах и должен осуществляться пионерами во всей окружающей их жизни. И школа должна целиком войти в жизнь своего района и „принимать активное участие в советском строительстве“.

Отряд дает пионерам навыки самоуправления. В школе пионеры должны „налаживать внутреннюю организационную сторону школьной жизни на основе самоуправления и самодеятельности учащихся“, а школа должна итти им здесь навстречу.

Таковы цели, задачи и современные формы нашего юношеского движения. От той энергии и быстроты, с какой оно будет развиваться, от того, насколько глубоко ему удастся захватить рабоче-крестьянские массы, зависит для нас очень и очень многое. Социалистический строй может быть осуществлен только в том случае, если этого захочет следующее за нами поколение...

Ю. Сверчкова.

---

[1]) См. М. Крупенина. „Юные пионеры и школа“.

Обзор литературы по внешкольному образованию за годы революции [1]).

Составление обзора литературы в наши дни—задача в высшей степени неблагодарная. Оторванность отдельных мест республики друг от друга, отсутствие книгохранилищ, действительно сосредоточивающих у себя все выходящие печатные произведения, и другие причины делают совершенно безнадежной попытку собрать исчерпывающий библиографический материал по какому-либо вопросу. Если даже не все московские издания можно найти в Петрограде и петроградские в Москве, так что уж говорить о провинции, откуда еще недавно книги доходили только при особо счастливой случайности.

Настоящий обзор, впрочем, и не ставит себе целью дать полный перечень изданий, вышедших по вопросам внешкольного образования; задача его лишь отметить и кратко охарактеризовать издания, которые могут быть в том или ином отношении интересны или полезны для ознакомления с внешкольными вопросами. При составлении подобных обзоров раньше существовал правильный обычай отмечать прежде всего книги, которые можно достать в продаже. Бедность и неустойчивость книжного рынка нашего времени побуждает отказаться теперь от этого критерия: никак нельзя предугадать, какую книгу окажется возможным достать—в продаже или в библиотеке—в разных городах России.

Размер статьи заставил нас очень ограниченно толковать круг вопросов, охватываемых понятием внешкольного образования, сократить указания по некоторым отделам и даже вовсе опустить литературу по вопросам, тесно примыкающим к внешкольному образованию; так, совсем не включены в обзор библиографические пособия, литература по краеведению, по дошкольному образованию. Некоторую, очень небольшую часть книг, отмеченных в обзоре, нам не удалось достать, и поэтому указания на них сделаны на основании библиографических справочных пособий, журнальных рецензий и т. п.

По количеству вышедших изданий, внешкольная литература революционного времени довольно значительна. Число книг и брошюр, вышедших за истекшее революционное пятилетие, несомненно превышает общую цифру изданий, вышед-

---

[1]) Настоящая статья написана в мае 1922 года. Перечень литературы по внешкольному образованию, вышедшей позднее, помещен ниже.—Ред.

ших за все предыдущие годы. Лучший из дореволюционных указателей внешкольной литературы (Е. Медынский и И. Лапшов. „Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию“, изд. „Наука“, М., 1916, 229 стр.) дает всего 384 названия отдельных изданий, целиком или частично посвященных вопросам внешкольного образования, и 216 названий различных земских изданий по народному образованию (доклады, отчеты, журналы, каталоги и т. п.), часто в очень незначительной части затрагивающих вопросы внешкольные; притом в число 384 книг входят 117 изданий библиографического характера. Нам, при всей неполноте материала, удалось зарегистрировать 464 отдельных издания, не включая сюда библиографические пособия. Но не нужно отсюда делать слишком оптимистических выводов о наших книжных богатствах в области внешкольного образования. Подавляющее большинство вышедших изданий—это популярные компилятивные брошюрки. Внешним показателем характера внешкольной литературы может служить уже размер вышедших книг. Из всего зарегистрированного материала приходится на долю книг:

Не более 1 печатного листа (до 16 стр.)	70	или	15,1%
1—2 печатных листов (16—32 стр.)	95	„	20,5%
2—3 „ „ (32—48 „)	56	„	12,1%
3—5 „ „ (48—80 „)	74	„	15,9%
5—10 „ „ (80—160 „)	74	„	15,9%
свыше 10 печатных листов (свыше 160 стр.)	47	„	10,1%
нет данных	48	„	10,2%

По отдельным вопросам внешкольной работы литература эта распределяется следующим образом:

Общие вопросы внешкольного образования	64
„ „ просветит. работы в армии	15
„ „ „ „ в кооперации	25
Объединяющие очаги внешкольного образования (народные дома, клубы, агитпункты и т. п.)	35
Библиотечное дело (без библиографии)	66
Книговедение и газеты	13
Самообразование	13
Курсы и школы для взрослых	42
Ликвидация неграмотности (буквари и т. п. пособия не включены)	17
Лекции, беседы, чтение, рассказывание	25
Музеи и выставки	20
Экскурсии	23
Театр, народные празднества, кинематограф	42
Внешкольное музыкальное образование	12
Внешкольная работа с детьми и подростками (общие вопросы, организации детей и юношей)	35
Техника культурно-просветительной работы	9
Библиография по вопросам внешкольного образования	8
Итого	464

Рассматривая внешкольную литературу, приходится прежде всего констатировать, что революционная эпоха не дала нам ни одной сводной работы по внешкольному образованию, ни одной книги, которую можно было бы квалифицировать, как энциклопедию внешкольного образования. Правда, за годы революции изданы сочинения: Е. Н. Медынского „Внешкольное образование, его значение, организация и техника", 5-е изд. „Наука", М., и его же „Методы внешкольной просветительной работы", 3-е изд. „Наука", 1918 г., М., 160 стр. Обе эти книги, как бы ни оценивать отдельные их части, в совокупности представляют собою во всяком случае до сих пор единственную в России попытку суммировать весь внешкольный материал—исторический, организационный и методический. Но обе они являются лишь новыми и мало измененными изданиями сочинений, вышедших до революции.

Пробует охватить все основные вопросы внешкольного образования также книга В. Н. Вахтерова „Всенародное школьное и внешкольное образование", изд. И. Д. Сытина, М., 1917, 208 стр., книга, только вышедшая после революции, но написанная еще во времена самодержавия, во многом устаревшая и порой довольно наивная. Родственными названным сочинениям по проникающему их „земскому" духу являются книжки Е. А. Звягинцева: „Принципы внешкольного образования и его живые силы", изд. „Кооперат. издательства", М., 1919, 75 стр. и его же „Полвека земской деятельности по народному образованию", 2-е изд. „Задруги", М., 1918, 87 стр. Первая из этих книг характерна для того направления в методике внешкольного образования, которое считает методы школьной и внешкольной работы едиными в своих основных принципах; вторая (на страницах 54—87) дает некоторый фактический материал о земской внешкольной работе.

Наиболее полную и систематическую сводку материала с современной точки зрения дает книга В. А. Зеленко „Практика внешкольного образования в России. Лекции, читанные на инструкторских курсах по внешкольному образованию в сентябре—декабре 1918 г.", изд. внешк. отд. Нар. Ком. по Просв. Петерб. Округа, Пгр., 1918, 72 стр. Современные потребности внешкольного образования учтены также в книге Г. и О. Тумим „Азбука внешкольного образования", изд. „Начатки Знаний", Пгр. 1922, 104 стр., которая дает разработку ряда вопросов внешкольного образования, выдвигаемых событиями нашего времени (напр., вопрос об очаге улицы) или же требующих теперь новой постановки и трактовки. Здесь же надо указать опыт схематического изображения основных организационных и методических вопросов вне-

школьного образования в таблицах Г. Г. Тумима „Внешкольное образование в таблицах-схемах“, изд. Петрогр. Союза рабочих кооперат., Пгр., 1918, 22 табл.

Ряд статей без внешней связи, но проникнутых единством основных мыслей и настроений и в сумме своей освещающих важнейшие вопросы внешкольного образования, содержат два сборника В. А. Невского: „Сборник статей по внешкольному образованию“, изд. „Задруга“, М., 1917, 167 стр. и его же „Второй сборник статей по внешкольному образованию“, 2-ое изд. Казанск. Отд. Гос. Изд., 1921, 172 стр. Общие принципы внешкольного образования, методика библиотечной работы, организация музеев, методы обучения взрослых, организация вечеров и пр.—освещены в статьях Невского, порой парадоксальных, но всегда ярких и интересных. Для Невского внешкольное образование—не дополнение, а враг школы,—оно должно заменить школу „свободно-творческими учреждениями“.

Рассмотрение вопросов внешкольного образования в исторической перспективе дано в книге В. А. Невского „Внешкольное образование во всеобщей истории“. Галич, 1920.

Пособием для практического изучения внешкольной работы является брошюра его же „Практикум по внешкольному образованию“, изд. Внешк. подотдела Комстромского Губ. Отд. Нар. Обр., Кострома, 1920, 28 стр. Считая главным дать не отвлеченные знания, а „уменье работать“, в последней книге автор предлагает ряд практических работ по всем отраслям внешкольного образования; к сожалению, задания для работы в большинстве своем настолько сложны, что они по плечу только опытным работникам-внешкольникам.

Общих вопросов касается еще книга А. В. Подсосова „Внешкольное образование на основах общественности, самодеятельности и кооператизма“, изд. Екатеринб. окр. совета кооп. съездов, Екатеринб., 1919, 120 стр. Главным образом библиотечные вопросы затрагивает книга Г. И. Поршнева „Революция и культура народа. Сборник статей по внешкольному образованию“.

Из попыток дать справочно-руководящие пособия отметим: „Спутник внешкольника Псковской губ.“, справочник-руководство по внешкольному образованию, изд. Псковского Губ. Отд. Нар. Обр., в. I, 130 стр. — содержит частью перепечатки, частью чисто-компилятивные статьи, но может быть полезен провинциальному работнику, часто не имеющему возможности пользоваться первоисточниками; „Руководство-справочник по внешкольному образованию“, составленный сотрудниками культурно-просветительного отдела Енисейского губ. союза кооперат., изд.

Е. Г. С. К., Енисейск, 1920, 270 стр. К числу справочников надо отнести еще составленный Е. А. Звягинцевым „Словарь внешкольного образования", изд. журн. „Народный Учитель", М., 1918, 80 стр.—книгу, интересную только по затее, но крайне неудачную по исполнению; случайный материал этой книжки, бессистемный и необработанный, совершенно не заполняет остро ощущаемый недостаток в настоящем словаре-справочнике.

Основные вопросы внешкольного образования намечены также в следующих брошюрах: А. В. Луначарский, „Что такое образование? Речь на открытии курсов инструкторов по внешкольному образованию", изд. Литерат.-издат. отд. Нар. Ком. по Пр., Пгр, 1918, 22 стр. и Н. Крупская, „Об общеобразовательных и профессионально-технических задачах внешкольного дела", изд. Гос. Изд., 1920, 31 стр. (также изд. Цекультвода, М., 1920, 15 стр.; в первом из указанных изданий на титульном листе автор не указан). Обе эти брошюры необходимы для уяснения точки зрения руководителей внешкольной работы в России со времени октябрьской революции, обе они исходят из высокого значения внешкольного образования, одинаковой важности общего и специального образования и необходимости противопоставить цельную и стройную систему практике отрывочных и случайных мероприятий. Вопросам внешкольного образования посвящена также часть статей Н. Крупской „Вопросы народного образования", изд. „Коммунист", Пгр., 1918, 286 стр. К тому же течению во внешкольных вопросах примыкает брошюра П. Н. Григорьева „Революция во внешкольном образовании", изд. Нар. Ком. по Пр., М., 1919, 56 стр., брошюра, написанная с убеждением в том, что наступил период полной самостоятельности населения, которая даст почву для пышного расцвета внешкольного образования. Точка зрения недопустимости вмешательства государства в дело внешкольного образования отражена в брошюре Е. Н. Медынского „Революция и внешкольное образование", изд. „Наука", М., 1917, 31 стр.; практические указания этой брошюры устарели. Некоторые сведения о рабочих просветительных организациях и других просветительных обществах Западной Европы дает брошюра Л. М. Брамсона „Культурно-просветительные общества на Западе", изд. 2-ое О-ва „Культура и Своб.", Пгр., 1918, 28 стр. Заслуги советской власти в деле внешкольного образования излагаются в имеющей агитационный характер брошюре В. Керженцева „Культура и Советская власть", изд. В. Ц. И. К. Сов. Раб., Кр. и Кр.-ар. деп., М., 1919, 36 стр. (на стр. 12—22). Ввиду бедности литературы по обще-методическим вопросам, отметим еще претенциозную, но

мало интересную брошюру И. А. Шустера „I. Об общих методах внешкольной просветительной работы. II. Методические пути ликвидации безграмотности“, изд. Велижского Отд. Нар. Обр., Велиж, 1919, 56 стр. Попытку наметить формы просветительной работы в условиях „новой экономической политики“ представляет книжка К.И. Львова „Своими силами! Как организовать просветительную работу в городе и деревне без денежной помощи от государства“, изд. „Сеятель“, М., 1922, 78 стр. Наконец, принципиальные вопросы внешкольного образования рассматриваются в Известиях музея библиотековедения, сборн. I, Гос. Изд., Томск, 1921, 65 стр.

Из изданий, дающих итоги съездов и совещаний по внешкольному образованию, надо указать прежде всего „Вопросы Внешкольного Просвещения. Материалы Всеросс. Внешк. Съезда под ред. П. Н. Медведева“. Изд. Витебского Губ. Отд. Нар. Просв., 1919, 98 стр. В этой книге нет всех постановлений 1-го Внешкольного Съезда, но можно найти необходимые материалы—резолюции, инструкции, программы—по главнейшим вопросам: по ликвидации безграмотности, по школам для взрослых, народным университетам, народным домам, клубам и пр. Других отдельных изданий, отражающих такое крупное событие, как первый Внешкольный Съезд, к сожалению, не существует, поэтому интересующиеся постановлениями и работами Съезда должны будут обратиться к журналам „Внешкольное Образование“, изд. Внешк. отд. Нар. Ком. по Просв., М., 1919, № 4 — 6, и „Внешкольное Образование“, изд. Внешк. отд. Союза коммун Север. обл., Пгр., 1919, № 6—8. Материалы по подготовке съезда содержат „Известия бюро Всероссийского Съезда по внешкольному образованию“, 1918—19 г., а о других внешкольных съездах и совещаниях: „Бюллетень Всероссийского совещания Политпросветов (1 — 8 ноября 1920 г.)“; „2-ой Всероссийский Съезд Политпросветов, Бюллетень Съезда“, 1921; „Резолюции, принятые 2-м совещанием заведующих губернскими подотделами внешкольного образования, происходившим при Нар. Ком. по Просв. 24 — 28 января 1919 г.“, М., 1919, 16 стр. Кое-какие данные о постановлениях и работе органов, руководящих внешкольной работой, дает составленный к сессии В. Ц. И. К. 23 сентября 1920 г. „Отчет о работе Политпросвета Наркомпроса“, изд. Гос. Издат., 1920, 32 стр. и важный справочный материал за время до начала 1921 года — „Сборник постановлений и распоряжений Главполитпросвета“, Гос. Издат., 1921 г., 32 стр.

Появились в отдельных изданиях, но в очень небольшом количестве, материалы провинциальных внешкольных съездов и совещаний, напр., „Труды I Олонецкого Губернского совещания по внешкольному образованию, состоявшегося с 10 по 15 декабря 1919 г.“, Петрозаводск, 1920, изд. Олон. Губ. Отд. Нар. Обр., 62 стр.; „Политпросветработа в условиях новой экономической политики, тезисы, принятые губ. совещанием агитотделов Укомов и Заведующих Уполитпросветами Пензенской губ. 6—9 октября 1921 г.“, изд. Пенз. Отд. Гос. Изд., 1921, 7 стр.

План обследования культурно-просветительной работы на местах разработан в книге: „Формы и объем культурно-просветительной деятельности на местах, проекты опросных листов для статистического обследования местной культурно-просветительной работы и просветительных учреждений, сост. союзом работников по внешк. образ.“, под ред. и со вступит. статьей Н. Н. Иорданского, изд. Сов. Всер. Кооп. Съездов, М. 1919, 88 стр.

Особенно внимательно разрабатывались за последние годы общие вопросы внешкольного образования применительно к работе среди пролетариата. Общие сведения о рабочих просветительных организациях Западной Европы можно найти в ценной брошюре В. Майского „Культурно-просветительная работа среди пролетариата“, 2-ое изд. „Книга“, Пгр., 1918, 42 стр., дающей на немногих страницах яркое представление о наиболее характерных типах пролетарских культурно-просветительных организаций Запада, особенно Англии и Германии, а также о просветительном движении рабочей молодежи. Статьи идеологов Пролеткульта о клубе, театре и по другим вопросам внешкольной работы среди пролетариата собраны в книге „Методы работы Пролеткульта“, 2-ое изд. Гос. Изд., Ростов-на-Дону, 1920, 35 стр. Интересно составлены и дают живой материал из практики работы в духе Пролеткульта „Сборники Костромского Пролеткульта“: № 1, 1919 г., 111 стр., посвящен главным образом клубной работе, и № 2, 1920 г., содержит статьи В. А. Невского, М. Ростопчиной и др. по клубным вопросам, о консультационно-справочном бюро, вечерах дискуссий и пр.

Кроме большого числа специальных журналов, часть которых будет указана ниже, точка зрения деятелей Пролеткульта на все внешкольные вопросы нашла наиболее полное отражение в книге: „Протоколы 1-ой Всероссийской Конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 15—20 сентября 1918 г.“, изд. Пролеткульта, М., 1918, 128 стр. Значительно меньше мате-

риала дают книги: „Первая Московская Общегородская Конференция пролетарских культурно-просветительных организаций 23 — 28 февраля 1918 г.“, изд. Московск. Пролетк., М., 61 стр., и „Тезисы докладов II Петроградской Общегородской Конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 5—10 июня 1918 г.“, Пгр., 1918, 30 стр.; обе эти книжки содержат только резолюции и коротенькие тезисы.

Специально по вопросам культурно-просветительной работы профессиональных союзов можно указать следующие сборники материалов: сост. Г. А. Аронсоном „Материалы по постановке культурно-просветительной деятельности и профессионального образования в профессиональных союзах“, изд. Ц. К. Всерос. проф. союза работ. советских, обществ. и торгов. учрежд. и предпр., М., 1920, 55 стр. — содержит материалы организационного характера, и „Культ.-просвет. работа профсоюзов. Материалы Всеукраинского совещания культотделов професс. союзов (резолюции, тезисы, инструкции)“, изд. Южбюро В. Ц. С. П. С., Киев, 1921, 32 стр. Появились в печати также материалы некоторых отдельных союзов, напр., „Год работы Цекультвода 15/II 1919 — 1920 г.“, изд. Цекультвода, М., 84 стр.; П. Логинов, „Организуйте просвещение! Основы культурно-просветительной деятельности среди работн. Народн. Здравоохранения. План организации и инструкции отделам союза“, изд. Всер. проф. союза работн. лечебно-санитарного труда, М., 1920, 23 стр.

Работа в деревне нашла гораздо меньшее отражение в литературе революционного пятилетия. Мнения коммунистической партии изложены в сборничке „О работе в деревне в области внешкольного образования“ (Библиотека внешкольника, в. VIII), Гос. Издат., 1920, 22 стр., содержащем статьи Крупской и др.; главным образом речь идет тут об избах-читальнях и методах работы в них. Довольно много материала можно найти в стенографическом отчете, вышедшем под заглавием — „Первое Всероссийское Совещание по партийной работе в деревне 15—20 ноября 1919 года“, Гос. Издат., Пгр., 1920, 256 стр.; особое внимание совещание уделило вопросу о деревенской газете, но касалось и всех других форм политико-просветительной работы в деревне. См. также „Отчет отдела по работе в деревне Ц. К. Р. К. П.“, Гос. Издат., М., 1920.

Совсем своеобразное освещение получил вопрос о работе в деревне в брошюре А. А. Евдокимова „Внешкольники и народ“, изд. 2-ое „Труд“, М., 1917, 16 стр. Для Евдокимова путь интеллигента-внешкольника к народу лежит через воз-

вращение интеллигенции к церкви, без чего невозможно взаимное понимание внешкольника и „народа“. Вопросы работы в деревне рассматриваются также в брошюрах его же: „Крестьянское образование“, библ. „Крест. Вестн.“, М., 1918, 18 стр. и „Обновление культуры“, изд. „Труд“, М., 1917, 16 стр.

Переходя к литературе в армии—третьей основной силе современности—приходится констатировать, что здесь дело обстоит плачевно. Несмотря на особое внимание, которое уделяется все время просветительной работе в Красной армии, и как будто большое количество военно-просветительных изданий, можно указать только кое-какие книги и брошюры по отдельным формам работы среди красноармейцев, да и то в большинстве этих изданий специфически - „красноармейским“ является не содержание книг, а только издательство. Общие начала работы в Красной армии намечены только в брошюре Е. Ярославского „Культурно-просветительная работа в Красной армии. Лекции на дополнительных курсах командного состава“, изд. военного отдела В. Ц. И. К., М., 1919, 13 стр. Организационные и скудные методические указания можно найти еще только в сборниках инструкций, программ преподавания и резолюций, из которых более важными являются: „Положения и инструкции по постановке политико-просветительной работы в Красной Армии“, изд. 2-ое агит.-просвет. отд. Всер. бюро военн. комиссаров, 1919, 328 стр.; „Инструкция культурно-просветительной работы в частях Петроградской революционной армии труда“ (быв. 7 армии), Пгр., 1920, 52 стр.; „Инструкция о культурно-просветительной работе в Красной Армии“, принятая совещанием представителей агит.-проп. отделов Воен. Комис. Сев. обл., Пгр., 1919, 40 стр.; „Сборник приказов и приказаний по Петроградскому военному округу за 1919 год в области политическо-культурно-просветительной работы Красной Армии“, изд. Полит.-просвет. упр. Петр. воен. окр., Пгр., 1919, 192 стр.; то же за 1-ую половину 1920 г., 1920, 239 стр.; „Резолюции Всероссийского Съезда политпросветработников Красной Армии“, изд. то же, Пгр., 1920, 34 стр.; „Резолюции 2-го Съезда политпросветработников Петр. воен. окр.“ (20—25 апреля 1921 г.), изд. то же, Пгр., 1921, 16 стр.

Совсем иначе обстоит дело с литературой по вопросам просветительной деятельности кооперации. Большой размах просветительной деятельности кооперации в первые годы революции вызвал повышенный спрос на соответственную литературу, а широкий издательский почин кооперации дал возмож-

ность этому спросу удовлетворить. И центральные и местные объединения кооперативов наперебой выпускали брошюры по вопросам культурно-просветительной работы, брошюры весьма разного качества, среди которых на ряду с ценными изданиями попадалось достаточное количество макулатуры. Наиболее полный и обстоятельный характер носят брошюры М. Л. Хейсина. „Основы культурно-просветительн. деятельности кооперативов," изд. „Книга", Пгр., 1919, 72 стр. и Ф. А. Дьякова „Кооперация и просвещение", 2-е изд. „Народ. Учит.", М., 1918, 111 стр. Обе эти брошюры дают много фактического материала о культурно-просветительной практике кооперации и вместе с тем отражают два противоположных понимания характера культурно-просветительной работы кооперации: в то время, как Ф. Дьяков является представителем кооперативно-просветительного „максимализма", стремящегося охватить через кооперацию все формы и области просветительной работы, М. Хейсин, напротив, полагает, что „культурно-просветительная деятельность кооперации есть прежде всего культурно-просветительная деятельность кооперации, а не вообще культурно-просветительная деятельность".

Из кооперативной литературы укажем еще следующее: Л. М. Арманд, „Кооперация и просвещение", изд. „Мысль", Пгр., 1919, 53 стр.; А. А. Евдокимов, „Внешкольники и кооперация", изд. „Труд", М., 1917; его же „Возрождение села и кооперация", 2-е изд. „Труд", М., 1917, 32 стр.; А. А. Николаев, „Работа кооперации на просвещение народа и улучшение его быта (культурно-просветительная деятельность кооперации)", изд. т-ва Н. В. Васильева, М., 1918, 16 стр.; его же „Наука и кооперация, как устроительницы сельской жизни", изд. т-ва Н. В. Васильева, М., 1918, 16 стр.; К. Суздальцев, „Кооперация и просвещение", изд. 3-е Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 30 стр.; М. Л. Хейсин, „Как членам потребительного общества вести кооперативную пропаганду", изд. „Мысль", Пгр., 1918, 16 стр.; Ф. Штаудингер, „Просветительная деятельность английских кооперативов", изд. Всер. Центр. Союза Потр. общ., М., 1918, 68 стр. Резолюции Всероссийского Кооперативно-просветительного Съезда напечатаны в брошюре: „I-й Всероссийский Съезд по кооперативному просвещению и культурно-просветительной деятельности кооперации", изд. Совета Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 15 стр.

В целях помощи кооператорам-практикам выпущено было несколько брошюр с практическими указаниями, обычно настолько краткими, что они мало доступны для работника совершенно неопытного и почти ничего не дают сколько-нибудь осведомленному работнику. Относительно лучшими

из брошюр этого типа являются: Л. Арманд, „Краткие указания по культурно-просветительной деятельности кооперативов“, 2-е изд. Всер. Центр. Союза Потр. Об-в, М., 1917, 23 стр. и [Н. Иорданского] (на самой брошюре автор не указан) „Основные положения организации культурно-просветительной деятельности при кооперативных союзах и объединениях“, изд. Сов. Всерос. Кооп. Съездов, М., 1918, 12 стр. Интересные данные о положении культурно-просветительной работы кооперации в первый период революции дает книга Н. Н. Иорданского „Культурно-просветительная деятельность союзов и объединений“ (по данным анкеты, произведенной культурно-просветительным подотделом Сов. Всер. Кооп. Съездов в январе-марте 1918 г.), М., 1919, 141 + 32 стр. Для учета и характеристики просветительной работы кооперации интересны также „Отчет о деятельности секретариата за 1916 год“ с приложением планов деятельности Всер. Центр. Союза Потр. Общ., изд. В. Ц. С. П. О., М., 1918, 84 стр.; „Журнал частного совещания по неторговой деятельности союзов и объединений потребительных обществ 11—15 января 1918 г.“, изд. то же, М., 1918, 78 стр.; „Из практики культурно-просветительной работы кооперативов“, изд. 2-е Моск. Союза Потр. Общ., М., 1917, 48 стр.

Переходя к отдельным видам внешкольной работы, начнем с организаций, объединяющих разные виды работы. Здесь, вне всякого спора, на первом месте надо поставить ценнейшую коллективную работу—„Народный Дом. Сборник, составленный сотрудниками Лиговского Народного Дома гр. С. В. Паниной: А. Брянцевым, Б. Бухаровым, П. Гайдебуровым, П. Казанцевым, Е. Медынским, М. Новорусским, С. Паниной, С. Познер, Е. Проскуряковой, А. Пешехоновой, В. Тихомировой, В. Чарнолуским, А. Якобсоном и Л. Яковлевой“, изд. сотр. Лиговск. Нар. Дома гр. С. В. Паниной, Пгр., 1918, VI + 424 стр. В этом капитальном труде, кроме статей и указаний о роли, истории, организации, оборудовании и современном состоянии Народных Домов, применительно к работе Народных Домов, затронуты все вопросы внешкольной работы, и потому книга эта была правильно охарактеризована в печати, как подлинная энциклопедия внешкольного образования. Книга эта, изданная после революции, составлена была еще в 1914 году (Сборник „Народный Дом“ под тем же названием был перепечатан и издан в 3-х выпусках Казанским Губ. Отд. Нар. Обр.). Переиздана в дополненном виде старая книжка: „Народные Дома, как культурно-просветительные центры“, 3-е изд., Харьков, 1918, 200 стр., содержащая довольно водянистую статью

проф. В. Я. Данилевского о задачах и значении Народных Домов и ценный указатель литературы по Народным Домам, составленный А. А. Богомоловым.

Под названием „Народные Дома“, изд. 3-е Всер. Центр. Союза Потр. Об., М., 1918 г., 95 стр., изданы три статьи, из которых сейчас интересна только статья Л. Арманд „Кооперация и Народные Дома“. Популярно написана и дает некоторый материал из истории Народных Домов и о формах работы в них брошюра Е. Звягинцева „Кому и зачем нужны Народные Дома?“ Изд. 2-е, М., 1918, 62 стр.; совсем элементарна и менее интересна брошюра А. Д. Соколова и С. С. Сикорского „Народный Дом, его значение и устройство“, изд. культ.-просвет. подотд. Союза Кооп. Объединений Зап. Сибири „Центросибирь“, Омск, 1919, 32 стр. и некоторые другие вышедшие в провинции брошюры. Как описание удачного случая из практики Народных Домов, дающее кое-какие методические указания, можно еще отметить книжечку М. М. Христолюбовой и Сазоновой „В Гришине. Заметка о культурно-просветительной работе в Гришинском Народном Доме за 1916—17 г.“, изд. Дмитровского Союза Кооперативов, Дмитров, 1918, 52 стр. Книги с указанием об уставах и о постройке Народных Домов мы опускаем, ввиду того, что, не имея теоретического интереса, они сейчас утратили и свое практическое значение. К тому же вопросу относится выпущенная петроградским Пролеткультом брошюра „Рабочий Дворец“.

Характерно, что почти вся литература по Народным Домам представляет собою лишь новые издания книг, вышедших или написанных до революции, и даже новые книжки стоят на точке зрения внешкольников земского или кооперативного типа. В противоположность этому, литература о клубах, впервые занявших видное место в ряду внешкольных начинаний после революции, в значительной части своей принадлежит перу внешкольников новой формации, наиболее яркими представителями которых в области клубного дела являются В. А. Невский и М. Ростопчина.

Книжка А. А. Петрова „Народные клубы (рабочие и крестьянские)“, изд. „Народ. Учит.“, М., 1919, 96 стр., дает некоторый материал по истории клубов и намечает принципы клубной работы на основе понимания клуба, как „социальной формы проведения досуга“. Изложение основ клубного дела и ряд полезных организационных и методических указаний можно найти в брошюре В. Зеленко „Как устроить политический клуб“, изд. „Наука“, М., 1917, 30 стр. и в книжке Боровича „Рабочие клубы, их организация и ведение“, изд. культ.-просвет. организации „Труд“, Харьков, 1919, 96 стр.

Наиболее же полный и важный для практических работников методический материал содержат следующие два сборника, являющиеся продуктом коллективной работы: „Работникам клубов Москвы и Московской губ.“ (Практическое руководство), 2-ое изд. материалов, дополненное и коллективно разработанное курсантами Моск. Губ. клубных курсов, под ред. Д. Элькиной, Моск. отдел Гос. Изд., 1921, 71 стр.—сборник этот, несмотря на свое название, имеет не только местное значение; „Рабочий и крестьянский клуб, материалы курсов для подготовки работников в рабочих и крестьянских клубах, состоявшихся в г. Костроме с 15 июля по 1 сент. 1920 г.“, обработанные для заочного обучения М. А. Ростопчиной под ред. В. А. Невского, изд. 2-е Костр. Губ. Отд. Нар. Обр., Кострома, 1920, 141 стр. Ряд статей о разных сторонах клубной работы и материалы клубной конференции 1921 г. содержит книга „Спутник клубного работника“, Гос. Изд., М., 1922, 105 стр. Итоги работы Костромского 1-го Рабочего Социалистического клуба, едва ли не самого живого и интересного клуба в России, подведены в брошюрах М. Ростопчиной: „Как устроить и вести рабочий социалистический клуб“, Кострома, изд. I Рабоч. клуба, 1918, 36 стр., и ее же „Культура наша“, Кострома, 1919 (статья, напечатанная также в 1-ом сборнике Костромского Пролеткульта). Интерес представляет также стенографический отчет — „Петроградская Общегородская конференция рабочих клубов (15—18 мая 1920 г.)“, изд. внешк. подотдела Петр. Отд. Нар. Обр., Пгр., 1920, 143 стр. Из книжек, затрагивающих вопросы организации и работы клубов того или иного специального вида, живо написана имеющая агитационное значение брошюра О. С. Тумим „Женский клуб в деревне“, 2-ое изд. „Начатки Знаний“, Пгр., 1919, 31 стр.; очень отчетливо и с большим знанием вопросов, возникающих в клубной практике, составлена книжка Н. Орлова „Клуб кооператоров, его задачи, организация, работа“, изд. „Мысль“, Пгр., 1918, 75 стр. Брошюрка Д. Н. Темкина „Красноармейский клуб“ (доклад о задачах и принципах клубной работы, прочитанный на Съезде Культработников Управл. Петр. воен. окр. 5 марта 1920 г.), Изд. Полит.-пр. упр. П. В. О., Пгр., 1920, 13 стр.—мало содержательна и, главное, не дает ничего характерного для работы в Красной армии. Специальный вопрос клубной работы затронут в брошюре В. Напольской „Инструкция по организации информационно-справочного стола (при клубах и избах-читальнях)“, изд. внешк. отд. Нар. Ком. по Пр., М., 1920.

Примитивному деревенскому клубу в виде чайной посвящены книжки Л. Арманд и И. Шалова „Кооператив-

ные чайные", 2-ое изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1918, 62 стр. и П. Виноградова „Как устроить народную кооперативную чайную", под ред. Б. Фрометт, изд. „Мысль", Пгр., 1918, 38 стр.

Удивительно мало выпущено книжек по такому животрепещущему вопросу, как создание культурно-просветительных кружков или ячеек в деревне. Можно указать только брошюру Е. Н. Медынского „Как организовать и вести сельские просветительные общества и кружки", изд. Союза просветит. организац. Нижегород. края, Н.-Новг., 1918, 43 стр., и мало интересную брошюру Н. П. Рогожина „Организуйте просвещение! Об организации культурно-просветительных ячеек в деревне, с прилож. уставов и правил заполнения и регистрации их", изд. Твер. губ. земства, Тверь, 1918, 22 стр.,— небольшая вводная статья и устарелые практические указания. Очень полезна для практических работников может быть брошюра Ор. Смирнова „Культурные центры деревни. 15 уставов просветительных организаций с приложением указателя литературы по внешкольному образованию", изд. 2-ое журн. „Народ. Учит.", М., 1918, 111 стр.

О современном типе деревенского клуба говорит брошюра В. А. Невского „Деревенский агит-пункт (изба-читальня)", изд. Костром. губ. ком. Р. К. П., Костр., 1920, 33 стр., проповедующая насаждение политико-просветительных агит-пунктов сверху, причем заведующему агит-пунктом рекомендуется первое время отнюдь не искать опоры в коллективном содействии местного населения (об избах-читальнях см. также вышеуказанную брошюру „О работе в деревне в области внешкольного образования").

Об агитпоездах, этих своего рода передвижных агит-пунктах, говорится в сборнике: „Агитпоезда В. Ц. И. К., их история, аппарат, методы и формы работы", сборн. статей под ред. В. Карпинского, Гос. Изд., 1920, 67 стр.

Особенно обширна литература по библиотечному делу, но в громадной массе своей это—издававшиеся во всех углах России компилятивные брошюрки, далеко не всегда удачно составленные, стремящиеся удовлетворить острую потребность в практических руководствах для неподготовленных и неопытных работников маленьких библиотек. Вместе с тем в библиотечной литературе все более выступают на первый план вопросы внутренней работы библиотеки. Так, внутренней работе посвящены целиком или в большей своей части книги А. А. Покровского „Библиотечная работа (о культурной и социальной работе народных библиотек)", 2-е изд. Гос. Изд., Ниж.-Новг., 1921, 60 стр. + IV + XII—книга полезная, хотя и несколько конспективно составленная; с большим подъемом на-

писанная книга Л. Б. Хавкиной „Книга и библиотека“, изд. „Наука“, М., 1918, 169 стр.; Н. А. Парманина „Как руководить чтением беллетристики в библиотеке“, изд. Поюра, Харьков, 1919, 102 стр.; мало интересная брошюра А. Богданова „Работа с читателем“, изд. Поарма 5, 1921, 23 стр.

Из руководств по ведению небольших библиотек переиздана книга Л. Б. Хавкиной „Руководство для небольших библиотек“, изд. 3-е Моск. Гор. Унив. им. А. Л. Шанявского, М., 1918, 246 + VI стр.; для начинающих работников библиотек предназначены брошюры: А. А. Покровского „Как устроить библиотеку“, изд. Моск. Сов. Раб. и Солд. Деп., М., 1918, 16 стр.; О. Э. Вольценбурга и А. Н. Шлосберга „Как устроить и вести маленькую библиотеку (Руководство для фабрично-заводских, волостных и сельских библиотек)“, Гос. изд., Пгр., 1921, 36 стр.; Е. Д. Проскуряковой „Рабочая и солдатская библиотека“, 1918, 38 стр.; „Инструкция библиотекарям“, в I изд. библиот. секции Донполитпросвета (Краевое отд. юго-вост. России Гос. Издательства), 1920, 73 стр.; А. Цикуленко „Азбука библиотековедения“, Гос. Изд., М., 1921, 37 стр. и др. Против десятичной системы в небольших библиотеках высказывается Борович в книге— „Организация и ведение небольших библиотек“, изд. культ.-просв. организации „Труд“, Харьков, 1918, 96 стр. Довольно значительное число маленьких руководств для ведения красноармейских библиотек, но все они мало дают, и ни в одной из них нет специальных указаний о работе именно с красноармейским составом читателей. Таковы брошюры Б. Д. Веккера „Библиотечная работа в Красной Армии, краткое руководство для инструкторов“, изд. библ. отд. полит.-просвет. упр. Петр. Воен. Окр., Пгр., 1920, 47 стр.; А. Цикуленко „Руководство для библиотекарей Красной Армии“, Гос. Изд., М., 1920, 31 стр. и мн. др. Недурно составлен „Конспект руководства по библиотечной работе в Красной Армии, материалы к 3 Всеукраинскому Съезду работников по народному просвещению и политпросветработников в Красной Армии“, изд. Политпросветупр. всех вооруж. сил Украины и в Крыму, Харьк., 1921, 66 стр. Брошюра Н. А. Орлова „Библиотека-читальня кооператива“, под ред. Л. Вольфсона, изд. „Мысль“, Пгр., 1918, 58 стр., написана очень отчетливо и дает много указаний всякому начинающему библиотекарю, а библиотекарю-кооператору в особенности. Об организации и ведении работы в передвижных библиотеках говорят брошюры: Т. В. Леонтьева „Как устроить передвижную библиотеку и открыть избу-читальню“, изд. Олон. Отд. Нар. Обр., Петрозаводск, 1918 г., 16 стр.; „Работа передвижной библиотеки“, Гос. Изд., Витебск, 1921, 32 стр.;

„Красноармейская передвижная библиотека. Как работать с тетрадями для передвижных библиотек“, изд. библиотечн. отд. Политпросветуправления Зап. Военн. Окр., 1920, 48 стр. Наконец, статьи, касающиеся всех сторон работы местных библиотек (особенно волостных), содержит Костромской сборник „инструкций“ — „Библиотечный сборник“ под ред. В. А. Невского, в. I, Кострома, Гос. Изд., 1921, III+120 стр.

Из отдельных вопросов библиотековедения больше всего внимания, естественно, уделяется вопросам классификации. Теоретические вопросы классификации книг освещены в книгах Б. Боднарского „Библиографическая классификация (общий обзор и десятичная система)“, изд. „Пролегомены“, М., 1919, 48 стр. и Н. Н. Аблова „Классификация книг, ее история и методы в связи с классификацией наук вообще“, изд. Литерат.-издат. секции при книжном складе Губ. Отд. Нар. Обр., Ив.-Возн., 1921, 68+31 стр. В последней книге изложены системы классификации, начиная с древнейших времен. Из практических руководств для классификации по десятичной системе подробно и вместе с тем доступно составлена книга Н. Аблова „Десятичная библиографическая классификация в применении к библиотекам. Полные трехзначные таблицы с примечаниями, краткими сведениями по расстановке и каталогизации книг и алфавитным указателем десятичных индексов“, изд. книжн. склада Ив.-Возн. Губ. Отд. Нар. Обр., Ив.-Возн., 1919, 77 стр.; в более сокращенном виде, но без достаточной, для неопытных библиотекарей, ясности, даны таблицы десятичной классификации в брошюрах: А. А. Покровского „Как в библиотеке распределяются книги по отделам (сокращенные таблицы десятичной библиотечной классификации с алфавитным указателем)“, изд. библиот. секции Моск. Сов. Раб. и Слд. Деп., М., 1918, 16 стр.; С. Бучаковой „Что такое десятичная система классификации книг“, изд. полит. отд. Р. В. С. 16 арм., 1920, 24 стр.; Б. Веккера „Библиотечная десятичная система классификации; для руководства при распределении книг по отделам в библиотеках Красной Армии,“ 2 изд. библиот. отд. Политпросветупр. Петр. Воен. Окр., 1920, 12 стр. и др. Кеттеровские таблицы даны в брошюрах: Л. Хавкиной „Авторские таблицы Кеттера в переработке для русских библиотек“, 4-ое изд., М., 1920, 24 стр. и В. Богатырева „Двухзначные таблицы для механической расстановки книг и карточек по алфавиту (Авторские таблицы Кеттера). Переработаны по новому правописанию“, Гос. Изд., М., 1920, 24 стр. Вопросам каталогизации посвящена брошюра А. И. Калишевского „Каталогизация в небольших библиотеках“, изд. унив. Шанявского, М., 1919, 40 стр.;

Р. Л. Гольдарбейтера „Как надо писать библиотечную каталожную карточку (инструкция, принятая в Центр. библ. 1-го Город. района Петрограда)“, Пгр., 1919, 15 стр. Вопросам комплектования библиотек, в связи с культурной работой их—брошюра А. А. Покровского „О выборе книг для общедоступной библиотеки“, изд. 3, М., 1920 и устаревшая во многих практических указаниях брошюра Н. А. Ульянова „Как покупать книги? Выбор и приобретение книг, опыт краткого практического руководства“, 2-ое изд. „Наука“, М., 1917, 29 стр. Ряд указаний и формы для ведения библиотечной статистики содержит книжка Вл. Южакова „Библиотечная статистика на основании библиотечной техники и готовая отчетность библиотеки“, Барнаул, Алтайское Гос. Изд., 1921, 52 стр.

Здоровое стремление поставить на практическую почву подготовку библиотечных работников отразилось в появлении важных пособий, содержащих задания для практических занятий по библиотечному делу: Д. Балика „Программы работ по библиотечному и внешкольному делу“, Белебей, 1918, 15 стр. и В. Невский и Н. Херсонская, „Культурная работа городских библиотек (740 практических занятий для подготовки библиотекаря к культурной работе)“, 2-е изд., М., 1920, 58 стр. Последняя книга содержит много ценного, несмотря на большие сомнения и недоумения, которые вызывают многие отдельные „задачи“.

Брошюры: „Вологодская публичная советская библиотека, год работы (9 февр. 1919—9 февр. 1920 г.)“, Вологда, 1920, 48 стр.; Г. А. Данилова „Отчет о деятельности Приморско-Ахтырской народной библиотеки за 1920 г.“, 8 стр.; М. Тихомировой, М. Христолюбовой и Б. Давыдова „Работа в земских библиотеках-читальнях Ставропольской губ.“, Ставрополь, 1917, 24 стр.—дают кое-какой материал о библиотечной работе на местах. Значение справочных пособий имеют: „Сборник постановлений и распоряжений Центральной библиотечной комиссии (Главполитпросвет)“, в. I, под ред. М. А. Смушковой, М., 1921, 46 (?) стр.; „Положение о Центральной библиотечной комиссии“, Гос. Изд., Пгр., 1921, 8 стр.; „Материалы по организации библиотечного дела г. Петрограда и Петроградской губ.“, изд. Центр. библиот. секции внешк. подотд. Петрогр. Губ. Отд. Нар. Обр., в. I, 1920, 17 стр.; в. II, 1921, 20 стр.

Более специальный характер имеют: интересная книжка Д. Балика „Определители библиотечной работы (опыт исследования читаемости и коэффициенты интенсивности)“, изд. 2-е, Томск, 1919, 36 стр.; „Проект французской инструк-

ции по составлению алфавитного каталога", изд. Комит. госуд. библиотек в Петрограде, Пгр., 1920, 12 стр.; „Правила по управлению государственными библиотеками в Италии", изд. Комит. госуд. библ. в Петрогр., Пгр., 1919, 110 стр.; Р. Бекер, „Небольшие библиотечные здания в Америке", Пгр., 1917, 63 стр.; Л. Б. Хавкиной „Замечательные библиотеки. I. Нью-Иоркская публичная библиотека", 2-е изд. Моск. гор. унив. им. Шанявского, М., 1920, 45 стр.—особенно много внимания уделено детским отделениям библиотеки. Наконец, большой интерес представляют сборники „Библиотечное Обозрение", кн. I, изд. К-та гос. библ. в Петр., Пгр., 1919, 180 стр. и кн. II, изд. Секции научных библ. подотд. учен. учрежд. и высш. уч. зав. Петр. Отд. Нар. Обр., 1920, 296 стр., содержащие много исторического и теоретического материала, преимущественно по библиотекам академического типа.

По вопросам ведения работы детских библиотек надо прежде всего указать работу В. А. Зеленко „Детские библиотеки", 2-е изд. „Начатки Знаний", под ред. Г. Г. Тумима, Пгр., 1919, 270 стр., рассматривающую библиотеку, как общественное учреждение, и дающую ценный исторический, организационный и методический материал, а также критику детской литературы. Краткие, но полезные указания и обширный указатель детской литературы содержит брошюра А. К. Покровской „О работе в детских и школьных библиотеках (Основные положения и практические приемы), с приложением систематического списка книг", изд. „Мир", М., 1918, 66 стр. По ученическим библиотекам вышла еще книжка И. П. Тутышкина „Организация ученической библиотеки на началах самоуправления", изд. „Задруга", серия „Организация школы", под ред. И. М. Соловьева, М., 1919, 117 стр.

По тесно примыкающему к библиотечному делу вопросу о распространении книги путем продажи вышла интересная и дающая ряд практических указаний о способах продажи книг в деревне с просветительной целью и некоторые исторические справки к этому вопросу брошюра М. В. Муратова „Продажа книг, как культурная работа", изд. Дмитровского Союза Кооперативов, Дмитров, 1918, 38 стр.; есть практические указания и в полу-агитационной брошюре П. Колышко „Организация книжной торговли при кооперативах", изд. „Мысль", Пгр. 1919, 16 стр. Здесь же надо указать сборник „Книгоцентр", в. I, изд. Отд. Нар. Образ. муниципал. бюро Всеросс. Союза гор., М., 1918, 65 стр., содержащий ст. П. Казанцева „Опыт статистической обработки данных книжной торговли" и др.

Дающая много фактического материала книга Г. И. Поршнева „Книжное дело в кооперации“, изд. „Сеятель“, Иркутск, 1919, 180 стр., говорит как о книжной торговле, так и об издательской деятельности кооперации.

По истории книги и разным вопросам книговедения (кроме указанной выше работы Хавкиной „Книга и библиотека“) вышли еще: Н. Вержбицкого „О книге“, изд. Пермской Губпечати, Пермь, 1920, 104 стр.—книжка, в которой есть материал по истории книги, интересный для многих читателей, но решительно испорченная вульгарным подходом к некоторым вопросам и еще более вульгарным языком; его же „3 года Советской власти и печатное слово (справочник)“, Гос. Изд., Пермь, 1920, 64 стр., дающая хронологическую канву для истории книжно-газетного дела в России за годы революции; В. Анисимова „Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России (Губернско-городская сельскохозяйственная выставка в Петрограде, 1920 г., секция полиграфических искусств)“, Пгр., 1920, 91 стр.—книжка, говорящая почти исключительно о первых шагах типографского дела за границей и в России, доводя историю книги только до начала XIX века; П. Дульского „Книга и ее художественная внешность (в связи с Казанским книгопечатанием)“, изд. библиографич. кружка „Друзей книги“, Каз., 1921, 58 стр.,—дает интересный местный материал.

По вопросу о самостоятельной работе с книгой, являющемуся частью более общего вопроса о методах самообразования, надо указать прежде всего труд Н. А. Рубакина „Письма к читателям о самообразовании. Как начинающие читатели должны приступить к нему и как вести его“, изд. Н. Н. Карбасникова, Пгр., 1919, 369 стр.; опираясь, как и во всех своих работах, на изучение читателя и книги, Н. А. Рубакин стремится к индивидуализации работы и рассматривает свою книгу, как итог и вместе с тем новый исходный пункт для индивидуальной переписки с читателями; на основе того же принципа индивидуализации написана его же „Практика самообразования“, изд. 2-е Внешк. отд. Нар. Ком. по Пр., М., 1919, 288+III стр. и более сжато изложены те же начала в брошюре его же „Как и с какой целью читать книги?“, изд. „Кооп. Издат.“, Пгр.-М., 1922, 62 стр. Слишком схематична и элементарна брошюра А. А. Покровского „Совет каждому о самообразовании и о подготовке к общественной работе“, изд. Тверского посреднического товарищества кооперативов, Тверь, 1918, 24 стр. Полезна и хорошо написана, особенно в части, говорящей о методе чтения книг, книжка М. В. Муратова „О самообразовании“, изд. Дмитровского Союза Кооперативов, Дмитров, 1921, 59 стр.; вышли еще компилятивная

книжка А. Г. Коровенко „Первый шаг самообразования. Что такое образованный человек и как им сделаться, с приложен. краткого руководства по организации библиотеки“, М., 1918, 74 стр., и брошюра Волкова „Чтение, как основа умственного развития“, Н.-Новг., 1919.

Пособием для наиболее плодотворного чтения книг должны служить образцы тетрадей для записи прочитанного: И. В. Владиславлева „Как вести запись о прочитанных книгах“, изд. 5-е „Книга“, Пгр., 1919, 31 стр. и, в применении к детскому возрасту, его же „Тетрадь для записи о прочитанных книгах, пособие для учащихся“, изд. 3-е „Книга“, Пгр., 1919, 31 стр. и В. А. Зеленко и Г. Г. Тумима „Что я читал Тетрадь для записи о прочитанных книгах“, изд. Н. Карбасникова, в. I, Пгр., 1918, 16 стр.

Совсем мало появилось изданий, посвященных кружкам самообразования: брошюра А. Н. Слетовой „Кружки самообразования“, изд. Петрогубсоюза, 1920, 22 стр., кратко дает полезные методические указания для занятий в кружках и список книг для народного театра; брошюра М. А. Рыбниковой „Кружки учащихся“, 2-е изд. библ. Педолог. музея Учит. дома в Москве, М., 1919, 64 стр., рассказывает об опыте кружка учащихся и дает несколько программ для занятий в кружках по ряду тем, довольно случайного характера.

Появились за годы революции пособия и по технике газетного дела:

В. Керженцев, „Газета, ее организация и техника“, изд. Моск. Сов. Раб. и Кр. Деп., М., 1918; И. В. Вольфсон, „Практика газетного издательства. Краткое руководство“, Пгр., 1919, 46 стр.; С. Н. Срединский, „Основы газетного дела. Краткое руководство, со ст. Н. Ленина „О характере наших газет“, с прил. устава союза советских журналистов“, Пгр., 1918, 75 стр.; историко-политический характер имеет брошюра В. Быстрянского „Газеты в буржуазном и пролетарском государстве“, Гос. Изд., Пгр., 1921, 75 стр.

Переходя к школьно-курсовой работе со взрослыми, считаем нужным оговориться, что размеры статьи, а также характер настоящего сборника побуждают нас ограничиться указанием изданий только по организационным и обще-методическим вопросам школьно-курсового дела, не затрагивая литературы по методике отдельных предметов и тем более не указывая букварей, учебников и проч. Общие указания для неопытных работников даются в брошюрах: Э. О. Вахтеровой: „Как организовать, открыть и вести воскресную или вечернюю школу (классы) для взрослых в деревне и в городе“, 2-е изд. И. Д. Сытина, М., 1918, 59 стр.; Е. Медынского: „Как устроить школу для взрослых и как вести в ней

занятия" (практические указания), изд. Нижегор. губ. земства, Нижн.-Новг., 1918; Т. В. Леонтьевой: „Школа для взрослых, руководящие указания и примерные программы", Петрозаводск, 1918, изд. Олон. Губ. Отд. Нар. Обр., 61 стр.; „Воскресные школы и курсы", изд. Нижег. губ. земства; Н.-Новг., 1918; „Школа для взрослых", изд. Орлов. Уезд. Отд. Нар. Обр., 1918; В. С. Костроминой: „Первые шаги по обучению взрослых", изд. журн. „Народный учитель", М., 1918. Некоторые указания этих книжек, особенно в организационной части, успели уже устареть. Много указаний (методика, программы, конспекты, литература и проч.) дает „Инструкция для учителей школ грамоты 1-ой ступени в Красной Армии и программы этих школ. Чему и как учить в красноармейских школах грамоты 1-ой ступени", изд. школ.-курс. совета при культ.-просв. отд. Петр. Воен. Окр. Ком., Пгр., 1919, 48 стр. (переиздано в Гомеле, 1919; в Казани, 1920) и то же для школ грамоты 2-ой ступени, Пгр., 1919, 79 стр.

Справочный материал дают еще брошюры: „Общеобразовательная школа для взрослых", Гос. Изд., Пгр., 1921, 20 стр., содержащая положение и учебный план; „Сборник программ и объяснительных записок для преподавания в школе взрослых", Нижн.-Новг., 1920; „Материалы к постановке преподавания в школах взрослых 1-ой ступени", Казань, Гос. Изд., 1920, 71 стр.; „Материалы для занятий в клубах и школах для взрослых", изд. Моск. Отд. Нар. Образ., 1920. Данные из опыта работы в школах взрослых с применением новых методов содержат брошюры А. Курской и Н. Богуславской (авторы на титульном листе не указаны) „Работа в опытной школе для взрослых" (библиотека внешкольника, в. V), Гос. Изд., М., 1920, 7 стр. и С. Гарденина „К вопросу о методах занятий на курсах для взрослых" (Библ. внешк., в. IX), Гос. Изд., М., 1921, 24 стр.

Из отдельных видов школ для взрослых большое внимание привлекала высшая крестьянская школа; энтузиазм, с которым одно время пропагандировалась многими кооператорами-культурниками идея перенесения на русскую почву этих школ, ярко отразился во всех посвященных им книжках; в интересной книге А. Евдокимова и А. Петрова „На пути к высшей крестьянской школе", 4-ое изд. „Труд", М., 1918, 86 стр., намечаются как методы работы в крестьянской школе, так и пути к созданию ее в русских условиях через организацию крестьянских курсов. Некоторые итоги практики крестьянских школ подведены в брошюре А. А. Евдокимова „Зимние крестьянские школы, как первая стадия ко-

оперативного образования в сельских местностях", изд. Союза север. коопер. союзов, Вологда, 1922, 39 стр. Другие брошюры: „Высшая крестьянская школа", в. I, сборник статей А. Евдокимова, Е. Звягинцева, С. Сероплко, Л. Арманд, П. Казанцева и А. Вавиловой; П. И. Ладинского „Свободная трудовая высшая крестьянская школа, доклад очередному собранию уполномоченных в 1918 г.", изд. Серпуховского Кооперативного Союзного Товарищества, М., 1918, 18 стр.; кроме того, издана дающая богатый фактический и методический материал переводная брошюра У. Г. Хольмана „Высшая крестьянская школа в Дании и ее значение для развития датской народной культуры", перев. Е. А. и В. А. Бергман, под редакцией С. Т. Шацкого, изд. 2-ое Сов. Всерос. Коопер. Съездов, Пгр., 1919, 93 стр.

Обширна и серьезна новая литература по кооперативным курсам, причем многое из организационного и методического материала, разработанного применительно к кооперативным курсам, имеет и общее значение. Особенно это относится к книгам: „Организация местных кооперативных курсов", изд. Москов. гор. унив. имени Шанявского, М., 1917, 300 стр. В этой книге собраны курсы, прочитанные В. Махновцем, В. Кильчевским, В. Хижняковым, А. Евдокимовым и др. по общим вопросам организации и методики курсового дела, по истории кооперативных курсов за границей и в России и проч. (отдельно издано: Вл. Махновец, „Кооперативные курсы за границей", изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1917, 32 стр.). В. А. Кильчевский, „Организация местных кооперативных курсов", т. I, типы и программы курсов, изд. „Мысль", Пгр., 1918, 100 стр.; Н. С. Бойков, „Курсы по кооперации. Задачи, программа, организация", изд. 2-е, „Мысль", Пгр., 1918, 77 стр.; А. А. Фортунатов, „Курсы по кооперации", М., 1916, 54 стр. Некоторые данные из практики имеются в не лишенной интереса, но слишком претенциозной и тяжело написанной книжке М. М. Полторыхина: „Опыт по подготовке общественно-кооперативных людей (о курсах в с. Торопове)", Ярославль, 1920, 70 стр. Более узкий интерес представляют изданные Всер. Центр. Союзом Потр. Общ. брошюры: „Губернские кооперативные курсы (программы и конспекты)", М., 1922, 37 стр. и „Районные кооперативно-счетоводные курсы (программы и конспекты)", М., 1922, 36 стр.

Разным специальным видам курсов и школ для взрослых посвящены книжки: В. И. Невского „Отчет о рабоче-крестьянском университете (центральная школа советской и партийной работы имени Свердлова)"; В. А. Невского „Краткосрочные курсы для агитаторов Красной Армии (конспекты

лекций и литература)", изд. Костром. Комит. Р. К. П., Костр., 1919, 16 стр.; литографированное издание—„Единые краткосрочные курсы политико-просветительной работы (положение, инструкции, программы, учебные планы)", изд. Пропаг. отд., подотд. подготовки работников Главполитпросвета, 1921, 44 стр.; „Военно-политические курсы (проекты положений и штатов, учебные планы, программы)", Гос. Изд., М., 1920, 52 стр.; Мандельштама-Одиссея „Школы политической грамоты для рабочих и служащих", изд. литер.-издат. отдела Гл. Полит. Упр. Нар. Ком. Пут. Сооб., М., 1920, 15 стр.; „Организационные курсы по культурно-просветительному делу на железных дорогах", сост. под ред. Н. С. Зайченко, изд. Центр. Сов. культ.-просвет. жел.-дор. учр., М., 1918, 73 стр.

По одному из основных вопросов внешкольной практики последних лет—ликвидации безграмотности—крупнейшей работой является книга „Ликвидаторам неграмотности. Практическое руководство, коллективная работа курсантов всероссийских курсов по ликвидации безграмотности", под ред. Д. Элькиной, Гос. Изд., М., 1921, 151 стр. Сборник этот разносторонне и интересно освещает вопросы ликвидации безграмотности, охватывает вопросы принципиальные, организационные, работу инструктора, способы агитации за грамотность, методы обучения, подготовку работников и пр., дает необходимый справочный материал—декреты, инструкции. Несколько слов о значении ликвидации неграмотности говорит в своей речи Максим Горький: „Борьба с неграмотностью", речь, произнесенная на заседании Петроградского Совета 30 апреля 1920 г., Гос. Изд., 1920, 8 стр. Тезисы докладов по всем вопросам ликвидации безграмотности даны в брошюре „Спутник делегата I Всероссийского съезда по ликвидации безграмотности 21—26 февраля 1922 г.", Гос. Изд., М., 1922, 32 стр.; отдельно издано еще: „Ликвидация безграмотности. Декрет и инструкции", Гос. Изд., М., 1920, 12 стр. Общие методические указания (методики отдельных предметов мы и здесь не касаемся) имеются в книжках Г. Тумима: „В помощь учителю грамоты (работа в школах грамоты для взрослых)", Гос. Изд., Пгр., 1920, 52 стр., предназначенной автором для „заурядучителей", выпущенных с краткосрочных курсов; малосодержательную статейку газетного типа представляет собою брошюра И. Брихничева: „Методы и формы агитации в области ликвидации безграмотности", Гос. Изд., М., 1920, 7 стр.

В области лекционного дела очень скудна литература методическая. За революционные годы вышли книги Н. Крот-

ковой: „Методы работы в народных аудиториях (в помощь лекторам)“, изд. Моск. Союза Потреб. Общ., М., 1917, 225 стр.; С. Полтавского: „К вопросу о методах лекционной работы в деревне“, Гос. Изд., Казань, 1920, 65 стр.—книга, предлагающая весьма сомнительный метод подхода к крестьянской аудитории путем утверждения единства библейской истории и науки и вообще единства миропонимания религиозного и научного, во что сам автор не верит.

Много общих указаний по методике лекционного дела дает еще сборник: „Материалы по внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний“, в. I, под ред. А. Г. Дояренко и А. В. Чаянова, изд. Комиссии музея наглядн. пособий Моск. Общ. сел. хоз., М., 1917, 87 стр. Любопытный материал из практики содержат брошюры: „Просветительные экспедиции в Ярославской губернии“, изд. Яросл. Кред. Союза Коопер., Ярославль, 1919, в. I, Сообщения и отчеты о деревенских лекциях, 32 стр., в. III, Полгода работы. Лекции и курсы, 46 стр.

О народных чтениях много материала—методические и технические указания, программы бесед, чтений, сопровождаемых декламацией и пением и пр.—дает книга Т. В. Леонтьева „Народные чтения“, изд. 2-е „Начатки Знаний“, Пгр., 1919, 111 стр. О беседах есть еще брошюра Е. Н. Медынского „Как вести беседы по политическим вопросам“, 2-ое изд. „Книга и Жизнь“, М., 1917, 24 стр., но все темы и конспекты, предлагаемые в ней, конечно, совершенно устарели. Брошюра А. М. Лебедева „Литературные чтения и беседы“, изд. Т-ва „В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых“, М., 1918, 32 стр., составленная применительно к работе в школе, дает краткие методические указания и носит по преимуществу библиографический характер. Довольно много вышло, в качестве пособий для лекторов, книг с конспектами систематических и эпизодических лекций. Таковы: „Спутник лектора“, изд. Полит.-просв. Упр. Петр. воен. окр., Пгр., 1920, 222 стр.; „Конспекты эпизодических и цикловых лекций“, изд. лекц. секции Внешк. отд. Моск. Губ. Сов. Раб. и Кр. Деп., в. I, М., 1918, 14 стр.; „Спутник лектора“, № 1, изд. Просветотдела Политупр. Зап. воен. окр., Смоленск, 1920, 117 стр.; „Конспект лекций клубного отдела Петроградского Пролеткульта“, Пгр., 1918, 15 стр.; Л. Лойко, „Надо знать не меньше... Конспекты лекций“, 2-е изд. „Рев. Мысль“, Пгр., 1918, 112 стр.; „Спутник пропагандиста“, ч. I, 2-е изд. Полит. упр. Петр. воен. окр., Пгр., 1921, 224 стр.; „Спутник пропагандиста“, ч. II, изд. Политотдела 7 армии, 1920; „Спутник Политрука. Руководство для ведения полит-

часа", изд. Полит.-просвет. упр. Петр. воен. окр., Пгр., 1921, 56 стр. Во всех этих пособиях разработаны почти исключительно темы из области общественных наук. По вопросам рассказывания вышла очень важная работа А. К. Покровской „Рассказывание в библиотеке, в школе и в народной аудитории", изд. журн. „Народн. Учитель", М., 1919, 128 стр.—в этой книге серьезно и оригинально разработаны вопросы методики рассказывания взрослым, которое завоевывает себе за последние годы все более видное место, предложен репертуар для рассказчиков и пр. Гораздо больше внимания уделялось вопросам рассказывания в детской аудитории. Из этой области переизданы были две переводные книги—Э. и Дж. Партридж, „Как и что рассказывать детям в школе и дома (Американский метод творческого рассказывания)", пер. с англ., предисл. и доп. статья „Из практики рассказывания в России" Л. Б. Хавкиной-Гамбургер, вступит. статья А. М. Калмыковой, 5-е изд. „Мир", М., 195 стр., и Брайант, „Как и что рассказывать детям", 2 вып., изд. 2-ое, Пгр., 1918. Интересно составлена и дает как общее освещение вопроса (ст. Румянцевой и др.), так и много важных практических указаний для рассказчиков книга „Художественное рассказывание детям", сборн. статей членов „Кружка рассказчиков в Петрограде" под ред. Н. Е. Румянцева, 2-ое изд. „Начатки Знаний", Пгр., 1918, 103 стр.; специально работе с дошкольным возрастом посвящена книга М. Х. Свентицкой „Рассказывание", 2-ое изд. „Практич. Знания", М., 1918, 116 стр. Богатый репертуар для рассказывания дает сборник А. М. Калмыковой и О. И. Капица „Что рассказывать детям. Сборник сказок, легенд, сказаний и рассказов для часов рассказывания в школах, детских клубах и читальнях для детей города и деревни", Пгр., 1918, IX + 306 стр.

В области музейного дела за последние годы наиболее общую и удачную работу о значении, организации и ведении местных музеев представляет собою книжка Н. И. Романова „Местные музеи и как их устраивать", изд. К-та по охране художественных сокровищ при Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 110 стр., но книга эта имеет в виду организацию музеев в сравнительно крупных центрах. О роли музея во внешкольном деле говорит брошюра Н. М. Могилянского „Областной или местный музей, как тип культурного учреждения", Пгр., 1917. Много практических указаний для организации местного музея дает работа М. В. Новорусского „Что делать народному учителю. Руководство к оборудованию своей школы", изд. отд. подготовки учителей Ком. Нар. Просв. Союза ком. Сев. обл., Пгр., 1919, 242 стр.

По вопросам составления музеев и краеведения общие данные и практические указания содержат еще книги: М. Н. Селищенского „Родиноведение, музеи, выставки, экскурсии. Конспект лекций, читанных на Костромских и Калужских курсах по внешк. обр. летом 1916 г.“, М., 1917, 216 стр.; Е. Н. Клетновой „Изучение родного края“, изд. Педагогич. Музея учит. дома в Москве, 1918, 45 стр.; М. В. Муратова „Изучение местного края“, 2-е изд. Твер. посредн. Т-ва Коопер., Тверь, 1921, 48 стр.

Специальной литературы по краеведению мы здесь не считаем возможным касаться.

Из музейной литературы вышли еще: И. Э. Грабаря „Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины?“, изд. К-та по охр. худож. сокровищ при Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 32 стр.; А. Никифорова „Музей и рукопись“, Казань, 1920, 15 стр.; С. И. Никифорова „Изготовление естественноисторических коллекций простейшим способом“; П. Григорьева „Социальный музей“; изд. внешк. отд. Нар. Ком. по Пр., 1919, 13 стр.—об организации музея пропаганды социализма; В. А. Невского „Рабочий музей внешкольного образования (открытое письмо—инструкция по организации кабинетов внешкольного образования ко всем политпросвет. подотделам)“, изд. Костр. губ. практикума по внешк. обр. (Гос. Изд.), Костр., 1921, 28 стр.

Музейному делу посвящен также выходящий с 1920 г. интересный журнал „Казанский Музейный Вестник“, журнал Казанского подотд. Всеросс. коллегии по делам музеев и охр. памятн. иск. и стар. при Нар. Ком. по Пр.,—содержащий и общие статьи и местные материалы.

Из литературы по выставкам можно указать немного: книга В. Зеленко и Е. Медынского „Народные выставки (Значение и задачи народной выставки. Организация ее. Как вести объяснения на народной выставке. Темы народных выставок и экспонаты их)“, изд. „Наука“, М., 1917, 78 стр.—содержит много указаний и живой рассказ об опытах проведения выставок, как методический материал. Разработанные темы для передвижных районных выставок дает брошюра С. Н. Наседкина „Передвижные выставки“, Гос. Изд., Пгр., 1921, 24 стр. Очень разную оценку получила в литературе работа В. Невского „Художественные выставки и ознакомление широких народных масс с живописью“, изд. Костр. Губ. Отд. Нар. Обр., Костр., 1920, 320 стр. Интересный материал из практики дают еще книжки: А. Евдокимова „Материалы по культурно-просветительной деятельности, в. I. Очерк по организации плавучей просветительной выставки по р. Волге в 1918 г.“, изд. иностр. отд. Моск. Нар. Банка, Н.-Новг., 1918,

31 стр.; „Материалы по внешкольному распространению сел.-хоз. знаний, в. II: 2-ая очередная выставка по вопросам внешкольного распространения знаний“, изд. Кружка обществ. агроном., М., 1918, 55 стр.

Вопросы экскурсионного дела разрабатывались почти исключительно в применении к экскурсиям школьным, и притом по преимуществу в области экскурсий естественнонаучных. Но многое в этих пособиях может быть очень полезно для всякого работника в области экскурсионного дела. Наиболее общий характер имеет книжка Б. Е. Райкова „Методика и техника ведения экскурсий“, Гос. Изд., Пгр., 1921, 76+IV стр., хотя в ней все вопросы разработаны на материале естественнонаучных экскурсий. Ряд важных статей и общего и специального характера содержится в переизданной в дополненном виде книге „Школьные экскурсии, их значение и организация“, сборник научно-педагогических статей под общей ред. проф. Б. Е. Райкова, 2-ое изд. Гос. Изд., Пгр., 1921, стр. IV+416. По школьным экскурсиям вышли еще: А. Половинкина „Экскурсии в начальной школе. Руководство для ведения школьных экскурсий по природоведению“, Казань, 1917, 144 стр.; И. И. Полянского „Опыт организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная секция и экскурсионные станции“; Н. Ф. Арепьева „Экскурсии в средних школах Петрограда“, Пгр., 1917, 14 стр. Руководства для ведения разных специальных видов экскурсий содержат книги: А. Бенкена „Зоологические экскурсии“, Пгр., 1918, 106 стр.; А. Половинкина „Экскурсии в живой природе“, Казань, 1917, 92 стр.; А. Е. Жадовской „Наблюдения над жизнью растений на экскурсиях (материалы по методике ботанических экскурсий) с предисл. В. А. Невского“, Гос. Изд., Кострома, 1920, 30 ст.; Г. Н. Сорохтина „Спутник руководителя по зоологическим водным экскурсиям“, под ред. Г. Г. Якобсона, Гос. Изд., Пгр., 1920, 128 стр.; Д. Кайгородова „Методические указания к использованию мира птиц, как экскурсионно-педагогического материала“, изд. Союза сев. кооп. союзов, Вологда, 1920, 16 стр.; В. А. Догеля „Зоологические экскурсии в Лигове“, изд. Инструкт. Экскурс. станции (Гос. Изд.), Пгр., 1921, 39 стр.; проф. В. Н. Сукачева „Экскурсии на торфяное болото“, изд. то же, Пгр., 1921, 36 стр.; В. А. Дубенского „Экскурсии на дюны. Очерк истории развития дюн и их растительности“, изд. 2-е М. и С. Сабашниковых, 1919, 31 стр.; Е. А. Звягинцева „Учебно-исторические экскурсии в Москве“, в. I, изд. „Задруга“, М., 1918, 69 стр.; „По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям, под ред. Гейнике, Елагина, Ефимовой, Шитца, изд. М. и С. Сабашниковых,

М., 1917, 672 стр.; Д. А. Жаринова и Н. М. Никольского „Былое вокруг нас“, ч. I, 2-ое изд. „Мир“, М., 1920, 176 стр.—исторические экскурсии по Москве; А. Ф. Родина „Конспекты подмосковных образовательных экскурсий“, М., 1917, 21 стр.; ред. И. А. Белоусова „Дорогие места“, 3-е изд. „Книгоизд. Писат.“, М., 1918, 174 стр.; Бакушинского „Музейно-эстетические экскурсии“; П. Н. Столпянского „Как основался и рос Санктпитербурх“, изд. „Колос“, Пгр., 1918, 376 стр. Много важного материала содержит „Экскурсионное Дело“, научно-педагогический журнал экскурсионной секции сектора социал. воспит. Петр. Отд. Нар. Обр. под ред. И. И. Полянского и В. М. Шимкевича, Пгр., Гос. Изд., 1921; см. также Ярославский журнал „Русский Экскурсант“ и „Экскурсионный Вестник“, орган Петрогр. Научно-Исследоват. Экскурс. Инст., Пгр., 1922.

Вопросам театра посвящено весьма значительное число изданий, вышедших за революционное пятилетие. Из этой литературы, разносторонне подходившей к театру, мы остановимся только на сочинениях, разрабатывающих вопросы, непосредственно относящиеся к театру, как виду внешкольной работы.

Идея нового, пролетарско-социалистического театра, рождающегося из рабочей студии и стремящегося к слиянию сцены со зрителем, наиболее ярко выражена в книжке В. Керженцева „Творческий театр“ (Пути социалистического театра), 4-е изд. Гос. Изд., М., 1920, 155 стр.; его же „Революция и театр“, изд. „Денница“, М., 1918, 63 стр.—намечает практические пути осуществления нового театрального строительства. Принципы создания нового театра намечает и переизданная книга Ромэна Роллана „Народный театр“, с предисл. Вяч. Иванова, изд. Театр. отд. Нар. Ком. по Пр., М., 1919, стр. XIV + 134. Большое значение для театрального работника-внешкольника имеет книга П. П. Гайдебурова „Театральное дело внешкольника (организация народных театров), лекции, читанные на инструкторских курсах в ноябре и декабре 1918 г.“, Гос. Изд., Пгр., 1919, 64 стр., книга, рассматривающая все основные вопросы внешкольной театральной работы; в книге его же „Народный театр (первые итоги)“, изд. Петр. союза рабоч. потр. общ., Пгр., 1918, 101 стр., интересны и общие статьи и впечатления от работы Передвижного театра. Материалы из практики театральной работы в рабочей и крестьянской аудиториях и данные по студийной работе имеются также в „Записках Передвижного Общедоступного театра“, Пгр., 1918—1920.

Все основные вопросы теории, истории и практики театрального дела стремится осветить работа В. В. Тихоновича

„Народный театр. Пособие для режиссеров, инструкторов и руководителей народных театральных кружков“, изд. театр. книжн. склада В. Магнуссен, М., 1918 (в. I. Сущность и значение Народного театра, 24 стр.; в. II. Прошлое Народного театра, 27 стр.; в. III—IV. Репертуар Народного театра, 50 стр.; в. V—VI. Творчество актера. Грим и костюм, 41 стр.); основная точка зрения В. Тихоновича: надо создавать театр не „для народа“, а „из народа“. Разные стороны внешкольного театрального дела охватывают также книги: З. М. Славяновой „Рабоче-крестьянский театр“, Гос. Изд., Казань, 1921, 209 стр.,—где разрабатываются как вопросы театра в узком смысле слова и театральной техники, так и организация массовых праздников; Б. П. Рославлева „Дело народной сцены“, изд. Средне-Волжского Союза Потребит. Обществ, Самара, 1918, 225 стр.—книга, встретившая единодушное осуждение в нашей внешкольной литературе. Общие вопросы театра затрагиваются еще в брошюрах: Вл. Филиппова „Задачи народного театра и его прошлое“, М., 1918, 48 стр.; В. В. Тихоновича „Народный театр по сообщениям с мест“, 20 стр. Наконец, только в революционные годы опубликованы содержащие богатейший материал по всем вопросам театра (до 50 докладов) „Труды Всероссийского Съезда деятелей Народного театра в Москве 27 декабря 1915 г.—5 января 1916 г.“, изд. Комитета по организации Съезда, Пгр., 1919 г., IV+463 стр. (отдельно изданы прочитанные на этом Съезде любопытные доклады: Л. Арманд и А. Евдокимова „Народный театр и кооперация“, 3-е изд. „Труд“, М., 1917, 24 стр.).

Методам студийной работы посвящены книжки Дмитрия Щеглова „Работа и задачи театрального инструктора. Театральная педагогика, как метод общественного воспитания“, Гос. Изд., Пгр., 1922, 36 стр. и Вас. Смышляева „Теория обработки сценического зрелища“, изд. Ижевского Пролеткульта, Ижевск, 1921, 86 стр.

Много внимания уделялось практическим вопросам театральной техники и репертуара. Принципы и техника опрощенных постановок, применяемых не по нужде, а в силу принципиальных соображений, разработаны в книжках А. А. Брянцева „Новый метод опрощенных постановок“, Пгр., 1918 и его же „Опрощение театральной декорации, опыт художественной схематизации в работах общедоступного подвижного театра“, рис. Оскара Клевера, 2-ое изд. Института Внешк. Обр., Пгр., 1919, 60 стр.

Практические указания по организации, главным образом, деревенского театра содержит книжка „Театр в деревне. Руководящие указания по организации театра“, изд. Олонец-

кого Отд. Нар. Обр., Петрозаводск (в. I, статьи К. В. Вертышева, Т. В. Леонтьева, Н. В. Петрова, Е. Н. Сергеева, 1919 г., 56 стр. и в. II, ст. Е. Н. Сергеева, Т. В. Леонтьева, Ю. Н. Юрьина, 1920 г., 55 стр.); Вл. Филиппова „Как устроить и оборудовать сцену в народном театре", изд. „Наука", М., 1918, 48 стр.; Н. В. Скородумова „Устройство сцены и декораций в народном театре", М., 1920; А. К. Клепикова „Несколько слов о работе режиссера", 3-е изд. Секции содейств. устройству дерев. фабр. и школ. театр. при Моск. Общ. Нар. Унив., М., 1918, 16 стр.; его же „О гриме", изд. то же; И. М. Ракова „Театр в деревне. Практич. указания для организаторов народного театра по устройству сцены и режиссуре; список пьес для народного театра", изд. Союза просвет. орган. Нижегород. края, Ниж.-Новг., 1919, 93 стр. Специально по вопросам репертуара: В. В. Тихоновича „Репертуар народного театра", изд. Театр. Книжн. Склада в Москве, В. Магнуссен, 1918, 50 стр.; А. Городцева „Примерный репертуар народного театра", изд. „Антей", Пгр., 1919, 16 стр.; „Репертуар", сборник материалов, изд. театр. отд. Нар. Ком. по Просв. (Гос. Изд.), Пгр., 1919, 134 стр.—теоретические статьи и рекомендательный список с разными указаниями к постановке; „Сборник рецензий пьес для народного театра, легких по содержанию для исполнения и постановки", изд. Секции сод. устр. дерев., фабрич. и школ. театр. при Моск. Общ. Нар. Унив., 1918, 33 стр.—систематизированный сборник рецензий о 25 пьесах, представляющий переработку вышедших ранее под тем же названием сборников—в. I (вышел до 1917 г.) и в. II, рецензии о 47 пьесах, М., 1917, 92 стр. Справочными пособиями могут служить составленный В. И. Четыркиной „Краткий справочник по народному театру", изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1919; „Театральный справочник" под ред. Н. А. Попова, в. I—III, изд. Театр. Книжн. Скл. в Москве В. Магнуссен., М., 1918—каждый выпуск содержит по 5 таблиц различных материалов для постановок: образцы для костюмов, причесок, реквизита и пр.

Указания по организации походного театра можно найти в брошюре Д. Толбузина и Н. Шемшурина „Походный театр", изд. Секции сод. устр. дер., фабр. и школ. театров при Моск. Общ. Нар. Ун., М., 1918, 20 стр. Отметим еще имеющие более специальный характер брошюры А. И. Пиотровского „Красноармейский театр. Инструкция к театральной работе в Красной Армии", изд. полит. отд. Петр. Воен. Окр., Пгр., 1921, 28 стр.; „Театральная продагитация", в. I, [illegible]с. Изд. Наконец, очень много ценного теоретического и практического материала содержит журнал „Народный Театр", издававшийся в 1918 году Секцией устр. театров

при Моск. Общ. Нар. Ун. под редакцией В. А. Тихоновича. Вопросы театральной работы получали также постоянное отражение в журналах: „Вестник театра“, изд. Театр. Отд. Нар. Ком. по Пр., издававшемся с 1919 г.; „Культура Театра“, 1921 г., в журнале Московской ассоциации театров, боровшемся с тенденциями официальных театральных органов; официальный материал—во „Временнике Театрального Отдела Нар. Ком. по Пр.“, Пгр.—М., 1918—1919.

По стоящему в теснейшей связи с театром вопросу об организации народных празднеств можно указать только одну специальную брошюру: „Организация массовых народных празднеств“, Гос. Изд., 1921, 30 стр.—сборник со статьями теоретического характера (Луначарского, Смышляева) и практическими указаниями по организации коммунистических празднеств; брошюрка „Праздник пропаганды“ (Библиотека внешкольника, в. III), Гос. Изд., М., 1920, 16 стр., дает только сырой материал о том, как прошел в разных городах „День Советской пропаганды“.

По вопросам кинематографии вышла книга „Кинематограф, сборник статей“, изд. фото-кинемат. отд. Нар. Ком. по Пр. (Гос. Изд.), М., 1919, 94 стр., широко изображающая роль кинематографа, как особого вида искусства, как пособия для изучения явлений природы, как орудия внешкольной работы.

Вопросы музыкального образования с точки зрения внешкольной работы намечены в общих чертах в брошюре Н. Брюсовой „Задачи народного музыкального образования. Доклад, прочитанный на конференции культурно-просветительных пролетарских организаций“, изд. отд. внешк. обр. Нар. Ком. по Пр., М., 1919, 15 стр.; материал, полезный и для внешкольника (статья о слушании музыки, программы концертов и пр.), содержит брошюра „Музыка в единой трудовой школе“, в. I, изд. Муз. отд. Нар. Ком. по Пр., Пгр., 1919, 64 стр.; справочные сведения—в „Календаре-справочнике Муз. отд. Нар. Ком. по Пр. на 1919 г.“, Пгр., 1919.

О принципах и технике организации и ведения народных хоров и хоровых кружков при просветительных обществах говорит книжка Я. О. Кузнецова „Как организовать и вести народный хор“, изд. Союза просвет. организаций Нижегородского края, Н.-Новг., 1918, 78 стр. и его же „Учитесь петь! (О русской песне и обучении хоровому пению)“, изд. Тверск. Посредническ. Т-ва Кооперат., Тверь, 1918, 24 стр.

Из области внешкольной работы с детьми и подростками, кроме вышеуказанной литературы по отдельным видам работы (детские библиотеки, рассказывание, экскурсии),

остановимся еще на некоторых сочинениях об организациях юношества и детей и воспитательном значении таких организаций.

Таковы брошюры: Н. Ленина (В. И. Ульянова) „Задачи Союзов молодежи“ (речь на 3-м Всеросс. Съезде Р. К. С. М.), Гос. Изд., 1920, 24 стр., намечающая образовательно-воспитательные задачи Союза молодежи [1]); В. Керженцева „Республика молодежи“, изд. „Книга“, 23 стр., описывающая интересные американские опыты; с точки зрения кооператоров: брошюры Фрометта „Кооперативное воспитание детей и возрождение человечества“, изд. т-ва „Кооператор“, Пт., 1918, 70 стр.; В. Ф. Тотомианца „Кооперация среди детей и юношества“, изд. „Мысль“, Пгр., 1919, 28 стр.

Специально о клубах молодежи и подростков вышли: брошюра „Социально-политическая работа в школах-клубах для подростков“ (Библ. внешк., в. II), Гос. Изд., М., 1920, 32 стр.—содержит статьи Н. К. Крупской и М. Н. Белокопытовой о принципах и методах работы; Н. Казьмина „Дом юношества“, М., 1917; В. Невского „Школа-клуб трудящегося юношества“, изд. Костр. отд. Гос. Изд., Костр., 1920, 95 стр.—рассматривает клубы рабочих подростков, как единственную ячейку, из которой выйдет здоровая школа 2-й ступени. Поверхностные практические указания содержит брошюра В. Сорокина „Клуб молодежи (как его организовать и как вести в нем работу)“, Гос. Изд., Пгр., 1921, 40 стр., и совсем легковесна агитационного типа брошюрка А. Гранина „Литературные студии Р. К. С. М., их цели и задачи“, Гос. Изд., Пгр., 1920, 15 стр. По клубам для детей и подростков: Е. Горбунова, „Клубы для детей и юношества“, прил. к журн. „Маяк“, изд. Горбунова-Посадова, М., 1918, 32 стр.; С. Шацкий, „Что такое клуб?“ Статья в „Записной книжке юного гражданина“, изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1918; переизданы старые книги его же „Дети—работники будущего“, Калуж. отд. Гос. Изд., Калуга, 1921, 65 стр., и В. Н. и С. Т. Шацкие, „Бодрая жизнь (из опыта детской трудовой колонии)“, 2-е изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1919, 192 стр.; Борович, „Детский клуб (история одного опыта)“, изд. культ.-просв. орг. „Труд“, Харьк., 1919, 128 стр.; удачно составлена „Хрестоматия по клубной работе с детьми“, изд. Вятск. Губ. Отд. Нар. Обр., Вятка, 1920, 63 стр.—сборник статей и отрывков из русских и иностранных авторов о всех сторо-

[1]) Не считая возможным расширять рамки настоящего обзора, мы совсем не касаемся довольно обширной литературы о политическом юношеском движении.

нах работы детских клубов. Итоги опыта организации детских колоний летом 1918 г. подведены в книжке „Летние колонии", сборник, составл. отд. реформы школы и отд. единой школы Нар. Ком. по Пр., Гос. Изд., М., 1919, 160 стр.

Вопросы игры, переходящей в детский театр, разрабатывались в интересных сборниках „Игра", непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры, изд. театр. отд. Нар. Ком. по Пр. (№№ 1 и 2—1918 г., № 3—1920 г.).

Об играх, как средстве физического воспитания, переиздана старая книга П. Н. Бокина „Подвижные игры", руководство для родителей, воспитателей и самих учащихся, 5-е изд., 1919, 346 стр. По скаутизму—„Бойскауты", руководство самовоспитания молодежи по системе „скаутизма" сэра Роберта Баден-Поуэлля, применительно к условиям русской жизни и природы, в переработке В. А. Попова и В. С. Преображенского, М., 1917, 383 стр., и „Организация юных коммунистов „Юки". Воспитание пролетарской молодежи по системе „Скаутинг", изд. комитета печати В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной), М., 1919, 46 стр.

Укажем, наконец, ряд брошюр, относящихся, по употребляемой иногда терминологии, к „технике культурно-просветительной работы". Революционная эпоха, бросившая в широкую общественную работу множество людей, ранее совершенно чуждых ей, вызвала большую потребность в практических указаниях по организации и ведению собраний, лекций и т. п. И хоть в этой области очень трудно чему-нибудь научить при посредстве печатного слова, но кое-какие указания дают следующие книжки: В. А. Кильчевского „Техника общественных организованных собраний. Курс, читанный в кооперативной школе унив. Шанявского", изд. Яросл. Кредит. Союза Кооперативов, 1919, 135 стр.—очень обстоятельная и вместе с тем доступно написанная работа; Н. Орлова „Как устраивать собрания и лекции потребительного общества", изд. „Мысль", Пгр., 1918, 48 стр.—полезна не только для кооператоров; более кратки и элементарны, но не более доступны брошюры: В. Керженцева „Как вести собрания", изд. Петр. Сов. Раб. и Кр. Деп., 1918, 22 стр.; Н. И. Фалеева „Как организовать и вести собрания", изд. „Рев. Мысль", Пгр., 1917, 47 стр.; М. Львова „Народные собрания, как их устраивать и вести", изд. Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1917, 30 стр.; более свежа, но, к сожалению, менее удачно составлена брошюра Е. Херсонской „Работа массовых собраний", Гос. Изд., М., 1920, 47 стр.

Настоящий обзор имел целью дать указания лишь отдельных изданий по внешкольному образованию. Журнальная же литература довольно значительна. Чуть не в каждом губернском, а часто и уездном городе (Псков, Рязань, Тверь, Петрозаводск, Казань, Смоленск, Самара, Саратов, Сызрань, Чернигов, Пенза, Вятка, Воронеж, Орел, Тамбов, Великий-Устюг, Астрахань, Вельск, Сольвычегодск, Грязовец, Демянск, Пошехонье и пр. и пр.) в тот или иной период издавался местным Отделом Народного Образования свой орган, в котором, между прочим, помещались статьи и заметки и по внешкольному образованию. Специально вопросам внешкольного образования были посвящены прежде всего четыре журнала, выходившие под одинаковым названием — „Внешкольное Образование", издававшиеся: 1) Отд. внешк. обр. Нар. Ком. по Пр., М., 1919; 2) Внешк. отд. Ком. Нар. Пр. Союза ком. Сев. обл., Пгр., 1918—19; 3) Союзом просветит. организаций Нижегород. края, под ред. Е. Н. Медынского, Н.-Новг., 1918—19; 4) Харьковским Губ. Отд. Нар. Обр., 1919. Далее—журнал „Вестник Культуры и Свободы", изд. о-ва „Культ. и Св.", Пгр., 1918—19 гг.; выходящий и сейчас в Москве (1922 г.) орган Главполитпросвета „Коммунистическое Просвещение"; орган Главполитпросвета Украины „Путь к Коммунизму", Харьк., 1921; орган Петрогр. Губ. Отд. Нар. Обр. „Вестник Политпросвета", Пгр., 1921; „Внешкольное Дело", бюллет. Внешк. подотд. Костром. Губ. Отд. Нар. Обр., 1920; „Известия отдела внешкольного образ. Москов. Сов. Раб. и Красн. Деп.", 1918.

Много статей и заметок по вопросам внешкольной работы помещалось в журналах пролеткультов, столичных и провинциальных. В 1919 г. число журналов пролеткультов достигало 15 (список см. „Пролет. Культура", 1919, № 7—8, стр. 69—70). Наиболее содержательны из них: „Пролетарская Культура", орган Всер. Сов. пролет. культ.-просв. орг., М., 1918—20; „Горн", орган Моск. Пролеткульта, 1918—19; „Грядущее", орг. Петрогр. Пролетк., 1918—22.

Много внимания внешкольным вопросам уделяли также издававшиеся с 1918 г. еженедельник Нар. Ком. по Пр. „Народное Просвещение" и ежемесячник того же названия; далее—„Педагогическая Мысль", Пгр., 1918—21; „Вестник Просвещения", изд. Ком. Нар. Просв., Пгр., 1918—19. Интересные статьи по внешкольным вопросам были еще помещены в журналах „Учитель", изд. в 1917 г. Моск. обл. отд. Всер. Учит. Союза; „Социалистическое строительство", изд. Моск. Губ. Сов. Раб. и Кр. Деп.; „Книга и Революция", Пгр., 1920—22; „Печать и Революция",

М., 1921—22; „Читатель“, журнал, посвященный вопросам самообр., библиот. дела, пропаг. и библиогр., 1918, и др.

Из кооперативных журналов специально вопросам культурно-просветительной работы посвящен был журнал „Просвещение и кооперация“, прилож. к „Изв. Сов. Всер. Кооп. Съездов“, М., 1919; в большей или меньшей степени затрагивали вопросы просветительной работы и другие кооперативные журналы, как: „Рабочий Мир“, орг. Моск. Центр. Раб. Кооп., 1918—19; „Рабочий Кооператор“, орг. Петр. Союза Рабоч. Потр. Общ.; „Объединение“, орг. Моск. Союза Потреб. Общ., и др.

В заключение укажем библиографические пособия, вышедшие за последнее пятилетие. Наиболее полным из новых указателей литературы является книга И. С. Ежова „Культурно-просветительное дело. Указатель литературы по вопросам внешкольного образования детей, подростков, юношества и взрослых“, изд. Отд. печати Моск. Сов. Раб. и Кр. Деп., Москва, 1919; общее значение имеют также выпущенные кооперативными издательствами „Указатели литературы по вопросам внешкольного образования и кооперативного просвещения взрослых, подростков и детей“, 2-ое изд. Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 60 стр.—указатель, не во всех частях составленный с достаточной полнотой,—и „Библиотека культурно-просветительного работника в кооперации“ (библиографический указатель), изд. секретариата Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1919, 44 стр., содержащий, кроме перечня литературы, краткие отзывы. Серьезные недостатки имеет указатель В. А. Невского „Что читать по внешкольному образованию, чтобы подготовиться к самостоятельной работе в отдельных учреждениях внешкольного образования“, Гос. Изд., Кострома, 1920, 77 стр.: выбор рекомендуемых книг иногда вызывает большое недоумение; с библиографической точки зрения указатель составлен очень небрежно. Из специальных указателей ценными являются М. И. Назарова „Указатель книг и статей по выставочному, музейному, экскурсионному делу и родиноведению“, изд. Всер. Центр. Союза Потр. Общ., М., 1919, 64 стр. и Н. Н. Иорданского „Обзор русской литературы по высшей крестьянской школе“, изд. Сов. Всер. Кооп. Съездов, М., 1919, 16 стр. Кое-что можно найти в указателе „Литература о Красной армии 1918—1921 гг.“, изд. Политпросвет. упр. Петр. Воен. Окр., Пгр., 1921, 22 стр. (отд. III—политико-просвет. работа в Кр. армии и V—периодические издания). Наиболее полный систематизированный материал об изданиях по внешкольному образованию за годы революции собран в обзо-

рах Н. Э. Сума, напечатанных в журналах „Вестник Культуры и Свободы“ (1918 г., № 1, стр. 68—72) и „Педагогическая Мысль“ (1918 г., № 9—12, стр. 155—163; 1919 г., № 7—9, стр. 131—135; № 10—12, стр. 108—117; 1920 г., № 4—6, стр. 77—84; 1921 г., № 1—4, стр. 72—79; № 5—8, стр. 95—97; № 9—12, стр. 58—60). Указания об изданиях, вышедших на Украйне, можно найти в журнале „Путь к Коммунизму“, 1921 г., № 1, стр. 67—71. Указания журнальных статей дает „Библиография журнальной литературы по вопросам внешкольного образования за послереволюционный период (1917—19 гг.). Материалы библиографического подотдела“, М., 1920, 30 стр.

В. Весов.

Май 1922 г.

Дополнительный перечень литературы по внешкольному образованию, вышедшей после мая 1922 года.

I. Политпросвещение. Обучение взрослых. Школы, классы, курсы, лекции, чтения, вечера, книги для чтения, учебники.

Адоратский, В. Программа по основным вопросам марксизма. 1922 г. Изд. 2-е, дополн. Пособие для студентов и для кружков повышенного типа. 1923.

А. К. К вопросу о методах преподавания политграмоты. „Комм. Просв." 1922, № 6, стр. 64.

Алексеев, Н. Объяснительная записка к программе по экономической политике для совпартшкол 2-й ступени. „К. П." 1922, № 6, стр. 54.

Андреевская, А. Первые шаги в работе по комплексному методу в школах малограмотных (докл. на II Всер. Мет. Конф. по ликвидации неграмотности и прения в связи с ним). Ж. „Руководителям занятий", № 4.

Антирелигиозная пропаганда. Сб. материалов. Изд. Центр. Ком. Ком. Партии Украйны. Харьков, 1922. 262 стр.

А. Р. Учет работы (Совнаркома). „К. П." 1922, № 6, стр. 44.

Арифмет. задачник для красноарм. школ. Изд. Политпр. вооруж. сил Украйны. Харьков.

Борович. Как читать народные лекции. Х. 1922.

Брайдо, Г. К очередным задачам партшколы. „К. П." 1922, № 3, стр. 30.

Бурдина, М. Работа по ликвидации неграмотности и малограмотности. „К. П." 1922, № 6, стр. 89.

Вожгальский, А. Первые шаги политпросвет. работы в деревне. Изд. Мириманова. М. 1923.

Волков, Пл. Из итогов 2-го Всероссийского Съезда совпартшкол. „Работник Просвещения" 1923, № 9.

Вопросник к программе самообразования коммунистов, сост. А. Семяком, С. Сохацкой, В. Троцкой. Изд. „Моск. Рабочий". 1924.

Вопросы краеведения, ред. Богданова. Нипполиграф. 1923.

Воронов, Ш. К. Школа в период воен. коммунизма. Основ. обслед. Воронежск. губ. Изд. Воронежск. губ. стат. бюро. 1924.

Ворошилов, Н. Десятичная система учета практич. работ в сел.-хоз. учебн. заведениях. „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.

Ворошилов, Н. Работа на урок. метод. работы в сел.-хоз. школе. „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.

В помощь школе взрослых повышенного типа. Сборник. Вып I, под общей ред. Н. Крупской. Изд. „Красная Новь". 1923.

Временное положение о домах рабочих подростков. Изд. НКП. Харьков. 1923.

Врона, Ив. Художественное образование и рабочая молодежь. „Путь Просвещ." 1923, № 3.

Все на борьбу с темнотой. Сборн. статей по ликвидации неграмотности среди населения Р. С. Ф. С. Р. Вып. I. Изд. „Кр. Новь". М. 1923.

Гарденин, С. К вопросу о методах занятий на курсах для взрослых. Изд. Политпросв. Н. К. П. 1922.
Гастев, А. Как надо работать. М. 1922.
Генкин, Д. К вопросу о методах преподавания на рабоч. факультет. „Вестн. Раб. Фак.“ 1922, № 2—6.
Главт. Программы для сов.-парт. школ I ст. Госиздат. М. 1922. 42 стр.
Голант, Е. О комплексном преподавании в школах малограмотных. Изд. Петрогр. Ком. по ликвид. безграм. 1923.
Грацианский. Обучение счету неграмотных.
Гудзь, М. О лекционной работе. „Просвещение на транспорте“ 1922, № 3.
Гуров, П. Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р. и задачи политпросветов. „К. Пр.“ 1922, № 6, стр. 14.
„Да здравствует труд“. Пособие для работы со взросл. по комплексному методу. Изд. „Красн. Новь“. Главполитпросвет. М. 1923.
Дружинин. Лекционная работа. „Вестн. Просв.“ 1922, № 9, стр. 248.
Ефремин. Ознакомление с аудиторией. Задачи и организация совпартшкол. Вып. I. Г. П. П.
Ефремин. Преподавание в предметном классе. „К. Пр.“ 1922, № 6, стр. 47.
Жаворонков, Б. Лекционная и студийная система. „Бюлл. Центр. Инс-та организаторов Н. К. П.“ 1922, № 2.
Жаков, М. Справочная книжка по марксистскому самообразованию. „Моск. Рабочий“ 1923.
„Жизнь и труд“. Первая книга для взрослых. Вып. I. Госизд. М. Пгр. 1923. 280 стр.
Завадовский, Б. М. Внешкольные биологические экскурсии. Главполитпросвет Р. С. Ф. С. Р. Госизд. 1922.
Задачи и организация совпартшкол. Сборн. под. ред. Крупской. 1923.
Зарецкий, М. Организация труда подростков. Харьков. 1923, стр. 146.
Зарецкий, М. О технических экскурсиях в школах рабочей молодежи. Изд. Н. К. П. Харьков. 1922, стр. 66.
Заровнядный, Н. Простые беседы по самообразованию. Изд. „Кр. Новь“. М. 1923.
Зеленко, В. О самообразовании. „Под знаменем коммунизма“. 1923, № 9—10.
Зеленко, В. А. Практика внешкольного образования в России. Изд. 2-е. Госизд. М 1922.
Зельцер и Элькина. Книга для чтения и бесед в школе для взрослых. Госиздат.
Знаменский. Принципы школьн. занятий в условиях фабр.-завод. работы. „Сб. Костромского Пролеткульта“, № 2.
Иовлев, Н. Н. Математика в школах для взрослых, ч. I. Задачи и правила для группы неграмотных. Госизд. М. 1922.
Исаев, И. Очередные задачи культурработы профсоюзов. „К. П.“ 1922, № 2, стр. 19.
Историко-революционная хрестоматия. Изд. „Новая Москва“. 1923, стр. 477.
Калашников, А. Г. Этапы профессионального образования. „Вестн. Просв.“ 1922, № 9, стр. 164.
Кантор, Е. К постановке преподавания политграмоты. „Ком. Пр.“ 1922, № 2, стр. 83.
Кантор, Е. Политпросветработа среди национальн. меньш. „Ком. Просв.“ 1922, № 1, стр. 25.
Кац, Е. Ликвидация политической неграмотности и совпартшколы. „Вестник Просв.“ 1922, № 9, стр. 237.
К вопросу о методах работы со взрослыми. „Вестн. Просв.“ 1923, № 5—6.

Кекчеев. Как надо работать. (Живая машина). Изд. „Красная Новь".
Клетнова, Е. Н. Изучение родного края. Под ред. и с пред. Н. А. Рыбникова. 3-е изд. Госиздат. 1923.
Книга рабоче-крестьянской молодежи. Вопросы Р. К. С. М. союзной работы. М. 1922.
Книга четвертая кодекса законов о нар. просвещении У. С. С. Р. „К. П." 1922, № 10, ст. 47.
Колесникова, Н. Единая сеть политпросв. учреждений в наст. время. „К. П." 1922, № 2, стр. 24.
Колесникова, Н. Новый этап в организации политпросветработы. „Ком. Просв." 1922, № 1—2, стр. 10.
Копелиович, Я. Конституция политпросвета. „Путь к Ком." 1922, № 10, стр. 44.
Кочетов, С. И. Красный сказ. Под ред. Ефремина. Высш. воен. ред. совет. М. 1923.
Кравченко, А. О причинах нашей отсталости. „К. П." 1922, № 2, стр. 43.
„Красная Звезда". Красноармейск. хрестоматия. РИО высш. воен. ред. совета. 1923.
Красная хрестоматия. Изд. „Прибой". 1923, 222 стр.
Крупская, Н. Вопросы народн. образования. Изд. 2-е. Госизд. Берлин. 1922.
Крупская, Н. К постановке дела в совпартшколах (статья дискуссионная). „К. П." 1922, № 6, стр. 37.
Крупская, Н. Методы преподавания в совпартшколах. (Сборн. „Задачи и организация совпартшкол", вып. I, изд. „Красная Новь" Г. П. П. 1923).
Крупская, Н. Методы преподавания—статья „К постановке дела в совпартшколах. „Комм. Просвещ." Г. П. П. 1922, № 6.
Крупская, Н. Народное образование и демократия. 1923.
Крупская, Н. Нужны ли политпросветы. „К. П." 1922, № 2, стр. 3.
Крупская, Н. О методах преподав. в совпартшколах. „Комм. Просв." 1923, № 2.
Крупская, Н. К. Организация самообразования. Изд. „Молодая Гвардия". М. 1922.
Крупская, Н. Перспективы политпросветработы. „Комм. Просв." 1922, № 1.
Крупская, Н. Политпросвет. работа с 1920—23 г. Изд. „Раб. Просв.". М. 1924.
Культурно-просвет. работа в Белорусской республике. „Пед. Мысль". Пгр. 1922, № 5—6.
Курская, Ал. Десять съездов Советов. „Кр. Новь". 1923.
Курская, А. Ликвидация неграмотности, как средство коммунистического просвещения. „Комм. Пр." 1922, № 1, стр. 22.
Кушнер, П. О программах советско-партийных школ. „К. П." 1922, № 2, стр. 39.
Лекция и кружок в сов. партшколах I и II ст., их соотношение и характер занятий. „Комм. Просв." Г. П. П. 1922, № 24—5.
Ленин (В. Ульянов). Социалистическая революция и задачи просвещения. Изд. „Красная Новь". М. 1923, стр. 85.
Ленин, Н. Чему учиться и как учиться. Изд. „Новая Москва". М. 1923, стр. 32.
Леонов, Л. Значение самообразования в наших условиях. „Комм. Просв." 1923, № 4—5 (10—11). М.
Леонтьев, И. Самообучение—техника. Ч. I. М. 1922. Изд. авт., стр. 330.
Летняя работа с сельским учительством. „Вестн. Просвещ." 1923, № 5—6.
Литература к программе политграмоты для школ малограмотных. „Комм. Просв." 1922, № 4—5.
Логинов, П. Организуйте просвещение. Проф. Союз Раб. лечебно-санит. труда. М. 1920.
Лукьянов, Н. Организация проф. образования. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 167.

Луначарский, А. Промблемы нар. образования. „Раб. Просв.". М. 1923.
Львов, Ик. „Иллюстрированные вечера". Руководство для школ и просветительных учреждений. „Раб. Просв". М. 1923.
Максаков, В. и **Нелидов, М.** „Хроника революции". Вып. I. 1917. Госизд. 1923. 144 стр.
Медынский, Е. Внешкольное образование в Р. С. Ф. С. Р. Изд. „Красная Новь". 1923. 72 стр.
Медынский, Е. Энциклопедия внешкольн. образования, т. I и II. Госизд. М.-Пгр. 1923.
Методический справочник по обучению неграмотн. красноарм. по комплексному методу. Изд. Политуправления М. В. О. М. 1922.
Минченко, П. О методах занятий в совпартшколах (Сборник „Задачи и организация совпартшкол". Вып. I. Изд. „Красная Новь". Г. П. П. 1923, стр. 19—24).
Наша смычка. Сборник рассказов, под ред. Масленникова и Авербуха. Изд. „Кр. Новь". Главпросв. М. 1923.
Невский, В. А. Внешкольное образование во всеобщей истории. Культ.-историч. наброски. Кострома. 1921.
Невский, В. А. Практикум по внешк. образ. Внешк. подотд. Костромск. Губотнаробр. Кострома. 1920.
Окружной Редакционный Совет 5-й армии и В. С. В. О. „Печ. и Рев." 1922. Кн. 8.
Окулова, Г. К итогам 5-летней работы по политическ. просвещ. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 220.
О культработе. Резолюция Всероссийского Съезда профсоюзов. „К. Пр." 1922, № 10.
О подготовке политпросветработников. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 34.
Очередные задачи советской власти в деревне. Из. „Кр. Новь". М. 1923, стр. 46.
Петренко, М. Индустриально-техническое образование. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 179.
Петров, А. А. Лектор и аудитория. Изд. „Нов. Москва". 1924, стр. 240.
Повышайте квалификацию подростков! Сборник материалов по образ. рабочей молодежи. Изд. ЦК КСМУ. Харьков. 1921.
Подвойский. К летней работе по массовому физическому оздоровлению и воспитанию рабочего класса на 1923 г.
Полевая, Л., под ред. **Модестова.** Как вести политпросвет. работу в клубной библиотеке. Изд. „Деревня и Знание". М. 1924.
Политико-просветительная работа в условиях Нэп'а. Под ред. **Н. Крупской.** „Красная Новь". М. 1922.
Политпросветработа в Красной Армии. „К. Пр." 1922, № 10.
Политпросветработа за рубежом (Америка, Италия, Швейцария). Журн. „Ком. Просв." 1923, № 4—5 (10—11).
Полтавский, С. К вопросу о методах лекционной работы в деревне. Госизд. Казань. 1920.
Понятковский, С. Хрестом. по истории Октябрьской революции. Изд. „Прибой". 1923.
По совпартшколам. Офор. част. в ж. „К. П." 1922, № 3.
Программа занятий в школах малограмотных. „Ком. Пр." 1922, № 2, стр. 79.
Программа занятий с неграмотными на ликпункте. „К. Пр." 1922, № 2, стр. 77.
Программа краткосрочн. курсов по сельскому хозяйству. „К. Пр." 1922, № 2.
Программа лекций-бесед для войсковых школ. „К. П." 1922, № 2.
Программа по аграрному вопросу. „К. П." 1922, № 3, стр. 40.
Программа по политграмоте и объяснительная записка к ней. „К. П." 1922, № 2.

Программа по религии и объяснительная записка к ней. „К. П.“ 1922, № 3, стр. 37.

Программа школ политграмоты. „К. Пр.“ 1922, № 6.

Програма школы политгр. Р. К. С. М. (деревенск. типа). Изд. Ц. К. Р. К. С. М.

Программа по экономической политике для совпартшкол II ст. „К. Пр.“ 1922, № 6.

Программный материал коммунист. университета Свердлова. 1923.

Программы для советско-партийных школ 1-й ступ. Главполитпросвет. Вып. I. Госизд. М. 1922.

Программы для совпартшкол I и II ст. Вып. III-й—рус. яз. и литерат. Изд. „Красная Новь“. Главполитпросвет. 1923, № 1. Вып. II—то же издание.

Программы по антирелигиозному семинарию в ж. „Прол. Мысль“ 1923, № 3—4. Изд. Харьков. Агитпросв.

Производственное преподавание. „Вестн. Просв.“ 1923, № 5—6.

Профессиональное образование рабочих подростков. Изд. Укр. Главпроф. Харьков. 1921.

Профессионально-техническое образование в России за 1917—21 гг. Под ред. О. Аникст. Госизд. 1922.

Прусакова, А. Г. Как готовиться к уроку по докладу. „Красная Новь“. М. 1923, стр. 156.

Работа в опытной школе для взрослых. Изд. Внешк. Отд. Н. К. П. 1920.

Рабочая молодежь и ее школа. Из серии „Б-ка юного пролетария“. Госизд. Пгр. 1922.

Ребельский, Н. Принципы и методы работы парт. школ (ст. в журн. „Свердловец“ 1923, № 4).

Ребельский, Н. Чтение со световыми картинами по истории революционного движения. „Вестн. Просв.“ Моно. 1923, № 1.

Резолюции Второго Всероссийского Съезда сов. партшкол 10—15 апреля 1923 г. по вопросу „Методы преподаван. в совпартшколах“—сборник „Второй Всероссийский Съезд“, вып. II, изд. „Красная Новь“ Г. П. П. 1923 г. и то же в журнале „Комм. Просв.“ Г. П. П. 1923, № 1 (8).

Рождественский, Л. Н. Школа рабочих подростков. Изд. „Культура и Просвещ.“. М. 1922.

Рубакин, Н. А. Как и с какой целью читать книги. Изд. „Кооп. Изд.“. Пгр. 1922, 62 стр.

Руководство к ведению политпросв. работы на командных курсах Кавказского Округа. Сост. Бокк и Устинов. Вып. I и II. Изд. Политотдела.

Рындич, А. Коммунистическое воспитание в совпартшколе. „К. Пр.“ 1922, № 3, стр. 25.

Рындич, А. Наша сеть. „К. Пр.“ 1922, № 2, стр. 35.

Ряппо, Я. Школа рабочей молодежи в системе просвещения и ее значение в производстве. „Путь Просв.“ 1923, № 3.

Самообразование и политграмота. „Комм. Просв.“ 1923, № 4—5 (10—11).

Сарабьянов, М. О антирелигиозной пропаганде. Изд. „Моск. Рабочий“. 1923, стр. 87.

Сборник по вопросам партпросвещения. Изд. Свердловского Коммун-та. М. 1924.

Сборник программ для школ взрослых повышенного типа. Изд. „Красная Новь“. Главполитпросвет. М. 1923.

Сборник сел.-хоз. просв. в дерев. клубе избе-читальне. 1922.

Сельскохозяйств. букварь для взрослых—„Наша сила наша нива“. Изд. „Кр. Новь“. 1923.

Сеть партийно-советских школ на 1922—23 уч. год. „К. Пр.“ 1923, № 13, стр. 134.

Смирнов, А. О монографическом методе для работы в школах взрослых. „Народн. Просвещение", Саратов, 1922, № 3.

„Смычка с деревней". Изд. „Прибой". Пгр. 1923.

Совпартшкола, школа и курсы (ряд статей различных авторов). „Комм. Просв." 1923, № 4—5 (10—11).

Соколов, К. Н. Методы комплексного преподавания. Н. М. 1923 г.

Социально-политическая работа в школах-клубах для подростков. „Б-ка внешкольника", в. II. Госизд. 1920.

Станчинский, А. Опыт обоснования марксистской методики (см. „В помощь школе взрослых повышенного типа". Изд. „Красная Новь". Г. П. П. 1923, стр. 5—20).

Столяров, Я. Методы преподавания в школах рабочей молодежи. Харьков. 1923, стр. 26.

Столяров, Я. О методах преподавания общетехнических предметов в школе рабочей молодежи НКП. Харьков. 1922.

Суздальцев, В. Совпартшколы Петрогр. губ. „К. Пр." 1922, № 2.

Сухоплюев, Ив. Указатель материал. по антирелигиозной пропаганде (в журнале Главполитпросвета „Путь к коммунизму" 1922, № 3—4).

Тезисы и планы кружковых занятий 8-мес. курса ком. ун-та им. Свердлова созыва 1921/1922 г. М. 1922.

Тинихина, А. „Программы и методические работы на II-м Всеросс. Съезде совпартшкол". „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.

Устинов, И. Развитие речи. К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах. Госизд. М. 1922.

Фофанов, М. План работы по сел.-хоз. пропаганде. „К. Пр." 1922, № 2.

Херсонская, Е. Один из методов политпросветработы. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 16.

Херсонская, Е. Политпросветработник в выступлениях. „К. Пр." 1922, № 2, стр. 31.

Херсонская, Е. Публичное выступление. Пособие для начинающих. Изд. „Прибой".

Херсонская. Техника публичн. выступлений. Изд. „Кр. Новь".

Хрестоматия рабочего корреспондента. Изд. „Пролетар. Правды". Киев. 1923.

Циркуляры, положения и инструкции по совпартшколам. „К. Пр." 1922, № 2.

Школа рабочего класса. Сборник к двухнедельнику школы рабочей молодежи. Харьков. 1923.

Школы ученичества Екатерининской ж. д. Сборник статей и материалов. 1923, стр. 86.

Элькина. Москов. курсы и подготовка политпросветников. „Вестн. Просв." 1922, № 9.

Элькина и **Зельцер.** Книга для чтения и бесед в школах взрослых. Госизд. 1921.

Юрский, Н. Литература, как фактор общественно-организационной работы. Пгр. „Книга". 1923. 120 стр.

Юрский, Н. Методы организационной работы. Пгр. „Книга". 1923.

Музейное, выставочное, экскурсионное, театральное дело. — Эстетическое образование. — Физкультура. — Нардом. Клубы. Кружки. — Работа с молодежью. — Комсомол. Юные пионеры.

Александров, В. и **Цареградский, Ив.** Вечер книги в клубе. Изд. „Красная Новь". 1924.

Александровская, С. Экскурсии, выставки и музеи, как основной метод политпросвет. работы. „Путь к коммунизму". У. С. С. Р. 1922.

Анцыферов, Н. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Сборник „Современная школа". Изд. „Начатки Знаний". Пгр. 1923.
Баскова, Р. Самостоятельные выставки. „П. к Комм." 1922, № 10.
Б. К. Лекционная работа в клубе. „Труд" 1923, № 14.
Бляхин. Методы инсценировок.
Богомазова, З. Центральный дом крестьянина в Москве. „К. Пр." 1922, № 6.
Богданов, В. В. Музейная техника краеведения. Изд. Вологод. обл. отдела. Госизд. Вологда. 1923.
Борович. Инсценировки, как метод просветительной работы. Изд. „Прибой"
Борович. Как читать народные лекции. Опыт методологии. „Труд". Харьков. 1922.
Бриллиантова, М. Клубная работа. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 290.
Буров, Я. Красный трактор. Госизд. 1923.
Ведение литературных кружков в рабочих клубах. Изд. книж. сектора Губоно. Лгр. 1924.
Виноградов. Мосгубмузей. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 310.
В клубах молодежи. Изд. „Кр. Новь". Главполитпросвет. М. 1923.
Вожгальский. Сельский клуб. Его организация и метод работ. М. 1923.
Всесвятский, Б. Общие идеи и направление в работе биостанции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева. „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.
Гарелин, Н. Книжная выставка Госуд. Румянц. музея. „Печ. и Рев." 1923, кн. 5.
Гейнике, Н. А. Культурно-историч. экскурсии (Москва, москов. музеи, подмосковные), ч. 1, ст. 98; ч. 2, ст. 174; ч. 3, ст. 156. Изд. „Новая Москва". М. 1923.
Гейнике, Н. А. Прогулка по Кремлю. Изд. Главмузея. М. 1922. 15 стр.
Геркле, Э. Социалистическое воспитание и движение молодежи. Изд. Коминтерна мол. Пгр 1921.
Главполитпросвет. Комсомол. Литер. сб. к пятилетию Р. К. С. М. Изд. „Кр. Новь". 1923, XII.
Голант, Е. Я. Букварь крестьянина. Главполитпросвет. Пгр. 1922.
„Грамотка". Букварь для взрослых. Изд. Ахтырского Унаробра. 1922.
Грекулов, А. Как организовать музей при рабочем клубе. Деревня и знание. М. 1923.
Грузинский, А. Е. Ясная Поляна. Госизд. Пгр. 1922. 30 стр.
Данилов, И. М. К работе красноармейских клубов. „К. Пр." 1922, № 6, стр. 76.
Дубовский, М. Учебник театрального грима. Госизд. Украйны. 1923.
Дунаевский, Вл. Общая схема положения о социалистической школе рабочей молодежи. Госизд. 1921.
Евреинов, Н. Театральные новации. „Третья стража". Пгр. 1922.
Завадовский. Внешкольные биологические экскурсии. Изд. Главполитпросвета. 1922.
Иванова, С. Экскурсионная работа в клубе. „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.
Инструкция по организации культпросветов. М. 1920.
Искусство в рабочем клубе. Изд. „Прибой". 1924.
История РКСМ. „Юношеское движение" (серия). Левгур. История РКСМ. Конспект для руководителей кружков и юношеских секций совпартшкол. М.-Л. 1924. 5 изд. „Мол. Гвард.". Стр. 62.
Клубная работа среди молодежи (Материалы политпросв. отдела Петрогубкома Р. К. С. М.). Пгр. 1924.
Колесникова, Н. Ближайшие задачи в области клубной работы. „К. Пр." 1922, № 6.
Комсомольское рождество. Под ред. Политпросвета Ц. К. Р. К. С. М. Изд. „Кр. Новь". 1923.
Корев, С. Музыкальные вечера в клубе. Изд. „Кр. Новь" Главполитпросвета. 1923.

Крупская, Н. Р. К. С. М. и бойскаутизм. Изд. Глав—та. Серия агитационно-пропагандистская, № 17. М. 1922. 62 стр.

Культурно-исторические экскурсии. „Новая Москва". 1923. (Москва, москов. музей и подмосковные) под общей редакцией Гейнике, ч. I и II. „Новая Москва". 1923.

Ленин, В. О молодежи. Речи и статьи. С примеч. и объясн. слов. Изд. 2. Изд. „Мол. Гв.". М. 1924.

Ленин, В. И. Как жить молодежи. Заветы Ильича молодежи. С примечаниями и объяснением непонятных слов. С 2 портретами. „Мол. Гв.". М. 1924.

Ленин и комсомольцы. Изд. „Мол. Гв.". М.-Л. 1924. Стр. 22.

Леонтьев, А. Пролетарское юношеское движение. Его причины, характер и цель. X. 1924. Изд. „Мол. Рабоч.". Стр. 42.

Летне-осенняя работа рабочих клубов и клубов Р. К. С. М. Изд. „Кр. Новь" Главполитпросвета. 1923.

Лурье, Л. Итоги клубной работы. „К. Пр." 1922, № 10.

Маковский, А. В. и **Лесовский.** Искусство для всех. Рисование—живопись. Изд. „Благо".

Максимов. О работе центр. партклуба. Статья явл. продолж. предыд., содерж. очерк „Что сделано" и „О работе секции". В журн. „Прол. Мысль" 1923, № 3—4. Изд. Харьков. Агитпросвет.

Масс, Вл. и **Субботин, А.** Крестьянский театр. Сборн. пьес. Изд. первой сельскохоз. и кустарно-промышл. выставки. 1923.

Молодежь в революции. Изд. Коминтерна. Пгр. 1923.

Мюнценберг, Вилли. Социалистические организации молодежи до и во время войны. Сокр. и переработ. изд. под ред. Вл. Мирошевского. „Мол. Рабоч.". М. 1923.

Наш опыт. Библиотека крестьянской молодежи. Комсомол в деревне. Сборник. Изд. „Нов. Москва". М. 1924. Стр. 106.

Невский, В. А. Методы клубной работы. На помощь деревне и школе. М. 1922.

Невский, В. А. Рабочий музей внешк. образ. Госизд. Кострома. 1921.

Николаев, В. Личная инициатива и коллективное творчество в музейном деле. „Путь к Комм." 1922, № 10, стр. 67.

О ближайших задачах клуба. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 135.

Образование рабочей молодежи. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 185.

О подходе к молодежи. „К. Пр.". 1922, № 6, стр. 32.

Памятка юного пионера. Сост. Моск. Бюро Ю. П. под ред. В. Зорина. 2 изд. „Новая Москва". 1924.

Пельше, Р. Значение и характ. клубов. „Комм. Просв." 1922, № 1, стр. 52.

Петри. Народное искусство в Сибири. Вопросы собирания и изучения. Сибгосиздат. 1923.

Пионтковский, С. Девятое января. Изд. „Прибой". 1923.

Пистрак, М. Материалы по самоуправлению учащихся, отд. 3 о культ.-просвет. работе и культурных интересах Р. К. С. М. „Вестн. Просв." 1923, № 5—6.

Плетнев. Рабочий клуб. Принципы и методы работы Всеросс. Пролеткульта. М. 1923.

Подмосковные. М. 1922, стр. 44.

Программа и устав Р. К. С. М., принятые на 5-м Всер. Съезде. Изд. „Прибой". 1923.

Пролетарские праздники в рабочих клубах. Изд. „Кр. Новь". Главполитпросвет. М. 1923.

Путеводитель по культурной Москве, под общей редакцией И. М. Диомидова. М. 1922.

Работа на местах в музее библиотековедения в Томске. „Комм. Просв." 1922, № 1, стр. 70.

Работа хорового кружка в клубах Р. К. С. М. Ред. изд. колл. Главполитпросвета. 1922.

Райков, Б. Е. Методика и техника ведения экскурсий. 2 изд. „Время". Пгр. 1922.

Сборник работ литературн. кружка в клубах Р. К. С. М. Ред. изд. колл. Главполитпросвета. 1922.

Сборник работ драматического кружка в клубах Р. К. С. М. Ред. изд. колл. Главполитпросвета. 1922.

Середа, Аркадий. Работа марксистских кружков в Вузах. „Прол. Мысль" 1923, № 3—4. Харьков. Агитпросвет.

Скороход, В. Г. Экскурсии в природу. Весна. Всеукр. Госизд. Житомир. 1922.

Смушков, Вад. Деревенский клуб. К-во „На помощь деревне и школе". М. 1922.

Смушков, Вад. Живая газета в клубе. М. 1922.

Смушков, В. Работа литературного кружка в рабочем клубе. М. 1922.

Соколова, В. Музейно-экскурсионная работа. „Вестн. Просв." 1922. М., стр. 207.

Сорокин, В. Юные пионеры. „Прибой", Пгр. 1924.

Справочник подростка на 1923 г. Изд. Френкель. М. 1923.

Спутник клубного работника. Главполитпросвет. М. 1922.

Столпянский, П. Н. „Вверх по Неве". От Санкт-Питер-Бурха до Шлющина. Путеводитель. Госизд. Пгр. 1922, 63 стр.

Стрельбицкий, С. Периоды работы в кружках. „Прол. Мысль" 1923, № 3—4. Харьков.

Строгановский дворец-музей. Краткий путеводитель. Пгр. 1922. Испр. изд. „Государствен. музейного фонда".

Тихонович, В. В. Самодеятельный театр. Пособие для инструкторов. Изд. Вологодского Госизд. 1922, стр. 197.

Троцкий, Л. Поколение Октября. Изд. „Молодая гвардия". 1924, стр. 252.

Успенский, Ю. Н. „Старый Воронеж". Худ.-истор. очерк. Воронеж. Проф.-техн. школа, 1922, 76 стр.

Феноменов, Я. М. Музей местного края. Изд. Р. К. С. М.

Флотский день в комсомольском клубе. Сб. изд. „Прибой". 1923.

Хабас. Первомайский праздник. „Красная Новь". 1923.

Художественная работа в клубе. Изд. „Красная Новь" Главта. М. 1923.

Циркуляры, положения и инструкции по клубному делу. „К. Пр." 1922, № 2, стр. 169.

Шалашнова, Е. Клубная работа в деревне в ближайший период. „К. Пр.", 1922, № 6, стр. 74.

Эфиров, А. Пять лет работы клуба Центросоюза. Изд. Вс. Ц. Союза Потребит. Общ. 1923.

Юдин. Вечер французской революции в клубах молодежи. Изд. „Красная Новь" Г. П. Просвета. 1924.

Юровский, А. и Фортунатов, Ф. Музыкальное и театральное образование. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 20.

III. Библиотечное, книжное и газетное дело. (Работа в библиотеке. Указатели литературы). Справочное дело.

Бетгер, Е. К. Десятичная система библиографической классификации. Изд. 2, испр. и знач. дополн. Ташкент. Тур. госизд. 1922. Отзыв Хавкина в журн. „Печ. и рев." 1923, № 5, стр. 255.

„Библиотека". Сборник статей. (Изд. Воен. Рев. Сов. Зап. Фр. Смоленск, 1922). (Есть указатель книг, статей и стихотворений, посвящ. книге и самообразованию).

Библиотека и клубы. Ряд статей различн. авторов в журн. „Комм. Просв." 1923, № 4—5 (10—11).
Библиотечная работа в Красн. Армии и Флоте. „К Пр.", 1922, № 2.
Библиотечное дело в Смоленске и губернии. „Пед. Мысль" № 5—6. Пгр. 1922, стр. 131.
Борович. Пути сближения книги с читателем. Опыт методически-культурной работы в библиотеке. Харьков. Изд. „Труд" 1922, 103 стр. Отз. в „К. Пр." 1922, № 3, стр. 103.
Буш, В. В. История книги. П. Гос. Уч. Пр. Школа. 1923, стр. 47.
Виленко, А. Я. Политпросвет. работа в общественной библиотеке. Сборник статей. Кострома, 1923.
„Военный Ежегодник". Календарь-справочник на 1924 г. Изд. В. Воен. Ред. Совета. 1924.
Вожгальский. Как организовать избу-читальню и вести работу в ней. Изд. 2, испр. и доп. М. К-во „На пом, деревне и школе". 1922, стр. 31.
Вольценбург и Шлосберг. Как устроить и вести маленькую библиотеку. Пгр. Госизд. 1921, 36 стр.
Воронский, А. Из жизни книги. „К. Пр." 1922, № 3.
В помощь читателю и библиотекарю. Серия библиографич. указателей. Под ред. Вольценбурга. № 1. Что читать о Карле Либкнехте и Розе Люксембург. Указат. лит., стр. 17. № 2. Что читать о 9 янв. 1905. Указ. лит., стр. 21. № 4. Что читать о первомайском празднике, стр. 17. Изд. „Красная Новь". Петрогубполитпросв. 1922.
Гепнер, Н Л. Библиот. дело за пять лет революции. „К. Пр." 1922, № 10.
Гепнер, Н. К Всероссийскому библиотечному съезду. „П. к К." 1922, № 10.
Гольдарбейтар. Словарь библиотекаря. Пгр. Изд. авт. 1923, стр. 104.
Гречушкин, К. Кабинет внешкольника Моск. Губполитпросвета. „Вестн. Просв." 1922, № 9.
Гуров, П. Новая библиотека и ее читатели. „Печать и Рев." 1922, № 7.
„День книги". Изд. Ц. К. Р. К. С. М. М. 1922.
Десятичная международная классификация книг. Сокращен. таблицы, составлен. Особ. Комис. при Главполипросв. для обязат. употребления в библиотек. Р. С. Ф. С. Р. Госиздат. Гомель. 1921, стр. 54.
Доблер, Ф. Э. и Слуховский, М. И. О работе в передвижных библиотеках. М. „Красная Новь". Главполитпросвет. 1922, 40 стр.
Изба-читальня (Статьи и заметки). „Полит. Просв." 1923, № 4—5.(10—11).
Календарь текущей прессы для политпросветработника от 15 марта по июнь. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 140.
К Всероссийскому Съезду. (Во все б-ки, библиотечные учреждения и организации всем б-ным работникам). „К. Пр." 1922, № 3, стр. 129.
Керженцев, П. Как вести собрания. Изд. „Прибой", 1924.
Керженцев, П. М. Памятка организатора. Изд. „Кр. Новь". Глав-та. М. 1923.
Кипарисов, Ф. Библиотека соврем. читателя. Изд. Раб. Парт. М. 1923.
Ковалевский и Иванов. Практ. руководство по библиотековедению.
Коваленко, П. Книжка политграмоты. Изд. „Москов. Раб.". 1922.
Коган, П. С. Обзор литературы о театре. „Печ. и Рев." 1922, кн. 3, стр. 117.
Колмаков, П. Внекурсовая подготовка библиотекарей. Изд. Воен. Ред. Совета Зап. Сибир. Воен. Округа. Омск. 1922, стр. 46.
Конспект руководства по библиотечн. работе в Красн. Армии. Материалы к 3-му Всероссийск. Съезду работников по нар. образованию и политпросвет. работе в Красн. Армии. Харьков. Изд. Политуправления вооруж. сил Украйны в Крыму, стр. 68.
Красный Библиотекарь. Журн. библиотеч. теории и практики. № 1. Изд. „Красная Новь". М. 1923.
Крестьянский календарь на 1924 г. „Кр. Новь". Главполитпросвет. 1923.
Крупская (ред.). Сборник статей по библиотечной работе. Вып. II. „Красная Новь". М. 1923.

Литература о новой экономической политике. Изд. Книжника (Рецензии). „Книга и рев.". Год II, 1922, № 3 (15), стр. 51.
Литература об Октябрьской революции. „Путь к Комм." 1922, № 10.
Малинин, К. Отзывы о книгах по антирел. пропаганде. „К. Пр." 1922, № 2.
Медынский. Громкое читание. Изд. Просв. работы Крыма. Чатырдаг. 1923.
Модестов, В. Библиотечное дело. „Вестн. Просв." 1922, № 9, стр. 276.
Морозов, Ф. Международная десятичная классификация книг. С предислов. проф. Городецкого, Б. М. Краснодар. „Буревестник" 1922, стр. 68.
Невский, В. А. Беллетристика на социальные темы. Краткий тематический указатель по худож. литературе для обществ. библиотек и для самообразования. 6 изд., испр. и доп. М. 1922. Изд. „На помощь деревне и школе", 39 стр.
Невский, В. Справочно-конс. бюро по вопросам культпросв. работы. Изд. Сборн. Костром. Пролеткульта, № 2.
Нечаев, А. П., проф. Психологические основы библиотечного дела. Изд. „Раб. Просв.". М. 1922, 16 стр.
Новая литература по краеведению. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 110.
Новинки пособий для экскурсий. Ив. Гр. Ст. в журн. „Пед. Мысль", Пгр. 1922, № 5—6, стр. 100.
Окулова, Ек. О работе передвижных б-к с массовым читателем. К-во „На помощь деревне и школе". М. 1922.
Организация губернского консультационного бюро по вопросам самообразования. „Комм. Пр." 1923, № 4—5.
„Памятка политрука". Изд. В. Воен. Ред. Совета. 1924.
Паркуль, Н. М. Книга. Исторический очерк. Харьков. Главполитпросвет У. С. С. Р. 1923, стр. 131.
Пельше, Г., Кибрик, Р., Богомазова, З. Гармиз-Докман, Г. Отзывы о книгах по клубному делу. „К. Пр." 1922, № 2, стр. 120.
Периодическая печать. „Печь и Рев." 1922, кн. 3, стр. 134.
Пиоптковский, С. Обзор литературы по истории пролетарск. революции. „Печ. и Рев." 1923, кн. 2.
Подземский. Справочная книга по народному просвещению. Изд. „Красная Новь". Главполитпросвет. 1923.
Покровский, А. А. Библиотечная работа. О культурной и социальной работе народн. библиотеки. Изд. 3-е, испр. Главполитпр. М. 1922, стр. 74.
„Помощь". Страховой сел.-хоз. календарь-справочник за 1924 г. Изд. Госстраха.
Программа библиотечного курса для политпросвет. отделений совпартшкол 2-ой ступени. „К. Пр." 1922, № 2, стр. 64.
Программа по библиотечному строительству в Красной Армии. „К. Пр." 1922, № 3, стр. 54.
Раппопорт и Якуб. Систематический указатель литературы по профдвижению в России. Изд. В. Ц. С. П. С. 1923.
Революционные праздники в библиотеке, под общей ред. Н. Крупской. Изд. „Красная Новь". Главполитпросв. 1923.
Революция 1848—1849 гг. Обзор литературы. Сост. Библиограф. Комис. Петрогубполитпросв. под редакцией Фейдер. Госиздат. 1923.
Сборник статей по библиотечной работе, под ред. Н. Крупской. Изд. „Кр. Новь". Главполитпросв. 1923.
Систематический указатель материалов по экономическим вопросам. Изд. „Экон. Жизнь". 1924.
Смушков, Вад. Живая газета в клубе. „На помощь деревне и школе". М. 1922.
Смушкова, А. Политическая работа библиотеки. „К. Пр." 1922, № 3.
Смушкова, М. Деревенская библиотечная сеть. „К. Пр." 1922, № 6, стр, 79.
Смушкова, М. Об очередных задачах методической библиотечной работы. „Комм. Просв." 1922, № 1, стр. 57.
Смушкова, М. Работы библиотечных организаций. „К. Пр." 1922, № 2.

Сомов, Н. О библиологической психологии. „Печ. и Рев." 1922, кн. 3.
Справочник сельского хозяина на 1924 г. Изд. „Красн. Новь". 1923.
„Спутник антирелигиозника". Изд. „Прибой". 1924.
Спутник библиотекаря Красной Армии. Изд. Политуправления Киевского военного окр. 1922. 50 стр.
Спутник клубн. работника. Изд. Глав-та. Госизд. М. 1922, 105 стр.
Спутник рабочего на 1924 г. Изд. „Прибой".
Срединский, С. Газетно-издательское дело. Изд. Гос. инст. журналистики. 1924.
Сторонев, Н. Г. О расстановке и нумерации книг в общедоступн. биб-теке. Госизд. Татреспуб. Казань, 1922.
Суздальцева, В., Рузернирова, Н. Отзывы о книгах по политработе в Кр. Армии. „К. Пр." 1922, № 2.
Труды 1-го Всероссийского Съезда библиотечн. работн. Красн. Армии и Флота. М. 1922. Изд. В. В. С. Р. 128 стр.
Тумим, Г. Г. Библиотека и книжное дело. Изд. „Начатки Знаний". Пгр. 1922, стр. 31.
Указатель литературы по антирелигиозной пропаганде. „Прол. Мысль" 1923, № 3—4.
Указатель литературы по антирелигиозной пропаганде. Изд. „Путь Просвещения". Харьков. 1923.
Указатель книг для библиот. фабрично-заводских предприятий и рабочих клубов. Составл. культ.-просв. отд. В. Ц. С. П. С. и семинарием библиотекарей по культработе в профсоюзах при 11 Доме Работников Просвещения, под руководством В. А. Невского. Изд. В. Ц. С. П. С. М. 1922, 35 стр.
Хлебцевич, Е. Библиотечная работа в Красной Армии. „К. Пр.", 1922, № 3, стр. 49.
Хлебцевич, Е. Наблюдения над умствен. развитием читателя. „К. Пр." 1922, № 6, стр. 81.
Чарнолуский, В. Запись чтения. Руководство для сознательного читателя с образцами записи прочитан. книг, выписок, конспект и пр.
Шафир, Я. Газета и деревня. Изд. „Красная Новь". Главпросв. М. 1923.
Эльский. Стенные газеты и их организация. Изд. М. Губ. Сов. Профсоюзов. М. 1924, стр. 61.
Южаков, В. Библиотечная статистика на основании правильной библиотечн. техники и годовая отчетность библиотек. Руководство для библиотекарей и районных и волостных инструкторов. Алтайск. Госизд. Барнаул, 1921, стр. 52.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

Агитпропаганда. Орг. агит.-проп. отд. ЦККП (б.) У. Харьков. С 1922.
Коммунистка. Ежемес. иллюстр. журн. Орг. Отд. ЦК РКП. М. Изд. „Кр. Новь".
Красная Печать. Двухнед. журн. М. Изд. „Кр. Новь".
Красный Библиотекарь. М. Изд. „Кр. Новь".
На путях к новой школе. М. Изд. „Работн. Просв".
Народный Учитель. Ежемес. журнал. М. Изд. „Работн. Просв.".
Политпросветработник. Ежемес. орг. Полит. Упр. Рев. Воен. Сов. М.
Помощь Самообразованию. Ежемес. журн. М. Изд. „Кр. Новь".
Путь Просвещения. Пед. журнал. Харьков.
Юный Коммунар. Орг. Ц. ККСМУ. Харьков.
Юный Пролетарий.

БИБЛИОТЕКА